МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«КЕМЕРОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ» (КемГУ)
Юридический институт

ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО. СПРАВЕДЛИВОЕ ГОСУДАРСТВО

XVII (XXIV) Международная научная конференция
студентов и молодых ученых
(26 апреля 2025 года)

Материалы конференции

Издатель:
Кемеровский государственный университет

© Авторы научных статей, 2025
© КемГУ, 2025
ISBN 978-5-8353-3371-4

Об издании – 1, 2, 3

Кемерово 2025

УДК 34 (063)
ББК Х.я431
П 68

Издаётся по решению Научно-технического совета Кемеровского государственного университета

Ответственный редактор:
Трезубов Егор Сергеевич, к. ю. н., доцент, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса, заместитель директора Юридического института Кемеровского государственного университета по научной работе

П 68 **Правовое образование. Гражданское общество. Справедливое государство:** материалы конференции**.** XVII (XXIV) Международная научная конференция студентов и молодых ученых (26 апреля 2025 года) / отв. ред. Е. С. Трезубов; Кемеровский государственный университет. – Электрон. дан. (объем 2,65 Мб). – Кемерово, 2025. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: Intel Pentium (или аналогичный процессор других производителей), 1,2 ГГц; 512 Мб оперативной памяти; видеокарта SVGA, 1280x1024 High Color (32 bit); 5 Мб свободного дискового пространства; операц. система Windows XP и выше; Adobe Reader. – Загл. с титульного экрана. – Текст: электронный.

ISBN 978-5-8353-3371-4

В сборник по итогам традиционной XVII (XXIV) Международной научной конференции вошли материалы студентов, молодых ученых, их научных руководителей, сотрудников правоохранительных органов и сотрудников юридических компаний по актуальным вопросам национального и международного права. Для студентов и аспирантов юридических вузов, институтов и факультетов, научных и практических работников, всех интересующихся современными проблемами развития права, актуальными вопросами теории и истории права, отраслей отечественного права.

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

УДК 34 (063)
ББК Х.я431

ISBN 978-5-8353-3371-4

© Авторы научных статей, 2025
© КемГУ, 2025

Текстовое электронное издание

Минимальные системные требования:

Компьютер: Intel Pentium (или аналогичный процессор других производителей), 1,2 ГГц; ОЗУ 512 Мб; 5 Мб свободного дискового пространства; видеокарта SVGA, 1280x1024 High Color (32 bit); привод CD-ROM

Операционная система: Windows XP и выше

Программное обеспечение: Adobe Reader

© Авторы научных статей, 2025
© КемГУ, 2025

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ВЗАИМНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНИНА

В. М. Головнина,
студент Юридического института
Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.
Научный руководитель: старший преподаватель
кафедры теории и истории государства и права Е. Л. Комиссарова.

Взаимная ответственность государства и гражданина – ключевой принцип в концепции правового государства, он выступает не только в качестве теоретической основы, но и в качестве практического механизма, который обеспечивает стабильность общества и государства и в то же время их динамичное развитие.

Конституция РФ, как основополагающий документ, определяет Россию как правовое государство (статья 1). Хотя само понятие правового государства в Конституции не раскрывается, его принципы – такие как приоритет права, обеспечение и защита прав и свобод человека и гражданина, взаимная ответственность государства и личности, разделение властей и другие – вытекают из смысла ее статей.

Основной закон закрепляет равноправие и взаимную ответственность гражданина и государства. Статьи 2 и 18 провозглашают человека, его права и свободы высшей ценностью, а также обязывают государство признавать, соблюдать и защищать эти права. Соответственно, деятельность государственных органов должна основываться на этих принципах. Нарушение установленного порядка влечет юридическую ответственность. Примерами таких нарушений являются сокрытие информации, создающей угрозу жизни и здоровью людей (статья 41), незаконные действия или бездействие государственных органов (статьи 46, 53), злоупотребление властью (статья 52), государственная измена или иное тяжкое преступление, совершенное Президентом РФ (статья 93), и преступления, совершенные сенаторами или депутатами Государственной Думы (статья 98). Конституция также предусматривает юридические последствия этих деяний, которые могут включать меры юридической ответственности для должностных лиц (статьи 41 (ч.3) , 52, 53), отмену незаконных решений (статья 46), признание нормативных актов либо их отдельных положений неконституционными, утрата ими юридической силы (статья 125, ч.6), отрешение Президента от должности (статья 93, ч.1), лишение неприкосновенности депутатов и сенаторов (статья 98), отставку Правительства или роспуск Государственной Думы (статья 117), прекращение или приостановление полномочий судей (статья 121).

Охрана прав и свобод граждан, гарантированная Конституцией РФ, не означает абсолютной свободы. Как и государство, человек ограничен в своих действиях и поступках рамками закона. Статья 15 обязывает граждан и их объединения соблюдать правовые нормы, нарушение которых влечет за собой юридическую ответственность. Принцип равенства перед законом и судом, закрепленный в статье 19, означает равную ответственность перед государством. Кроме того, ряд статей (38, 43, 44, 57-59) закрепляют конкретные обязанности граждан, такие как забота о детях и нетрудоспособных родителях, сохранение культурного наследия, уплата налогов и защита природы, а также несение воинской обязанности. Неисполнение этих обязанностей влечет за собой юридические последствия.

Завершая рассмотрение статей Конституции РФ, устанавливающих принцип взаимной ответственности государства и гражданина, можно заключить следующее: в Российской Федерации на базе Основного закона закрепляется фундаментальный конституционный принцип правового государства. «И он является не идеей, не декларацией, а реальным средством регулирования общественных отношений, так как устанавливает возможность применения ответственности в отношении конкретных субъектов: как к государству, так и к отдельной личности, а в ряде случаев закрепляет и процедуры ее применения»[1].

Теперь, когда нами рассмотрены правовые, а именно конституционные основы принципа взаимной ответственности государства и гражданина, перейдём к выявлению проблем реализации данного принципа. В процессах реализации взаимной ответственности в социально-правовых реалиях нынешней России, к сожалению, наблюдается явный перекос, то есть дисбаланс, при котором доминирует ответственность именно индивида перед государством и его институтами. В то же время, многие нормы, регулирующие статус органов государственной власти и должностных лиц, не обеспечены действенными санкционными механизмами. Всё это приводит к нарушению и других ключевых принципов – принципа равенства всех перед законом и ограниченности действий государственной власти правовыми нормами. Примечательно, что в доктринальных подходах к определению правового государства (в отличие от неправового) подразумевается ответственность только государства перед гражданином. Этот аспект, по мнению ряда исследователей, таких как С.А. Жинкин и М.Л. Прохорова, отличает правовое государство от неправового, поскольку ответственность граждан имеет место в любом государстве. Указанные авторы также предлагают метод решения проблемы одностороннего обязывания путём наличия зрелого гражданского общества и развитых его институтов[2].

Анализ современной государственно-правовой практики реализации принципа взаимной ответственности государства и личности выявляет существенное расхождение между теоретическими положениями и их фактическим воплощением. В рамках правоотношений «государство-гражданин» в условиях современной России наблюдается устойчивая асимметрия, при которой именно первый субъект в подавляющем большинстве случаев юридически доминирует над вторым. Подобная ситуация наводит нас на мысль о том, что в таких правоотношениях невозможно реализовать модель равной взаимной ответственности. К сожалению, до настоящего времени не создано действенных правовых механизмов, которые были бы способны стабильно обеспечивать и надежно гарантировать это равенство. Данный пробел в праве исключает возможность реализации модели равной взаимной ответственности [3].

Особого внимания в контексте взаимной ответственности заслуживает концепция Т.Н. Довбуша. Он утверждает, что ответственность государственных органов не должна сводиться только к ответственности за причиненный ущерб. Важным элементом является принцип субсидиарности, согласно которому проблемы необходимо решать на самом низовом уровне, максимально приближенном к гражданам, что обеспечивает большую эффективность. Автор различает ответственность, возникающую при осуществлении властных полномочий, и ответственность, связанную с гражданской правосубъектностью публичных образований. При этом он считает, что «стандартные меры гражданско-правовой ответственности, такие как возмещение убытков и взыс-

[1] Дуэль В. М. К вопросу о закреплении принципа взаимной ответственности государства и личности в Конституции Российской Федерации // Социально-политические науки. 2019. №3. С. 48.

[2] Жинкин С.А., Прохорова М.Л. Актуальные проблемы реализации принципа взаимной ответственности государства и личности в современной России // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2024. № 2. С. 390.

[3] Дуэль В. М. К вопросу о закреплении принципа взаимной ответственности государства и личности в Конституции Российской Федерации // Социально-политические науки. 2019. №3. С. 48.

кание неустойки, не позволяют в полной мере реализовать принцип взаимной ответственности в правовом государстве»[1].

«Необходим эффективный механизм привлечения к ответственности органов государственной власти, иных публичных образований за нарушение прав и законных интересов граждан, за причинение вреда, вызванного неправомерными действиями государственных органов и должностных лиц»[2]. Схожей позиции придерживается Н.М. Колосова. Она считает, что в правовом государстве должны функционировать специализированные государственные и общественные институты, должны быть внедрены процедурные механизмы привлечения к ответственности представителей высших органов власти[3]. В качестве инструментов решения проблемы и совершенствования реализации рассматриваемого принципа Н.М. Колосова предлагает свои способы решения, такие как: активизация нормотворческой деятельности на региональном уровне и усиление роли институтов гражданского общества.

На основе вышеизложенных проблем выделяют ещё и проблему реализации принципа взаимной ответственности государства и личности при осуществлении правосудия. Например, К. А. Бабаджанян и Л. В. Бойцова приходят к консенсусу, говоря о том, что в управленческой и судебной практике государство часто уходит от ответственности[4]. По справедливому замечанию М. Н. Марченко, это, прежде всего, «проблема отсутствия действенных механизмов привлечения к ответственности государства, государственных органов или чиновников за свои деяния, причиняющие вред гражданам»[5]. Указанная проблема обусловлена злоупотреблением правом, которое, по мнению О. Н. Барминой, представляется как «совершение деяния управомоченным субъектом при реализации права с наличием заведомо недобросовестной цели обхода закона и причинения вреда правам и интересам другого лица»[6]. В этом случае государство несет материальную ответственность перед личностью за причинение ей вреда.

Особую сложность представляет вопрос привлечения к ответственности судей. Как отмечает Д. В. Вершинина, «несовершенство правовых конструкций делает невозможным или весьма затруднительным привлечение представителей правосудия к определенным видам ответственности»[7]. Действующее законодательство, в частности ст. 12.1 Закона РФ «О статусе судей в Российской Федерации» содержит диспозитивную норму о возможности наложения дисциплинарного взыскания, иными словами в данной правовой норме прямо не предписывает обязательного привлечения судьи к дисциплинарной ответственности (излагается как «может быть наложено дисциплинарное взыскание»), с связи с чем возникает возможность уклонения от ответственности представителей судебной власти. Поэтому учеными и практиками обоснованно предлагается закрепить в законодательстве положение об ответственности судьи и о воз-

---

[1] Пирбудагова В.И. Государство как гарант реализации принципа взаимной ответственности государства и гражданина в Российской Федерации // Вестник Дагестанского государственного университета. 2012. Вып.2. С. 39.

[2] Довбуш Т.Н. Принципы правового государства и механизмы их реализации (теоретико-правовой аспект). - СПб., 2005. С. 16.

[3] Пирбудагова В.И. Государство как гарант реализации принципа взаимной ответственности государства и гражданина в Российской Федерации // Вестник Дагестанского государственного университета. 2012. Вып. 2. С 39.

[4] Бабаджанян К. А. Ответственность государства перед личностью как принцип правового государства // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2012. №3 (85). С. 40.

[5] Марченко М. Н. Проблемы общей теории государства и права: учебник в 2-х т. – М.: Проспект, 2015. Т. 1: Государство. С.397.

[6] Бармина О. Н. О злоупотреблении правом // Вестник Вятского государственного университета. Право. 2011. № 4-1. С.110

[7] Вершинина Д. В. О гражданско-правовой ответственности судей за причинение вреда при отправлении правосудия в Российской Федерации // Вестник Омского университета. Сер. Право. 2010. №1 (22). С. 73

мещении им вреда, причиненного в результате вынесения незаконного приговора, решения или иного судебного акта, явившегося следствием заведомости или судебной ошибки, связанной с некомпетентностью судьи. Так, данное предложение предполагает, что «возмещение вреда должно осуществляться независимо от формы вины судьи, что признание судебного акта незаконным влечет необходимость установления его правовой природы и что должна быть определена степень мотивированности судьи при принятии оспариваемого решения. Реализация такого подхода позволит усовершенствовать механизмы ответственности в судебной системе»[1].

Анализируя данную тему, следует обратить внимание ещё на ряд проблем реализации взаимной ответственности государства и гражданина. К таким проблемам стоит отнести проблему коррумпированности органов государственной власти. Подобная теневая сторона препятствует эффективному осуществлению рассматриваемого нами принципа правового государства посредством подрыва доверия граждан к институтам власти, искажения принципа равенства всех перед законом и судом. Такие коррупционные практики как непотизм и кумовство приводят к тому, что государственные должности занимают некомпетентные, неграмотные лица, лояльные к вышестоящему руководству, а не профессионалы, действующие в интересах общества и на благо ему. Вымогательство и дача взяток, как ещё одна коррупционная практика, делает невозможным справедливое и равное взаимодействие гражданина и государства. Вся ситуация усугубляется ещё тем фактом, что отсутствуют действенные механизмы контроля за доходами чиновников и их расходами, что, в свою очередь, позволяет им уклоняться от ответственности даже при явных признаках незаконного обогащения. В результате, граждане воспринимают государство не как партнера, а как оппонента, что снижает их готовность соблюдать свои обязательства.

Еще одной серьезной проблемой реализации взаимной ответственности государства и гражданина является недобросовестное исполнение обязанностей представителями власти, то есть халатность. Бездействие чиновников в ответ на запросы граждан, затягивание рассмотрения жалоб, отказ в предоставлении информации, а также неэффективная система наказаний за должностные правонарушения (применения к ним только лишь дисциплинарных взысканий, а не реальной уголовной или административной ответственности) проводит к тому, что в стране снижается уровень правовой культуры посредством того, что у граждан складывается впечатление о безнаказанности органов власти. Это, в свою очередь, нарушает принцип взаимности: если государство не выполняет свои обязательства перед гражданами, то и граждане теряют мотивацию соблюдать свои обязанности перед государством.

Как бы это не звучало абсурдно, но существует проблема юридической неграмотности отдельных представителей власти. Несмотря на обязательные требования к профессиональной подготовке государственных служащих, на практике отдельные должностные лица демонстрируют недостаточное знание законодательства, неправильное применение норм материального и процессуального права при рассмотрении юридического дела и вынесении правоприменительного решения. В итоге, у граждан снижается готовность участвовать в правоотношениях с государством.

В вышеизложенном обосновании проблемы реализации взаимной ответственности государства и гражданина особое внимание было уделено именно перекосу, дисбалансу, при котором доминирует ответственность именно индивида перед государством в связи с тем фактом, что существуют частые случаи уклонения органов государственной власти от ответственности. Но также нужно сделать акцент на том, что на са-

[1] Береславская А. М. Проблема реализации принципа взаимной ответственности государства и личности при осуществлении правосудия // Актуальные проблемы юриспруденции: публично-правовые проблемы / Сборник по материалам VIII Всероссийской научно-практической конференции. Симферополь, 2023. С. 45

мих гражданах тоже лежит ответственность за возникающие проблемы реализации данного правового принципа. Сами граждане не исполняют возложенных на них государством обязанностей. Они могут уклоняться от налоговых обязательств путём сокрытия своих доходов, работы без официального трудоустройства и др., не выполнять алиментные обязательства. Граждане – представители мужского пола уклоняются от воинской службы через использования незаконных отсрочек, путём выезда за границу для избежание призыва, подделки медицинских документов. Также среди граждан, что не мало важно, распространён правовой нигилизм, проявляющийся в несоблюдении законодательства, примерами могут стать нарушения ПДД, осуществление незаконных построек, уклонение от административной ответственности. Таким образом, сами граждане, требуя от государства справедливого ответа за свои действия, избегают ответственности за собственные поступки.

Итак, на основании проведенного анализа можно сделать вывод, что ответственность государства перед личностью имеет сложную и многогранную природу. Недостаточно рассматривать ее исключительно как обязательство по возмещению ущерба, причиненного действиями государственных органов. Этот принцип должен пониматься как комплексный правовой институт, предполагающий совместную ответственность государства и общества в ключевых сферах: формирование и поддержание баланса социальных интересов, обеспечение устойчивого экономического развития, ориентация общественной модели на социальные нужды, создание механизмов справедливого разрешения социальных конфликтов[1].

Также стоит отметить, что в теории принцип правового государства предполагает честное и добросовестное партнерство, однако на практике часто наблюдается асимметрия в правоотношениях, когда обязательства одной стороны оказываются неравноценными обязательствам другой.

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ СТРУКТУРЫ НОРМЫ ПРАВА

М. А. Пронина,
студент Юридического института
Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.
Научный руководитель: старший преподаватель каф
едры теории и истории государства и права Е. Л. Комиссарова.

Правовую норму можно охарактеризовать как исходный элемент, базовое звено, из которого строится право в целом. Без понимания, как формируется этот исходный элемент, какое строение имеет он сам, сложно охарактеризовать более крупное структурное образование – систему права. Правовая норма упорядочена внутри, имеет в своём составе определённые элементы, связанные друг с другом. Вопрос о структуре нормы права, в том числе количестве элементов структуры, является дискуссионным. В центре дискуссии находятся две концепции: **логическая норма** (традиционная трехзвенная модель) и **норма-предписание** (двухэлементная структура). Разделение этих понятий позволяет учесть как теоретико-методологические аспекты права, так и его практическое воплощение.

Один из авторитетных теоретиков права С.С. Алексеев определял логическую норму как «выявляемое логическим путем общее правило, которое воплощает органические связи между нормативными предписаниями и обладает полным набором

[1] Жинкин С.А., Прохорова М.Л. Актуальные проблемы реализации принципа взаимной ответственности государства и личности в современной России // Ученые записки Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского. Юридические науки. 2024. № 2. С. 392.

свойств, раскрывающих их государственно-властную, регулятивную природу»[1]. Структура логической нормы строится из инвариантной связи трёх элементов – гипотезы, диспозиции и санкции, которая обеспечивает функционирование правовой нормы, выражая её природу и сущность. Гипотеза содержит условия применения нормы, жизненные обстоятельства, требующие урегулирования. Диспозиция – само правило поведения, определяющее субъективные права и юридические обязанности сторон. Санкция – часть, содержащая меру ответственности, возникающую за несоблюдение нормы права. Достаточно сложно найти в каком-либо нормативном правовом акте норму, имеющую именно такую структуру. Не всегда статья нормативного правового акта соответствует полному содержанию правовой нормы. Однако, по мнению многих авторов, такое нормативное предписание входит в ту или иную часть логической нормы в процессе анализа, синтеза и осмысления формально закреплённого юридического материала. Только подобная выводимая логическим путём схема правовой нормы может обеспечить её правильное понимание и реализацию как лицами, на которых направлено действие нормы, так и субъектами правоприменения. Отсюда следует, что «под структурой нормы права понимается только логическая обусловленность названных трех элементов независимо от того, где и как они изложены. Не может быть норм права, лишенных правил, условий их применения и не обеспеченных государственной охраной. Только в этом и состоит смысл признания трех элементов у каждой правовой нормы»[2]. Особое значение логическая структура имеет для специализированных норм, таких как нормы-дефиниции, в которых нельзя с уверенностью выделить гипотезу, диспозицию и санкцию. Мы понимаем эти нормы в совокупности с другими юридическими предписаниями, чтобы придать специализированным нормам общеобязательность и нормативность. Иначе может сложиться впечатление, что норма не обладает регулятивностью или что правовые нормы состоят из теоретических положений, нетипичных предписаний и т. д. Из этого можно сделать вывод, что части логической нормы чаще всего содержатся в разных статьях нормативного правового акта, а иногда и в статьях разных нормативных актов.

Такая точка зрения на структуру нормы права подвергается критике, в том числе по той причине, что «надобность в системно-логическом толковании права, в результате которого конструируются все три элемента правовой нормы, возникает при решении юридических споров, при применении правовых норм или при подготовке и принятии новых нормативных актов, но не при обычном для повседневного обихода определении ближайших юридических результатов тех или иных поступков и обстоятельств в повседневном обиходе»[3]. Действительно, в таком случае выделение трёхчленной структуры правовой нормы усложняет её реализацию – соблюдение, исполнение и использование. Также отмечается, что в отечественном законодательстве проблематично найти статью, в которой соединялись бы все три элемента, тогда как текстов, состоящих из двух элементов, построенных с помощью формулы «если – то», мы видим предостаточно. Это замечание многие учёные пытались опровергнуть. Например, В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев и А.Ю. Мамычев, проанализировав ст. 322 Уголовного Кодекса РФ «Пересечение Государственной границы Российской Федерации без действительных документов на право въезда в Российскую Федерацию или выезда из Российской Федерации либо без надлежащего разрешения…наказывается штрафом, либо принудительными работами, либо лишением свободы…», определили в ней все три элемента, выраженных таким образом: «если мы захотим осуществить перемещение через Государственную границу РФ, то нам необходимо для этого иметь соответ-

[1] Алексеев С.С. Общая теория права. В двух томах. М.: Юрид. лит., 1982. Т. 2. С. 42.

[2] Там же. С 57.

[3] Лейст О.Э. Нормы права // Проблемы теории государства и права: учебник / под ред. М.Н. Марченко. - М.: Юристъ, 2002. С. 601.

ствующее разрешение и необходимые (установленного образца) документы, иначе мы подвергнемся наказанию в виде конкретного штрафа, либо лишению свободы на определенный срок»[1]. Можно сказать, что структуру одной и той же нормы зачастую определяют по-разному, где-то объединяя элементы, где-то разделяя их. В том числе поэтому и существуют разные взгляды на количество элементов нормы. Насчёт обязательности всех трёх структурных элементов также ведутся споры. Интересна точка зрения известного русского ученого Н.М. Коркунова, который не признавал санкцию в качестве составной части структуры нормы права, так как не считал государственное принуждение ведущим свойством правовой нормы. Предписания, содержащие принудительные меры, он относил к отдельному виду норм права[2]. Мнения о необязательном наличии санкции правовой нормы с современной науке придерживается Л.А. Голубева, обосновывая это тем, что диспозиция может соблюдаться не только под угрозой наказания, но и исходя из моральных, этических или религиозных ценностей. Ещё одним доказательством справедливости такого мнения автор считает тот факт, что, если диспозиция нормы не нарушается, то санкция в таком случае не применяется и, соответственно, оказывается ненужным звеном[3]. Такой подход не может рассматриваться по отношению к логической норме, так как она осуществляет наиболее полное регулирование правоотношения, рассматривая возможный вариант поведения, отклоняющийся от предписанного.

Существует иная позиция, говорящая о том, что «для возникновения правоотношения достаточно двух элементов: а) указание на определенные юридически значимые обстоятельства; б) указание на те правовые последствия, которые эти обстоятельства вызывают»[4]. Норма-предписание –это исходное, установленное государством нормативное веление, имеющее завершённый характер и выраженное в тексте правового акта[5]. Норму-предписание можно назвать первичной клеточкой правового регулирования, выполняющей свои задачи и цели, поэтому трёхчленная структура, выявляемая в логической норме, ей не свойственна. Структура норм-предписаний отражает главное, для чего создано первичное звено нормативной системы, — регулирование поведения людей путём установления конкретных, точных правил. Для такого ясного изложения установленной модели поведения выделяется следующая структура. Первым элементом выступает гипотеза – часть, выражающая условия, при которых норма начинает действовать. Второй элемент - диспозиция либо санкция, которые указывают на то, какие последствия следуют из условий, предусмотренных нормой. Диспозиция появляется в регулятивных нормах, устанавливая субъективные права и юридические обязанности сторон правоотношения. В охранительных нормах эта вторая часть называется санкцией и определяет меры воздействия государства на правонарушителя. Чаще всего норма-предписание целостно выражается в какой-либо части нормативно-правового акта. Разделение нормы-предписания и распределение её по разным статьям противоречит её сути. Однако нельзя рассматривать статью и норму-предписание как одно целое. Норма-предписание представляет собой содержательную составляющую, тогда как статья является её внешним выражением. Следовательно, нужно рассматривать норму права и статью или иную часть нормативного правового акта как соотносящиеся, соответствующие понятия, но не как равнозначные, тождественные. Также важно отметить наличие связи между разными нормами-предписаниями. Регу-

[1] Любашиц В.Я. Теория государства и права : учебник / В.Я. Любашиц, А.Ю. Мордовцев, А.Ю. Мамычев. - Ростов н/Д. : Феникс, 2019. С. 453.

[2] Коркунов Н. М. Лекции по общей теории права. - СПб.: Н. К. Мартынов, 1907. С 134.

[3] Голубева Л. А. Соотношение логической и реальной структуры нормы права: к мифу о позитивных санкциях// Журнал правовых и экономических исследований. 2022. № 2. С 34.

[4] Кожевников В. В. О структуре норм права: логических, норм-предписаний, специализированных // Правоприменение. 2021. №2. С. 49.

[5] Алексеев С.С. Общая теория права. В двух томах. Т. 2. - М.: Юрид. лит., 1982. С. 49.

лятивные нормы взаимодействуют с охранительными. Это объясняется их взаимодополнением, одни нормы устанавливают правила поведения, другие обеспечивают их исполнение, охраняют их. В итоге эти виды норм рассматриваются в совокупности и составляют логическую норму. Более того, зачастую «с несколькими регулятивными нормами-предписаниями соотносится одна охранительная норма, которая изначально выступает в виде самостоятельного предписания, а в рамках логических норм присоединяется то к одному, то к другому регулятивному предписанию»[1].

Структурная организация правовых предписаний в формате двух ключевых элементов играет принципиальную роль как в правовой теории, так и в юридической практике. Данная модель адекватно отражает текущую стадию эволюции правовой системы, учитывая специализацию нормативного содержания и распределение функций между элементами. Применение двухчастной структуры позволяет достоверно выделять в каждой норме только те части, которые действительно в ней есть, что создает основу для детализированного, системного исследования законодательных положений. Практическая значимость этой концепции проявляется в деятельности правоприменительных органов. Ее реализация требует от юристов при анализе конкретных норм сохранять системные связи с правовым массивом, одновременно фиксируя: 1) фактические основания для применения нормы; 2) порождаемые ей правовые последствия. Такой метод интерпретации обеспечивает многомерное толкование юридических текстов, исключая упрощенные трактовки и формируя непротиворечивое понимание предписаний. Таким образом, данная концепция служит инструментом для структурированного анализа, способствуя эффективному применению норм права в реальных условиях. Она подчеркивает необходимость целостного восприятия правовых текстов при сохранении внимания к их внутренней логике и функциональной специфике.

Логическая норма и норма-предписание хотя и предполагают разное понимание структуры правовой нормы и отличаются по способам её применения субъектами права, должны рассматриваться во взаимосвязи и взаимодополнении. Норма-предписание представляет собой целостное государственное веление, регламентирующее отдельный аспект правового регулирования. Логическая же норма отражает системную взаимосвязь конкретных предписаний, демонстрируя их принудительно-регулятивную природу и функциональную значимость. Если первая фиксирует четкие предписания по конкретным вопросам, то вторая раскрывает их согласованность, обеспечивая единство правового воздействия и подчеркивая нормативно-регулирующие свойства системы в целом. Взаимодействие этих элементов формирует целостность правовой нормы, сочетая конкретику отдельных предписаний с системной логикой их применения. Это позволяет не только детализировать правовые механизмы, но и обеспечивать их непротиворечивость в рамках общей юридической структуры.

Некоторые авторы идут дальше и выделяют несколько отдельных структур для правовых норм разного вида. Такое разделение они объясняют тем, что логическая норма и норма-предписание не соответствуют базовым принципам правового регулирования. М.Д. Горбунов обосновывает несовершенство логической нормы тем, что её структура сводит все нормы права к виду обязывающих, предполагая главной целью нормы – установление обязанностей. При этом другие цели регулирования в логической норме не отражаются. Так же в копилку недостатков этой модели автор относит её противоречие принципам доступности, формальной определённости нормы права, ведь логическую структуру можно выявить только путём анализа, осмысления правовых предписаний[2]. Но и норма-предписание имеет свои минусы, в некоторых случаях

[1] Алексеев С.С. Общая теория права. В двух томах. Т. 2. - М.: Юрид. лит., 1982. С. 60.

[2] Горбунов М. Д. Фактическая структура норм права: альтернативная позиция // Вестник Российского университета кооперации. 2023. № 2(52). С.67.

только предполагая наличие структурного элемента, который отсутствует в реальности, но исходит из смысла нормы. Автор предлагает для каждого вида норм – управомочивающей, обязывающей и запрещающей – выделять собственную структуру, однако всё-таки состоящую из трёх звеньев. Для управомочивающей нормы гипотеза включает в себя юридический факт, обусловливающий наличие права; диспозиция – само субъективное право; санкция выступает в качестве позитивного последствия осуществления права. Гипотеза в обязывающей норме указывает на обстоятельства, при которых на лицо налагается обязанность; диспозиция нормы выражает обязательное активное или пассивное поведение; санкция – последствия, наступающие в случае совершения лицом действий, не соответствующих диспозиции. В запрещающей норме гипотезой прописывается, на каких лиц и в какой ситуации распространяется действие нормы; диспозиция является негативной, то есть описывает действия, которые совершать запрещено; санкция предусматривает ответственность в случае осуществления действий, указанных в диспозиции. Однако, такая позиция больше описывает идеальную ситуацию, ведь на практике не во всех перечисленных видах норм права можно отчётливо разглядеть представленную структуру. Например, в тех же уголовно-правовых запрещающих нормах особенной части, если исходить из их выражения в статьях, текстуально можно найти только диспозицию и санкцию, а гипотеза же будет подразумеваться общей частью.

Если попытаться свести все нормы к трёхчленной структуре, то могут потеряться значительные части содержания нормы, не вписывающиеся в логическую структуру, что приведёт к обеднению системы права и неполному урегулированию правоотношений. Например, статья 139 Семейного Кодекса РФ и статья 155 Уголовного Кодекса РФ в форме логической нормы могут звучать таким образом: «Если ребёнок был усыновлён, то лица, осведомлённые об этом, обязаны сохранять тайну усыновления, иначе они будут привлечены к ответственности в форме уплаты штрафа, осуществления исправительных работ и т.д.». Однако, при такой интерпретации теряются важные моменты, такие как охрана законом тайны усыновления (первый абзац ч. 1 ст. 139 СК РФ), нарушение тайны из низменных побуждений (первый абзац ст. 155 УК РФ) и раскрытие тайны против воли усыновителя (ч. 2 ст. 139 СК РФ). Все эти детали являются важными, мы не можем выкинуть их из поля правового регулирования, ведь тогда нормы станут неполными, урезанными. Мы видим, что, рассматривая все нормы только через призму логической структуры, можно лишиться важных для правового регулирования уточнений, без которых нельзя наиболее точно понять нормативные предписания. Но и невозможность составить логическую норму из содержания отдельных статей, затрагивающих тот или иной вопрос, говорит о неполноценности правового регулирования в этой сфере, недоработку законодателя. Право регулирует разные стороны жизни общества, проявляет себя в разных формах, что можно заметить, в том числе, по огромному множеству классификаций правовых норм. Именно поэтому к вопросу о структуре норм права нельзя подходить обобщённо и категорично. На наш взгляд, отправными, базовыми понятиями для уяснения структуры каждой отдельной нормы являются гипотеза, диспозиция и санкция, которые могут складываться как в логическую норму, так и в норму-предписание. Таким образом, мы приходим к выводу о том, что логическую норму и норму-предписание необходимо рассматривать не в отрыве друг от друга, а совместно, изучая их параллельно, так как они раскрывают разные стороны и характеристики нормы права. Логическая норма показывает волю законодателя, государственно-принудительный характер права, тогда как норма-предписание фактически детализированно раскрывает реальное правило поведения. Для грамотного правоприменения и дальнейшего развития системы права необходимо учитывать оба этих подхода.

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОСОЗНАНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

М. А. Сизикова,
студент Юридического факультета Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники, г. Томск.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент кафедры государственно-правовых дисциплин и правоохранительной деятельности А. В. Баранов.

В настоящее время использование сети «Интернет» и других компьютерных технологий является необходимым условием для обеспечения полноценной жизни человека. Действительно, цифровое пространство охватывает практически все сферы жизни общества: правовое регулирование, трудовую деятельность людей, получение государственных услуг, а также значительно видоизменяет общение. Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации отмечает, что в среднем российские пользователи проводят в интернете около четырех часов в день, однако, в младших возрастных группах этот показатель превышает шесть часов в день[1].

Стремительное развитие цифровых технологий, как и любое иное явление в жизни общества опосредуется человеческим сознанием. Отражаясь в сознании отдельного индивида, группы людей, или общества в целом, явления получают положительную или отрицательную оценку.

Следует отметить, что формой выражения осознания и оценки права и государственно-властных явлений выступает правосознание. В.С. Нерсесянц под правосознанием предлагал понимать форму осознания права как специфического явления социальной действительности[2]. В качестве одного из видов группового правового сознания, необходимо выделить правосознание несовершеннолетних граждан, которое является еще формирующейся системой представлений и чувств, выражающих отношение к действующему или желаемому праву. Узость личного правового опыта, наличие специфического (подросткового) набора ценностей, стандартов, образцов поведения, психологическая незрелость и психическая неустойчивость, неопределенность социальной позиции, низкий уровень внутреннего самоконтроля и ответственности, являются специфическими признаками данного вида правового сознания[3].

С раннего возраста дети активно используют электронные технологии для удовлетворения своих потребностей. Виртуальное пространство значительно изменило структуру деятельности несовершеннолетних. Соответственно, электронные системы и сервисы могут оказывать существенное влияние на поведение детей и подростков, а также на формирование представлений и чувств о праве следующим образом:

- Развитие электронных библиотек. Обеспечение доступности правовой информации является залогом успешного развития правового государства. Электронные библиотеки имеют все необходимые ресурсы для реализации данного направления. Размещение актуальных научно-исследовательских работ, учебных пособий, а также привлечение несовершеннолетних к использованию данных ресурсов в учебной, твор-

[1] Интернет в России в 2022-2023 годах: состояние, тенденции и перспективы развития. Отраслевой доклад. М.: Дизайн-студия RE-FORM, 2023. С. 26.

[2] Нерсесянц В.С. Теория права и государства. Краткие учебные курсы юридических наук - М.: Норма, ИНФРА-М., 2013. С. 72.

[3] Жуковская Н.Ю. Правосознание и правовая культура несовершеннолетних: понятие, особенности и психолого-педагогические аспекты формирования // Правовая культура. 2017. № 4 (31). С. 60.

ческой и иной деятельности, является залогом формирования наиболее полноценных знаний о праве.

- Развитие образовательных сервисов. Появление электронных образовательных центров, онлайн-репетиторов и других образовательных технологий способствует доступности получения информации не только о правовых, но и других явлениях.

В частности, образовательная среда «Российская электронная школа» создана с целью обеспечения массового использования дидактических и методических образовательных ресурсов в образовательной деятельности всеми участниками образовательных отношений[1]. В 2024 году на платформе зарегистрировались 526,3 тыс. учеников. В «Российскую электронную школу» входит курс по праву, который доступен каждому пользователю. Данный курс включает в себя видео-уроки, конспекты и тестирования. Таким образом, развитие образовательных технологий обеспечивает доступность правовой информации не только для детей и подростков, но и для взрослых граждан.

Однако влияние цифровизации на правосознание несовершеннолетних не всегда носит позитивный характер. По мнению Т.Ю. Смоловой, находящееся в стадии формирования правовое сознание несовершеннолетних, подвержено деформациям, которые обусловлены различными факторами[2]. К данным факторам следует отнести:

- Развитие электронных игровых сервисов. Компьютерная игра – это компьютерная программа, служащая для организации игрового процесса, связи с партнёрами по игре, или сама выступающая в качестве партнёра. В настоящее время, компьютерные игры являются ключевой формой досуга несовершеннолетних. Сюжет компьютерной игры в совокупности с количеством часов, проведенных перед монитором, дает результат – поведение героев и даже их речь, становятся естественными для ребенка, и он воспринимает это как план для подражания в действительности[3]. А удельный вес криминальной наполненности современного игрового пространства формирует при подражании преступный стиль мышления, а также ложные представления о действии права.

Несмотря на то что игры, содержащие сцены насилия, имеют возрастные ограничения, несовершеннолетние все же получают доступ к ним, путем указания неверного возраста при загрузке игры. Взрослый, сформировавшийся человек, в отличие от ребенка, способен критически анализировать полученную информацию, отделять виртуальную реальность от действительности. В связи с этим, необходимо создание иных механизмов определения возраста и закрепление данных способов на законодательном уровне.

- Несоответствие информации в сети «Интернет» действительности. Наиболее быстрым и популярным способом получения информации у молодежи выступает сеть «Интернет». Однако, не вся публикуемая информация соответствует действительности. Основная задача данных сведений – вызвать общественный резонанс. Кроме того, фейки часто применяются для дискредитации политических деятелей, создания массовых беспорядков, легализации провокационной деятельности экстремистов. Ввиду распространенности фейковых сведений, отсутствия достаточного жизненного опыта и сформировавшегося критического мышления у детей и подростков, сознание несо-

[1] О проекте // Российская электронная школа [Электронный ресурс]. URL: https://resh.edu.ru/about (дата обращения: 09.02.2025).

[2] Смолова Т.Ю. Правосознание несовершеннолетних: Теоретико-правовой аспект: автореф. дис. … канд. юрид. наук. - Саратов. 2006. С. 10.

[3] Канашина О.А. Влияние СМИ и компьютерных игр на формирование девиантного поведения у несовершеннолетних // Актуальные проблемы уголовного права, криминологии, уголовно-исполнительного права: Межвузовский сборник научных трудов. - Самара: Самарский государственный университет, 2012. С. 206.

вершеннолетних, активно использующих цифровые технологии, наполняется представлениями о праве, не всегда соответствующими действительности.

- Кибермошенничество. Ежегодный опрос, проводимый Центральным Банком России, показал, что в 2023 году 4 из 10 респондентов становились жертвами мошенников в виртуальной среде[1]. В 2024 году с кибермошенничеством столкнулся каждый 3-й из 10 респондентов[2]. Президент Российской Федерации на заседании коллегии МВД обратил внимание на то, что ущерб от киберпреступлений в 2024 году составил 200 млрд. рублей. Кроме того, Глава государства заявил о снижении уровня раскрываемости киберпреступлений[3].

Стать жертвой мошенничества может любой человек, и ребенок в том числе. Мошенники пользуются тем, что оказать влияние на несовершеннолетнего значительно проще. В частности, дети, желая приобрести игровую валюту, переводят мошенникам денежные средства с банковских карт родителей, а также предоставляют данные для оформления кредитов[4]. За последний год жертвами данной схемы мошенничества стали дети из: Новосибирска, Томска, Челябинска, Магнитогорска и Перми[5].

Таким образом, подростковый возраст является важным этапом в становлении личности. В данный период, под влиянием различных факторов, у несовершеннолетнего формируется система взглядов и убеждений.

Следует отметить, что электронные технологии оказывают неоднозначное влияние на правосознание детей и подростков. Существует множество систем и сервисов, обеспечивающих доступ к правовой информации, и, соответственно, способствующих формированию полноценных знаний о праве. Однако, компьютерные технологии оказывают также и негативное воздействие на несовершеннолетних. В условиях цифровизации общества необходимо реализовывать меры противодействия распространению фейковой информации. Кроме того, для формирования полноценных знаний о праве, важно уделить внимание правовой грамотности несовершеннолетних. Представляется необходимым введение в начальном образовании внеурочных занятий, посвященных праву.

---

[1] Кибермошенничество: портрет пострадавшего // Центральный банк Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/statistics/information_security/cyber_portrait/2023/ (дата обращения: 05.03.2025).

[2] Кибермошенничество: портрет пострадавшего // Центральный банк Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/statistics/information_security/cyber_portrait/2024/ (дата обращения: 05.03.2025).

[3] Ущерб от киберпреступлений в 2024 году составил порядка 200 млрд. рублей // Сетевое издание «Коммерсантъ» [Электронный ресурс]. URL: https://www.kommersant.ru/doc/7552645 (дата обращения: 05.03.2025).

[4] Девочка в Томске перевела мошенникам 460 тыс. руб. за валюту в Roblox // Региональное информационное агентство Томск [Электронный ресурс]. URL: https://www.riatomsk.ru/article/20250113/rebenok-roblox-moshennichestvo-tomsk/ (дата обращения: 05.03.2025).

[5] Детские игры обернулись миллионными кредитами для родителей // Сетевое издание «74.РУ» [Электронный ресурс]. URL: https://74.ru/text/criminal/2024/08/03/73894979/ (дата обращения: 14.04.2025); Дочь пермячки играла в Roblox и перевела мошенникам почти 180 тысяч // Сетевое издание «59.РУ» [Электронный ресурс]. URL: https://59.ru/text/criminal/2025/01/14/74984672/ (дата обращения: 14.04.2025).

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

ПРАВО НА ЖИЗНЬ В СИСТЕМЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

А. С. Ильиных,
студент Юридического института
Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент,
доцент кафедры государственного и административного права Э.Ю. Балаян.

Право на жизнь является одним из наиболее важных естественных прав, закрепленных в законодательстве многих стран мира, ведь жизнь – незаменимый и не подлежащий восстановлению ресурс. Несомненно, жизнь человека не поддается никаким измерениям, ведь она бесценна.

Из понятия «естественного права»[1], мы пониманием, что право на жизнь является правом неотъемлемым с момента его рождения, «данным нам от Бога», как и отражено в статье 20 Конституции РФ, хотя стоит отметить, что под моментом рождения могут понимать и момент физиологических родов, как, например, в уголовном праве.

Понятие «право на жизнь» дано не только в теории, но и закреплено в различных нормативных правовых актах, особенно в рамках международного права. Можно привести пример из Всеобщей декларации прав человека 1948 года, где право на жизнь закреплено в ст. 3: «каждый человек имеет право на жизнь, на свободу и на личную неприкосновенность»[2]. Пакт о гражданских и политических правах 1966 года провозглашает право на жизнь как неотъемлемое право каждого (ст. 6)[3].Так например, согласно п. 1 ст. 2 Конвенции о защите прав человека и основных свобод[4], «право на жизнь» — это личное, абсолютное, естественное и неотчуждаемое право каждого человека.

Пасмарнова В.Е. в своей научной работе отметила, что «право на жизнь – признанное государством право на зачатие, рождение, достойное и комфортное существование, гарантированное до самой смерти»[5].

Важно отметить, что запрещение смертной казни не включено в рассматриваемое понятие. Так в России существует Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р[6], разъясняющее, что смертная казнь как высшая мера наказания не отменяется, а лишь не назначается.

---

[1]Михайлов А. М. Философия права: идея естественного права: учебное пособие для вузов – М.: Юрайт. 2024. С. 6-12.

[2] Всеобщая декларация прав человека (Принята и провозглашена Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. № 67.

[3] Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1996. № 12.

[4] Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 2. Ст. 163.

[5] Пасмарнова В. Е. К вопросу о понятии права на жизнь // Наука. Общество. Государство. 2014. № 4(8). С. 108.

[6] Определение Конституционного Суда РФ от 19.11.2009 № 1344-О-Р «О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года N 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судоустройстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР,

В российском законодательстве нет четкой регламентации, что же все-таки следует относить к праву на жизнь, а в юридической сфере также нет общего мнения по данному вопросу, и ответ основывается лишь на анализе имеющихся норм и принципов отраслей права и иных нормативных правовых актах, в том числе в наиважнейшем из них – Конституции РФ.

Обращая внимание на конституции разных стран, в том числе и России, можем сделать вывод о бережном отношении государств к населению страны, являющемся неотъемлемой её частью. Человек, его права и свободы являются высшей ценностью и особо охраняются, что подтверждается статьями 2 и 3 Конституции РФ. Несомненно, помимо основного закона страны, иные нормативны правовые акты устанавливают их защиту, но, как известно, они сформированы на основе Конституции, в ее поддержку и не могут ей противоречить. В данной работе будут рассмотрены и проанализированы статьи Конституции РФ, прямо или косвенно относятся к праву на жизнь.

Согласно части 1 статьи 7 Конституции, политика нашего государства направлена на обеспечение условий, обеспечивающих достойную жизни и свободное развитие человека. Часть 2 этой же статьи устанавливает социальные гарантии, обеспечивающие помощь и формирующие своеобразную «подушку безопасности» для граждан, поддерживая их жизнеспособность и оптимальную общественную удовлетворенность. Данная норма отражает ответственность государства перед своими гражданами в обеспечении их прав и улучшению благосостояния. Социальные гарантии отражены также и в статье 39, но лишь в сфере страхования и пенсий, как социальных, так и по достижению пенсионного возраста. Данная группа гарантий обеспечивает защиту прав и интересов конкретных уязвимых категорий населений, несомненно, нуждающихся в льготах и государственной помощи.

Статьей 8 Конституция закрепляет экономические аспекты внутренней деятельности граждан, например, поддержка конкуренции. Несомненно, содержание данной нормы затрагивает право на жизнь лишь косвенно, но поразмышляв, мы можем сделать вывод, что содержащиеся в статье 8 гарантии могут поспособствовать улучшению жизнедеятельности людей. Так, к примеру, запрет на монополию кроме конкретных сфер, позволяет гражданам РФ и иным лицам в порядке, установленном законами и иными нормативными правовыми актами, позволяет рынку товаров и услуг расширяться, входить в него индивидуальным предпринимателям и юридическим лицам, получать с этого прибыль. Это положение также подкрепляется статьей 34 Конституции, закрепляющей право на свободное использование не только своих способностей, но и имущества для осуществления предпринимательской деятельности. Лица, являющиеся потребителями, также могут получить выгоду от поддержки конкуренции, ведь она помогает разнообразить рынок, благодаря чему граждане могут приобрести товар и услугу не только под свои запросы, касаемые внешнего вида и качества, но и в подходящем им ценовом сегменте. Это сохраняет их финансовые ресурсы, которые в дальнейшем могут быть перераспределены на конкретные нужды, повышающие уровень качества жизни, например, на улучшение состояния здоровья.

Также особое внимание уделяется главе 2 Конституции, закрепляющей права и свободы человека и гражданина. Согласно статье 17 эти высшие ценности признаются и гарантируются, соответственно, их реализация тесно связана с волеизъявлением гражданина и действиями государства, направленными на исполнение своих обязательства перед людьми, проживающими на соответствующей территории. В соответствии со статьей 18 Конституции РФ указанные права и свободы являются действующими, то есть претворяются в жизнь соответствующими лицами, являются основой для деятельности органов государственной власти всех уровней, а также должны быть

Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» // Российская газета. 2009. № 226.

детализированы в–законодательстве РФ, её субъектов, муниципальных правовых актах. Статья 45 также отражает данное положение.

Самой ключевой статьей Конституции России для данной работы является статья 20, упомянутая ранее, закрепляющая право на жизнь. Эта конституционная норма подчеркивает важность человека и населения для страны, а также гуманность применения права в целом. Никто не может быть произвольно лишен жизни. Для дополнительного закрепления этого права Уголовный Кодекс РФ[1] (далее УК РФ) предусматривает главу 16 под названием «Преступления против жизни и здоровья), в том числе статьи 105-110[1] УК РФ, запрещающие причинение смерти под угрозой применения уголовного наказания. В соответствии с этим мы видим всестороннюю защиту от физического и психического применения насилия в отношении человека, дабы сохранить жизнедеятельность, а соответственно, и жизнь. Также важно отметить, что данные нормы относятся не только к гражданам РФ, но и к иностранным гражданам и лицам без гражданства, находящимся на территории нашей страны. Таким образом, статья 20 Конституции РФ представляет собой базовый элемент системы прав человека и является основополагающим для обеспечения других прав и свобод, отраженных в российском законодательстве, что также подчеркивает важность уважения к жизни и иным нематериальным благам.

Так статья 21 Основного закона нашей страны закрепляет неприкосновенность одного из нематериальных благ человека – достоинство личности, которое находится под защитой государства. Любое проявление умаления данного права карается законом: применяется как УК РФ, так и КоАП РФ[2]. Также часть 2 этой же статьи предусматривает запрет на медицинское и иное вмешательство в отношении тела человека без его добровольного согласия, что также подчеркивает защиту права на жизнь, ведь проведение подобных воздействий может привести к необратимым последствиям, в том числе к летальному исходу, а также сохраняется возможность для человека полностью распоряжаться своими ресурсами, включая данные при рождении – своей жизнью.

В соответствии со статьей 35 Конституции, каждый имеет право иметь собственность и свободно ею распоряжаться, а также никто не может быть произвольно ее лишен. Данное право повышает уровень жизни населения, улучшая благосостояние, а также дает возможностью получать выгоду со своего имущества.

В свою очередь статья 37 Основного закона закрепляет свободу труда и выбора рода деятельности, а также нормативы безопасной реализации своих трудовых способностей и соответствующие гарантии в виде отдыха, оплаты труда и других. Смысл данной нормы заключается в обеспечении безопасной среды для реализации своих навыков и возможностей, приносящих человеку прибыль. Без сохранения конкретных требований к условиям осуществления любой человеческой деятельности невозможно обеспечить нормальную реализацию трудового функционала и права человека в области его умственной и физической деятельности, ведь именно с помощью труда люди находят способ своего внешнего выражения, а также для заработка, необходимого для обеспечения своих материальных и нематериальных потребностей.

Статьи 25 и 40 Конституции РФ напрямую связаны с недвижимым имуществом – жилищем. Данные нормы закрепляют его неприкосновенность, невозможность произвольного отчуждения, а также возможность получить его от государства. В наше время особое внимание и обсуждение принадлежит жилищу, ведь его наличие – один из наи-

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 13.06.1996 г. (в дейст. ред.) № 63– ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954; Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru.

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 г. (в дейст. ред.) № 195 – ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 1 (ч. 1). Ст. 1; Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru

важнейших материальных ресурсов для жизнеобеспечения, а наличие своих квадратных метров в собственности значительно упрощает жизнь. К большому сожалению, не каждый способен за свой счет приобрести жилище, даже с помощью ипотеки. Социальная поддержка государства в форме предоставления жилища на праве собственности определенным категориям граждан значительно повышает уровень жизни и гарантирует возможность иметь крышу над головой.

В соответствии со ст. 41 Конституции РФ, каждому гарантируется бесплатная медицинская помощь и охрана его здоровья, что напрямую связано с правом на жизнь. Обеспечивая человеку бесплатную медицинскую помощь, государство буквально спасает жизни руками врачей, без которых уровень смертности давно бы отражала ошеломительные показатели, а некоторые младенцы даже не смогли бы родиться. Медицинские работники – герои нашего времени, обеспечивающие нам не только повышение уровня состояния нашего здоровья, но и обеспечивающие наше право на медицинскую помощь, без которых жизнедеятельность человека близится к нулю, что отражается на темпы развития любого государства.

Нами были рассмотрены лишь отдельные нормы Основного закона нашей страны, так или иначе связанные с правом на жизнь. Каждая рассмотренная в работе конституционная статья обеспечивает и гарантирует это право в различных аспектах жизнедеятельности каждого человека, соответственно, нормы Конституции находятся в неразрывной связи между собой, что отражает глубину сущности и важность конституционных ценностей. Право на жизнь не является одиночным, абсолютным правом, а функционирует во взаимодействии с другими правами и свободами человека и гражданина, имея тонкую нить взаимосвязи с ними.

Ограничение права на жизнь практически не возможно, но при рассмотрении его через призму иных прав и свобод человека, можно сказать, что ограничивая конкретные сферы деятельности человека, мы ограничиваем его право на жизнь, но не в его первоначальном значении как биологический процесс организма, а как духовную составляющую, некую свободу.

При этом, как уже отмечалось ранее, государство несет ответственность и обязано обеспечивать доступ к любым правам человека и гражданина, в том числе взяло на себя обязательство по созданию условий для дальнейшей реализации права на жизнь, включающие эффективные действия по обеспечению иных прав, отраженных в соответствующих отраслях права.

Завершая, необходимо отметить, что право на жизнь, как фундаментальное право человека, требует комплексного подхода не только к его реализации, но и защите. Эффективное обеспечение рассматриваемого права является важнейшей задачей и приоритетом для любого правового государства, и огромным полем для изучения и разработки направлений развития для юридической науки.

МОДЕЛИ И ПРАВОВЫЕ СРЕДСТВА КОНСТИТУЦИОННОГО КОНТРОЛЯ: КРАТКИЙ СРАВНИТЕЛЬНЫЙ ОБЗОР

В. А. Полянцев,
студент Юридического института
Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.
Научный руководитель: д.ю.н., профессор кафедры
государственного и административного права Ю. В. Ким.

В современных государствах особую роль в регулировании общественных отношений играет Конституция. Поэтому для её охраны были созданы различные способы защиты, такие как конституционный контроль и надзор, которые призваны обеспечивать верховенство основного закона на всей территории страны.

В литературе сложились разные мнения касательно самой сущности конституционного контроля. В. Е. Чиркин определяет конституционный контроль (надзор) «как особую форму контроля в системе контрольной ветви государственной власти»[1]. М. Б. Смоленский считает, что “конституционный контроль есть специфическая функция компетентных государственных органов по обеспечению верховенства конституции в системе нормативных актов, ее прямого, непосредственного действия в деятельности субъектов общественных отношений”[2].

Конституционный контроль в современном понимании возник в 1803 году в США, когда при разрешении судебного дела «Мэрбэри против Мэдисона» главный судья Дж. Маршалл вынес исторически значимое решение. В этом деле Верховный Суд определил возможность судебной власти толковать законы и проверять их соответствие конституции[3]. Именно инициатива самих судей способствовала появлению возможности такого контроля. Рассуждая о необходимости наличия подобных органов конституционного контроля, Г. Кельзен сказал: «Необходимо дать компетенцию отмены неконституционных актов отдельно стоящему от него независимому органу и, как следствие, независимому от любой другой государственной власти — конституционному суду»[4].

По мнению В. Е. Чиркина, существует разграничение между органами неспециализированного конституционного надзора и специализированного конституционного контроля[5]. Первый вид органов обычно представлен главой государства, парламентом, прокуратурой и т. д. Второй же — судебными или квазисудебными органами. Основное отличие конституционного контроля от конституционного надзора в том, что орган, осуществляющий контроль, вправе отменить акт, противоречащий конституции. Органы надзора не обладают таким правом, но при этом они могут обратиться в орган контроля в случае выявления несоответствия нормативных правовых актов основному закону.

Учитывая, что полномочия контрольных органов шире полномочий надзорных, некоторые учёные делают вывод о том, что понятие конституционный контроль является более широким, чем конституционный надзор[6]. Между тем чёткое разграничение

[1] Чиркин В. Е. Контрольная власть. - М.: Юристъ, 2008. С. 100.

[2] Смоленский М. Б. Конституционное (государственное) право России: учеб. — Ростов-на-Дону: Феникс, 2002. С. 329.

[3] Гаврилов С. О., Сунцов В. С., Вахрамеев Н. В. К вопросу о становлении конституционной юстиции в США. У. Мэрбэри против Дж. Мэдисона // Юридическая наука. 2020. №11. С. 115.

[4] Кельзен Г. Судебная гарантия Конституции (конституционная юстиция) / пер. с фр. Д. В. Даниленко // Право и политика. 2006. № 9. С. 6-7.

[5] Чиркин В. Е. Конституционное право зарубежных стран. - М.: Юрист, 2005. С. 53-56.

[6] Погодина Н. А., Карелин К. В. Соотношение контроля и надзора в российской правовой системе // Российская юстиция. 2012. № 3. С. 72-74.

данных понятий можно провести не всегда. Поэтому некоторые учёные всё же считают данные понятия тождественными[1].

В науке обычно выделяют 2-е модели конституционного контроля, такие как англо-американская (диффузионная), которая характерна для таких стран, как США, Канада, Индия, Канада, Австралия и т. д.; и европейская континентальная (концентрированная), характерная для России, Германии, Франции, Италии и т. д.

Американская модель характеризуется тем, что право проверки конституционности законов принадлежит судам общей юрисдикции. В ней применяется форма конкретного контроля, при которой вопрос о конституционности акта рассматривается не в целом, а в рамках конкретного дела. Контроль осуществляется в отношении закона, вступившего в юридическую силу, следовательно, он носит последующий характер. Даже если высшая судебная инстанция признает закон неконституционным, то он не перестаёт действовать. Нижестоящие суды перестают его применять, считая его несуществующим[2].

Данная модель имеет разновидности: 1) децентрализованная (осуществляется всеми судами при рассмотрении обычных дел). Например, в США любой суд может признать закон неконституционным, если данное решение будет подтверждено верховным судом, то данное решение станет обязательным для всех судов; 2) централизованная (осуществляется высшими судами). Так в Канаде конституционность закона может рассматривать только верховный суд.

Европейская же модель характеризуется тем, что охрану конституции осуществляют специальные органы, такие как конституционные суды, советы, конституционно-религиозные советы, трибуналы и т. д. Формой такой модели является абстрактный контроль, при котором акт проверяется по запросам уполномоченных лиц на предмет соответствия закона конституции в целом. Обычно соответствие акта конституции проверяется на этапе его принятия, поэтому здесь мы можем говорить о предварительном контроле. В случае признания закона неконституционным, он перестаёт действовать для всех субъектов правовой системы. Также перестают действовать все акты, основанные на неконституционном законе[3].

Далее в рамках изучения европейской модели остановимся на особенностях российской модели.

В Российской Федерации в судебный конституционный контроль в некоторой степени вовлечены все суды страны. Отмеченное подтверждается следующими характерными моментами.

1. Согласно ст. 120 Конституции РФ, «суд, установив при рассмотрении дела несоответствие акта государственного или иного органа закону, принимает решение в соответствии с законом». Суд сам вправе установить соответствие акт закону и в случае несоответствия не применять его. Тем самым каждый суд призван обеспечивать конституционный принцип верховенства федеральных законов и Конституции РФ. При этом в случае обнаружения несоответствия Конституции РФ закона, подлежащего применению в конкретном деле, он обязан приостановить производство по делу и направить соответствующий запрос в Конституционный Суд РФ.
2. В соответствии с Кодексом административного судопроизводства РФ суды субъектов РФ могут рассматривать дела в рамках административного судопроизвод-

[1] Кудилинский М. Н. Контроль как вид государственно-управленческой деятельности. Соотношение понятий «Контроль и «Надзор» // Актуальные проблемы российского права. 2015. №8. С. 52.

[2] Брежнев О. В. Американская модель судебного конституционного контроля (генезис и основные черты) // Конституционное и муниципальное право. 2005. № 6. С. 30-31.

[3] Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447.

ства дела об оспаривании нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта РФ (ст. 20 КАС РФ). Верховный суд РФ может рассматривать дела об оспаривании нормативных правовых актов Президента РФ, Правительства РФ, а также ненормативные акты Федерального собрания (ст. 21 КАС РФ). Можно утверждать о наличии признаков конкуренции компетенции между судами общей юрисдикции и Конституционным Судом РФ в сфере нормоконтроля, когда вопрос о конституционности в прямой или же косвенной форме всплывает неизменно.

3. В свою очередь арбитражные суды в соответствии с Арбитражным процессуальным кодексом РФ могут рассматривать дела об оспаривании нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, связанных с экономическими спорами (ст. 29 АПК РФ).
4. Согласно ст. 125 Конституции РФ, суды могут обращаться в Конституционный суд РФ с запросом о проверки конституционности законов, применяемых в конкретном деле, тем самым являясь необходимым «звеном-инициатором» конституционного судопроизводства. В литературе встречается мнение, что выявление и отмена неконституционных законов «является совокупным результатом реализации, с одной стороны, обязанности общих судов поставить вопрос о конституционности закона перед Конституционным Судом, а с другой - обязанности последнего окончательно разрешить этот вопрос»[1].

Вместе с тем имеются весомые основания для проведения разграничительных линий между Конституционным Судом РФ и иными судами в сфере конституционной юрисдикции. Согласно Постановлению КС РФ от 16.06.1998 № 19-П «По делу о толковании отдельных положений статей 125, 126 и 127 Конституции Российской Федерации», полномочие по разрешению дел о соответствии Конституции РФ федеральных законов, нормативных актов Президента РФ, Совета Федерации, Государственной Думы, Правительства РФ, конституций (уставов) субъектов, а также законов и иных нормативных актов субъектов РФ, изданных по вопросам, относящимся к ведению органов государственной власти РФ и совместному ведению органов государственной власти РФ и органов государственной власти субъектов РФ, относится к компетенции только Конституционного Суда РФ. При этом Конституционный Суд не исключает возможности осуществления иными судами вне связи с рассмотрением конкретного дела проверки соответствия нормативных актов ниже уровня федерального закона иному, имеющему большую юридическую силу акту, кроме Конституции РФ. По мнению Конституционного Суда, такие полномочия судов могут быть установлены федеральным конституционным законом. Иначе суды будут не вправе признавать незаконными и, в связи с этим утрачивающими юридическую силу акты ниже уровня федерального закона.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 31.10.1995 № 8 «О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия», в случае неопределенности в вопросе о том, соответствует ли Конституции подлежащий применению по конкретному делу закон, суд «любой инстанции и в любой стадии рассмотрения дела» обращается в Конституционный Суд РФ с запросом о конституционности этого закона. Также суд в случае противоречия акта государственного органа закону, суд руководствуется именно законом. То есть в случае противоречия закона Конституции необходимо обращение в КС РФ, а в случае противоречия подзаконного акта закону суду достаточно самостоятельно отказаться от применения данного подзаконного акта в конкретном деле.

[1] Конституционное правосудие: учебное пособие для вузов / Под общ. ред. д.ю.н., проф. Ю. В. Кима. — М.: Издательство Юрайт, 2024. С. 57.

Исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что даже суды, не являющиеся органами конституционной юстиции, могут осуществлять судебный конституционный квазиконтроль. Хотя они не могут отменять законы федерального уровня, а также не могут толковать Конституцию, но при этом всё-таки суды обеспечивают соблюдение принципа верховенства конституции и федеральных законов, а также способствуют пресечению нарушений основного закона путём обращения в КС РФ.

Теперь рассмотрим положительные и проблематичные стороны обеих моделей конституционного контроля.

Американскую модель можно охарактеризовать следующими положительными аспектами:

1. высокая доступность граждан к защите своих конституционных прав благодаря тому, что инициировать вопрос конституционности какого-либо закона можно прямо во время обычного судебного разбирательства, не прибегая к обращению в специальные органы контроля.
2. оперативное реагирование на жалобы граждан. В данной системе отсутствует необходимость прохождения нескольких инстанций для обращения в орган конституционного контроля.
3. отсутствует необходимость создания и финансирования отдельного высшего конституционного контрольного органа.

К проблематичным аспектам следует отнести следующие моменты:

1. конституционным контролем лица занимаются не профильно, а, так сказать, «по совмещению», в рамках рассмотрения иных дел. То есть суд общей юрисдикции, не занимающийся конкретно конституционными вопросами, может рассмотреть дело о соответствии акта конституции.
2. последующий контроль не обеспечивает недопущения неконституционного закона к его принятию. Обычно противоречие конституции обнаруживается уже после принятия акта.
3. неконституционный акт продолжает действовать, хоть и не применяется судами.

Позитивно характеризует европейскую модель то, что:

1. конституционное производство осуществляют лица, профессионально занимающиеся конституционным контролем. Решения принимаются опытными лицами на довольно качественном уровне.
2. особое обеспечение деятельности органов контроля позволяет осуществлять независимое рассмотрение дела. В некоторых странах финансовое и организационное обеспечение конституционных судов возлагается на иной орган, нежели для других судов.
3. предварительный контроль позволяет проверить конституционность закона ещё до его вступления в силу, что позволяет избежать негативных последствий в случае принятия неконституционного акта.

В качестве проблемных отмечаются такие аспекты:

1. высший орган конституционного контроля может монополизировать всё конституционное регулирование в государстве. Дискреции конституционных судов в сфере конституционной юрисдикции становятся практически безграничными;
2. в формирование органа конституционного вовлечены одна или несколько ветвей власти, что, вместе с тем, не исключает политизированности кадровых решений;
3. отсутствие возможности апелляции. Решения конституционных судов носят окончательный характер и не могут быть пересмотрены даже при наличии существенных ошибок. Так, «решение Конституционного Суда Российской Федерации окончательно и не подлежит обжалованию».

Таким образом, американская и европейская модели конституционного контроля характеризуются существенными отличительными признаками, обусловленными своеобразием правовых систем и традиций государственного (конституционного) строительства, являются противоположностями, которые имеют свои достоинства и недостатки.

Системе судебного конституционного контроля в Российской Федерации также присущи свои особенности. Вместе с тем очевидна ее принадлежность к европейской модели конституционной юстиции.

ПРАВО НА ОБЩЕЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ЕГО РЕАЛИЗАЦИИ В КУЗБАССЕ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Н. А. Рязанова,
магистрант Юридического института
Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.
Научный руководитель: к.и.н., доцент
кафедры теории и истории государства и права Е. Г. Исакова.

В современном мире образование является основой для улучшения социально-экономических условий жизни человечества. Ценность образования невозможно переоценить в условиях инновационно-технологического развития, в вопросах решения глобальных проблем человечества и многих других вопросах. Согласно документам ООН, обеспечение всеохватного и качественного образования является залогом устойчивого мирового развития. В связи с этим право на образование становится в современном мире одним из наиболее значимых в комплексе прав и основных свобод человека. Однако в 2023 году Генеральный секретарь ООН констатировал недостаточный прогресс в вопросах развития образования.

Всеобщая декларация прав человека 1948 года закладывает право каждого на качественное и доступное образование, провозглашает доступность и бесплатность общего образования: «Образование должно быть бесплатным по меньшей мере в том, что касается начального и общего образования»[1].

В Конвенции о правах ребенка государства признают право ребенка на образование, в частности, вводят бесплатное и обязательное начальное образование, поощряют развитие различных форм среднего общего образования, обеспечивают его доступность для всех детей и принимают такие необходимые меры, как введение бесплатного образования и предоставление в случае необходимости финансовой помощи; обеспечивают доступность информации и материалов в области образования, принимают меры по содействию регулярному посещению школ и т. д[2].

Понимая значимость получения каждым человеком общего образования, российское государство закрепляет и развивает основные положения международных правовых актов в национальном законодательстве разного уровня. В соответствии со статьей 43 Конституции РФ каждый имеет право на образование, гарантируется общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования в государственных или муниципальных образовательных учреждениях и на предприятиях. Закрепляется обязательность основного общего образования, получение детьми которого возложено на родителей или лиц, их заменяющих.

[1] Всеобщая декларация прав человека: (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. № 67.

[2] Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 45. Ст. 955.

Право на образование и государственные гарантии реализации этого права, прописанные в статье 5 Федерального закона от 29.12.2012 № 273 «Об образовании в Российской Федерации», гарантируют право на образование независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения и иных критериев дифференциации[1].

На решение задач, предусмотренных в рамках стратегических национальных приоритетов, направлены цели Государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» до 2030 года, одна из которых обозначена следующим образом: «Все школьники Российской Федерации обеспечены равным доступом к качественному общему образованию»[2].

Достижения в предоставлении права на образование для каждого очевидны, и на современном этапе появляются новые цели: получение каждым качественного образования, необходимого в быстро изменяющихся реалиях современного мира. Учеными отмечается, что развитие общего образования, а именно доступность качественного образования, стало в настоящее время основной мировой тенденцией.

В Ежегодном послании Федеральному Собранию РФ 01.03.2018 Президент РФ В. В. Путин отметил, что «современное, качественное образование должно быть доступно для каждого ребенка. Равные образовательные возможности – мощный ресурс для развития страны и обеспечения социальной справедливости»[3].

С учетом анализа нормативно-правовой базы наднационального и национального уровня мы можем выделить основные условия, необходимые для реализации права на доступное качественное общее образование:

1) создание комфортной образовательной среды по отношению к участникам образовательного процесса;
2) материально-техническое обеспечение реализации программ образования, которое должно обеспечить возможность достижения обучающимися результатов освоения программ общего образования, требования к которым установлены федеральными государственными образовательными стандартами;
3) учебно-методические условия: обучающимся должен быть обеспечен доступ к печатным и электронным образовательным ресурсам;
4) психолого-педагогические условия реализации программы общего образования, обеспечивающие психолого-педагогическое сопровождение участников образовательных отношений квалифицированными специалистами, прежде всего обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и детей-инвалидов;
5) кадровые условия;
6) финансовые условия[4].

Однако, несмотря на законодательное закрепление права на образование, существуют определенные проблемы реализации данного права, о чем свидетельствуют результаты проведенного исследования по материалам Кемеровской области – Кузбасса.

В 2023 году по итогам сдачи выпускниками ЕГЭ Кузбасс среди субъектов РФ находился на 56-м месте, в 2024 году ситуация значительно улучшилась – Кузбасс занял 27-е место, на 3% улучшилась ситуация с обучающимися, не преодолевшими минимальный порог. И все-таки результаты низкие, особенно по таким предметам, как математика профильного уровня (5,13% выпускников не преодолели минимальный

[1] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273 «Об образовании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

[2] Постановление Правительства РФ от 26.12.2017 № 1642 (ред. от 21.02.2025) «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Развитие образования» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 1 (Часть II). Ст. 375.

[3] Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.03.2018. URL: Послание Президента РФ Федеральному собранию 1 марта 2018 (дата обращения: 06.04.2025).

[4] Федеральные государственные образовательные стандарты начального общего образования. URL: ФГОС НОО (дата обращения: 04.03.2025).

порог), история (6,58%), биология (13,67%), химия (14,25%), информатика (16,47%), обществознание (17,99%).

ФГБУ «Федеральный институт оценки качества образования» (ФИОКО) реализует проект по организации методической поддержки образовательных организаций, имеющих низкие образовательные результаты обучающихся. Данный проект выявил довольно большое количество кузбасских школ с низкими образовательными результатами (ШНОР). Так, в 2021 году 96 из 647 (14,8%) школ Кузбасса вошли в список ШНОР (в 2019 году таких школ было почти в 2 раза больше – 180 из 667 (27%). Из 96 школ 53 попали в список дважды (в 2019 и 2021 гг.), а 43 школы в списке оказались первый раз[1]. Самое большое количество таких школ в Беловском и Юргинском муниципальных округах. Сам факт наличия таких школ говорит о том, что школьники попадают в неравные условия получения общего образования, а при выборе образовательной организации оказываются в ситуации, когда вынуждены идти именно в эту школу по месту жительства из-за отсутствия мест в тех общеобразовательных учреждениях, предпочтение которым отдается учащимися и их родителями.

На официальном сайте Кузбасского центра мониторинга качества образования опубликованы результаты Всероссийских проверочных работ по итогам 2021/2022 учебного года. Результаты на средней ступени общего образования заставляют задуматься, а всё ли делают образовательные организации для того, чтобы обучение школьников стало более качественным и успешным: процент участников, не достигших базового уровня подготовки по различным предметам, очень высок. Так, в 5-х классах не справились с заданиями по математике 40,72% обучающихся, а по биологии – 28,5%; в 6-х классах не справились с заданиями по истории 32,67%, по биологии – 30,72%, по математике – 49,69%; в 7-х классах не справились с заданиями по обществознанию 33,70%, по физике – 36,80%, математике – 41,88%, английскому языку – 48,85%, немецкому языку – 52,76%; в 8-х классах не справились с заданиями по физике 37,24%, по математике – 38,74%, по русскому языку – 40,32%, по обществознанию – 40,85% (это лишь часть предметов, по которым выявлен довольно высокий процент участников, не достигших базового уровня подготовки).

На сегодняшний день также важным показателем, выявляющим проблему предоставления образовательными организациями доступности качественного образования, является массовое обращение родителей (законных представителей) к услугам репетиторов, которые благодаря индивидуальному подходу в обучении восполняют пробелы в знаниях учащихся, помогают им в усвоении нового материала, повышают тем самым их успеваемость по предмету, готовят к ОГЭ и ЕГЭ и др. Репетиторство фактически стало частью образовательного процесса. Это подтверждается результатами проведенного нами опроса родителей (законных представителей), чьи дети учатся в кузбасских школах. Так, 57,3% респондентов[2] указали, что учителя в процессе обучения либо вовсе не учитывают индивидуальные особенности ребенка (35,9%), либо изредка учитывают (21,4%); 74,8% отметили, что помогают своим детям при выполнении домашних заданий; 2,9% детей помогают репетиторы; 60,2% пользуются услугами репетитора или платными курсами для повышения уровня знаний по учебным предметам.

На вопрос «Что бы Вы посоветовали руководителям системы образования изменить в школьном образовании» один из родителей ответил: «На мой взгляд, нужно перестраивать всю систему образования, ее стандарты! Качество преподавания стало очень низким. Нет учителя, который бы вкладывал в учеников, так же как и нет ученика, который бы хотел с жаждой учиться».

[1] Официальный сайт ГКУ «Кузбасский центр мониторинга качества образования. URL: Кузбасский центр мониторинга качества образования (дата обращения: 08.03.2025).

[2] Всего в опросе приняли участие 103 человека.

Острой на сегодняшний день является и проблема создания специальных условий для образования детей с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) и детей-инвалидов. Согласно статье 79 Федерального закона № 273 «Об образовании в Российской Федерации» общее образование обучающихся с ОВЗ, детей-инвалидов осуществляется в организациях, осуществляющих образовательную деятельность по адаптированным основным общеобразовательным программам, в соответствии с рекомендациями психолого-медико-педагогической комиссии. В таких организациях должны создаваться специальные условия для получения образования обучающимися: использование адаптированных образовательных программ, методов и средств обучения и воспитания, учитывающих особенности психофизического развития таких обучающихся и состояние их здоровья, проведение групповых и индивидуальных коррекционных занятий, обеспечение специальными учебниками, техническими средствами обучения, обеспечение предоставления услуг ассистента, оказывающего необходимую техническую помощь, переводчика русского жестового языка, а также педагогических работников в соответствии с рекомендациями психолого-медико-педагогической комиссии, обеспечение доступа в здания и помещения организаций и другое.

В итоговых отчетах Министерства образования Кузбасса за 2020–2022 годы о результатах анализа состояния и перспектив развития системы образования выделяются основные проблемы по созданию необходимых условий для получения детьми с ОВЗ и детьми-инвалидами качественного и доступного образования:

1. создание архитектурной доступности зданий образовательных организаций: удельный вес числа зданий, в которых созданы условия для беспрепятственного доступа инвалидов, в общем числе зданий общеобразовательных организаций в среднем по региону в 2022 году составил 42,59 % (2021 год – 40,16 %, 2020 год – 39,07%), в городах и поселках городского типа – 45,25 % (2021 год – 42,52 %, 2020 год – 41,32%), в сельской местности – 38,86 % (2021 год – 36,92 %, 2020 год – 35,93%);
2. низкая укомплектованность общеобразовательных организаций педагогическими работниками: например, в 2022 году на одного учителя-дефектолога приходилось 360 детей, на учителя-логопеда – 91 ребенок, на педагога-психолога – 70, на тьютора – 1985[1].

В публичных отчетах Губернатора Кузбасса подчеркивается, что доступная среда для таких детей создана частично, а согласно аналитическому отчету по результатам сбора и обобщения информации о качестве условий осуществления образовательной деятельности по каждой образовательной организации Кузбасса в 2024 году условия доступности, позволяющие инвалидам получать образование наравне с другими, в 101 организации (16,6%) отсутствуют (в 2022 году по недостаточному оснащению помещений организаций и прилегающих территорий зафиксированы нулевые баллы у 246 организаций из 830). Показатели по критерию «Доступность образовательной деятельности для инвалидов» среди прочих показателей оказались самыми низкими.

В рамках нашего анкетирования на вопрос «Имеются ли условия для организации обучения и воспитания обучающихся с ОВЗ?» 15,6% педагогов школ Кузбасса ответили отрицательно, 43,8% педагогов отметили, что такие условия созданы частично[2].

Проблемы невозможности создать специальные условия для обучающихся с ОВЗ прежде всего связаны с недостаточным финансированием школ и состоянием зданий, в которых в связи с устаревшими архитектурными формами невозможно внести существенные изменения в части архитектурной доступности зданий.

[1] Итоговый отчет Министерства образования Кузбасса о результатах анализа состояния и перспектив развития системы образования за 2020-2022 годы. URL: https://edu.ruobr.ru/documents/2445/ (дата обращения:10.04.2025).

[2] В опросе приняли участие 40 педагогов из разных школ Кузбасса.

С 2019 года реализуется программа комплексной модернизации образовательных учреждений, в рамках которой ежегодно проводится капитальный ремонт, реконструкция и переоснащение оборудования образовательных организаций Кузбасса, не отвечающих современным требованиям. Каждый объект реконструируется по индивидуальному плану, разработанному при участии участников образовательного процесса: педагогов, учеников и их родителей. К концу 2022 года капитально отремонтировано 30 школ, более 20 тыс. школьников получили возможность учиться в современных условиях.

И тем не менее проблема школ, не отвечающих современным требованиям, и в части проведения капитального ремонта, и в оснащении материально-технической базы остается пока актуальной.

Одним из недостатков, выявленных в ходе проведения независимой оценки качества условий осуществления образовательной деятельности в отдельных образовательных организациях, называется недостаточная материально-техническая база в образовательных организациях. В отдельных организациях помещения нуждаются в ремонте, замене мебели, обновлении учебного оборудования, отсутствуют зоны отдыха и другое[1].

Стоит отметить, что до сих пор существует проблема обеспеченности школьников бесплатными учебниками. В ряде организаций имеются сложности со спортивным инвентарем, учебными пособиями. Представители педагогических работников кузбасских школ на вопрос «Если бы Вы могли обратиться лично к Президенту РФ и Министру образования, что бы Вы могли пожелать или посоветовать в отношении совершенствования системы образования?» написали: «Обеспечить бесплатными учебниками сельские школы», «Оказать помощь в приобретении учебников для школы». А на вопрос «Приходилось ли Вам приобретать учебники за свой счет?» 13,6% родителей ответили, что часто приобретали учебники, 48,5% приобретали, но изредка.

О недостаточной финансовой обеспеченности образовательных организаций говорит и тот факт, что на вопрос анкеты «Оказывали ли Вы школе, в которой учится Ваш ребенок, материальную помощь (например, в ремонте кабинета, в приобретении оборудования, учебных материалов, на охранные услуги и др.)?» 47,6% родителей ответили утвердительно, 43,7% родителей изредка оказывали материальную помощь, и лишь 8,8% родителей отрицают такую помощь.

Серьезную проблему, препятствующую получению качественного среднего общего образования, представляет дефицит педагогических работников в общеобразовательных организациях Кузбасса. С 2022 года и по настоящее время востребованность в педагогах практически не меняется – в организации требуется более 800 специалистов. На сегодняшний день в кузбасских школах существует потребность в учителях русского языка и литературы, математики, иностранных языков[2]. Чуть ранее Министерство образования Кузбасса обращало внимание на дефицит учителей начальных классов и предлагало воспитателям детских садов занять эти вакансии[3]. Вакансии в начале учебного года закрываются за счет студентов, педагогов из других школ, в том числе и из других регионов. В случае если таких специалистов нет, то нагрузка распределяется между учителями данной школы, и, соответственно, она существенно увеличивается, что, в свою очередь, влияет и на качество подготовки учителя к урокам, и на его физическом и психологическом состоянии.

---

[1] Обязательный публичный отчет Губернатора Кемеровской области – Кузбасса Цивилева С.Е. URL: Публичный отчет Губернатора Кузбасса (дата обращения: 10.04.2025).

[2] Минобр Кузбасса рассказал о дефиците учителей и почти сразу увольняющихся молодых преподавателях. URL: Минобр Кузбасса о дефиците учителей (дата обращения: 10.04.2025).

[3] Оптимизированным воспитателям в Кузбассе предложили пойти в учителя начальной школы. URL: https://vse42.ru/news/33605112 (дата обращения: 10.04.2025).

Как следует из отчета Министерства образования Кузбасса за 2022 год, развитие кадрового потенциала (привлечение высококвалифицированных педагогов и молодых специалистов) является приоритетным направлением в развитии образования Кузбасса. В Кузбассе введена мера социальной поддержки в виде разовой выплаты 1 млн. руб. тем, кто в течение пяти лет будет работать в сельской школе (в 2024 году 77 человек получили выплаты). Также с 2020 года действует федеральная программа поддержки преподавателей «Земский учитель», согласно которой выплачивается 1 млн. руб. почти на тех же условиях.

Реализация права на образования осложняется еще и реорганизацией и ликвидацией школ, вследствие чего возникают сложности для обучающихся в доступности школ. Процесс реорганизации и ликвидации активно проходил в период 2000-х. Так, по состоянию на 2010 год в Кузбассе действовало 755 школ, а к 2019-му это число сократилась до 667 (уменьшение на 88 школ).

По состоянию на 2022 год в рамках мероприятий по обеспечению доступности качественных образовательных услуг 475 школьных автобусов осуществляли транспортировку в 250 школ на 463 регулярных школьных маршрутах, из 747 населенных пунктов осуществлялась перевозка 14 297 школьников[1]. На первый взгляд, проблема решаема, транспортировка детей обеспечивается. Однако различные ситуации осложняют школьную жизнь обучающихся, чьи школы не находятся в так называемой шаговой доступности, а иногда и вовсе затрудняют возможность посещать школу, например, из-за погодных условий. Из отчета Министерства образования Кузбасса: «В случае ухудшения погодных (дорожных) условий, Министерством образования Кузбасса на регулярной основе направляется информация руководителям муниципальных органов управления образования о необходимости ограничения организованных перевозок детей автобусами»[2]. Школьные автобусы осуществляют транспортировку строго по утвержденному графику, а вот учебное расписание для обучающихся нестабильно (ввиду разных объективных причин), хотя изначально оно тоже утверждается директором школы и проходит согласование с Роспотребнадзором. Поэтому зачастую время используется обучающимися нерационально: либо приходится заблаговременно приезжать в школу, либо по окончании уроков ждать отправления школьного автобуса.

В целом в системе среднего общего образования Кузбасса сложилась противоречивая ситуация, когда в нормативных правовых актах декларируется право всех граждан Российской Федерации, достигших школьного возраста, на доступное и бесплатное общее образование, а на деле уровень подготовки многих выпускников школ оказывается весьма далеким от тех требований, которые предъявляют к ним современные образовательные стандарты. Особого внимания и серьезных изменений в организации образовательного процесса, связанных с созданием «безбарьерной» образовательной среды, улучшением процесса социализации, восполнением педагогических ресурсов и др., требует реализация права на получение общего образования детей с ОВЗ и детей-инвалидов. Важная и очень сложная задача стоит на сегодняшний день перед государственными органами и обществом – сделать качественное образование доступным благом для каждого.

[1] Итоговый отчет Министерства образования Кузбасса о результатах анализа состояния и перспектив развития системы образования за 2020–2022 годы. URL: https://edu.ruobr.ru/documents/2445/ (дата обращения: 10.04.2025).

[2] Там же.

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПОПРАВКИ 2020 ГОДА В ВОПРОСЕ ЗАКРЕПЛЕНИЯ ОБЩЕНАЦИОНАЛЬНЫХ ДУХОВНЫХ, НРАВСТВЕННЫХ, ИСТОРИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ

П. А. Якимова
студент Юридического института
Кемеровского государственного университета г. Кемерово.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент,
доцент кафедры государственного и административного права Э. Ю. Балаян.

В современном мире среди огромного потока информации актуальной проблемой является сохранение общенациональных ценностей, которые являются фундаментом стабильности государства и гарантией его последующего развития. Для осмысления сущности и значимости таких ценностей для начала необходимо проанализировать, что кроется под термином «ценности».

Существует огромное количество определений понятия «ценности», поскольку данная категория известна еще со второй половины XIX века как предмет аксиологии[1]. Например, такая наука как социология определяет «ценности» как многообразие общественных отношений, продуктов человеческой деятельности. Культурология рассматривает понятие «ценности» в качестве значимого элемента духовной жизни общества. В частности, Здравомыслов А.Г. считал, что ценности представляют собой сферу духовной деятельности человека, его сознание и мировоззрение[2]. В психологии под категорией «ценность» понимается совокупность значимых для того или иного человека материальных и духовных объектов. Известная всем пирамида Абрахама Маслоу позволяет не только выстроить приоритеты, но и определить, какие ценности являются для человека превалирующими в призме его потребностей[3].

В процессе рассмотрения данного вопроса необходимо обратить внимание и на «субъективные» ценности, которые формируются у каждого человека под влиянием его окружения, интересов, семьи и прочих социальных институтов.

Следует отметить, что в доктрине конституционного права нет единого мнения о том, что понимать под ценностью, конституционной ценностью, национальной ценностью и подобными категориями[4].

Говоря об общенациональных ценностях, можно провести некую параллель с Указом Президента Российской Федерации от 2022 № 809, в котором содержится понятие традиционных духовно-нравственных ценностей. Однако, не стоит забывать, что общенациональные ценности тесно связаны с ними, поскольку представляют собой систему, базирующуюся на истории, культуре, преемственности, патриотизме, что как раз таки и входит в категорию духовно-нравственных ориентиров. Итак, традиционные духовно-нравственные ценности представляют собой «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности, единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии

[1] Анисимов С.Ф. Введение в аксиологию. - М., 2001. С. 5.
[2] Здравомыслов А.Г. Потребности. Интересы. Ценности. – М.: Политиздат, 1986.
[3] Абатаева П. Н. Понятие ценностей в психологических исследованиях // Проблемы современного педагогического образования. 2019. № 63-2. С. 293-296.
[4] Балаян Э. Ю. Национальные конституционные ценности как гарантия защиты национальных интересов государства в условиях современной глобализационной трансформации // Конституционное и муниципальное право. 2024. № 9. С. 29-32.

многонационального народа России»[1]. В соответствии с Указом Президента № 809 к ценностной системе относятся жизнь человека, его права и свободы, семья в ее традиционном понимании, преемственность поколений, справедливость, патриотизм и многое другое.

Вышеупомянутый Указ Президента РФ действует в 2022 году. Он был разработан и принят в целях реализации новелл, внесенных в 2020 году в текст Конституции Российской Федерации.

В Конституции Российской Федерации, принятой в 1993 году, закреплялись те ценности и гарантии, которые признавались большинством граждан страны, являлись основополагающими и, в первую очередь, необходимыми для наших общества и государства после коренных изменений. Среди них можно выделить принцип разделения власти (на законодательную, исполнительную и судебную ветви власти), признание идеологического многообразия и политического плюрализма, признание различных форм собственности, закрепление приоритета и обязательности соблюдения основных принципов и норм международного права, гарантии неотчуждаемости прав и свобод человека. Несмотря на такой спектр положений, отразившихся в главном законе страны, можно выделить проблему «невостребованности» некоторых общенациональных ценностей - духовных, культурных, исторических и нравственных.

Поправки, внесенные в Конституцию в 2020 году, восполнили пробелы, касающиеся вопроса общенациональных ценностей, тем самым усилив социальную и демократическую сущность нашего государства.

В процессе работы над научной статьей автором были изучены внесенные в 2020 году в Конституцию поправки на примере редакций Основного закона страны от 2019 года и, действующей.

В первую очередь можно сказать про появление статьи 67.1, ранее не присутствовавшей в Конституции Российской Федерации. В названной статье содержится такой термин, как «преемственность», примененный непосредственно к процессу развития Российской Федерации, принятию опыта и деятельности ее предшественника – Союза ССР.

Следующее положение, на которое необходимо обратить внимание – статья 114 п. «в». В редакции Конституции РФ от 2019 года текст вышеуказанной нормы звучит так: «Правительство Российской Федерации обеспечивает проведение в Российской Федерации единой государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, экологии».

Если же мы рассмотрим данную статью после внесения поправок в 2020 году, то она имеет следующее содержание: «Правительство Российской Федерации обеспечивает проведение в Российской Федерации единой социально ориентированной государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, поддержки, укрепления и защиты семьи, сохранения традиционных семейных ценностей, а также в области охраны окружающей среды».

Соотнося две интерпретации статьи 114, можно констатировать, что с июля 2020 года в приоритеты государственной политики входят вопросы, связанные с семьей в традиционном ее понимании, а именно, как союза мужчины и женщины, поддержки семей. Такие новеллы в очередной раз доказывают и раскрывают сущность Российской Федерации как социального государства.

В процессе рассмотрения и анализа Конституции Российской Федерации в вопросе общенациональных ценностей, мы пришли к выводу, что Основной закон страны стоит рассматривать не только как фундамент жизни общества в государстве, но и как

[1] Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

документ, закладывающий основы нравственных ценностей, ориентиров. В частности, такой вывод можно сделать на основании положений, направленных на поддержание и развитие духовных, нравственных, исторических и культурных ценностей. Рассмотрим соотношение общенациональных ценностей, закрепленных поправками 2020 года с некоторыми ценностями из перечня, содержащегося в Указе Президента № 809 от 2022 года.

Во-первых, рассмотрим закрепление таких ценностей, как патриотизм, служение Отечеству и ответственность за судьбу своей страны. Указанные ценности получили свое отражение в части 3 статьи 67.1, введенной после принятия поправок 2020 года. В соответствии с нормой статьи: «Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается». Исходя из смысла цитируемой части статьи 67.1 и того факта, что закрепление данная идея получила лишь в 2020 году, может сказать, что одним из приоритетов государственной политики является развитие гражданственности, осознания принадлежности к своей стране, уважение к истории своей Родины. Здесь бесспорно можно провести параллель с такой ценностью, как историческая память и преемственность поколений: ведь в каждой семье есть предок, воевавший за нашу родину в 1941-1945 гг., что таким образом соединяет историю страны и служение Отечеству.

Далее мы можем уделить внимание традиционным семейным ценностям, в которые входят признание детей важнейшим приоритетом и способствование их всестороннему развитию. Закрепление вышесказанное получило в части 4 статьи 67.1, согласно которой: «Дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим. Государство, обеспечивая приоритет семейного воспитания, берет на себя обязанности родителей в отношении детей, оставшихся без попечения». Анализируя положение этой части статьи 67.1, можно прийти к выводу, что многонациональный народ России к одним из основ конституционного строя относит соблюдение и защиту прав детей. Вероятно, это связано с тем, что дети являются ключевым фактором, обеспечивающим непрерывность жизни на Земле, воссозданием человеческого рода, для чего, соответственно, подрастающее поколение должно воспитываться в ногу со временем, иметь традиционные взгляды на жизнь и основные социальные институты.

Немаловажной является поддержка института семьи как сформированной ячейки общества. В юридической литературе часто встречаются работы, посвященные этой теме. В контексте рассматриваемого вопроса разделяем справедливое мнение П.В. Крашенинникова и Е.В. Бадулиной в том, что российское семейное законодательство развивается на постаментах конституционных изменений 2020 года, ядром которых как раз таки являются дети, их интересы, приоритет семейного воспитания[1]. Авторы Н.Н. Тарусина и О.И. Сочнева обращают внимание на то, что в рассматриваемой выше конституционной статье под семейным воспитанием понимается традиционная сущность супружества, а именно – союз мужчины и женщины, что также находит отражение в отдельных статьях Семейного кодекса Российской Федерации[2].

Вместе с указанным, необходимо уделить внимание таким общенациональным историческим, нравственным ценностям, которые тесно взаимосвязаны между собой.

[1] Крашенинников П.В., Бадулина Е.В. Поддержка института семьи: конституционные поправки // Семейное и жилищное право. 2020. № 4. С. 21.

[2] Тарусина Н.Н., Сочнева О.И. Начала правового регулирования семейных отношений: проектные предположения // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 3 (53). С. 56-61.

К ним относятся высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным, историческую память и преемственность поколений, единство народов России. Для начала стоит пояснить, как соотносятся данные категории между собой. Бесспорным является тот факт, что наше государство многонационально, и здесь речь не только о представителях тех или иных народов, а также о многонациональной культуре, традициях, религии. Человек – это история, поскольку в каждом из нас «отражаются» наши предки, история нашей страны, соответственно, историческая память и преемственность поколений, которые сформированы у большинства людей тесно переплетаются с такими понятиями, как единство народов России, нравственными идеалами, духовностью. Такие основополагающие ценности также нашли отражение в Основном законе нашей страны в части 2 статье 67.1: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство».

В юридической литературе можно встретить публикации относительно содержания духовных ценностей. В частности, Аширбакиев Р.М. приходит к выводу, что в статье 67.1 наиболее полно отражены ценностные ориентиры и фундамент общества и государства в целом, поэтому вполне обоснованно их закрепление в качестве основ конституционного строя вследствие поправок 2020 года. Также он пишет, что данные положения должны быть конкретизированы в органически связанных с Конституцией нормативных правовых актах[1].

Профессор Осавелюк А.М. в указанной норме видит прогрессивный характер, а также взаимосвязанность нравственности с положениями закона, что позволяет в полной мере обеспечить преемственность поколений, обеспечение связи между предками и потомками[2].

В рассмотрении и анализе нуждается такая категория как «единство», которая также упоминается в конституционной статье. В контексте раскрываемого вопроса можем говорить не только о единстве поколений и людей, но и о единстве уровней власти, что, собственно, отражается в конституционных положениях о единой системе публичной власти в Российской Федерации. Безусловно, локальные акты, прочие нормативные акты должны соответствовать данному положению и обеспечивать закрепленное в Конституции единство.

Подводя итог изложенного, можем сделать вывод о том, что поправки в Конституции Российской Федерации 2020 года были жизненной необходимостью, обусловленной быстро меняющейся и прогрессирующей действительностью и опасностями, которые могли бы встать перед обществом и государством в целом. Также необходимо уделить внимание тому факту, что с усовершенствованием Основного закона страны усилилась роль права как основного регулятора общественной жизни, укрепились социальные и демократические основы России.

[1] Аширбакиев Р.М. Конституционная реформа 2020 г. Ценность «веры в Бога» // Актуальные вопросы публичного права: материалы XX Всероссийской научной конференции студентов и молодых ученых (11-12 ноября 2021 г.). - Екатеринбург, 2021. С. 41-51.

[2] Осавелюк А.М. Бог в Конституции России: новые смыслы и акценты (О некоторых изменениях в Конституции РФ, одобренных в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.) // Государство и право. 2020. № 12. С. 57-65.

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

ПРОВЕРКА КОНТРАГЕНТА В НАЛОГОВОМ ПРАВЕ

С. А. Андреев, М. Н. Ларионов,
студенты Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета г. Томск
Научный руководитель:, к. ю. н., доцент,
заведующий кафедрой финансового права С. С. Кузнецов.

Проверка контрагентов в налоговом праве подразумевает под собой комплекс мер, направленных на изучение сведений о контрагенте, в особенности тех, что касаются соблюдения законодательства о налогах и сборах, добросовестности при осуществлении предпринимательской деятельности. Она может осуществляться двумя субъектами: 1) налоговым органом и 2) организацией.

Мероприятия налогового контроля реализуются в ходе проведения налоговых проверок. При анализе определения проверки контрагентов в налоговом праве и её места в системе налоговых проверок, можно сделать вывод, что она является обособленной частью налоговой проверки, в рамках которой фискальный орган проводит изучение документов юридического лица, а в последующем и его контрагента.

В научной литературе и справочных правовых системах отсутствует необходимая информация касательно сущности и порядка ее проведения. Обычные налоговые проверки и проверки контрагентов в налоговом праве взаимосвязаны и взаимообусловлены. При этом налоговые проверки и проверки контрагентов в своей сущности хотя и отличаются между собой, однако контрольные мероприятия, которые реализуются в ходе их реализации одинаковы, что исходит не только из сущности и порядка их проведения, но и из нормативных актов, в особенности Налогового кодекса Российской Федерации (далее - НК РФ), которые регулируют его.

В НК РФ предусмотрены два вида налоговых проверок: 1) довыездная налоговая проверка (далее – ДВНП), которая включает в себя камеральную налоговую проверку и «вне рамочную» проверку 2) выездная налоговая проверка (далее - ВНП). Проверка контрагента может осуществляться в ходе проведения каждой из представленных проверок.

На сайте ФНС России указано, что налоговый орган проводит камеральную проверку на основании представленной налоговой декларации юридическим лицом или принимает решение о проведении выездной налоговой проверки в отношении данного лица, направляет поручение об истребовании документов (информации), касающихся деятельности проверяемого налогоплательщика, в налоговый орган по месту учета лица, у которого должны быть истребованы указанные документы (информация)[1].

Следует согласиться с Антоном Свирякиным, что «в процессе проведения КНП налоговый инспектор находит расхождения между данными бухгалтерского и налогового учета, а еще возможные разрывы НДС»[2] для подготовки к последующему «вскрытию» возможной схемы уклонения от его уплаты (отражена в презентации), которая заключается в заявлении неправомерного налогового вычета по взаимоотношениям с

[1] Камеральные проверки // Федеральная налоговая служба. Официальный сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/taxation/reference_work/desk_audits/ (дата обращения: 30.04.2025).

[2] Свирякин А. В. Налоговые проверки в 2025 году: от КНП до ВНП // PPT.RU. Помогаем преодолевать трудности URL: https://ppt.ru/art/nalogovoe-administrirovanie/nalogovye-proverki-ot-knp-do-vnp (дата обращения: 30.04.2025).

техническими компаниями, для уменьшения суммы налога, предъявленной налогоплательщиком при приобретении товаров (работ, услуг), а также имущественных прав. Использование вышеуказанной схемы, в основу которой положено использование технических организаций, являющихся контрагентами проверяемых налогоплательщиков распространено среди юридических лиц.

Наличие разрывов по НДС будет служить основанием провести КНП, а также и вне рамочную проверку самого контрагента на предмет реальности сделки, отсутствия формального документооборота, реальности существования таких организаций и (или) осуществлении ими деятельности. Это обусловлено тем, что налоговый орган не будет так основательно осуществлять проверку контрагента юридического лица, если данное лицо и сам налогоплательщик уплатили все обусловленные налоговые платежи, в особенности НДС.

Как правило, если при проверке первичной или уточненной декларации, в которой налогоплательщик отражает операцию по приобретению товаров, работ или услуг с НДС, фискальный орган находит расхождения между данными, например разрывов по НДС, налоговый орган начнет проверку не только самого налогоплательщика, но и его контрагента, для удостоверения реальности сделок или самой организации. Сами разрывы в настоящий момент обнаруживаются, согласно информации на сайте ФНС России с помощью автоматизированной системы АСК НДС-3 (определение указано в презентации). [1] Далее налогоплательщику направляется первый запрос о даче пояснений и представлении документов (ст. 88 НК), причём истребуются не только документы проверяемого лица, но и контрагентов, с которыми он взаимодействует.

Перечень документов, которые должны быть представлены налогоплательщиком и его контрагентом ст. 93.1 НК РФ четко не определен, равно как и период, за который эти документы могут быть истребованы. Это подтверждается судебной практикой: Фактически в данной части полномочия должностных лиц налоговых органов имеют неограниченный характер.

Однако, соглашаясь с Шишковым Русланом, что «несмотря на достаточно широкий круг полномочий в плане запроса документов, все же проверяющие ограничены составом и их направленностью. Иными словами, запрашивать они могут только те документы, которые касаются деятельности самого налогоплательщика, предоставлять сведения о взаимосвязанных организациях ни сам объект проверки, ни иные организации не обязаны»[2].

В основу истребования документов при проведении КНП положен п.1 ст. 93.1 НК РФ, согласно которому должностное лицо налогового органа, проводящее налоговую проверку, вправе истребовать у лиц, располагающих документами (информацией), касающимися деятельности проверяемого налогоплательщика, в том числе и у контрагента, соответствующих документов. Норма п. 1 ст. 93.1 НК РФ касается проведения налоговой проверки плательщика и проверки его контрагента в качестве первого звена.

При наличии дополнительных подозрительных операций со стороны проверяемого налогоплательщика, а также его контрагента и необходимости их вскрытия налоговый орган после проведения КНП, может провести вне рамочную налоговую проверку. В ее основу положен п. 2 ст. 93.1 НК РФ, согласно которому в случае, если вне рамок проведения налоговых проверок у налоговых органов возникает обоснованная необходимость получения документов (информации) относительно конкретной сделки,

[1] Налоговые разрывы // Федеральная налоговая служба. Официальный сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn25/ifns/r25_14/info/9963288/ (дата обращения: 30.04.2025).

[2] Шишков Р. С. Выездные налоговые проверки по законодательству РФ (полномочия налоговых органов при проведении выездной налоговой проверки) // Инновационное развитие Российской экономики. Материалы X Международной научно-практической конференции. – 2017. С. 496

должностное лицо налогового органа вправе истребовать эти документы (информацию) у участников этой сделки или у иных лиц, располагающих документами (информацией) об этой сделке.

Вне рамочная проверка используется для вскрытия цепочки взаимодействия контрагентов этого контрагента проверяемого лица, которая может иметь два и более звена.

ВНП — это единственно действенное контрольное мероприятие. ВНП предшествует Довыездная налоговая проверка контрагента. В отношении контрагента она также может проводится, но в первую очередь проводится именно в отношении проверяемого налогоплательщика.

В основу необходимости ее проведения положено: 1. несоответствие налоговой нагрузки, Фонд оплаты труда и доли вычетов по НДС общим и отраслевым бенчмаркам. 2. системное декларирование убытков. 3. взаимодействие с транзитными организациями.

Налоговый орган в ходе проведения мероприятий налогового контроля проверяемого налогоплательщика, его контрагентов, контрагентов по цепочке, устанавливает, что истребуемые документы контрагентов проверяемого налогоплательщика и по цепочке не представляются, что свидетельствует о создании формального документооборота и в данном случае имеет место использование технических организаций в целях получения проверяемым налогоплательщиком налоговой экономии по НДС.

При этом в рамках проведения проверки контрагента могут быть также проведены и другие мероприятия, предусмотренные ст. 86, 90, 92, 94 - 98 НК РФ и др.:

1) допрос свидетелей (ст. 90 НК РФ). На допрос в налоговый орган вызываются только конкретные физические лица (например, директор, бухгалтер или другой работник) и только по повестке (уведомлению о вызове на допрос).

2) осмотр территорий, помещений проверяемого лица, документов и предметов в целях выяснения обстоятельств, имеющих значение для полноты проверки, (ст. 92 НК РФ). Осмотр проводят тогда, когда после установлены факты искусственного занижения налогов, подлежащих уплате в бюджет. Цель осмотра — выявить соответствие заявленных налогоплательщиком операций его «физическим» возможностям.

3) запрос выписки по расчетным счетам у банка (ст. 86 НК РФ)

4) экспертиза (ст. 95 НК РФ)

5) привлечение специалиста для оказания содействия в осуществлении налогового контроля (ст. 96 НК РФ)

6) привлечение переводчика, понятых (ст. 97, 98 НК РФ)

7) получение информации об IP-адресе

8) получение информации из ЕГРЮЛ

9) анализ налоговой декларации, представленной контрагентом и др.

При ВНП также проводятся:

1. Выемка документов и предметов, которая согласно ст. 94 НК РФ производится на основании мотивированного постановления должностного лица налогового органа, осуществляющего выездную налоговую проверку.

2. Вызов руководителя и бухгалтера на комиссию по добровольному уточнению своих налоговых обязательств или на допрос при КНП или «вне рамочной» проверке.

3. Запрос информации у контрагентов о фактах отношений с этим номинантом.

4. Внезапный осмотр территории и выход по адресам его контрагентов.

По итогам проведения вышеописанных мероприятий составляются протоколы, в которых отражаются их результаты.

Налоговым органом спорному контрагенту по выявленным критериям налоговых рисков присваивается статус «техническая компания», а также он отражается в Федеральном реестре предполагаемых выгодоприобретателей в качестве транзитной

организации, фактически не осуществляющей деятельность, которая используется для минимизации налогов для выгодоприобретателей.

Соответственно после того, как из полученных сведений налоговый орган установит, что лицо неправомерно заявило вычет по НДС по взаимоотношениям с техническими организациями, он производит доначисление налога и привлекает лицо к ответственности за совершение налогового правонарушения.

Существует законная и реальная возможность существенно снизить размер налоговых доначислений, прибегнув к налоговой реконструкции.

Если налоговым органом в цепочке контрагентов выявлены «технические» компании, то по таким сделкам налоговым органом вычеты по НДС не подтверждаются, а понесенные расходы не учитываются при определении налогооблагаемой базы по налогу на прибыль, но в таком случае может быть применена налоговая реконструкция.

«Применение налоговой реконструкции позволяет признать необоснованной налоговой выгодой только ту часть расходов, которая учтена при исчислении налога на прибыль организации, и применении налоговых вычетов по НДС, которая приходится на «технические» компании»[1]. В результате существенно снижается размер доначислений по НДС и налогу на прибыль организаций, и, соответственно, размер штрафов и пени.

Случаи проведения налоговой реконструкции, а также условия её проведения подробно изложены в письме ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ «О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации»[2].

При этом необходимо также отметить, что проведение проверки не всегда имеет целью выявление причин появления разрывов по НДС, проверку контрагента и сделок, совершенных с ним налогоплательщиком, но также и оценку добросовестности, осмотрительности и внимательности налогоплательщика при выборе контрагента.

В п. 10 Постановления Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 №53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» указано, что «факт нарушения контрагентом налогоплательщика своих налоговых обязанностей сам по себе не является доказательством получения налогоплательщиком необоснованной налоговой выгоды. Налоговая выгода может быть признана необоснованной, если налоговым органом будет доказано, что налогоплательщик действовал без должной осмотрительности и осторожности, и ему должно было быть известно о нарушениях, допущенных контрагентом, в частности, в силу отношений взаимозависимости или аффилированности налогоплательщика с контрагентом» [3].

Соответственно, если в ходе проверки контрагента будет установлено, что он является номинальной организацией, то у налогоплательщика, будет иметь место необоснованная налоговая выгода. Однако, если налогоплательщик представит доказательства, что он действовал с должной осмотрительностью, в таком случае выгода не будет признана необоснованной. При этом, если налоговым органом будет установлено, что налогоплательщик умышленно использовал формальный документооборот со спорными поставщиками для получения необоснованной налоговой выгоды и при

[1] Налоговая реконструкция // Федеральная налоговая служба официальный сайт URL: https://www.nalog.gov.ru/rn12/news/activities_fts/12395197/ (дата обращения: 30.04.2025).

[2] О практике применения статьи 54.1 Налогового кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: Письмо ФНС России от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ // КонсультантПлюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2025. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[3] Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды [Электронный ресурс]: Постановление Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 №53// КонсультантПлюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2025. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

этом приводит довод о соблюдении должной осмотрительности, то это не будет иметь правового значения[1].

Подводя итоги, можно сказать, что проверка контрагентов налоговым органом позволяет эффективно выявлять фиктивные сделки и схемы уклонения от уплаты налогов, что способствует честной конкуренции. Налогоплательщики вынуждены тщательнее подходить к выбору партнеров, что снижает уровень теневой экономики. Сокращаются потери бюджета из-за применения необоснованных налоговых вычетов и выявления скрытых доходов.

НОВЕЛЛЫ ПРОЕКТА КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОБ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А. Н. Берглезов,
старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Сибирского университета потребительской кооперации, г. Новосибирск.
Научный руководитель: к.и.н., доцент кафедры конституционного и административного права К. Г. Переладов.

Действующий в настоящее время Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях претерпел множество изменений и дополнений — если быть точным около пяти тысяч за последние семнадцать лет и, по мнению ряда исследователей, стал практически неприменимым[2]. В связи с чем в статье хотелось бы остановиться на тех нововведениях, которые были предложены проектом нового Кодекса Российской Федерации об административной ответственности (далее — КАО), в частности, его общей частью[3]. Глава 1 проекта КАО «Основные начала законодательства Российской Федерации об административной ответственности» содержит две подглавы. Первая подглава «Законодательство Российской Федерации об административной ответственности, его структура, задачи, действие в пространстве и во времени» содержит в себе пять статей, которые определяют задачи законодательства, разграничение предметов ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, действие законодательства об административной ответственности в пространстве и во времени. Вторая подглава «Основания и принципы привлечения к административной ответственности» включает восемь статей, содержит указание на то, что единственным основанием привлечения физического или юридического лица к административной ответственности является совершение административного правонарушения, предусмотренного Особенной частью Кодекса или законом субъекта Российской Федерации об административной ответственности. Здесь же установлены и раскрыты принципы административной ответственности: законности, равенства, индивидуализации, вины в совершении административного правонарушения, справедливости, недопустимости повторного привлечения лица к административной ответственности.В статье 14 главы второй проекта КАО «Административное правонарушение и административная ответственность» содержится определение административного правонарушения, под которым понимается «противоправное, т.е. противоречащее положениям законов, иных нормативных правовых актов,

[1] Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 22 марта 2024 г. №Ф01-484/24 по делу №А31-84/2022 // КонсультантПлюс: справ. правовая система. – Версия Проф. – Электрон. дан. – М., 2025. – Доступ из локальной сети Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[2] Ключеваская Н. Концепция нового КоАП РФ// СПС Гарант // URL: http://static. government.ru (дата обращения: 05.03.2025 г.)

[3] Старостин С.А., Агеев А.А. Проект нового Кодекса РФ об административной ответственности// Официальный сайт Государственной Думы ФС РФ www.duma.gov.ru (Дата обращения 05.03.2025г.)

признанных обязательными для исполнения нормативно-технических документов, действующих на территории Российской Федерации, общественно вредное, т.е. причиняющее реальный вред (физический, имущественный, моральный, репутационный, организационный) охраняемым государством общественным отношениям либо создающее угрозу причинения такого вреда, виновное действие (бездействие) индивидуально определенного физического или юридического лица, обладающего юридической способностью нести административную ответственность, за которое Кодексом или законом субъекта Российской Федерации об административной ответственности установлена административная ответственность».В следующих статьях дается определение состава административного правонарушения и раскрывается содержание его обязательных признаков (элементов), а также вводятся дефиниции длящегося и продолжаемого правонарушения, рассматриваются вопросы привлечения к административной ответственности за совершение административного правонарушения повторно и в совокупности.Третья глава проекта КАО характеризует особенности административной ответственности от дельных категорий лиц, в том числе: граждан; военнослужащих, граждан, призванных на военные сборы, и лиц, имеющие специальные звания; граждан, осуществляющих предпринимательскую деятельность без образования юридического лица; должностных лиц; юридических лиц, а также определяет, что «административная ответственность представляет собой вид юридической ответственности, которая заключается в применении компетентными органами исполнительной власти, иными органами, осуществляющими публичные полномочия, созданными в соответствии с федеральным за коном и законами субъектов Российской Федерации, их должностными лицами, судьями судов, созданных в соответствии с федеральным конституционным за коном, предусмотренных настоящим Кодексом и за конами субъектов Российской Федерации об административной ответственности мер административной. Глава пятая проекта КАО посвящена видам административных наказаний, целям и порядку их применения, делению их на основные и дополнительные. При этом «административное наказание — это мера государственного принуждения, применяемая судом (судьей), иным уполномоченным органом, должностным лицом к физическому или юридическому лицу за совершенное им административное правонарушение». Видов административных наказаний также десять, как и в ныне действующем КоАП, однако не которые из них претерпели изменения. Так, «административный штраф — денежное взыскание в доход бюджетной системы Российской Федерации, налагаемое на лицо, совершившее административное право нарушение. Размер административного штрафа определяется исходя из расчетного показателя (базовой величины), установленного федеральным законом и действующего на момент совершения (обнаружения) административного правонарушения. Минимальный размер административного штрафа, устанавливаемо го для граждан, не может быть менее 0,1 расчетного показателя, для должностных лиц и индивидуальных предпринимателей — 0,5 расчетного показателя, для юридических лиц — менее 2-х расчетных показателей. Максимальный размер административного штрафа, устанавливаемого для граждан, не может превы шать двухсот расчетных показателей, для должностных лиц — одной тысячи расчетных показателей, для индивидуальных предпринимателей — двух тысяч расчетных показателей, для юридических лиц — десяти тысяч расчетных показателей». Исчисление суммы штрафа в расчетных показателях привнесено в проект КАО из Евразийского экономического союза. Указанные расчетные показатели должны будут ежегодно утверждаться Правительством РФ одновременно с проектом федерального бюджета. Такой вид наказания, как лишение специального права, предлагается применять не только к физическому, но и к юридическому лицу за совершенное административное правонарушение, связанное с грубым нарушением условий и порядка пользования специальным правом, предоставленным лицензией, иным разрешением, выданными

компетентными государственными органами или органами местного самоуправления. Административное приостановление деятельности исключено из системы административных наказаний. Административный запрет на совершение определенных действий, осуществление определенной деятельности из мер процессуального обеспечения перешел в разряд мер административного наказания. При этом предусмотрен новый вид административного запрета — на эксплуатацию транспортных средств на срок от одного месяца до одного года. Административный запрет на посещение мест проведения официальных спортивных соревнований в дни их проведения рас ширен до временного запрета на посещение мест проведения массовых политических, культурных, спортивных мероприятий. Однако максимальный срок запрета снижен с семи до трех лет. К обязательным работам добавлены обязательные услуги. Глава 6 проекта КАО посвящена общим правилам применения административного наказания, обстоятельствам, смягчающим и отягчающим административную ответственность. В качестве смягчающих в ст. 46 проекта предусмотрены новые обстоятельства, в том числе совершение административного правонарушения лицом, воспитывающим в одиночку ребенка в возрасте до четырнадцати лет; совершение лицом административного правонарушения под влиянием угрозы, принуждения либо в силу служебной, материальной или иной зависимости от иных лиц. Перечень указанных обстоятельств также, как и по действующему КоАП, подлежит расширительному толкованию. Однако в ст. 47 проекта не указано, могут ли иные обстоятельства быть признаны отягчающими административную ответственность, как это предусмотрено ч. 3 ст. 4.3 ныне действующего КоАП. В проекте КАО статьей 50 изменен срок давности привлечения к административной ответственности, и составляет один год со дня совершения право нарушения, а при длящемся правонарушении — не позднее истечения одного года со дня его обнаружения должностным лицом, уполномоченным на возбуждение дела о соответствующем административном правонарушении. Указанный срок является пресекательным и восстановлению не подлежит. Статьей 52 проекта КАО внесены изменения в порядок устранения последствий административного правонарушения. Вопрос о возмещении лицом, совершившим административное правонарушение, имущественного ущерба или морального вреда, причиненного данным правонарушением, при отсутствии спора о наличии и (или) размере данного ущерба (вреда) может быть разрешен судом (судьей), рассматривающим дело об указанном административном правонарушении. В настоящее время ст. 4.7 КоАП РФ вопросы возмещения морального вреда рассматриваются судом в порядке гражданского судопроизводства. В июне 2019 года Правительством РФ была опубликована Концепция нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, который, как предполагается, должен был вступить в силу с 1 января 2021 года. Концепция нового КоАП РФ несет в себе новый вектор развития и реформирования законодательства в данной области, акцентирует внимание на наиболее проблемных моментах, требующих немедленного решения в рамках проводимой модернизации. Думается, что в проекте нового Кодекса нашли свое прямое отражение результаты научных исследований института административной ответственности. Между тем, как отмечается в Концепции, в ходе работы над текстом нового Кодекса обозначенные подходы могут быть изменены.

КУРОРТНЫЙ СБОР: РОССИЙСКИЙ И МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ

И. А. Гончаров, Н. Д. Попов,
студенты Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск.
Научный руководитель: к.ю.н., младший советник юстиции,
доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора
в рассмотрении гражданских и арбитражных дел А. С. Агафонов.

Актуальность исследуемой темы обусловлена законодательным нововведением курортных сборов.

Необходимость в правовом регулировании курортных сборов во многом обусловлена культурными, экономическими и геополитическими причинами: слабая развитость и постоянный износ туристической инфраструктуры вследствие её использования туристами; проблемы, возникающие при недостаточном финансировании и контроле денежных средства, выделяемых на развитие курортных зон федерального, регионального, местного назначения; вхождение в состав Российской Федерации новых территорий, требующих восстановления курортной инфраструктуры, ключевым фактором в формировании законодательной инициативы по внедрению курортного сбора стал присоединенный в 2014 г. Крым, курортная инфраструктура которого требовала реконструкции. Анализ многолетнего международного опыта аналогичных сборов позволит решить ряд проблем путем заимствования существующих механизмов в иностранных государствах.

В настоящее время Российская Федерация уделяет пристальное внимание развитию государственной политики в сфере туризма. Однако существующая политическая конъюктура и право вызывает ряд социальных проблем, так как, во-первых, вызывает недовольство среди общественности, во-вторых понятие «курортного сбора» в законе закреплено недавно и сложившуюся практику только предстоит наработать. Решить поставленные проблемы попытались путём принятия в 2017 году Федерального Закона «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры»[1] (далее – ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры») в ряде территорий: Республике Крым, Алтайском крае, Краснодарском крае, Ставропольском крае, городе федерального значения Санкт-Петербурге (далее – субъекты РФ), федеральной территории «Сириус». Указанный эксперимент планируется реализовывать до 2024 года, однако, как следует из пояснительной записки к проекту федерального закона «О внесении изменения в статью 2 Федерального закона «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры»[2] (далее – пояснительная записка к ФЗ «О внесении изменения в ст. 2 ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры») указанный срок планируется продлить до 2029 года в связи с успешностью реализации вышеназванного закона. На основе данных об объеме доходов бюджета Ставропольского края от уплаты курортного сбора, составивших 1 851,9 млн. рублей, и реализации более 80 мероприятий по проектированию, строительству, реконструкции, содержанию, благоустройству и ремонту объектов курортной инфраструктуры можно заключить вывод об успешности эксперимента.

[1] О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры : Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 214-ФЗ. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 10.04.2025).

[2] О внесении изменения в статью 2 Федерального закона «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры» : Пояснительная записка к проекту Федерального закона от 7 февраля 2024 года 545485-8. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/545485-8 (дата обращения: 10.04.2025).

Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года»[1] определяет цели и задачи развития туризма, среди которых ключевое значения для рассматриваемой темы имеет увеличение числа туристских поездок, увеличение средней численности работников туристской индустрии, увеличение количества номеров в классифицированных средствах размещения, что будет обеспечивать усиление социальной роли туризма. Задачами развития туризма являются совершенствование нормативно-правового регулирования в сфере туризма, создание конкурентоспособного туристского продукта Российской Федерации.

Кроме того Распоряжение Правительства РФ от 20.09.2019 № 2129-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года»[2] рассматривает туризм в качестве источника финансовых доходов бюджетов бюджетной системы Российской Федерации, средства повышения занятости и качества жизни населения, способа поддержания здоровья граждан, основы развития социокультурной среды и воспитания патриотизма, а также мощного инструмента просвещения и формирования нравственной платформы развития гражданского общества.

Несмотря на положительный результат эксперимента, вопросы законодательного закрепления курортных сборов до сих пор вызывают дискуссию как среди ученых, так и правоприменителей. В научной литературе выделяются две позиции определения курортного сбора как налогового платежа либо и как неналогового платежа. Так, Е. В. Евсикова определяет «плату за пользование курортной инфраструктурой» и курортный сбор как тождественные понятия и в своей работе делает вывод о соответствии курортного сбора ближе к налогу, чем к сбору, поскольку «носит обязательный характер, обеспечивается государственным принуждением, поступает в соответствующий Фонд развития курортной инфраструктуры, предназначенный для публичных нужд»[3]. Аналогичной позиции придерживается А. Д. Селюков, отмечая тот факт, что курортный сбор не предполагается услуги со стороны государства или муниципальных образований, а также делает прогноз внедрения курортного сбора «сбор вместо помощи курортам снизит конкурентные возможности отечественных курортов перед иностранными аналогичными структурами»[4].

Существует также и следующее мнение – «платеж, взимаемый как «плата за пользование курортной инфраструктурой», или «курортный сбор», по своей правовой природе является сбором, т.е. имеет неналоговый характер, но, это не означает, что данный платеж, курортный сбор, не должен предусматриваться НК РФ и не должен входить в систему налогов и сборов»[5].

На наш взгляд для определения правовой природы курортного сбора необходимо обратиться к Постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 1998 года № 22-П[6], который выделил следующие признаки неналоговых плате-

---

[1]Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2019 года № 2129-р. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 10.04.2025).

[2]Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2019 года № 2129-р. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 10.04.2025).

[3]Евсикова Е. В. Курортный сбор в системе налогов и сборов Российской Федерации // Юридический вестник ДГУ. 2018. № 2. С. 87.

[4]Цинделиани И. А. Финансово-правовое регулирование обязательных платежей, уплачиваемых в федеральный бюджет Российской Федерации : монография. 2018. С. 289.

[5]Ступникова О. Е. Курортный сбор: проблемы взимания и перспективы развития // Вестник экспертного совета. 2019. № 3. С. 35.

[6]По делу о проверке конституционности Постановлений Правительства Российской Федерации от 26 сентября 1995 года № 962 «О взимании платы с владельцев или пользователей автомобильного транспорта, перевозящего тяжеловесные грузы, при проезде по автомобильным дорогам общего пользования» и от 14

жей: целевая направленность; индивидуальная безвозмездность; причинение действиями плательщика, обусловливающими обязанность внесения такого платежа, определенного ущерба федеральной, региональной или местной собственности путем пользования ею; законодательное закрепление определенных критериев, при наличии которых лицо признается плательщиком неналогового платежа. Ст. 8 НК РФ устанавливает такие признаки налога, как обязательный; индивидуально безвозмездный платеж; взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения денежных средств; с целью финансового обеспечения деятельности государства и муниципальных образований.

Анализ вышеизложенных признаков не позволяет их определить в одну из рассмотренных категорий, но на курортный сбор, по своей правовой природе больше соответствует понятию «налог», чем «сбор», поскольку носит обязательный характер, обеспечивается государственным принуждением, поступает в соответствующий Фонд развития курортной инфраструктуры, предназначенный для публичных нужд, а значит должен предусматриваться НК РФ и входить в систему налогов и сборов РФ.

Помимо вышеуказанных проблем следует остановиться на механизме уплаты курортного сбора в субъектах Российской Федерации, предусмотренных ФЗ «О проведении эксперимента по развитию курортной инфраструктуры». Названный закон устанавливает императивное правило перечисления курортного сбора, уплаченного физическими лицами оператору курортного сбора, последним в бюджет субъекта Российской Федерации (далее – субъекта РФ). На наш взгляд указанный механизм имеет ряд недостатков, во-первых, возникает множество вопросов относительно того, кто будет администрировать курортный сбор, осуществлять контроль за его исчислением и уплатой, привлекать к ответственности, а во-вторых, рациональность перечисления курортных сборов непосредственно в субъект бюджета РФ. На наш взгляд, если бы средства направлялись сразу в местные бюджеты, то это в свою очередь сократило бы расходы на администрирование. Не исключен риск возникновения ситуации, при которой в результате такого подхода одни муниципальные образования будут обеспечены лучше других, однако, в этом больше положительных сторон, чем отрицательных, поскольку возникнет своего рода конкуренция, которая будет способствовать развитию разных муниципальных образований.

Анализ Российского законодательства, существующих проблем уплаты курортного сбора позволяет заключить ряд выводов. Проблема курортного сбора имеет общественное значение, так как курорты и туристские центры всегда нуждаются в дополнительном финансировании, позволяющем содержать и развивать курортную инфраструктуру, следовательно, туристы, пользующиеся этой инфраструктурой должны принимать в этом участие. В этой связи местные органы самоуправления территорий, на которых туристы уплачивают курортный сбор, должны сделать эту процедуру понятной и прозрачной для туристов. Очень важно также организовать систему контроля за уплатой сбора и обеспечить целевое использование собранных средств. Кроме того, необходимо периодически изучать общественное мнение по вопросу отношения туристов к условиям и процедурам взимания курортного сбора, чтобы чувствовать настроения в обществе, так как очень часто недовольство людей возникает не по самому факту сборов, а по причине неграмотных действий местных властей и непрозрачности процессов.

Разобрав тему курортного сбора на территории Российской Федерации, необходимо обратиться и к международному опыту данной процедуры. Для начала стоит ска-

---

октября 1996 года № 1211 «Об установлении временных ставок платы за провоз тяжеловесных грузов по федеральным автомобильным дорогам и использовании средств, получаемых от взимания этой платы» : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 1998 № 22-П. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 10.04.2025).

зать, что во многих популярных среди туристов зарубежных мест совсем недавно появился такой вид налога, как курортный сбор. Также правовой характер курортного сбора, его размер, цель введения и последующего использования варьируются в зависимости от страны.

Считаем, что необходимо первым делом проанализировать опыт некоторых стран, входящих в союз независимых государств (далее – СНГ). Так, в республике Беларусь согласно ст. 32 Налогового кодекса Республики Беларусь (далее – НК РБ) курортный сбор относится к местным сборам[1]. Так, в соответствии со ст. 277 НК РБ «плательщиками курортного сбора являются физические лица, за исключением лиц, которые направлены на оздоровление и санаторно-курортное лечение в соответствии с законодательными актами». Для сравнения с курортным сбором РФ необходимо самое главное выделить объект обложения в Республики Беларусь. Так, «нахождение (проживание не менее суток) физического лица в санаторно-курортных организациях, профилакториях, оздоровительных центров, образовательно-оздоровительных лагерях, домах (базах) отдыха, пансионатах, распложенных на территории Республики Беларусь». После того, как происходит такая оплата, следующим этапом является – предоставление организациями в налоговой орган по месту постановки на учет информации о перечислении курортного сбора в произвольной форме.

В большинстве европейских городах местные власти идут по иному пути: сумму курортного сбора взимают с каждого человека в зависимости от того, сколько ночей он будет жить на объекте размещения, но решение о включении суммы курортного сбора в стоимость номера или взимание его отдельно принимается каждым объектом размещения самостоятельно[2]. Кроме того, размер курортного сбора может меняться в зависимости от того, какой тип объекта размещения снимает турист – апартаменты, номер в отеле или хостеле, а также количество звезд отеля играет немаловажную роль.

Такая ситуация, например, на данный момент происходит в Турции. Непосредственно курортный сбор был введен в действие на территории Турции в 2023 году. В целом суть такого вида налога заключается в том, что взимание происходит в объектах размещения, куда также входят гостиницы, мотели, апартаменты, гостевые дома и различные кемпинги. Поскольку гостиницы из перечисленных видов объектов взимания курортного сбора являются самыми комфортабельными и благоустроенными, то соответственно и оплата такого налога будет осуществляться как с цены размещения гостя, так и с остальных оказываемых услуг, куда также входят организация питания, услуги бассейна, хаммама, конференция развлечений и др.

В рассмотренном календарном периоде курортный сбор был введен также в Барселоне, Валенсии, Венеции.

Как отмечает Е. В. Евсикова, что по общему правилу, курортный (туристический) сбор (налог) оплачивается одновременно с оплатой номера в отеле, однако при бронировании номера через Интернет лицо оплачивает сбор при выезде из отеля вместе с оплатой других услуг, например, пользованием минибаром или функцией массажиста.

Так, в некоторых городах Германии гость, оплачивая курортный (туристический) сбор (налог), получает туристическую карту, которая дает ряд привилегий – скидки на посещение музеев, ресторанов, бесплатный проезд в общественном транспорте, бесплатное пользование некоторыми курортными заведениями, ряд бесплатных услуг и т. д. Более широко в Германии курортный сбор распространился в XIX веке. Так, специальный закон о правилах учреждения и взимания налога с отдыхающих был принят еще в 1893 году. На сегодняшний день ставка курортного (туристического)

[1]Налоговый кодекс Республики Беларусь от 29 декабря 2009 года № 71-З. URL: http://www.nalog.gov.by/ru/TAX_CODE_RU/ (дата обращения: 13.04.25).

[2]Евсикова Е. В. Некоторые аспекты регламентации правоотношений в сфере установления, введения, взимания и перечисления курортного сбора (опыт зарубежных стран) // Юридические науки. 2018. № 1. С. 176.

сбора (налога) в Германии, в среднем, составляет 2,36 евро в день, однако точный размер ставки может варьироваться в зависимости от города[1].

Во Франции установлено довольно интересное правило, которое схоже с российским инструментом по взиманию курортного сбора. Так, правом на такой вид налога обладают лишь населенные пункты и города с официальным статусом «туристический» или «курортный»[2]. Также, как и во многих других странах мира, во Франции существует так называемый повышенный курортный сбор, взимаемый в местах с более комфортабельными услугами.

В Италии в большей степени существует аналогичная система по взиманию такого вида налога, однако установлены льготные категории лиц, которые освобождаются от его уплаты. Данные категории определяются муниципальными образованиями. Такое закрепленное правило имеет свои плюсы: учитывается уровень дохода и иные значимые фактора населения Италии, однако есть и существенные минусы для такого вида налогообложения – невозможность создания единообразной системы и затруднение по ее применению.

Однако в Соединенных Штатах Америки (далее – США) чаще всего применятся правило: что не запрещено законом, то разрешено. Поэтому в гостиничных сетях происходит введение курортных сборов, которые в свою очередь выступают в качестве доплаты за повышенный уровень сервисного обслуживания в отелях. На данный момент органами федеральной власти в США реализуются меры по правовой регламентации механизма ценообразования курортного сбора, помимо этого также реализуется информационное обеспечение лиц, которые пользуются услугами индустрии туризма и развлечений с целью по нейтрализации деятельности недобросовестных владельцев отелей[3].

Завершая краткий обзор по взиманию курортного сбора в некоторых странах Европы, стоит сказать, что действующая нормативная правовая база таких стран содержит определенный запрет на дополнительные сбора. Так, посредством этого реализуются такие принципы, как четкость и прозрачность ценовой политики, которые реализуются владельцами отелей. Указанные принципы существенно отличают европейское законодательство от американского в сфере туризма.

Общие правила, установленные в странах Европейского союза, порождают некоторые спорные ситуации. Например, равенство прав при уплате курортного сбора как для туристов, так и для местных жителей может означать, что жители курортных мест обязаны уплатить сбор, если они предпочитают остановиться в отеле, а не дома[4].

Решения о введении курортного сбора обычно принимаются местными органами власти, а собранные средства направляются на поддержание экологического баланса, улучшение туристической инфраструктуры, разнообразие и продвижение предлагаемых туристических услуг.

Практика введения курортного сбора (туристического налога, городского сбора) постепенно расширяется, сохраняя основные принципы, но с учетом местных условий и особенностей определяется порядок взимания, сроки уплаты, ценообразование и возможности предоставления льгот определенным категориям отдыхающих.

Для полного представления установления и порядка реализации взимания курортного сбора необходимо кратко рассмотреть и страны Юго-Восточной Азии.

---

[1]Курортный сбор в Германии : интернет-сайт. URL: http://turbina.ru/blogs/view/Kurortnyysbor-v-Germanii-101810/ (дата обращения: 10.04.2025).

[2]Крутиков В. К. Алгоритмы туристических сборов: международный опыт для российской практики // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2017. № 9-1. С. 56.

[3]Крутиков В. К. Ресурсное обеспечение политики импортозамещения в сегменте туристических услуг // Российское предпринимательство. № 6. 2015. С. 927.

[4]Там же. С. 926; Статистическая служба Европейского союза : официальный сайт : URL: https://eeas.europa.eu/ru/eu-information-russian_ru (дата обращения: 10.04.2025).

Так, в Таиланде, который является одним из самых востребованных курортных мест планеты, введен курортный сбор в размере 10 долларов. На данный момент органами государственной власти Таиланда рассматриваются процедуры применения такого вида налога, при этом учитывается время пребывания туристов в курортных зонах и уровень предоставляемых услуг отелями.

Одним из самых дорогостоящих курортных сборов установлен в государстве Азии – Бутан. Так, один день нахождения на территории данного государства обойдется туристу в размере 200 долларов. Однако следует уточнить, что такая большая сумма налога обусловлена тем, что благодаря ней обеспечиваются все видны сервисных услуг: начиная от организации питания и размещения в номере отеля, заканчивая предоставлением автотранспорта с водителем[1].

Изучив и проанализировав законодательство Российской Федерации и различных зарубежных стран мира, также тем самым обратившись к международному опыту установлению и взиманию такого вида налогообложения, как курортный сбор, мы пришли к следующим выводам.

Курортный сбор – популярная практика в нескольких странах мира, включая Российскую Федерацию. Размер, характер и управление по взиманию такого налога могут отличаться, цель у всех государств одинакова: финансирование развития местной инфраструктуры. Таким образом, государство перекладывает часть ответственности за социальные вопросы на определенные группы людей. Курортные сборы и их иностранные аналоги часто используются на туристических маршрутах, что стало возможным благодаря глобализации и росту туризма.

ПЕРСПЕКТИВЫ НАЛОГА НА ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ ДОХОД

Д. А. Дагбаева
студент Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск.
Научный руководитель: к.ю.н., младший советник юстиции,
доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора
в рассмотрении гражданских и арбитражных дел А. С. Агафонов.

На современном этапе развития государств оптимальная налоговая система выступает ключевым инструментом влияния на общий уровень экономики и благосостояния общества. Тем не менее, она не всегда соответствует в полной мере актуальным требованиям существующей реальности и сталкивается с трудностями в решении проблем.

Одной из значимых и распространенных проблем для налоговых систем многих стран выступала неподотчетность самостоятельной некриминальной деятельности лиц, трудящихся неофициально и находящихся в теневом секторе экономики. Например, к такой деятельности можно отнести продажу изделий ручной работы, оказание косметических услуг на дому, удаленную работу в сети «Интернете» через электронные площадки и другие.

Для решения приведенной проблемы и установления налогового регулирования общественных отношений в данной сфере неподконтрольная ранее налоговая система Российской Федерации претерпела существенные изменения, в основе которых было

[1]Крутиков В. К. Ресурсное обеспечение политики импортозамещения в сегменте туристических услуг // Российское предпринимательство. 2015. № 6. С. 928.

введение специального налогового режима «налог на профессиональный доход» (далее – НПД) в качестве эксперимента.

Путь включения НПД в Налоговый кодекс Российской Федерации (далее – НК РФ) может стать по своему объему объектом отельного исследования, однако затронем обзорно предшествующие ключевые этапы, подготавливавших фундамент для функционирования рассматриваемого режима, чтобы отразить значимость НПД.

В первый этап входят государственные мероприятия по институционализации самозанятости, приходящиеся примерно на период с 2013 по 2017 года, за который были приняты следующие основные акты:

перечень поручений от 27 декабря 2013 г. № Пр-3086 «Перечень поручений по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 12 декабря 2013 года» (далее- Перечень). В пункте 1.27 данного Перечня Правительству Российской Федерации поручалось в целях поддержки субъектов малого предпринимательства обеспечить внесение в законодательство Российской Федерации изменений, предусматривающих: «применение патентной системы налогообложения самозанятыми гражданами, возможность уплаты ими (в зависимости от срока действия патента) налога в связи с применением патентной системы налогообложения и обязательных платежей по страховым взносам…»[1];

распоряжение Правительства Российской Федерации от 2 июня 2016 года №1083-р «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года». Согласно данному документу, к самозанятым относятся граждане, «осуществляющие приносящую доход деятельность и не зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей»[2]. На тот момент до введения НПД для постановки на учет в качестве самозанятого действовал механизм добровольного уведомления о деятельности, который на 3 года освобождал их от уплаты налогов и платежей во внебюджетные фонды, а также снимал риск привлечения за незаконное предпринимательство. Также указывалось, что «необходимо проработать вопрос о закреплении нового правового статуса граждан, относящихся к категории самозанятых граждан»[3];

Федеральный закон от 30 ноября 2016 № 401-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую НК РФ и отдельные законодательные акты РФ». В статьи 83 и 217 НК РФ были внесены дополнения, устанавливающие понятие самозанятости, порядок постановки и уплаты налогов с доходов физических лиц (далее – НДФЛ) в отношении самозанятых граждан.

Следующим этапом стало установление возможности проведения экспериментов по установлению налогов, сборов, специальных налоговых режимов федеральным законом от 27 ноября 2018 № 425-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую НК РФ и отдельные законодательные акты РФ». Так в дополненном пункте 8 статьи 1 НК РФ предусмотрено, что «правоотношения, возникающие в ходе проведения указанных экспериментов, регулируются законодательством о налогах и сборах с учетом особенностей, установленных федеральными законами о проведении экспериментов»[4].

В завершающем этапе был принят Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового

[1] Перечень поручений по реализации Послания Президента Российской Федерации Федеральному собранию от 12 декабря 2013 г / Сайт Администрации Президента России 2025 год [Электронный ресурс] // URL: http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/20004 (дата обращения: 02.04.2025).

[2] Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 24. Ст. 3549.

[3] Там же.

[4] Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3824.

режима «Налог на профессиональный доход». Было предусмотрено постепенное применение НПД по территориям России, потому изначально действовал только в четырех субъектах – Москве, Московской области, Калужской области и Республике Татарстан, с 1 января 2020 г. – в еще девятнадцати субъектах РФ. В настоящее время НПД взимается во всех субъектах РФ, включая новые регионы России – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую и Херсонскую области, а также на федеральной территории Сириус, городе и космодроме Байконур.

Кроме того, в том же пункте 8 статьи 1 НК РФ предписано также, что «не позднее чем за шесть месяцев до его окончания эксперимента «Правительство Российской Федерации представляет в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации отчет об эффективности (неэффективности) проведенного эксперимента, а также предложения о его продлении, об установлении настоящим Кодексом соответствующего налога, сбора, специального налогового режима либо о прекращении такого эксперимента»[1]. Следовательно, анализируя промежуточные данные, можно прогнозировать вероятный исход этого налогового эксперимента.

Национальный проект «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», утвержденный Министерством экономического развития Российской Федерации (далее – Минэкономразвития) и уже завершенный на данный момент, предусматривал достижение к 2024 году показателя зарегистрированных плательщиков НПД – 2 миллиона 100 тысяч человек[2], но данный показатель был достигнут и превышен на три года ранее, весной 2021 года: по состоянию на 30 апреля 2021 года зарегистрированных самозанятых было 2 миллиона 250 тысяч 5 человек[3]. С. М. Миронова комментирует данные результаты следующим образом: «ставя перед собой первоначально цель по выводу людей из тени, легализации их профессиональной деятельности, государство вряд ли предвидело, что этот налоговый режим станет так популярен среди граждан»[4].

По состоянию на 30 марта 2025 года в России было зарегистрировано 13 миллионов 21 тысяча 255 плательщиков НПД, из них большая часть 12 миллионов 374 тысяч 825 человек – не имеют статуса индивидуального предпринимателя, что составляет 95% от их общего числа[5]. Общее количество плательщиков в прошлом году на ту же дату составляло 9 миллионов 934 тысяча 113, прирост за год был на 3 миллиона 87 тысяча 142. Рост числа самозанятых с каждым годом можно объяснить простой процедурой регистрации в системе НПД, благоприятными условиями и региональными мерами поддержки для этой категории.

Вместе с тем важно учитывать, что значимо увеличение не только числа зарегистрировавшихся плательщиков НПД, но и объема поступлений в бюджет от уплаты налога. Общая сумма налогов на НПД за 2024 год составила 101 миллиардов 35 милли-

[1] Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима "Налог на профессиональный доход"» // Собрание законодательства РФ. 2018. № 49 (часть I). Ст. 7494.

[2] Паспорт федерального проекта «Поддержка самозанятых» (редакция от 28 июня 2024 г.). // URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_proekt_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/podderzhka_samozanyatyh/ (дата обращения: 02.04.2025).

[3] Сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» / Официальный сайт Налоговой Федеральной Службы // URL: https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html (дата обращения: 05.04.2025).

[4] Миронова С. М. Налог на профессиональный доход - пять лет эксперимента: промежуточные итоги // Финансовое право. 2023. № 12. С. 12.

[5] Сведения о количестве самозанятых граждан, зафиксировавших свой статус и применяющих специальный налоговый режим «Налог на профессиональный доход» / Официальный сайт Налоговой Федеральной Службы // URL: https://rmsp.nalog.ru/statistics2.html (дата обращения: 05.04.2025).

онов 998 тысяч 168[1]. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» Минэкономразвития разработало новую структуру паспорта федерального проекта «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы» ключевая цель которого обеспечить реальный рост дохода на одного работника субъекта малого и среднего предпринимательства в 1,2 раз выше, чем рост валового внутреннего продукта[2], что распространяется и на плательщиков НПД. В последующем полученные результаты мер вероятно также станут важны при оценке эффективности НПД.

Таким образом, процесс вовлечения неформально занятых граждан в налоговую систему был постепенным и пришел к введению НПД. На сегодняшний день данный режим уже демонстрирует значительные достижения по статистическим данным, что, на наш взгляд, создает предпосылки не только для продления экспериментального периода, но и для возможного закрепления НПД в качестве постоянного налогового инструмента. Также мы полагаем, что при оценке результатов НПД в 2028 году следует учитывать не только численность зарегистрированных, как количественный показатель, но и проанализировать динамику налоговых поступлений, как взаимосвязанный с первым качественный показатель.

[1] Статистика по плательщикам налога на профессиональный доход / Официальный сайт Налоговой Федеральной Службы // URL: https://geochecki-vpd.nalog.gov.ru/self-employment (дата обращения: 05.04.2025).

[2] Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы / Официальный сайт Минэкономразвития России // URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/np_effektivnaya_i_konkurentnaya_ekonomika/fp_maloe_i_srednee_predprinimatelstvo_i_podderzhka_individualnoy_predprinimatelskoy_iniciativy/ (дата обращения: 05.04.2025).

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИИ

М. О. Бахаева,
студентка Юридического института
Иркутского государственного университета, г. Иркутск.
Научный руководитель: к.э.н., доцент кафедры гражданского права О. В. Горбач.

Поддержка малого и среднего бизнеса в России протекает достаточно активно, тем самым обеспечивая все условия для развития и эффективной работы бизнеса.

Основными нормативными документами сферы поддержки малого и среднего предпринимательства следует считать следующие нормативные акты:

- Федеральный закон от 24 июля 2007 года №209 – ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации»;
- Указ Президента Российской Федерации от 5 июня 2015 года №287 «О мерах по дальнейшему развитию малого и среднего предпринимательства»[1].
- Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 №316 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Экономическое развитие и инновационная экономика».

Тем не менее, данный короткий перечень не является полным, и далее в процессе исследования будут упомянуты некоторые другие нормативные акты, на основании которых предприниматели малого и среднего масштаба смогут получать различные льготы.

Помощь бизнесу в стране осуществляется сразу по нескольким направлениям, которые далее рассмотрим более подробно в процессе исследования.

Рассмотрим основные финансовые льготы, разработанные специально для поддержки как малого, так и среднего бизнеса.

Одной из наиболее приоритетных направлений поддержки предпринимателей, конечно, являются льготные кредиты, и данная льгота доступна с 2019 года и активно используется на сегодняшний день, и скорее всего будет действовать ещё долго, несмотря на то что изначально программа была рассчитана до конца 2024 года. Данная преференция регламентирована Программой льготного кредитования в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 30.12.2018 №1764 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским кредитным организациям и специализированным финансовым обществам в целях возмещения недополученных ими доходов по кредитам, выданным в 2019 – 2024 годах субъектам малого и среднего предпринимательства, а также физическим лицам, применяющим Федеральный закон «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» от 27.11.2018 №422-ФЗ, по льготной ставке»[2].

Недополученную прибыль банкам компенсирует государство, так как кредиты предпринимателям предоставляются по сниженной процентной ставке, а, следовательно, прибыль банка снижается.

---

[1] Ферафонтова М. В. Актуальные проблемы и перспективы развития малого и среднего предпринимательства в РФ // Заметки ученого. 2021. № 5-1. С. 478-483.

[2] Цинченко Г. М., Орлова И. С. Государственная политика в сфере развития малого и среднего бизнеса // Вопросы управления. 2020. № 3 (64). С. 1-15.

Список деятельности индивидуальных предпринимателей, для которых доступны льготные условия кредитования достаточно обширны и включают в себя практически любые виды деятельности, что предоставляет возможность дальнейшего развития практически во всех сферах.[1]

Денежные средства, полученные за счёт кредита, можно использовать в целях дальнейшего развития бизнеса как с нуля, так и на любом другом этапе осуществления деятельности индивидуального предпринимателя, и даже на выплату заработных плат сотрудникам. Так, мы видим, что направления использования полученных кредитной организацией средств практически не ограничены.

Помимо льготных кредитов, к мерам финансовой поддержки для индивидуальных предпринимателей можно отнести:

- Возможность взять кредитные каникулы;
- Возможность реструктуризации кредитов;
- Гранты для новых предпринимателей и некоторые другие[1].

К другим налоговым послаблениям следует отнести освобождение от имущественного налога для индивидуальных предпринимателей, использующих относительно новый специальный режим, автоматизированной системы налогообложения. (В соответствии с Федеральным законом «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Автоматизированная упрощенная система налогообложения» от 25.02.2022 №17-ФЗ)

Льготы предоставляются и в рамках транспортного налога, данный налог прописан в Налоговом кодексе в главе 28, статьях 356-356.1, если легковой автомобиль имеет стоимость 3-10 млн. рублей, то налог будет рассчитан без использования повышающего коэффициента.

Деятельность, связанная с туристической деятельностью, также имеет определённые льготы. В соответствии с Федеральным законом от 26.03.2022 №67-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и статью 2 Федерального закона «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации», а именно в подп. 18 п. 1 ст. 164 НК РФ и подп. 19 п. 1 ст. 164 НК РФ Данный закон предусматривает различные льготы для налогоплательщиков, осуществляющих деятельность в области туризма и отдыха[2].

Рассмотрим, данные льготы, которые действуют для бизнеса, связанного со следующими видами деятельности:

- Гостиничный бизнес;
- Кемпинги;
- Комплексы развлекательной направленности;
- Комплексы спортивной и оздоровительной направленности;
- Комплексы для горнолыжного спорта;
- Яхт клубы;
- Аквапарки[5]

[1] Адырхаева Э. А. Оценка эффективности государственной поддержки малого и среднего бизнеса в современной России // Актуальные вопросы современной экономики. 2021. № 1. С. 469-475.

[1] Мокроносова А. Д. Проблемы развития малого бизнеса в России и его государственная поддержка // Вектор экономики. 2020. № 9 (51).

[2] Официальный сайт Федеральной налоговой службы. Новости налогового законодательства. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn53/news/tax_doc_news/12162312. Текст электронный.

[5] Концибер М. В., Гафурова В. М. Малый бизнес в России: меры государственной поддержки и развития // Актуальные вопросы экономики и управления: материалы V Междунар. Науч.-практ. Конф., Магнитогорск, 27 апр. 2020 г. / под общ. Ред. Н.Р. Балынской. – Магнитогорск, 2020. С. 119-123.

Все указанные виды деятельности могут воспользоваться преференцией, заключающейся в использовании нулевой ставки по НДС, вместо стандартной ставки в 20%.

Помимо указанных льгот и преференций, следует отметить возможность использования моратория на проверки со стороны некоторых органов власти, кроме налоговых органов. В данном случае речь идёт о спонтанных, не запланированных проверках. Действие ограничения на проверки бизнеса малого и среднего масштаба было организовано с 2022 по 2024 год, что закреплено в Постановлении Правительства РФ от 10 марта 2022 г. №336 «Об особенностях организации и осуществления государственного контроля (надзора), муниципального контроля», но с учётом сложной геополитической обстановки данная льгота действует до сих пор[2].

Для сферы IT технологий разработаны и используются отдельные виды льгот, и даже целый комплекс мер для поддержки. С точки зрения права данные льготы указаны в Указе Президента РФ от 02.03.2022 №83 (ред. от 04.09.2023 г.) "О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации». В данном подзаконном акте имеются ряд преимуществ для молодых людей, а именно в предоставлении отсрочки от армии до 27 лет и возможность применения льготной ипотеки, а для компаний также доступно освобождение от уплаты налога на прибыль и проверок на три года, им предоставляются выгодные кредиты и расширенная программа грантов на разработку Программного Обеспечения. Налоговые льготы также распространяются на организации, связанные с реализацией, установкой, тестированием и поддержкой отечественных решений.

Для сферы технологий используются налоговые льготы, в том числе льготы по НДС и налогу на прибыль. Помимо этого, предприниматели этой области могут пользоваться льготными кредитными условиями по сниженными ставкам.

К более существенным и сложным методам поддержки, позволяющим не потерять хороших специалистов, следует отнести следующие меры поддержки сферы IT технологий:

- Упрощённое трудоустройство для иностранцев в компании, связанные с информационными технологиями;
- Возможности улучшения жилищных условий для некоторых категорий сотрудников сферы;
- Отсрочка от военной службы для сотрудников рассматриваемой области[3].

Для предпринимателей, которые подлежат мобилизации, также разработаны специальные меры поддержки. Так, в случае, когда индивидуальный предприниматель является единоличным участником общества с ограниченной ответственностью, ему положены кредитные каникулы, в том числе отсрочка на займы и кредиты, которые были оформлены до мобилизации. Такие каникулы и отсрочка могут быть продлены до окончания военной службы или нахождения в военном госпитале.

Помимо самих мобилизованных, льготами могут воспользоваться члены семей военнослужащих, вне зависимости от того, были ли они мобилизованы, или подписали контракт или пришли в добровольческие отряды. Это важное законодательное положение присутствует в нормативно-правовом акте в таком как Федеральный закон «О статусе военнослужащих» от 27.05.1998 №76 – ФЗ оно обеспечивает поддержку не только непосредственно участвующих в военных действиях, но и их близких. Это говорит о признании значимости и вклада семей военнослужащих в общественную и эко-

[2] Брачун Т. А. Проблемы и перспективы поддержки предпринимательской деятельности на муниципальном уровне / Т.А. Брачун, Е.А. Широкова, С.Г. Ковальчук // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2020. № 5 (125). С. 94-101.

[3] Бурханова Р. Р., Исламгулова А. Ф. Государственная поддержка малого бизнеса в России // Аллея науки. 2017. Т. 1. № 16. С. 411-414.

номическую жизнь страны. Такая мера подчеркивает социальную ответственность государства перед военнослужащими и их семьями, а также стремление к обеспечению их социального благополучия в условиях военных конфликтов.

Рассмотрев законодательную базу поддержки малого и среднего бизнеса в России, можно сделать вывод, что особое внимание уделяется льготным кредитам, которые укрепляют и защищают бизнес от непредвиденных обстоятельств. Льготное кредитование снижает процентные ставки и предоставляет финансовую помощь, способствуя развитию предпринимателей в разных сферах. Доступ к преференциям, таким как нулевая ставка НДС и льготные условия кредитования, способствует развитию малого и среднего бизнеса, особенно в сфере информационных технологий. Мораторий на проверки и меры поддержки в сфере информационных технологий, включая упрощённое трудоустройство для иностранных специалистов и отсрочку от военной службы, являются важными инструментами для удержания квалифицированных кадров. Специальные меры поддержки для предпринимателей, подлежащих мобилизации, и льготы для членов семей военнослужащих свидетельствуют о социальной ответственности государства. Законодательные положения обеспечивают стабильность и развитие экономической и социальной среды в стране.

ПРОБЛЕМЫ НАСЛЕДОВАНИЯ ДОЛИ В УСТАВНОМ КАПИТАЛЕ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

В. П. Буинова,
студент Юридического института
Иркутского государственного университета, г. Иркутск.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент,
доцент кафедры гражданского права А. В. Климович.

Актуальность данной темы исследования обусловлена множеством вопросов и правовых пробелов, возникающих в процессе наследования доли в уставном капитале общества, а также отсутствием единообразной судебной практики. Юридические лица на сегодняшний день играют важную роль в предпринимательской деятельности, а вопросы, связанные с обеспечением эффективного правопреемства бизнес-активов, приобретают особую актуальность в современных условиях[1].

Один из дискуссионных вопросов, возникающих при наследовании доли участника общества с ограниченной ответственностью (далее – ООО), состоит в отсутствии единообразного подхода в отношении понятия «доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью». Термин «доля в уставном капитале» применяется в гражданском праве для обозначения особого объекта гражданских правоотношений, который в соответствии со статьей 128 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) рассматривается учеными-правоведами либо как иное имущество, либо как имущественные права.

Е. А. Крашенинников и Ю. В. Байгушева считают, что «участник общества с ограниченной ответственностью или полного товарищества, который, по терминологии законодателя, передает другому лицу свою долю в уставном или складочном капитале, направляет волю не на перенесение какой-либо части имущества организации, а на перенесение принадлежащего ему права членства, которое он приобрел как эквивалент

[1] Ситдикова Л. Б., Стародумова С. Ю. Наследование корпоративных прав // Наследственное право. 2019. № 1. С. 7-11.

имущества, внесенного им в уставный или складочный капитал организации[1]. Другие ученые понимают под «долей в уставном капитале общества» совокупность имущественных прав и обязанностей в отношении общества[2].

В пункте 1.2 Методических рекомендаций по теме «О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью», принятых на Координационно-методическом совете нотариальных палат закреплено, что доля участника в уставном капитале ООО представляет собой способ закрепления за лицом определенного объема имущественных и неимущественных прав и обязанностей участника общества[3].

По мнению Е. С. Поспеловой, доля в уставном капитале ООО представляет собой совокупность имущественных прав и обязанностей участника, объем которых определяется вкладом конкретного участника, а также неимущественных прав, таких как право на участие в управлении, принятии решений и др.[4].

Верховный Суд Российской Федерации определил долю в качестве «иного имущества», к которому согласно статье 128 ГК РФ относятся в том числе имущественные права[5]. Позиция Конституционного Суда Российской Федерации, заключается в том, что доля «как объект гражданского оборота не может рассматриваться как простой набор имущественных прав», поскольку ее обладатель несет определенные обязанности»[6].

Из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что долю в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью следует рассматривать как иное имущество, поскольку доля как объект гражданского оборота не может рассматриваться как простой набор имущественных прав, поскольку ее обладатель несет и определенные обязанности.

Наследование доли происходит в общем порядке по закону или по завещанию. Однако статус участника общества с ограниченной ответственностью наследник может получить в случае, если в уставе нет запретов или ограничений на переход доли к наследникам. Уставом общества могут быть предусмотрены следующие варианты наследования доли умершего участника: 1) переходи доли в уставном капитале общества к наследникам осуществляется без согласия участников; 2) переход доли допускается только с согласия остальных участников общества, а порядок получения такого согласия определяется положениями устава общества; 3) устав общества содержит положение о запрете на переход доли к наследникам умершего участника общества. Если согласно уставу общества переход доли к наследникам запрещен или участники не дали своего согласия, то общество выплачивает наследнику действительную стоимость доли.

Возможность наследования доли в уставном капитале ООО предусмотрена статьей 1176 ГК РФ. Также в пункте 8 статьи 21 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» закреплено: «доли в уставном капитале общества переходят к наследникам граждан и к правопреемникам юридиче-

---

[1] Крашенинников Е. А., Байгушева Ю. В. Право членства // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 12. С. 73.

[2] Методические рекомендации по теме: «О наследовании долей в уставном капитале обществ с ограниченной ответственностью», утверждены на заседании Координационно-методического совета нотариальных палат ЮФО, С-К ФО, ЦФО РФ 28–29.05.2010 // Нотариальный вестник. 2011. № 2.

[3] Там же.

[4] Поспелова Е. С. Правовая природа доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью как объекта наследования // Администратор. 2018. № 3. С. 16.

[5] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 28 сентября 2021 года № 305-ЭС21-8014 // СПС «КонсультантПлюс» // [Электронный ресурс] // Режим доступа : https://www.consultant.ru/

[6] Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 03 июля 2014 года № 1564-О // СПС «КонсультантПлюс» // [Электронный ресурс] // Режим доступа : https://www.consultant.ru/

ских лиц, являвшихся участниками общества, если иное не предусмотрено уставом общества с ограниченной ответственностью». Данные нормы оцениваются как вызывающие ряд проблем из-за своей неоднозначности и законодательной неопределенности[1].

Пунктом 6 статьи 93 ГК РФ предусмотрено, что доли в уставном капитале ООО переходят к наследникам, если иное не предусмотрено уставом. Вместе с тем, А. Н. Кузбагаров и А. А. Выручаев отмечают, что в ситуации, когда в уставе ООО указано, что переход доли к наследникам возможен только с согласия остальных участников, на практике может привести к созданию препятствий для наследника. Такие препятствия могут возникать, если после смерти участника вносятся изменения в устав[2].

В судебной практике встречаются ситуации, в которых общество создавало препятствия для наследника путем внесения изменений в устав общества после смерти наследодателя, являющегося участником общества. Так, в Постановлении Арбитражного суда Московского округа от 04 июля 2017 года № Ф05-20390/16 по делу № А41-19303/2016, судом установлено, что уставом общества на момент открытия наследства не было предусмотрено специального порядка перехода доли к наследникам. Пункт 7.4 устава общества в редакции, действующей на дату открытия наследства, предусматривает, что доли в уставном капитале общества переходят к наследникам граждан и к правопреемникам юридических лиц, являвшихся участниками общества. Наследник принял наследство в порядке и сроки, установленные законом, и в соответствии со статьей 1152 ГК РФ со дня открытия наследства у нее возникло право на долю в уставном капитале ООО. Последующее изменение устава общества и включение в него оговорки об обязательном получении согласия других участников на вступление в общество не имеет правового значения при рассмотрении настоящего спора, поскольку права наследника возникли ранее внесения соответствующих изменений[3].

Еще одним проблемным вопросом является определение момента возникновения корпоративных прав участников. Судебная практика показывает, что даже момент получения наследником свидетельства о праве на наследство, в состав которого входит доля или часть доли в уставном капитале общества, не является моментом перехода наследственных корпоративных прав. Кроме этого, выдача свидетельства о праве на наследство может затянуться из-за поиска наследников или наличия между ними спора[4].

Принятое наследство считается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства, независимо от времени фактического принятия или государственной регистрации права на наследованное имущество, если такое право подлежит государственной регистрации. Следовательно, в силу универсального характера наследственного правопреемства право переходит к наследнику без каких-либо условий и сразу же в момент открытия наследства.

Тем не менее, право членства не передается наследникам, потому как тесно связано с личностью правообладателя. В отличие, к примеру, от акций, при наследовании которых согласно пункту 3 статьи 1176 ГК РФ к наследникам, к которым перешли эти акции, переходят и права по ним, и они становятся участниками акционерного общества.

---

[1] Черемных Г. Г. Наследственное право России. - М., Эксмо. 2016. С. 327.

[2] Выручаев А. А., Кузбагаров А. Н. Практические проблемы наследования доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 6. С. 14.

[3] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 04 июля 2017 года № Ф05-20390/16 по делу № А41-19303/2016 // СПС «КонсультантПлюс» // [Электронный ресурс] // Режим доступа : https://www.consultant.ru/

[4] Дячук М. Особенности наследования долей в уставном капитале ООО // Юридический справочник руководителя. 2021. № 9. С. 54-60.

Приведенные положения подтверждаются абзацем 3 пункта 66 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» (далее – ПП ВС № 9). Позиция Пленума Верховного Суда РФ состоит в следующем: «свидетельство о праве на наследство, в состав которого входит доля (пай) или часть доли (пая) в складочном (уставном) капитале (имуществе) товарищества, общества или кооператива, является основанием для постановки вопроса об участии наследника в соответствующем товариществе, обществе или кооперативе или о получении наследником от соответствующего товарищества, общества или кооператива действительной стоимости унаследованной доли (пая) либо соответствующей ей части имущества, который разрешается в соответствии с ГК РФ, другими законами или учредительными документами хозяйственного товарищества или общества либо производственного кооператива». Для получения свидетельства о праве на наследство, в состав которого входит доля этого участника в уставном капитале общества, согласие участников соответствующего общества не требуется.

В пункте 7 ПП ВС № 9 указано, что получение свидетельства о праве на наследство является правом, а не обязанность наследника, поэтому отсутствие такого свидетельства не может служить основанием для отказа в принятии искового заявления по спору о наследстве, возвращения такого искового заявления или оставления его без движения[1].

Свидетельство о праве на наследство подтверждает юридическое основание, которое определяет переход к наследнику права собственности, других прав и обязанностей, принадлежавших наследодателю. Следовательно, правообразующее значение имеет наследование как основание правопреемства, но не свидетельство о праве на наследство, подтверждающее это основание.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что действующее законодательство, касающееся наследования корпоративных прав, фактически не дает исчерпывающего ответа на ряд значимых вопросов, оставляя их на усмотрение суда. Однако, анализируя ключевые проблемы, возникающие при наследовании доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, можно сделать несколько выводов. Во-первых, наследник может стать участником общества с ограниченной ответственностью в случае, если в уставе нет запретов или ограничений на переход доли к наследникам. Уставом общества может быть предусмотрено, что переход доли в уставном капитале общества к наследникам допускается только с согласия остальных участников общества. Во-вторых, если в соответствии с уставом общества переход доли к наследникам запрещен или участники не дали своего согласия, то общество выплачивает наследнику действительную стоимость доли. В-третьих, законодательством не установлена обязанность наследников получать свидетельство о праве на наследство. Правообразующее значение имеет наследование как основание правопреемства, а не свидетельство о праве на наследство, которое подтверждает это основание.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 7.

РЕКЛАМА: ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ, ДЕФИНИЦИЯ, СРАВНИТЕЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ РЕКЛАМЫ. ПЕРСПЕКТИВЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО УСОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

М. А. Ипатьев,
магистрант Юридического института
Иркутского государственного университета, г. Иркутск.
Научный руководитель: старший преподаватель
кафедры судебного права А. А. Гавриленко.

Реклама, как социально-экономический феномен, обладает глубокими историческими корнями, сопровождая эволюцию человеческой цивилизации на протяжении тысячелетий. Истоки её проявления уходят в эпохи, предшествующие письменным источникам, однако первые документально зафиксированные свидетельства датируются античностью и древностью. Так, в Древнем Египте, на территории современного Мемфиса, археологами был обнаружен папирусный документ возрастом около 3,5 тысяч лет, содержащий рекламное объявление[1].

Этот артефакт, по сути, стал прообразом современных объявлений и подтвердил, что принципы привлечения внимания через текстовые послания сформировались задолго до нашей эры. Интересно, что в Древнем Риме и Греции также активно использовались элементы рекламы: надписи на стенах, вывески лавок, глашатаи, оповещавшие горожан о торгах или театральных представлениях. Эти практики заложили основы для формирования профессиональных коммуникативных стратегий.

Данные факты подтверждают постоянный интерес общества к рекламной деятельности, о чем свидетельствуют и современные многочисленные толкования научной дефиниции «реклама».

Рассмотрим сущность и содержание понятия «реклама» с позиции нормативно-правовых документов, справочных изданий, а также авторских подходов отечественных и зарубежных исследователей.

Что касается лексического закрепления термина «реклама» в русском языке, отечественные исследователи связывают его появление с XVIII веком. Оно пришло из латинского *reclamare* («выкрикивать, требовать»), что отражает изначальную суть рекламного обращения — привлечение внимания через громкое провозглашение[2].

Лексическое значение слова «реклама» закреплено в Толковом словаре, а также в энциклопедических изданиях. Так Толковый словарь русского языка под редакцией С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой предлагает обобщенное определение понятия «реклама - оповещение различными способами для создания широкой известности, привлечения потребителей, зрителей»[3].

В России институт рекламы начал активно формироваться в эпоху Петра I, когда стали появляться первые печатные афиши и объявления в газетах, однако теоретическое осмысление этого явления началось значительно позже, в XIX–XX веках.

Таким образом, реклама, эволюционируя от наскальных изображений и устных объявлений до цифровых форматов, остаётся универсальным инструментом коммуникации, адаптируясь к культурным и технологическим изменениям общества. Её исто-

[1] История развития рекламы. - URL: http: // reklama.web-3.ru/history/ (дата обращения: 06.04.2025).

[2] Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. / Российская АН.; Российский фонд культуры; - 2-е изд., испр. и доп. - М.: АЗЪ, 1994. - 874 с.

[3] Реклама в коммуникационном процессе: учеб.-метод. пособие: [для бакалавров и специалистов] / М.В. Ягодкина, А. П. Иванова, М.М. Сластушинская. - СПб.: Питер, 2014. - 304 с.

рия демонстрирует, что потребность в распространении информации о товарах, услугах или идеях заложена в самой природе человеческих взаимодействий.

В рамках российского законодательства ключевым нормативным актом, закрепляющим понятие рекламы, выступает Федеральный закон от 13.03.2006 №38-ФЗ «О рекламе»[1].

Согласно статье 3 данного документа, реклама трактуется как «информация, распространяемая в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределённому кругу лиц, с целью привлечения внимания к объекту рекламирования, формирования либо поддержания интереса к нему, а также его продвижения на рынке».

Таким образом, законодательное закрепление понятия рекламы в РФ сочетает универсальные принципы (адресность, целевую направленность) с гибкостью, учитывающей цифровизацию и экономические тенденции.

Для лучшего понимания понятия «Реклама», целесообразно обратить внимание на судебную практику. Рассмотрим Решение Арбитражного суда города Москвы (АС города Москвы) от 07.07.2021 по делу № А40-197816/2020.

Суть спора: Налоговый орган в рамках проверки за 2015–2017 гг. доначислил налоги, посчитав расходы ООО «Дымовское колбасное производство» на услуги ООО «НМТ» (организация консультаций покупателей в торговых точках) нормируемыми рекламными расходами (сверх 1% от выручки). Компания оспорила это решение, утверждая, что услуги носят консультационный характер и не подпадают под ограничения НК РФ.

Выводы суда: Суд признал, что консультации не являются рекламой, так как:

- Информация не распространялась публично (только в ответ на вопросы покупателей).
- Отсутствовали признаки рекламной кампании (брендированные стойки, массовые акции).
- Услуги соответствовали стандартам мерчендайзинга и консультирования.
- Реклама: универсальная, тиражируемая информация, направленная на продвижение товара.
- Консультации: индивидуализированные сведения о потребительских свойствах товара, его составе, сроках годности и т.д. (обязательная информация в рамках Закона о защите прав потребителей).
- Также, Суд подтвердил, что реклама требует одновременного наличия всех признаков, указанных в законе.
- Отсутствие хотя бы одного из них (в данном случае — адресации неопределенному кругу лиц) исключает квалификацию деятельности как рекламной.
- В этом примере, мы видим, что правоприменительная практика очень четко отделяет «Рекламу», с другими, похожими на рекламу, видами деятельности.

Исследовав понятие «реклама» с позиции этимологии, нормативно-правовой базы, судебной практики, а также справочных изданий, рассмотрим содержание научной дефиниции «реклама» в трактовках отечественных и зарубежных исследователей.

Среди российских исследователей можно выделить М.Ю. Рогожина, он предлагает определение, «реклама, как правило, это неперсонализированная форма коммуникации, оплаченная идентифицированным спонсором, определенным образом реализуемая через средства информации и иными законными способами и направленная на ознакомление с некой продукцией и склонение к ее приобретению возможно большей

[1] Статья 3. Основные понятия, используемые в настоящем Федеральном законе. Федеральный закон от 13.03.2006 N 38-ФЗ (ред. от 08.03.2015) «О рекламе» - URL: http: // www.consultant.ru/cons/document/cons_doc_LAW_58968/4f41 fe599ce341751 e4e34dc50a4b676674c1416/ (дата обращения: 06.04.2025).

аудитории потребителей»[1], но при этом автор обращает внимание на законность действия рекламной деятельности.

Современный российский исследователь, занимающийся рекламной проблематикой В.В. Петров под рекламой, понимает «особый вид оплаченной социальной информации, целью которой является изменение структуры потребностей, интересов людей и побуждение их к желаемому для рекламодателей действию»[2]. Обращает внимание тот факт, что автор выделяет изменение структуры общественных потребностей под воздействием социальной информации (рекламы).

Английские исследователи К. Бове и У. Аренс предлагают следующее определение понятия «реклама»: «неперсонифицированная передача информации, обычно оплачиваемая и обычно имеющая характер убеждения, о продукции, услугах или идеях известными рекламодателями посредством различных носителей»[3].

В свою очередь американские специалисты в области маркетинга У. Уэллс, Дж. Бернет и С. Мориарти, в отличие от английских коллег, расширили цель рекламы: «реклама – это оплаченная неперсонализированная коммуникация, осуществляемая идентифицированным спонсором и использующая средства массовой информации с целью склонить к чему-то аудиторию или повлиять на нее (иным образом)».

Авторы многочисленных учебников по маркетингу Ф. Котлер, Г. Армстронг отмечали, что «реклама представляет собой неличные формы коммуникации, осуществляемые через посредство платных средств распространения информации, с четко указанным источником финансирования».

После анализа различных подходов к пониманию «рекламы», автор предлагает расширить существующую дефиницию в Российском законодательстве. Это необходимо, с учетом современного уровня развития рекламной деятельности и охвата форм рекламы (например, нативной, скрытой, influencer-маркетинга)

Поэтому, по мнению автора, целесообразно выделить проблемы легального определения «Реклама» и способы их решения:

а) Отсутствие критерия «оплаченности»

- Проблема: Закон не указывает, что реклама должна быть оплачена рекламодателем. Это создаёт правовую неопределённость, например, при разграничении рекламы и добровольных публикаций (например, редакционные материалы).

- Решение: дополнить ст. 3 ФЗ №38-ФЗ: «Реклама — это оплаченная информация, распространяемая…».

- Обоснование: устранит неопределённость, как в подходах зарубежных исследователей (К. Бове, У. Аренс).

б) Неясность критерия «неопределённый круг лиц»

- Проблема: Судебная практика (напр., Решение АС Москвы от 07.07.2021) показывает, что адресность конкретной аудитории (например, email-рассылки) исключает квалификацию информации как рекламы. Однако в реальности реклама часто таргетируется на узкие группы, что противоречит букве закона.

-Решение: заменить формулировку на «широкий круг лиц» и закрепить в подзаконных актах критерии массовости (напр., порог охвата аудитории).

- Обоснование: согласуется с практикой, где таргетированная реклама всё равно считается массовой.

в) Недостаточная конкретизация целей рекламы

---

[1] Реклама: принципы и практика / пер. с англ. У. Уэллс, С. Мориарти, Дж. Бернетт. - 7-е изд. - М.: СПб, 2008. - 353 с.

[2] Котлер Ф., Армстронг Г. Основы маркетинга. - М.: Вильямс, 2003. – 1200

[3] Рогожин М. Ю. Теория и практика рекламной деятельности. 3-е изд., перераб. и доп. - М.: Издательство «Альфа-Пресс», 2010. - 208 с

- Проблема: Цель рекламы в законе определена как «продвижение на рынке», что слишком абстрактно. Это затрудняет квалификацию новых форматов (например, нативной рекламы, influencer-маркетинга).

- Решение: включить в определение: «…направленная на формирование потребительских предпочтений и побуждение к действию».

- Обоснование: учтёт современные форматы (скрытая реклама, influencer-маркетинг).

г) Нечёткость понятия «объект рекламирования»

-Проблема: Закон включает в объект рекламирования «изготовителя», но не уточняет, как определить изготовителя в цепочках договоров (напр., при аутсорсинге производства).

д) Учёт новых форматов

- Решение: включить в закон примеры современной рекламы:

«…включая нативную, скрытую, рекламу в социальных сетях и иные форматы, использующие цифровые платформы».

- Обоснование: актуализирует нормы в условиях цифровых коммуникаций.

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТОРОН ЗА НЕИСПОЛНЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ПО ГОСУДАРСТВЕННЫМ И МУНИЦИПАЛЬНЫМ КОНТРАКТАМ

А. Н. Климова,
магистрант Юридического института
Иркутского государственного университета, г. Иркутск.
Научный руководитель: к.э.н., доцент кафедры гражданского права О.В. Горбач.

Государственный и муниципальный контракт – это гражданско-правовой договор, который заключен в письменной форме и предметом которого являются поставка товара, выполнение работы, оказание услуги (в том числе приобретение недвижимого имущества или аренда имущества) и который заключен от имени Российской Федерации, субъекта Российской Федерации (государственный контракт), муниципального образования (муниципальный контракт) государственным или муниципальным заказчиком для обеспечения соответственно государственных нужд, муниципальных нужд[1].

За нарушение обязательств по государственным и муниципальным контрактам, также как и для любых других договоров, законодательством предусмотрена ответственность.

Заключение, исполнение, расторжение, а также гражданско-правовая ответственность за неисполнение обязательств по государственным и муниципальным контрактам регулируется Гражданским кодексом Российской Федерации, а также Федеральным законом № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

Одним из обязательных условий при составлении текста контракта является включение условия об ответственности сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по контракту.

[1] Федеральный закон 05.04.2013 № 44 «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652

Законодательством о контрактной системе предусмотрены как стандартные виды ответственности, так и характерные только для заказчиков и исполнителей, подрядчиков, поставщиков государственных и муниципальных контрактов.

Так, к стандартным видам ответственности относится начисление неустойки в виде штрафов или пеней. Пеня – это выплата, которая увеличивается за каждый день просрочки при неисполнении обязательств. Штраф – это единовременная выплата, которая начисляется за каждый факт неисполнения или ненадлежащего исполнения контракта.

Согласно ч. 7 ст. 34 Федерального закона № 44-ФЗ, «Пеня начисляется за каждый день просрочки исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательства, предусмотренного контрактом, начиная со дня, следующего после дня истечения установленного контрактом срока исполнения обязательства, и устанавливается контрактом в размере одной трехсотой действующей на дату уплаты пени ключевой ставки Центрального банка Российской Федерации от цены контракта (отдельного этапа исполнения контракта), уменьшенной на сумму, пропорциональную объему обязательств, предусмотренных контрактом (соответствующим отдельным этапом исполнения контракта) и фактически исполненных поставщиком (подрядчиком, исполнителем), за исключением случаев, если законодательством Российской Федерации установлен иной порядок начисления пени».

Штраф устанавливается в размере, определенном Постановлением Правительства РФ № 1042 «Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, неисполнения или ненадлежащего исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем), о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15.05.2017 г. № 570 и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 25.11.2013 г. № 1063»[1] в зависимости от основания заключения и цены контракта.

Так, например, при неисполнении обязательств по заключенному контракту с победителем закупки, который предложил наиболее высокую цену за право заключения контракта и цена контракта не превышает трех миллионов рублей, размер штрафа начисляется в размере 10 процентов начальной (максимальной) цены контракта, а при неисполнении контракта, который заключен с субъектом малого предпринимательства или социально ориентированной некоммерческой организацией, размер штрафа устанавливается в размере 1 процента цены контракта (этапа), но не более 5 тыс. рублей и не менее 1 тыс. рублей.

При этом, Законодательством о контрактной системе предусмотрено основание для освобождения от гражданско-правовой ответственности. Так, от уплаты неустойки сторона может быть освобождена судом в случае, если докажет, что неисполнение обязательств по контракту или ненадлежащее исполнение этих обязательств произошло из-за действий другой стороны либо вследствие непреодолимой силы.

Кроме того, неустойка может быть списана в случаях, когда обязательства по контракту исполнены в полном объеме, за исключением случаев, предусмотренных Федеральным законом № 44-ФЗ, в 2020 г. обязательства не исполнены в полном объеме из-за того, что в связи с распространением коронавирусной инфекции возникли не

[1] Об утверждении Правил определения размера штрафа, начисляемого в случае ненадлежащего исполнения заказчиком, неисполнения или ненадлежащего исполнения поставщиком (подрядчиком, исполнителем) обязательств, предусмотренных контрактом (за исключением просрочки исполнения обязательств заказчиком, поставщиком (подрядчиком, исполнителем), о внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 15 мая 2017 г. № 570 и признании утратившим силу постановления Правительства Российской Федерации от 25 ноября 2013 г. № 1063 : Постановление Правительства РФ от 30 августа 2017 № 1042 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 36. Ст. 5458

зависящие от поставщика (подрядчика, исполнителя) (далее - поставщик) обстоятельства, влекущие невозможность исполнения контракта; в 2021 и 2022 гг. обязательства не были исполнены в полном объеме из-за существенного увеличения цен на строительные ресурсы, что сделало невозможным исполнение контракта; обязательства не были исполнены полностью из-за возникновения при исполнении контракта независящих от сторон обстоятельств, которые повлекли невозможность его исполнения без изменения условий в связи с мобилизацией в РФ, введением санкций и (или) мер ограничительного характера[1].

Так, между заказчиком и обществом был заключен контракт выполнение инженерных изысканий и подготовку проектной документации в целях строительства объекта. Ввиду нарушения срока выполнения работ, заказчик предъявил претензию с требованием об оплате неустойки, но подрядчик отказался от оплаты неустойки. Данное обстоятельство стало причиной обращения в суд. Решением арбитражного суда первой инстанции, оставленным без изменения апелляционной и кассационной инстанцией. Подрядчик обратился в Верховный Суд Российской Федерации с требованием отменить судебные акты нижестоящих судов и направить дело на новое рассмотрение. Определением Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации требование подрядчика было удовлетворено, решения судов нижестоящих инстанций были отменены в части удовлетворения требования заказчика о взыскании неустойки ввиду того, что судами была допущена ошибка в применении и толковании норм материального права, а именно, в части списания неустойки, так как общая сумма начисленных и неуплаченных неустоек (штрафов, пеней) не превышает 5 процентов цены контракта, а также данный случай подпадает под основания, указанные в Постановлении Правительства РФ от 04.07.2018 № 783.[2]

К нестандартному виду ответственности при неисполнении государственного или муниципального контракта относится включение поставщика, подрядчика или исполнителя в реестр недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей).

Впервые данная мера ответственности была введена в российское законодательство 01 января 2006 года Федеральным законом № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд»[3], который на данный момент утратил силу и вместо него принят новый Федеральный закон № 44-ФЗ.

Реестр недобросовестных поставщиков регулируется статьей 104 Федерального закона № 44-ФЗ и Постановлением Правительства Российской Федерации № 1078 «О порядке ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации»[4].

---

[1] «О списании начисленных поставщику (подрядчику, исполнителю), но не списанных заказчиком сумм неустоек (штрафов, пеней) в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, предусмотренных контрактом" (вместе с "Правилами списания сумм неустоек (штрафов, пеней), начисленных поставщику (подрядчику, исполнителю), но не списанных заказчиком в связи с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательств, предусмотренных контрактом") : Постановление Правительства РФ от 04.07.2018 № 783 // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 28. – Ст. 4242.

[2] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.03.2023 № 301-ЭС22-20431 по делу № А31-15084/2020 // КонсультантПлюс

[3] О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд (с изменениями на 2 июля 2013 года) : Федеральный закон 21.07.2005 № 94 (утратил силу с 01.01.2014 на основании Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ) // Собрание законодательства. 2005. № 30. Ст. 3105.

[4] О порядке ведения реестра недобросовестных поставщиков (подрядчиков, исполнителей), о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых

Реестр недобросовестных поставщиков – это список организаций, а также индивидуальных предпринимателей, которые нарушили существенные условия контракта и положения Федерального закона № 44-ФЗ.

Гражданско-правовая ответственность за неисполнение обязательств по государственным и муниципальным контрактам можно сравнить с гражданско-правовой ответственностью за неисполнение обязательств по иным договорам. Так, например, за неисполнение обязательств по договору подряда сторона договора может привлечь своего контрагента к ответственности на общих основаниях, то есть потребовать возмещения убытков, уплаты процентов или же неустойки, что совпадает с ответственностью по государственным и муниципальным контрактам, но, при этом, при неисполнении договора подряда заказчик не может обратиться в контрольный орган с требованием о включении своего контрагента в реестр недобросовестных поставщиков.

Данная мера ответственности существенно отличается от применения неустоек по следующим критериям.

Во-первых, субъект, в отношении которого могут применяться меры ответственности.

Начисление неустойки в виде штрафа или пеней может применяться как в отношении заказчика, так и в отношении второй стороны, то есть поставщика, подрядчика или исполнителя. При начислении пени или штрафа, сторона обязана разместить претензию с требованием об оплате неустойки в единой информационной системе.

Стоит отметить, что ранее, в Федеральном законе № 94-ФЗ «О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд», который в настоящее время признан недействующим, была установлена гражданско-правовая ответственность, которая в основном применялась только заказчиком в отношении поставщика, подрядчика или исполнителя, тогда как в настоящем законодательстве о контрактной системе предусмотрена ответственность, которая применяется как заказчиками в отношении поставщиков, так и поставщиками в отношении заказчиков.

Во- вторых, привлечение иных лиц в спор между сторонами контракта.

Так, кредитор самостоятельно начисляет должнику неустойку (штраф или пени) без привлечения третьих лиц, за исключением случаев, когда должник не выплачивает уже начисленную неустойку. В случае, когда должник не оплачивает начисленную неустойку, тогда кредитор вправе обратиться в суд за исполнением данного требования.

В реестр недобросовестных поставщиков включаются исполнители, подрядчики или поставщики по контракту по обращению заказчика в федеральный орган исполнительной власти, уполномоченный на осуществление контроля в сфере закупок, то есть в Федеральную антимонопольную службу.

В-третьих, денежный эквивалент.

При начислении неустойки должник теряет только сумму начисленных штрафа или пени, тогда как при внесении исполнителя в реестр недобросовестных поставщиков должник теряет всю свою прибыль касательно исполнения работ по государственным и муниципальным контрактам на 2 года. В некоторых случаях включенный в реестр участник теряет свою прибыль не только при участии в государственных закупках, но и при желании заключать договоры с частными организациями, так как большинство заказчиков проверяют своих потенциальных партнеров на добросовестность для того, чтобы минимизировать риски.

Таким образом, исходя из вышеизложенного можно сделать вывод о том, что применение мер гражданско-правовой ответственности в сфере государственных за-

---

актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации: Постановление Правительства РФ от 30 июня 2021 № 1078 // Собрание законодательства РФ. 2021. № 28. Ст. 5508

купок необходима также, как и для иной сферы, так как это обеспечивает развитие наиболее «здоровых» отношений между контрагентами.

ГАРАНТИИ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ ДИСТАНЦИОННОМ СПОСОБЕ ПРОДАЖИ

И. В. Лимбах
магистрант Юридического института
Кемеровского государственного университета, г. Кемерово
Научный руководитель: к.ю.н., доцент,
заведующий кафедрой гражданского права В. А. Сырбо.

Рынок онлайн-торговли каждый год продолжает расти на фоне увеличения интернет–пользователей и продавцов в данной сфере. Масштабы развития создают как преимущества, так и недостатки дистанционного способа продажи товаров (услуг). Одной из причин существования недостатков является недостаточное нормативное регулирование онлайн-торговли, из-за чего возникает множество споров между продавцами, владельцами агрегаторов и потребителями.

Основными нормативно-правовыми актами, регулирующими продажу товаров дистанционным способом, выступают Гражданский кодекс РФ, положения Закона РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 г. № 2300–1, Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 N 2463 "Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации"[1].

Гарантии прав потребителей при дистанционном способе продажи – это способы, механизмы защиты и обеспечения законных прав, свобод и интересов потребителей при приобретении товаров, работ, услуг дистанционным способом для личных, семейных и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

Федеральный закон от 29.07.2018 года № 250–ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей»[2] закрепил новые нормы, направленные на регулирование отношений дистанционной продажи. Одним из нововведений было установление ответственности маркетплейса предоставившего потребителю недостоверную или неполную информацию о товаре (услуге) или продавце (исполнителе), на основании которой потребителем был заключен договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг) с продавцом (исполнителем). Также было введено право потребителя на возврат суммы предварительной оплаты товара при наличии определённых условий.

[1] Постановление Правительства РФ от 31.12.2020 N 2463 (ред. от 17.05.2024) «Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи, перечня товаров длительного пользования, на которые не распространяется требование потребителя о безвозмездном предоставлении ему товара, обладающего этими же основными потребительскими свойствами, на период ремонта или замены такого товара, и перечня непродовольственных товаров надлежащего качества, не подлежащих обмену, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации»// СЗ РФ. 2021. № 3. Ст. 593.

2 Федеральный закон от 29.07.2018 N 250-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей»// СЗ РФ. 2018. № 31. Ст. 4839.

Федеральным законом от 01.05.2022 г. № 135–ФЗ «О внесении изменения в статью 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»[1] был введен перечень ущемляющих права потребителя условий и дано определение понятию «Недопустимые условия договора, ущемляющие права потребителя».

Данные изменения ввели дополнительные способы охраны и гарантии прав потребителей, однако уменьшить количество споров в сфере дистанционной продажи не удалось.

Как отмечается Роспотребнадзором по Оренбургской области: «за последние 4 года более чем в 4 раза увеличилось число жалоб в сегменте дистанционной продажи товаров и услуг».[2] Из доклада Управления Роспотребнадзора по г. Москве в 2023 году из всего количества жалоб в сфере защиты прав потребителей (29 222) 57% составляют жалобы на дистанционную торговлю.[3]

Одной из причин споров является нарушение права потребителя на заключение договора на условиях, предусмотренные в публичной оферте. В практике имеется множество случаев недобросовестного поведения продавца при заключении договора розничной купли-продажи на невыгодных для себя условиях. В одном из дел продавец отказался передавать товар покупателю, ссылаясь на то, что информация на интернет–сайте является справочным материалом о товарах и поэтому это не является публичной офертой. Также на момент предоставления акцепта покупателем цена на товар была не актуальна. Судебная коллегия Верховного суда по гражданским делам отклонила доводы продавца, указывая на то, что подобные «справочные материалы» признаются публичной офертой, поскольку содержат существенные условия договора розничной купли-продажи. Исходя из таких обстоятельств продавец не может в одностороннем порядке отказать покупателю в исполнении договора, даже если сумма за товар возвращена покупателю.

Чтобы обезопасить себя от невыгодных сделок продавцы включают в оферту условия о наличии у продавца права аннулировать заказ в случаях отсутствия соответствующего товара и/или наличия технической ошибки при указании цены товара. В Верховном суде РФ было рассмотрено «Дело ЦУМа»[4], в котором покупатель заказал товары по цене в 846 раз ниже рыночной. Продавец требовал признании договора купли-продажи недействительным, ссылаясь на то, что при совершении спорного интернет-заказа на сайте ЦУМа произошёл технический сбой. В ст. 16 закона «О защите прав потребителей»[5] установлен перечень ущемляющих права покупателя условий. Исходя из данной нормы, подобное условие ущемляет права потребителя и ставит его в невыгодное положение, поэтому не может применяться, вся ответственность за технический сбой переносится на продавца, за исключением злонамеренных действий третьих лиц.

В деле Верховного Суда РФ «ООО «Ситилинк» против Осипкина»[6] продавец отказался передать товар покупателю ввиду того, что он не был в наличии и в одностороннем порядке расторг договор розничной купли–продажи, без права покупателя взыскать убытки, моральную компенсацию, неустойку. Право на односторонний отказ со-

---

[1] Федеральный закон от 01.05.2022 № 135-ФЗ «О внесении изменения в статью 16 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей»// СЗ РФ. 2022. № 18. Ст. 3021.

[2] rospotrebnadzor.ru/about/info/news_region/news_details_region.php?ELEMENT_ID=29368&sphrase_id=5568129

[3] rospotrebnadzor.ru/about/info/news_region/news_details_region.php?ELEMENT_ID=26912&sphrase_id=5568129

[4] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 06.06.2023 № 16-КГ23-6-К4 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[5] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» // Российская газета. 1992. № 32.

[6] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 31.10.2023 № 16-КГ23-48-К4 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

держалось в оферте продавца, в ней было указано: «до момента подтверждения заказа продавец вправе аннулировать заказ без выплаты покупателю какой бы то ни было компенсации и возмещения каких бы то ни было убытков». Верховный суд указал, что данное правило противоречит ст. 16, 23.1 Закона «О защите прав потребителей», является ущемляющим права потребителя и нарушающее действующее законодательство.

На сайтах продавцов в свободном доступе размещена публичная оферта, с которой каждый может ознакомиться. В настоящее время в публичной оферте ООО «Ситилинк» содержится пункт 3.19 абзац третий: В случае расформирования (аннулирования) Заказа Продавец не выплачивает Покупателю какую бы то ни было компенсацию и не возмещает какие бы то ни было убытки. Ущемляющие условия в оферте данной компании все еще фигурируют, что порождает угрозу нарушения прав потребителей, а также противоречит действующему законодательству.

КоАП РФ от 30.12.2001 N 195–ФЗ[1] ст.14.8 ч.2 Включение в договор условий, ущемляющих права потребителя, установленные законодательством о защите прав потребителей влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от одной тысячи до двух тысяч рублей; на юридических лиц – от десяти тысяч до двадцати тысяч рублей.

Данные санкции не направлены на изменение и исключение противоречащих законодательству условий оферты продавцом, оплата штрафа исчерпывает нарушение, а противоправные действия и угроза их совершения продолжаются.

Иная ситуация происходила в деле «Копейкин против «ОЗОН»[2]. Потребителю не был предоставлен заказанный на маркетплейсе товар, так как его не было в наличии, и возвращены за него денежные средства. Истец потребовал исполнения обязательства в натуре. В исковом заявлении указал требование об изменении маркетплейсом публичной оферты, исключив из нее условие, ущемляющее права потребителя.

Маркетплейсом был исключен данный пункт из публичной оферты. Однако владелец агрегатора изменил публичную оферту в части и перенес положение недействительного условия и другой пункт публичной оферты.

Не менее важной проблем дистанционной торговли является некачественный товар. Исследовательская компания ЦСП «Платформа» провела исследование, чтобы выявить отношение россиян к маркетплейсам. По результатам исследования 90 % опрошенных поддерживают необходимость наличия документов, подтверждающих качество и подлинность товара.

В 2021 году Росаккредитация внедрила сервис обмена данными о сертификатах и декларациях с маркетплейсами. В настоящее время в нем размещено более 20 млн карточек товаров. Если в карточке товара есть пометка «Товар проверен», то покупатель, пройдя по ссылке, попадает в реестр Росаккредитации и убеждается, что на товар выдан разрешительный документ, подтверждающий его безопасность. Но в ведомстве отмечали, что пока только 10% всех товаров на онлайн-площадках, подлежащих сертификации и декларированию, обладают такими документами.[3]

Маркетплейсы не заинтересованы в осуществлении должного контроля за проверкой надлежащей документации у продавцов на продажу товаров. Заком не установлена ответственность агрегатора за размещение на площадке товаров ненадлежащего качества.

---

[1] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // СЗ РФ. .2002. № 1 (ч. 1). Ст. 1.

[2] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 05.09.2023 № 7-КГ23-4-К2 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[3] https://rg.ru/2024/06/13/potrebiteli-zhdut-ot-marketplejsov-chetkosti-i-kachestva.html?ysclid=m9h88cbwtk129283161&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F

В деле «Давыдов против «ОЗОН» и ООО «Люкс Огонь Рус»[1] потребитель приобрел некачественный биокамин и потребовал в солидарном порядке возместить ему сумму исковых требований. Кассационный суд указал, что ООО «Интернет Решения» (ОЗОН) является маркетплейсом и действует в данном споре как агент, предоставив продавцу ООО «Люкс Огонь Рус» пространство для продажи товаров, передачу информации о заказе товаров продавца и информационное обслуживание клиентов.

Оформляя заказ на сайте OZON.ru, в том числе, оплачивая его на сайте, покупатель заключает договор купли-продажи товара с продавцом товара, а не с владельцем агрегатора информации о товарах.

Следовательно агрегатор не отвечает по обязательствам продавца и за размещаемые на его площадке товары, а значит его нельзя привлечь к солидарной ответственности. Данная позиция ограничивает ответственность маркетплейса и противоречит потребительским интересам.

Депутат Лисовский Сергей Федорович считает: «Регулировать интернет-площадки нужно по тем же принципам, что заложены в основу работы торговых сетей. В 2009 году, когда мы писали закон о торговле для сетей, нам тоже говорили, что они только предоставляют полки для товаров, а ответственность за качество несут производители, — сказал депутат. — Потребовалось десять лет, чтобы они смогли научиться отслеживать и отвечать за качество».

С точки зрения покупателя, маркетплейс — это обычный магазин, просто в новой форме, добавил Лисовский. У парламентариев нет цели ограничить их работу, заверил он, но есть обязанность защитить потребителя. «Агрегаторы такси тоже говорили, что не отвечают за поездку, но появился закон, который обязал их это делать. Теперь очередь маркетплейсов», — заключил политик[2].

Недостаток правового регулирования дистанционного способа продажи является самой актуальной для данный сферы проблемой, требующая детальной проработки механизма взаимодействия участников данных правоотношений, ужесточения ответственности и должного контроля со стороны контролирующих органов за соблюдением прав потребителей, поскольку онлайн-торговля, несомненно, будет продолжать расти, а параллельно будет увеличиваться количество споров и жалоб потребителей.

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОТТЕДЖНЫХ ПОСЕЛКОВ

К. А. Мардоян,
студент Юридического института
Иркутского государственного университета, г. Иркутск.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент кафедры гражданского права А.А.Батурина.

В настоящее время всё больше российских граждан отдают предпочтение индивидуальным жилым домам в коттеджных посёлках. Однако, несмотря на востребованность их на рынке недвижимости, на практике возникает много проблем в силу слабой урегулированности данных правоотношений в законодательстве. Прежде, следует отметить, что в законодательстве отсутствует легальное понятие «коттеджный посёлок», есть лишь определение слова «коттедж», которое представляет собой «индивидуальный жилой дом, предназначенный для проживания одной семьи и имеющий придомо-

[1] Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 23.08.2023 по делу № 88-30557/2023 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] http://souz-potrebiteley.ru/main/news/80512/

вой участок»[1]. Отсутствие нормативного закрепления понятия «коттеджный поселок» отмечают и суды, дающие разные определения данной дефиниции. Например, Конституционный Суд РФ, ссылаясь на существующий пробел в законодательстве, использовал обозначение «комплекс индивидуальных жилых домов и земельных участков с общей инфраструктурой», «жилищно-земельный комплекс»[2]. Градостроительный кодекс РФ обозначает данные объекты как «индивидуальные жилые дома, дома блокированной застройки». Несмотря на то, что частично градостроительным законодательством предложено определение «коттедж», коллизии, возникающие на практике оно не решает, в силу комплексного характера проблем.

В частности, эти проблемы вызваны отсутствием четкого правового регулирования, поскольку специального Закона о коттеджных посёлках нет. Соответственно, остро стоит вопрос, на какие нормативные акты опираться гражданам и правоприменителям в случае возникновения спора по поводу квалификации данного объекта недвижимости и общего имущества коттеджного поселка. Дело в том, что «дома блокированной застройки» имеют как признаки многоквартирных домов, так и индивидуальных жилых домов, учитывая особенности при их постройке. От многоквартирных домов можно выделить такие отличительные признаки, как: 1) единый фундамент, 2) смежные стены с соседними блоками. С индивидуальными жилыми домами общими признаками являются: 1) расположенные на отдельных земельных участках блоки, 2) блоки имеют автономные инженерные сети и не имеют общих помещений. Это вызывает разный отклик судов. Некоторые суды считают, что отношения, складывающие между собственниками коттеджных поселков следует регулировать Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Закон № 217-ФЗ)[3]. Однако Верховный Суд РФ отменяет решения судов нижестоящих инстанций в таких случаях, мотивируя это тем, что собственники ЖК не занимаются данными видами деятельности[4].

Как показывает практика, суды нередко используют положения Гражданского кодекса РФ о неосновательном обогащении. В ряде решений судов наблюдается и применение норм Жилищного кодекса РФ о содержании общего имущества в многоквартирных домах по аналогии, «при этом разграничивая специфику имущества общего пользования собственников домовладений в коттеджных поселках с режимом общего имущества в многоквартирном доме».

В силу сложившейся неопределенности, Конституционный Суд РФ вынес Постановление от 28.12.2021 №55-П (далее - Постановление КС № 55-П), в котором «обязал законодателя определить правовой режим имущества общего пользования в коттеджных поселках, обеспечить справедливый баланс интересов, прав и обязанностей собственников имущества, входящего в эти комплексы, определить критерии, перечень и правовой режим имущества, используемого для общих нужд, а также установить нормы, призванные урегулировать отношения по управлению этим имуществом и его со-

[1] Постановление Правительства Москвы от 02.10.2001 № 894-ПП "Об утверждении Московских городских строительных норм (МГСН) 3.01-01 "Жилые здания" // Официальный портал Мэра и Правительства Москвы URL: https://www.mos.ru/authority/documents/doc/18115220/ (дата обращения: 16.04.2025).

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 № 55-П "По делу о проверке конституционности части 1 статьи 7, части 1 статьи 44, части 5 статьи 46, пункта 5 части 2 статьи 153 и статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т.С. Малковой" // Собрание законодательства РФ. 2022. № 2. Ст. 556.

[3] Федеральный закон от 29.07. 2017 № 217-ФЗ «О ведении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 31 (Часть I). Ст. 4766

[4] Обзор судебной практики по спорам, связанным с реконструкцией, переустройством и перепланировкой помещений в многоквартирном доме (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.12.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 4.

держанию (в частности, порядок и условия установления и взимания платы за управление имуществом общего пользования и его содержание, критерии, на основе которых определяются ее состав и размер». Во исполнение данного Постановления Правительство РФ внесло в Госдуму проект ФЗ «О жилых комплексах, об управлении имуществом общего пользования в жилых комплексах» (на 10.06.2024 законопроект рассматривается во втором чтении с внесенными поправками), (далее - Законопроект) [1].

Согласно части 1 статьи 2 проекта под жилым комплексом понимается совокупность индивидуальных жилых домов и (или) земельных участков и иных объектов, в том числе объектов, которые определены как имущество общего пользования в соответствии с утвержденной документацией по планировке территории либо отнесены к имуществу общего пользования в порядке, установленном законопроектом, используются для удовлетворения потребностей всех собственников индивидуальных жилых домов и собственников земельных участков на условиях, установленных законопроектом, и которые расположены в границах территории, совпадающих с границами земельного участка, в отношении которого утверждена документация по планировке территории[2]. Определение, данное в статье 2 Законопроекта, позволяет выделить специфические признаки, позволяющие признать совокупность объектов «жилым комплексом».Однако отсутствует уточнение о целевом назначении земельных участков в составе жилого комплекса. Уточнение является важным, поскольку сама формулировка положения Законопроекта допускает его распространение и на владельцев садовых участков, на которых Федеральный закон от 29.07.2017 № 217-ФЗ «О введении гражданами садоводства и огородничества для собственных нужд и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» допускает строительство индивидуальных жилых домов. И как следствие, может возникнуть коллизия между нормами Законопроекта и Федерального закона № 217-ФЗ.

Актуальными остаются вопросы правового режима управления и содержания общего имущества коттеджного поселка, состава и границ такого имущества, размера и порядка внесения взносов на содержание общего имущества жилого комплекса. Для дачи исчерпывающего ответа на упомянутые вопросы обратимся к позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выразившейся в Постановлении от 28.12.2021г. № 55-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 7, части 1 статьи 44, части 5 статьи 46, пункта 5 части 2 статьи 153 и статьи 158 Жилищного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Т. С. Малковой» (далее - Постановление № 55-П). Ситуация следующая: заявительница приобрела жилой дом с земельным участком в коттеджном поселке. Еще до того, как она стала собственницей, на общем собрании собственников земельных участков была утверждена форма договора управления и избрана управляющая компания, а также определен перечень работ, которые на должна выполнять. Заявительница данный договор не подписывала, услуги не оплачивала. Суды взыскали с нее задолженность по оплате услуг управляющей компании, сославшись на то, что коттеджный поселок обладает собственной инфраструктурой и недвижимое имущество в рамках такого поселка объективно связано этой общностью. В силу отсутствия специальных норм был применен Жилищный кодекс Российской Федерации (ЖК РФ) по аналогии.

Конституционный Суд обратил внимание, что в силу своей пространственной обособленности инфраструктура коттеджного поселка, обслуживающая индивидуальные жилые дома имеет существенное отличие от общего имущества многоквартирного дома. То есть имущество в границах жилищного комплекса может находиться на

[1]Проект Федерального закона № 155842-8 О жилых комплексах, об управлении имуществом общего пользования в жилых комплексах // СОЗД ГАС «Законотворчество» URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/155842-8 (дата обращения: 14.04.2025).

[2] Там же.

огромном пространстве, быть физически удаленным друг от друга, в отличие от объектов общей собственности многоквартирных домов. Безусловно, такая пространственная удаленность осложняет осуществление управления имуществом. Многоквартирный же дом представляет собой целостную объемно-строительную систему, которая включает в себя помещения, сети и системы инженерно- технического обеспечения[5].

Стоит отметить, что перечень общего имущества и непосредственное возникновение доли в праве собственности предусмотрено Жилищным кодексом РФ, поэтому долгое время судебная практика основывалась на аналогии закона. При приобретении права собственности на индивидуальный жилой дом автоматически не возникает доля в общем праве собственности на пользование этим имуществом. Есть ряд причин, по которым аналогия закона неприменима. В частности такие субъекты как собственник инфраструктуры коттеджного посёлка и собственник коттеджей в посёлках являются разными субъектами. Есть случаи, когда инвестор (он же застройщик посёлка) остается собственником объекта общей инфраструктуры при продаже земельных участков для индивидуального жилищного строительства, соответственно, в данном случае долевая собственность на такое общее имущество не возникает. Таким образом, общее имущество коттеджного посёлка изначально может принадлежать третьим лицам: в «классических» посёлках собственник общего имущества имеет право самостоятельно распоряжаться данным имуществом, например, продать или обременить его. Недопустимо вести речь об аналогии закона в ситуации, когда сущность правоотношений так сильно отличается. В настоящее время практика судов больше не применяет аналогию закона без учёта тех обстоятельств, на которые просит обратить внимание Конституционный Суд[1].

Так, статьей 9 Законопроекта прямо предусмотрено, что в случае если в границах территории жилого комплекса расположено имущество, которое не находится в долевой собственности, владение и пользование таким имуществом собственниками и арендаторами осуществляется по соглашению с собственником такого имущества с учетом особенностей, установленных настоящим Федеральным законом. Согласно части 3 статьи 9 Законопроекта собственник имущества, не находящегося в долевой собственности, вправе устанавливать плату за пользование таким имуществом. Исчерпывающий перечень расходов, которые подлежат возмещению собственниками при использовании имущества, не находящегося в долевой собственности, а также порядок отнесения такого имущества к имуществу, не находящемуся в долевой собственности, устанавливается Правительством Российской Федерации. Как справедливо отмечает Комиссия по обеспечению жилищных прав граждан, давая заключение по данному Законопроекту: из проекта неясно, ограничена ли данная плата исключительно расходами, которые подлежат возмещению и перечень которых устанавливается Правительством Российской Федерации, а также каков порядок ее взимания. Таким образом, требования, касающиеся «порядка и условий установления и взимания платы за управление имуществом общего пользования и его содержание, критерии, на основе которых определяются ее состав и размер», изложенные в Постановлении Конституционного Суда № 55-П, выполнены не в полной мере, что сохраняет почву для конфликтов [2]. В связи с чем, считаем разумным предусмотреть возможность выработки или принятия Правительством Российской Федерации соответствующих методов для определения размера платы за содержание и управление общим имуществом.

[1]Зиновьева О.П. О некоторых аспектах содержания общего имущества коттеджных посёлков // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2022. № 4. С. 107-112.

[2] Заключение комиссии на проект федерального закона № 155842-8 // Система обеспечения законодательной деятельности URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/155842-8 (дата обращения: 24.04.2025).

Ввиду отсутствия четкости границ коттеджного поселка, неопределенности состава и принадлежности объектов общей инфраструктуры со стороны организаций, на которых возложена функция по управлению общим имуществом жилищных комплексов, наблюдается тенденция злоупотребления своими правомочиями. Речь идет, в том числе, об обоснованности тарифных размеров взносов на содержание общего имущества и законности, открытости методик произведения расчетов. Д.О. Османова отмечает: «…складываются ситуации, в которой собственники индивидуальных жилых домов на территории коттеджного комплекса вынуждены дополнительно оплачивать право доступа к своим земельным участкам и домам, а также иным объектам инфраструктуры»[1].

Прежде чем разбирать проблему механизма взимания платы на содержание общего имущества, необходимо выяснить на кого и в каком порядке возлагается обязанность по управлению имуществом коттеджного поселка и взиманию платы за обеспечение сохранности и пригодности для ее эксплуатации. У собственников индивидуальных жилых домов на территории жилых комплексов есть возможность выбора одного из трех способов управления имуществом общего пользования: непосредственное управление, товарищество собственников недвижимости или управляющая организация. В соответствии с Законопроектом в случае, если собственниками способ управления не выбран или не реализован, управление имуществом, находящимся в долевой собственности, осуществляется способом, указанным в пункте 1 части 2 статьи 7 законопроекта, то есть непосредственно собственниками. Законопроект предусматривает порядок проведения общего собрания собственников объектов недвижимости жилого комплекса, однако положения части 4, части 16 статьи 11, части 1 статьи 12 Законопроекта, касающиеся правомочности общего собрания собственников и собрания членов ТСН противоречивы. Во-первых, не наблюдается четкое разграничение компетенции между ними, что может привести к формированию двойной модели управления и как следствие - возникновению конфликта решений двух структур управления. Мы считаем необходимым привести данные положения в соответствие с нормами статьи 136 Жилищного кодекса.

Бремя содержания имущества несет собственник по общему правилу, однако Конституционный Суд считает целесообразным и наиболее справедливым компенсировать собственнику стоимость благ, извлекаемых при непосредственном пользовании объектами общей инфраструктуры. Учитывая, что соответствующих юридических норм для регулирования общественных отношений по содержанию и поддержанию объектов общей собственности коттеджного поселка нет, то подлежат применению общие начала законодательства, принцип добросовестности, разумности и справедливости.

Положениями части 8 статьи 12 Законопроекта устанавливается возможность безвозмездной передачи недвижимого имущества ТСН, расположенного в границах территории жилого комплекса, по решению общего собрания членов ТСН в общую долевую собственность собственников, которые выразили согласие на приобретение соответствующей доли в праве общей собственности на такое имущество, пропорционально площади земельных участков, на которых расположены соответствующие объекты. Данные положения, очевидно, не учитывают часть 2 статьи 14 Законопроекта, где собственники, у которых нет договора с ТСН и, соответственно, не являющиеся членами ТСН, платят за содержание имущества в общей долевой собственности. Толкуя норму статьи 249 Гражданского кодекса РФ, можно сделать вывод об обязанности собственников, членов ТСН нести бремя содержания общего имущества соразмерно своей доле, однако это не означает, что иные лица могут пользоваться такими объек-

[1] Османова, Д.О. Малоэтажный жилой комплекс: понятие и особенности правового режима // Законы России: опыт, анализ, практика. 2022. № 10. С. 37-43.

тами безвозмездно, хоть и не вступают в правоотношения с управляющей организацией. Отметим, что в гражданских правоотношениях возмездность презюмируется.

Рассмотрим судебную практику для более наглядного примера возникновения коллизии в связи с неурегулированностью сферы данных правоотношений. В одном из дел ВС РФ обсуждал следующую ситуацию: ТСН «Капитолий» приобрело на территории ТСЖ «Прибрежное» имущество общего пользования и занималось содержанием такого имущества. Члены ТСЖ «Прибрежное» осуществляли пользование имуществом ТСН «Капитолий» в индивидуальном порядке, однако расходы по его содержанию не несли. Позже ТСН «Капитолий» потребовало оплаты оказанных услуг, однако ТСЖ сочло данные требования неправомерными ввиду отсутствия между ТСН и ТСЖ договоров. Суд признал, что отсутствие заключенных между сторонами договоров не освобождает истца от обязанности нести бремя содержания имущества общего пользования и внесения платы за фактическое использование имуществом ответчикам. Довод о необходимости оплаты содержания имущества общего пользования можно подтвердить, используя аналогию закона к сходным правоотношениям. Коттеджные поселки, как и многоквартирные жилые дома, а также садоводческие объединения, являются кондоминиумами - едиными комплексами недвижимого имущества[1].

Также наглядный пример, подчеркивающий тенденцию судебной практики по этой проблеме: Арбитражный суд Московского округа, сославшись на положения ст.ст. 6, 8, 210, 249 ГК РФ, ст.ст. 7, 30, 44, 153, 154, 155 ЖК РФ, заключил, что собственники жилых домов и таунхаусов при наличии общей огороженной территории, контрольно-пропускного пункта, пользуются услугами по охране, озеленению, благоустройству общей территории, уборке дорог, сбору и вывозу мусора, наружному освещению, инженерным сетям, следовательно, должны нести соответствующие расходы за предоставленные услуги. А отсутствие договора между организацией, осуществляющей содержание и эксплуатацию коттеджного поселка, и собственником жилого дома в данном коттеджном поселке, не освобождает ответчика от обязанностей как по оплате услуг по содержанию и эксплуатации имущества общего пользования, услуг по благоустройству, охране и других услуг, необходимых для функционирования коттеджного поселка[2].

Таким образом, мы приходим к выводу о необходимости доработки законопроекта «О жилых комплексах, об управлении имуществом общего пользования в жилых комплексах» для его внедрения в правовое поле. Принятие данного закона потребует внесения корреспондирующих изменений в иные федеральные законы, с целью исключения противоречий. В силу стремительного развития общественных отношений, роста востребованности в коттеджных поселках, законодателям следует обратить внимание на текущие проблемы и устранить пробелы, препятствующие стабильному регулированию правоотношений, обеспечению законности и справедливости.

[1] Определение Верховного Суда РФ от 24.12.2020 по делу № А40- 143712/2019 // СПС - «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Арбитражного суда Московского округа от 17 августа 2016 г. по делу № А40-215045/2015 // Судебные и нормативные акты РФ URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/cjlfNaPwZN65/ (дата обращения: 18.04.2025).

ОСОБЕННОСТИ ПРОВЕДЕНИЯ ЗАКУПКИ В СООТВЕТСТВИИ С Ч. 12 СТ. 93 ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА «О КОНТРАКТНОЙ СИСТЕМЕ В СФЕРЕ ЗАКУПОК ТОВАРОВ, РАБОТ, УСЛУГ ДЛЯ ОБЕСПЕЧЕНЬЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД»

С. Н. Матыцына,
магистрант Юридического института
Иркутского государственного университета, г. Иркутск.
Научный руководитель: к.э.н., доцент кафедры гражданского права О. В. Горбач.

При рассмотрении тенденций развития законодательства в сфере контрактной системы государственных закупок большой интерес представляет способ определения поставщика по части 12 статьи 93 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд».

«Закупка с полки» – это модель, которая становится все более популярной в сфере государственных закупок, для управления запасами и логистики. Этот подход предполагает приобретение готовой продукции в точках продаж, что позволяет экономить время и ресурсы.

«Закупка с полки» (или "buy and hold") предполагает приобретение товаров, которые уже находятся в продаже вместо того, чтобы производить их на заказ. Данная стратегия часто используется в ритейле, производственной и дистрибьютерской деятельности. Она позволяет бизнесу оперативно реагировать на изменения в потребительском спросе и требованиях рынка.

В условиях современного рынка, характеризующегося высокой конкуренцией и изменчивостью спроса, компании сталкиваются с необходимостью оптимизации своих процессов для обеспечения устойчивости и эффективности. Одной из ключевых задач в этом контексте является управление запасами, которое напрямую влияет на финансовые показатели и конкурентоспособность бизнеса. «Закупка с полки», как метод, позволяющий минимизировать издержки и повысить оперативность, становится особенно актуальной в условиях необходимости быстрой адаптации к изменениям рынка. Этот подход позволяет компаниям быстро реагировать на изменения спроса и минимизировать время ожидания поставок. Основной характеристикой данного метода является наличие готовых к использованию запасов, что обеспечивает гибкость и оперативность в управлении ресурсами. Таким образом, правильное использование методов управления запасами позволяет компаниям не только сократить затраты, но и улучшить планирование и прогнозирование потребностей.[1]

С появлением в российском законодательстве способа определения поставщика, как «закупка с полки» введённого частью 12 статьи 93 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» (далее – 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок»)[2] дало возможность значительно ускорить процесс получения необходимого товара.[3]

«Закупка с полки» в России, начала применяться с 01.04.2021 как новый вид закупки у единственного поставщика проводимая в электронном виде на сумму не более

[1] Семенова Ф. З., Борлакова М. Б., Боташева Л. С. Зарубежный опыт организации государственных закупок // Фундаментальные исследования. 2016. № 6. С. 465–466.

[2] Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» // Собрание законодательства РФ. 2013. № 14. Ст. 1652.

[3] О внесении изменений в Федеральный закон О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: Федеральный закон от 27.12.2019 N 449-ФЗ (последняя редакция) // Консультант Плюс: справочная правовая система

5 миллионов рублей, с годовым объемом не более 100 миллионов рублей. Данная закупка имеет свои нюансы.

Она проводится по каталогу товаров, работ, услуг (далее -КТРУ) в единой информационной системе (далее -ЕИС) и предполагает только поставку товара или контракт, предметом которого является предоставление права на использование программы для электронной вычислительной машины и (или) базы данных (включая обновления к ним и дополнительные функциональные возможности), в том числе путем предоставления удаленного доступа к ним через информационно-телекоммуникационные сети, в том числе, через информационно-телекоммуникационную сеть "Интернет".

Термин «закупка с полки» весьма точно отражает ее специфику: когда заказчик размещает свое объявление о поиске поставщика, на электронной площадке уже присутствует ассортимент товара по различным ценам, подобно товарам, разложенным на полках в супермаркете. Поставщики указывают цену за единицу поставляемого товара, диапазон количества поставляемого товара, территорию поставки, минимальный и максимальный срок поставки товара. Заказчику остается только выбрать самое выгодное предложение.

Закупка с полки проводится только на электронной площадке. Потенциальные поставщики размещают на площадке свои объявления о готовности продать тот или иной товар. Такие объявления адресованы не конкретному покупателю, а вообще всем потенциальным заказчикам, поэтому они называются «предварительные предложения» (далее – «предварительное предложение», «предложение», «заявка») срок которого не может превышать один месяц[1]. Заказчик, желающий приобрести товар, размещает на площадке извещение, которое, по сути, является объявлением о поиске поставщика (далее – «извещение»). После этого оператор электронной площадки (далее – «оператор») запускает систему поиска, которая автоматически сопоставляет заданные заказчиком параметры товара с теми предложениями, которые уже размещены на площадке, и находит подходящие варианты поставщиков. Оператор обрабатывает предложения и направляет их заказчику. После этого заказчик выбирает предложение с самой низкой ценой и заключает с таким участником контракт. Весь процесс поиска может завершиться за один день, еще два – три дня занимает подписание контракта.

При проведении «закупка с полки» заказчику необходимо проанализировать рынок, определить начальную максимальную цену контракта (далее -НМЦК) в соответствии со статьей 22 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок»), определить КТРУ.

Поскольку это электронная закупка, но, по сути, это процедура, обратная конкурентному тендеру: только сначала поставщики размещают предварительные предложения, а потом заказчики рассматривают и выбирают те, которые подходят под их потребности.

Заказчик вправе заключить контракт на поставку товара, даже если получил только одно подходящее предложение.

Но есть другие особенности закупок с полки:

1. Работы и услуги таким способом не закупают.
2. Поставщик может предложить заказчику только те товары, которые есть в КТРУ— в Единой информационной системы (ЕИС). Если товара нет в КТРУ или в нем нет характеристик нужного товара, провести электронную «закупка с пол-

[1] О применении положений Постановления Правительства Российской Федерации от 30.06.2020: Письмо Минфина России от 25.05.2020 № 24-06-08/43310 // Консультант Плюс: справочная правовая система

ки» не получится, потому что составить извещение без позиции каталога нельзя (письмо Минфина от 10.08.2023 № 24-03-06/75075)).[1]

3. Заказчик не может требовать у поставщика дополнительных характеристик по товару. Он обязан руководствоваться тем, что указано в КТРУ.
4. В рамках одной закупки продают только один вид товара, ЭВМ или баз данных. Включить в предварительное предложение несколько видов товаров нельзя.
5. Обеспечение заявки и исполнения контракта для таких закупок необязательно. Но заказчик вправе запросить обеспечительный платеж у поставщика.
6. **В закупках с полки применяются правила национального режима (ст. 14 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок»). Если товар попадает под запреты, ограничения или условия допуска, поставщик должен указывать страну-изготовителя и прикладывать к своему предложению сертификаты, декларации и другие подтверждающие документы. (Постановление Правительства Российской Федерации от 23.12.2024 № 1875 «О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»).[2]**
7. Никаких преимуществ для субъектов малого предпринимательства и социально ориентированных некоммерческих организаций в закупках с полки не устанавливается.
8. Заказчик не может изменить или отменить закупку. Но Федеральная антимонопольная служба может остановить процедуру, если заказчик нарушит правила ее проведения.

Поставщик же при размещении на электронной торговой площадке предварительного предложения может указать:

- несколько разных товаров;
- разные места поставки;
- разное количество одного товара в зависимости от места поставки;
- разные цены за единицу товара в зависимости от количества товара и места поставки;
- разные сроки поставки в зависимости от количества товара и места поставки.

Минфин России в письме от 12.02.2021[3] называет эту конструкцию «принципом множественности товара». Такой принцип распространяется только на участников закупки, а для заказчиков он не действует. Причина заключается в самой схеме закупки. Участники размещают предложения заранее, действуют «вслепую»: в момент размещения они могут не видеть объявлений заказчика, поэтому не всегда знают, какой именно товар, в каком количестве и на каких условиях может быть востребован. Оператор электронной площадки автоматически сравнивает показатели товара в извещении с показателями товара в предварительных предложениях. Поэтому участнику предоставлена возможность выложить на площадке сразу несколько вариантов товара, несколько цен на товар и разные условия исполнения (срок и место поставки). По этой же причине создание одним участником нескольких предварительных предложений для закупки с полки не требуется, так как в этом нет необходимости: все товары включаются в одно предложение (п. 5 Письма Минфина России от 21.02.2021).

[1] О рассмотрении обращения: Письмо Минфина России от 10 августа 2023 г. № 24-03-06/75075 // Консультант Плюс: справочная правовая система

[2] О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц: Постановление Правительства Российской Федерации от 23.12.2024 № 1875 // Консультант Плюс: справочная правовая система

[3] Об осуществлении закупок товаров у единственного поставщика в электронной форме: Письмо Минфина России от 12.02.2021 № 24-06-08/9591 // Консультант Плюс: справочная правовая система

Заказчикам аналогичная возможность пока не предоставлена. Минфин России скептически высказался о том, что множественность товаров в одном извещении (так называемая «корзина») может снизить количество потенциальных участников закупки, поскольку в таком случае варианты выбора товаров, предложенные участником, по всей видимости должны точно соответствовать диапазону вариантов, запрашиваемых заказчиком.

Заключение контракта с участником, который предложил наименьшую цену, то есть оказался «победителем». Сразу отметим, что термин «победитель» здесь будет применяется очень условно, для наглядности: поскольку закупка неконкурентная, формально «победителей» в ней нет. Есть участник, с который по итогам закупки после заключения контракта становится единственным поставщиком. Если в процессе рассмотрения все заявки были заказчиком отклонены и осталась только одна подходящая заявка, «победителем» считается этот единственный участник (п. 13 Письма Минфина России от 12.02.2021)[1].

Закупка с полки, безусловно, является эффективным инструментом поиска поставщика. Но она обладает двойственным характером: она классифицируется как закупка у единственного поставщика, хотя в ней присутствуют явные черты конкурентной закупки. Ее уникальность заключается в алгоритме взаимодействия участников и заказчиков: участники размещают на площадке свои предложения предварительно, то есть до того, как заказчик начнет искать товар; участники сами не направляют заказчикам заявки, а заказчик самостоятельно также никого не ищет. Весь процесс поиска поставщиков выполняет оператор, который находит подходящие товары, сортирует их по цене и передает заказчику эту информацию. Хотя закупка с полки является разновидностью малых закупок, различий между этими видами закупок гораздо больше, чем сходства: в отличие от малых закупок, через закупку с полки можно закупать только товары. Работы и услуги в закупке с полки не предусмотрены. Закупка с полки проводится только на электронной площадке, контракт также заключается в электронной форме. Самое главное отличие: в закупке с полки могут участвовать несколько претендентов, из которых заказчик выбирает лучшего (по цене), причем алгоритм выбора имеет сходство с конкурентной процедурой. В обычных малых закупках разнообразия претендентов не предполагается, а контракт заключается напрямую с поставщиком. Несмотря на внешнее сходство с конкурентными электронными процедурами, закупка с полки отличается от них специфичными особенностями: а именно, оперативные сроки реализации, поставщика можно найти в течение нескольких часов, а заключение контракта займет не более двух рабочих дней. Участник не знает заранее точное количество товара, поэтому он просто предлагает тот объем, который готов поставить. В ходе поиска система автоматически заблокирует то количество товара, которое она предложит конкретному заказчику, участник не знает заранее точные условия поставки, поэтому он может предложить сразу несколько вариантов на выбор: несколько мест поставки, диапазон сроков поставки и разные цены за товар в зависимости от этих условий; в своей оферте участник предлагает не цену контракта, а цену за единицу товара. Поиск и отбор потенциальных поставщиков также происходит по цене за единицу товара, а не по цене контракта; после заключения контракта участник не обязан снимать с публикации свое предложение: если контракт заключен только на часть товара, предложение останется на площадке до истечения его срока действия, а оставшийся объем товара будет доступен для поиска.

Таким образом можно заключить, что «закупка с полки» не похожа ни на конкурентную закупку, ни на закупку у единственного поставщика. По сути, она представляет собой третий, промежуточный формат закупки. Возможно, в будущем ее классифи-

[1] Об осуществлении закупок товаров у единственного поставщика в электронной форме: Письмо Минфина России от 12.02.2021 № 24-06-08/9591 // Консультант Плюс: справочная правовая система

кации будет откорректирована на законодательном уровне, а объект закупки расширится, и помимо товаров заказчики смогут также приобретать работы и услуги.

ПРОБЛЕМА ИНТЕРПРЕТАЦИИ СУДАМИ ПОНЯТИЯ ЗАКОННОГО ВЛАДЕНИЯ ИСТОЧНИКОМ ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ

В. А. Морозова,
студент Юридического института
Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент,
заведующий кафедрой гражданского права В. А. Сырбо.

Условиям реализации гражданско-правовой ответственности, возникающей вследствие причинения вреда, посвящена глава 59 ГК РФ. Законодателем отдельно выделяются основания привлечения к ответственности, к числу которых отнесена деятельность, обладающая свойствами повышенной опасности, связанная с управлением транспортным средством. При этом обязанность по возмещению вреда может возлагаться не только на непосредственного причинителя, но и на иных лиц в силу прямого указания закона. Верховным Судом РФ для целей привлечения к ответственности разъяснены основания правомерного владения источником повышенной опасности, которыми являются право собственности, право оперативного управления и хозяйственного ведения, договор аренды, доверенность с правомочиями управления транспортным средством[1]. Указанный перечень не является исчерпывающим. Подразумевается, что иные законные основания, прямо не закрепленные в абзаце 2 пункта 1 статьи 1079 ГК РФ, должны устанавливаться судом и оцениваться в совокупности со всеми доказательствами по делу. Осуществление судом своих дискреционных полномочий в указанном случае породило в судебной практике множество проблем, некоторые из них остаются не разрешенными по сей день, вступая в противоречие как с общими началами института деликтных обязательств, так и с основополагающими разъяснениями Верховного Суда РФ.

В настоящее время на практике не сформировалось единого подхода по вопросу возможности взыскания ущерба в результате дорожно-транспортного происшествия (далее – ДТП) с лица, не являющегося собственником транспортного средства, но включенного им в полис обязательного страхования гражданской ответственности (далее – ОСАГО) в качестве водителя, допущенного к управлению на основании открытого или закрытого по кругу лиц полиса ОСАГО.

Так, истец (потерпевший) обратился в суд с иском к ответчику (виновнику ДТП) о взыскании с последнего ущерба, не покрытого предельным лимитом ответственности по договору ОСАГО, в размере 343 600 рублей. Собственник автомобиля, выразив волю на передачу права управления ответчику, предоставил ему ключи, заключил договор ОСАГО, предусматривающий допуск к управлению неограниченного круга лиц. При этом письменных доказательств, подтверждающих оформление правомочий по передаче права управления ответчику, в материалах дела не имеется, но ни собственником автомобиля, ни виновником ДТП указанный факт не оспаривался. Суд первой инстанции требования истца удовлетворил, взыскав с виновника в счет возмещения материального ущерба денежные средства в размере 343 600 рублей, мотивировав ре-

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 3.

шение тем, что ответчик на момент ДТП являлся законным владельцем источника повышенной опасности. К такому выводу пришел и суд апелляционной инстанции, так как перечень законных оснований владения не является исчерпывающим. Суд кассационной инстанции, отменив вынесенные по делу судебные акты, отметил, что управление автомобилем на основании полиса ОСАГО является законным лишь в сфере соблюдения требований, устанавливаемых правилами дорожного движения (далее – ПДД), но никак не подтверждает факт правомерного владения источником повышенной опасности в понимании гражданского законодательства. По логике суда кассационной инстанции сама по себе воля собственника на страхование автомобильной гражданской ответственности третьих лиц не свидетельствует о предоставлении им права юридического владения транспортным средством, формой закрепления которого являются основания, указанные в абзаце 2 пункта 1 статьи 1079 ГК РФ[1]. С такими выводами суда невозможно согласиться по нескольким причинам. Перечень юридических оснований владения источником повышенной опасности является открытым, об этом свидетельствуют и нормы отдельных федеральных законодательных актов, например, в абзаце 4 пункта 1 статьи 1 Федерального закона от 25.04.2002 № 40-ФЗ «Об ОСАГО» закреплено, что владельцем транспортного средства является лицо, управляющее им в силу любого законного основания. В рассматриваемом прецеденте ни собственник транспортного средства, ни виновник ДТП не отрицали наличия между ними правоотношений из передачи автомобиля в пользование последнему, о чем свидетельствовали их пояснения суду. Так как именно суд обязан дать юридическую квалификацию взаимоотношениям сторон, то для определения законных оснований владения необходимо было установить, каким договором предусматривался факт передачи транспортного средства для управления ответчику. Например, это могли быть договоры аренды транспортного средства без экипажа или безвозмездного пользования, заключенные в устной форме. Несоблюдение простой письменной формы договора аренды транспортного средства без экипажа влечет последствия, предусмотренные статьей 162 ГК РФ, но не свидетельствует о его недействительности. Для договора ссуды письменная форма не является обязательной вовсе. Действующая судебная практика критически оценивает правоотношения из устных сделок, однако эти доводы в пользу наличия законного основания владения и управления автомобилем на момент ДТП могут быть изложены лицами, участвующими в деле, перед судом в качестве пояснений, подлежащих оценке при разрешении дела, и в совокупности с иными доказательствами (передачей ключей от транспортного средства, включением ответчика в полис ОСАГО) могут подтверждать законность владения.

Сомнителен также довод суда о том, что передача транспортного средства при условии страхования собственником гражданской ответственности иных водителей указывает на законность их управления только применительно к соблюдению ПДД, а не для целей привлечения к гражданско-правовой ответственности. Безусловно, невыполнение предписания нормативного правового акта о наличии заключенного договора ОСАГО на момент эксплуатации транспортного средства является составом административного правонарушения. Однако в этом случае необходимо доказать лишь фактическое управление автомобилем в отсутствие такого договора, а для привлечения лица к ответственности по возмещению вреда судом оцениваются доказательства как фактического, так и юридического владения[2]. В рассмотренном деле фактическое управление автомобилем ответчиком-несобственником на момент ДТП никем не оспа-

[1] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 19.06.2024 № 88-14827/2024 // Официальный сайт Первого кассационного суда общей юрисдикции http://1kas.sudrf.ru (дата обращения: 23.03.2025 г.)

[2] Апелляционное определение Пензенского областного суда от 27.06.2023 № 33-2058/2023 // Официальный сайт Пензенского областного суда http://oblsud.pnz.sudrf.ru (дата обращения: 23.03.2025 г.)

ривалось, при этом суд пришел к выводу, что юридическим и фактическим владельцем по-прежнему оставался собственник. Из этого можно установить, что одно из условий наступления гражданско-правовой ответственности собственника (после направления дела на новое рассмотрение) за причинение вреда источником повышенной опасности не было доказано. Под фактическим владением понимается возможность непосредственного воздействия на вещь. В результате такого воздействия на объект управления может быть причинен вред третьим лицам. Лишь при указанных обстоятельствах можно утверждать, что фактическое управление транспортным средством в момент ДТП осуществлялось его виновником, от действий которого наступили негативные последствия. Однако суд кассационной инстанции в контексте определения ответственного лица за вред, причиненный источником повышенной опасности, указывает, что в случае делегирования собственником транспортного средства права управления иному лицу, выраженного, например, в передаче ключей, регистрационных документов, страховании его автомобильной гражданской ответственности, фактическим владельцем при описанных условиях все равно продолжает оставаться собственник, поскольку на практике перечисленные действия не квалифицируются в качестве законной передачи права владения, следовательно, собственник не лишается статуса фактического владельца, а потому не освобождается от обязанности по возмещению вреда[1]. При этом в аналогичном деле для целей определения юридически значимых оснований владения тот же самый суд кассационной инстанции отмечает, что лицо становится законным владельцем транспортного средства при надлежащем оформлении доверенности от собственника или при наличии страхового полиса ОСАГО[2]. Два противоречащих друг другу вывода вносят неопределенность при установлении судами условий привлечения к ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности. Последняя правовая позиция Верховного Суда РФ свидетельствует о том, что наличие или отсутствие страхования гражданской ответственности может являться одним из доказательств передачи владения в спорных случаях[3]. То есть само по себе включение собственником третьих лиц в полис ОСАГО, а также передача им ключей от автомобиля в совокупности свидетельствуют о законном (юридическом) и фактическом владении источником повышенной опасности для целей привлечения виновника ДТП к гражданско-правовой ответственности.

Рассматриваемая проблема также не имеет однозначного подхода в решении вопроса о возмещении вреда, причиненного источником повышенной опасности, приобретенного супругами во время брака. Судам в этом случае следует установить, с кого подлежит взысканию стоимость ущерба – солидарно с обоих супругов или с конкретного супруга-сособственника, причинившего вред? Одни суды указывают, что транспортное средство, приобретенное в период брака, является совместным имуществом, согласие другого супруга на использование автомобиля презюмируется, следовательно, каждый из супругов, не являясь на момент ДТП непосредственным причинителем вреда, подвержен гражданско-правовому риску возникновения вредных последствий в виде возложения на него солидарной обязанности по возмещению ущерба даже при отсутствии его вины, поскольку такое лицо также несет бремя содержания принадле-

[1] Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.02.2025 № 88-3431/2025 // Официальный сайт Восьмого кассационного суда общей юрисдикции http://8kas.sudrf.ru (дата обращения: 23.03.2025 г.)

[2] Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 18.02.2025 № 88-2305/2025 // Официальный сайт Восьмого кассационного суда общей юрисдикции http://8kas.sudrf.ru (дата обращения: 23.03.2025 г.)

[3] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 14.05.2024 № 81-КГ24-5-К8 // СПС «КонсультантПлюс»

жащего ему имущества[1]. Иные судебные инстанции отмечают, что режим общей совместной собственности не предусматривает солидарную ответственность за вред, причиненный потерпевшему при использовании одним из супругов источника повышенной опасности, поэтому он взыскивается с законного владельца-причинителя вреда, а другой супруг, даже если он и не является непосредственным причинителем вреда, но был привлечен к ответственности, не лишен права обратиться с регрессными требованиями к лицу, причинившему вред (то есть, к супругу-причинителю вреда)[2]. Если следовать логике разъяснения высшей судебной инстанции, изложенной в пункте 19 постановления Пленума Верховного Суда РФ N 1 от 26.10.2010 года, в котором под законным владельцем источника повышенной опасности изначально понимается собственник имущества, в случае, если автомобиль является общей совместной собственностью супругов, то и негативные последствия в виде ответственности за причиненный вред одним из супругов они должны нести солидарно. При этом вопрос о том, насколько подобный механизм отвечает целям института деликтных обязательств и презумпции привлечения к ответственности непосредственного причинителя вреда – фактического владельца транспортного средства, остается неразрешенным, так как в 2023 году Верховный Суд РФ отметил, что обязанность по возмещению вреда возлагается на юридическое лицо или гражданина, эксплуатирующих источник повышенной опасности на законных основаниях именно на момент причинения вреда[3]. С учетом такого подхода к ответственности уже следует привлекать конкретного супруга-сособственника, который эксплуатировал транспортное средство на момент ДТП.

Таким образом, подход к трактованию категории законного владельца с момента принятия единственного тематического постановления Пленума Верховного Суда РФ в 2010 году, разъясняющего порядок и условия привлечения к деликтной ответственности в результате управления источником повышенной опасности, нуждается в доработке. Исходя из неоднозначной оценки судами тех или иных обстоятельств, в результате которых лицо было допущено к управлению, целесообразным является видоизменение абзаца 2 пункта 1 статьи 1079 ГК РФ посредством исключения дефиниции «законного владельца» в том смысле, который заложен законодателем при перечислении всевозможных оснований такого владения, и закрепления презумпции привлечения к гражданско-правовой ответственности непосредственного причинителя вреда, эксплуатирующего источник повышенной опасности на момент причинения ущерба, что прямо следует из общих условий наступления деликтной ответственности в соответствии с абзацем 1 пункта 1 статьи 1064 ГК РФ. То есть законным владельцем будет признаваться лицо, управлявшее транспортным средством на момент ДТП. При этом такая презумпция может быть преодолена в случае, если непосредственный причинитель вреда и собственник состоят в трудовых или гражданских правоотношениях, в результате которых причинитель вреда осуществлял управление источником повышенной опасности по заданию собственника и в его интересах. При указанных обстоятельствах ответственным лицом – законным владельцем уже становится собственник, что соответствует позиции Верховного Суда РФ. Предложенный подход в вопросе привлечения к ответственности непосредственного причинителя вреда и презюмирование его статуса в качестве законного владельца наиболее полно отвечает сути деликтного обязательства и соответствует требованию справедливости.

---

[1] Решение Щербинского районного суда города Москвы от 22.07.2022 № 2-1932/2022 // Официальный сайт Щербинского районного суда города Москвы mos-gorsud.ru (дата обращения: 23.03.2025 г.)

[2] Определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 26.06.2024 № 88-20091/2024 по делу № 2-2298/2023 // Официальный сайт Четвертого кассационного суда общей юрисдикции http://4kas.sudrf.ru (дата обращения: 23.03.2025 г.)

[3] Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 28.11.2023 № 19-КГ23-30-К5 // СПС «КонсультантПлюс»

ОБОЮДНОЕ ОТСТУПЛЕНИЕ ОТ УСЛОВИЙ ДОГОВОРА: ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ ПРИРОДЫ

С. А. Надькина,
студент Юридического института
Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент,
заведующий кафедрой гражданского права В.А.Сырбо.

В договорной практике нередко встречаются ситуации, когда стороны обоюдно отступают от первоначальных условий договора, не оформляя при этом в традиционном смысле соглашений об изменении или расторжении договора; стороны сохраняют партнерские отношения в адаптированном к изменившимся обстоятельствам виде.

То есть об обоюдном отступлении от условий договора принято говорить в тех случаях, когда исполнение, отклоняющееся от условий договора, началось и осуществляется более-менее продолжительное время, однако соглашение, фиксирующее измененные условия обязательства, формализуется значительно позже или не формализуется вовсе

Прямого регулирования подобной ситуации гражданское законодательство не содержит, судебная практика же квалифицирует такие случаи противоречиво.

Данная статья посвящена рассмотрению правовых вопросов, связанных с ситуациями, когда стороны договора отклоняются от его первоначальных условий, что именуется обоюдным отступлением от условий договора, и направлена на определение правовой природы такого отступления.

Обоюдное отступление от обязательства в ряде случаев расценивается судами как «изменение» или «расторжение» договора, то есть за таким отступлением признается преобразующее значение. Основой для такого подхода служит п.5 Информационного письма Президиума ВАС РФ от 05.05.1997 №14 "Обзор практики разрешения споров, связанных с заключением, изменением и расторжением договоров"[1], в котором допускается признание за конклюдентными действиями силы согласия на внесение изменений в письменный договор, а нем буквально было указано: "Совершение конклюдентных действий может рассматриваться при определенных условиях как согласие на внесение изменений в договор, заключенный в письменной форме".

В дальнейшем данный подход периодически воспроизводился судебной практикой. Так, арендатор на протяжении трех месяцев вносил арендную плату, значительно превышающую размер, установленный договором. В свою очередь, арендодатель засчитывал такую переплату в счет последующих арендных платежей на протяжении двух лет, когда арендатор не производил оплату вплоть до момента прекращения действия договора аренды в связи с выкупом земельного участка. Суд признал такое отступление в качестве изменения договора, мотивируя это тем, что, такое исполнение договора не привело к нарушению прав какой-либо из сторон по договору[2].

Указанный подход Президиума ВАС РФ также применялся судами в случаях, когда отклоняющееся от условий договора исполнение началось и длилось некоторое время, а соглашение на утверждение данного изменения было направлено стороной-инициатором значительно позже. Так, суд счел неправомерными требования истца об уплате неустойки в связи с пропуском срока уплаты арендных платежей по договору и признании дополнительного соглашения незаключенным. Доводы ответчика были основаны на том, что отступление от первоначальных условий договора началось еще до направления им дополнительного согла-

[1] Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 05.05.1997 № 14 "Обзор практики разрешения споров, связанных с заключением, изменением и расторжением договоров"// СПС «КонсультантПлюс»

[2] Постановление Президиума ВАС РФ от 12.10.2010 № 4864/10 по делу N А56-6539/2009 // СПС «КонсультантПлюс»

шения об уточнении обязательства по уплате арендных платежей. Суд согласился с позицией ответчика со ссылкой на то обстоятельство, что стороны путем совершения конклюдентных действий согласовали изменение арендной платы, при этом довод истца о неправомерности требования по неподписанному им соглашению несостоятелен в силу его непоследовательного поведения (эстоппель), в силу чего он лишается права на обеспечение судебной защитой[1].

Актуальная практика Верховного суда РФ дополнительно указывает на длящийся характер обоюдного отступления от условий договора, что, вероятно, должно иметь значение для возможности признания правопреобразующего значения за таким поведением (отступлением). Так, истец решил взыскать долг по роялти и неустойку за просрочку платежей по первоначальному лицензионному договору при признании его новой редакции незаключенной в силу отсутствии его подписи. Однако судом было отмечено, что на протяжении двух лет истец самостоятельно выставлял счета по ежемесячной оплате ответчику, исходя из новой редакции договора, тем самым было установлено продолжительное противоречивое поведение истца. Одновременно был проигнорирован один из главных принципов гражданского права - добросовестность, что дало основание для срабатывания механизма эстоппеля[2].

Однако следует отметить, что механизм эстоппеля, препятствующий недобросовестной стороне возвращаться к условиям обязательства, от которых сама эта сторона отступила, и обоюдное отступление от условий договора - это разные инструменты гражданского права, которые относятся к разным аспектам договорных отношений. Эстоппель является механизмом защиты от недобросовестного поведения контрагента, в то время как обоюдное отступление - это реализация права сторон на изменение или расторжение договора. В ситуации, когда обе стороны своими действиями демонстрируют отказ от строгого соблюдения условий договора, что приводит к формированию обоснованных ожиданий относительно их дальнейшего поведения, и одна из сторон впоследствии действует вопреки этим ожиданиям, причиняя ущерб другой, принцип эстоппель применяется для защиты прав и законных интересов добросовестной стороны.

В приведенных выше примерах ободное отступление от договорных условий квалифицировалось судами в качестве принятого сторонами изменения договора. Вместе с тем, в практике есть прецеденты, в которых обоюдное отступление от договора расценивается как фактическое его расторжение. Так, суд отказал в удовлетворении иска по договору купли-продажи земельного участка в силу неисполнения сторонами своих обязательств: покупатель не оплатил имущество, а продавец не передал ему земельный участок. При этом суд пришел к выводу, что истец вправе обратиться с требованием о взыскании с ответчика убытков, а не оплаты земельного участка, тем самым признав договор расторгнутым[3].

По моему мнению, все же стоит различать "обоюдный отказ от договора" (пусть и в форме взаимного фактического бездействия по исполнению) и "обоюдное отступление от условий договора" Обоюдный отказ, выраженный в неисполнении обязательства, фактически расторгает договор, тогда как отступление от условий изменяет условия исполнения, но не прекращает договорные отношения. При обоюдном отказе стороны теряют интерес к реализации договора и не стремятся получить выгоду от его исполнения. Напротив, при обоюдном отступлении, стороны, исполняя обязательства на новых условиях, выражают заинтересованность в получении встречного предоставления и реализации договора, хоть и в измененном виде.

Обоюдное отступление от договорных условий, лишает сторон права ссылаться на изначальные условия, из которых и образовались гражданско-правовые отношения между

[1]Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 02.12.2024 N Ф01-5445/2024 по делу № А43-26354/2023 // СПС «КонсультантПлюс»

[2]Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 06.02.2025 № 310-ЭС24-20342 по делу № А14-22953/2022 // СПС «КонсультантПлюс»

[3] Постановление Президиума ВАС РФ от 14.12.2010 № 8265/10 по делу № А57-15856/2009 // СПС «КонсультантПлюс»

ними. Требование стороны о возврате к первоначальным условиям договора после взаимного отступления от ранее зафиксированных условий договора, признается судом как проявление непоследовательности и недобросовестности, поскольку свою волю на реализацию новых сложившихся между субъектами обязательств лица выразили в своих конклюдентных действиях по принятию или исполнению новых фактически сложившихся условий.

Для квалификации обоюдного отступления от условий договора в качестве своеобразной формы его изменения необходимо исключить ситуацию неопределенности (или неполной определенности) условий договора, при которой неосознанное отклоняющееся поведение сторон объясняется неодинаковым толкованием какого-либо из условий. Отклонение происходит ненамеренно при осознании собственного поведения как полностью соответствующего условиям обязательства. Подобные случаи ошибок толкования условий договора не могут являться основанием для их развития в юридически значимое изменение договора.

При оценке юридических последствий обоюдного отступления от условий договора особое значение следует придавать признаку обоюдности.

Обоюдным может быть признано такое отступление, которое не нарушает баланс интересов сторон в обязательстве в том виде, как он предполагался изначально. При значительном нарушении баланса отступление от условий договора приводит к нарушению интересов одной из сторон, что может быть квалифицировано как злоупотребление правом. Например, злоупотребление правом имеется в случае предъявления какой-либо из сторон требования об исполнении обязательства в первоначальном виде, в то время как от этих первоначальных условий отступили обе стороны, и обязательство со взаимными отступлениями реализовывалось сколько-нибудь значимый период [1].

При оценке взаимного отступления от условий договора также важно установить, соответствует ли это отступление критериям, позволяющим его отграничить от обычного нарушения первоначального соглашения. Соотношение обоюдного отступления от условий договора и нарушения его условий выявляет их главные отличия - согласие сторон на отступление и правовые последствия. При ободном отступлении лица, принимая на себя эффект отклоняющихся действий друг друга, выражают свое согласие на изменение первоначальных условий, тем самым порождая обновленные гражданско-правовые отношения, удовлетворяющие их взаимный интерес. Стороны при этом заинтересованы в исполнении договора, хоть и на измененных условиях, и в получении из него необходимых для себя благ без причинения ущерба друг другу. Нарушение же условий договора, напротив, характеризуется отсутствием согласия, деструктивной направленностью, наступлением неблагоприятных последствий для одной из сторон.

Стоит оговориться, что приведенная выше и подобная ей судебная практика решает обозначенный вопрос лишь в тех случаях, когда у стороны уже имеется адресованное ей предложение от оферента на установление или изменение условий обязательства. Иными словами с помощью судебного толкования действующий правопорядок легализует именно акцепт в форме конклюдентных действий.

А что же в отношении оферты, раз уж речь идет об обоюдных действиях фактического характера?

Согласно п. 1 ст. 452 Гражданского кодекса РФ, изменение условий договора возможно по соглашению сторон и должно быть выражено в той же форме, что и сам договор. Подавляющее большинство договоров существуют в письменной форме. Заключая соглашение об изменении договора, стороны совершают оферту и акцепт. Применительно к акцепту в ответ на письменную оферту, как было отмечено только что, допустимой является форма конклюдентных действий, чего нельзя констатировать в отношении оферты – она единственная остается символом существования соглашения об изменении договора в предписанной законом форме самого договора, и, следовательно, должна быть выражена письменно. Сле-

[1] Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 №16 «О свободе договора и ее пределах» // Вестник ВАС РФ. 2014. № 5.

дуя такой формальной логике, сложно признать за случаями обоюдного отступления от условий договора силы соглашения о его изменении

Тем не менее, отсутствие прямого закрепления оферты в форме конклюдентных действий в Гражданском кодексе РФ не исключает ее признания доктриной и практикой. Отношения, возникающие из обоюдного отступления от договорных условий, по своему значению не должны радикально отличаться от аналогичных отношений, вытекающих из конклюдентных действий каждой отдельной стороны. То есть за такими действиями должны признаваться правовые последствия. Правовой эффект обоюдных действий, естественно, представляет собой сумму (совокупность) правовых эффектов действий каждой из сторон. Важно, что для каждого из указанных действий есть общее начало – исходный договор, относительно условий которого и должно определяться значение действий по отступлению. Таким образом, обоюдное отступление от договорных условий можно квалифицировать как фактическое изменение условий договора. Оферта в виде конклюдентных действий в рамках существующих договорных отношений, не должна отвергаться, однако ее нормативное и доктринальное закрепление остается открытым.

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ДОГОВОРА НА ВЫПОЛНЕНИЕ ТЕХНИЧЕСКОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ ИНЖЕНЕРНЫХ СИСТЕМ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ЗДАНИЙ И СООРУЖЕНИЙ

О. А. Подгорная,
магистрант Юридического института
Иркутского государственного университета, г. Иркутск.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент кафедры гражданского права А. А. Батурина.

В современном мире для крупных городов характерны динамичный процесс строительства и развитие инфраструктуры. Множество конструктивно сложных зданий требуют ответственного содержания для поддержания оптимального уровня безопасности, а также комфорта живущих и работающих в них людей.

Каждое высотное здание наполнено высокотехнологичными инженерными системами жизнеобеспечения (далее – ИСЖ), которые являются результатом технологического прогресса и крупных материальных затрат.

К основным инженерно-техническим системам жизнеобеспечения, требующим обслуживания и от поддержания работоспособности которых зависит безопасная эксплуатация здания, относятся такие системы как: электроснабжение; охлаждение; аспирация; отопление; водоснабжение; водоотведение; канализация; лифтовое оборудование; кондиционирование; вентиляция; контроль доступа (автоматические ворота, рольставни, шлагбаумы, автоматические двери) диспетчеризация; мониторинг динамического состояния здания и другие.

Важнейшим элементом повышения надежности эксплуатации оборудования инженерно-технических систем является организация системы технического обслуживания (ТО) и ремонта (Р), представляющая собой комплекс мероприятий, направленных на поддержание инженерно-технического оборудования и сетей в работоспособном состоянии, предупреждение аварийных ситуаций, а также на оптимизацию их работы, для того чтобы обеспечить максимальную экономическую эффективность.[1]

Комплексное техническое обслуживание инженерных систем производится специализированными организациями и предполагает выполнение целого ряда работ:

[1] Лепеш Г.В. Современные методы и средства диагностики оборудования инженерных систем зданий и сооружений // Технико-технологические проблемы сервиса. 2015. № 4(34) С. 3.

- Единое управление всеми работами по обслуживанию инженерных сетей.

- Регулярное профилактическое обслуживание оборудования в соответствии с техническими нормами и рекомендациями производителей.

- Срочные или плановые ремонтные работы любого уровня сложности.

- Комплексная диагностика инженерных систем, контроль работоспособности в периоды критических нагрузок.

- Оформление эксплуатационной документации, аттестация и паспортизация.[1]

Для целей выполнения технического обслуживания привлекаются исполнители и подрядчики, обладающие профессионализмом и соответствующей квалификацией. От их ежедневного умения выстроить и отслеживать работу сложного механизма жизнеобеспечения зависит безопасность, комфорт людей и работоспособность систем, а значит – долговечность здания в перспективе.

Договор на техническое обслуживание систем и оборудования здания — это соглашение между заказчиком (владельцем или управляющим зданием) и исполнителем (подрядчиком), в соответствии с которым исполнитель обязуется выполнять работы по поддержанию инженерно-технических систем здания в исправном и безопасном состоянии, а заказчик обязуется оплачивать эти услуги.

В контексте данного договора – это чаще всего ежемесячное техническое обслуживание систем и сетей инженерно-технического обеспечения, направленное на оказание комплекса услуг по поддержанию работоспособности и модернизации ИСЖ. Это может включать в себя как плановые мероприятия по техническому обслуживанию и мелко-срочному ремонту, так и внеплановые работы, связанные с устранением дефектов и поломок, а также реконструкция и модернизация систем в целом.

В содержании такого договора детально оговариваются алгоритмы взаимоотношений сторон, а также указываются технические характеристики, состав оборудования коммуникаций и состав работ в соответствии с регламентированными нормативно-правовыми актами по эксплуатации. Это важно для правильного понимания стороной своих обязательств и прав.

Предмет договора на техническое обслуживание ИСЖ должен быть четко и однозначно определен, поскольку именно он позволяет идентифицировать конкретные действия, которые исполнитель обязуется совершить в отношении объекта обслуживания.

Под предметом договора понимаются профессиональные знания по техническому обслуживанию инженерных систем, используемые при проведении комплекса мероприятий, направленных на сбор и оценку специалистами состояния работоспособности инженерных систем. Экспертная оценка способствует принятию заказчиком финального решения по возможности дальнейшей безопасной и эффективной эксплуатации системы в зависимости от содержания сведений, полученных от исполнителя. Например, заказчик может согласиться на рекомендованный исполнителем ремонт (реконструкцию) или замену одной из системы (части ее) или отказаться от него и т. п.

Помимо оценки технических специалистов, техническое обслуживание включает в себя услуги, направленные непосредственно на поддержание бесперебойного функционирования инженерных систем. Наименование и количество плановых работ в обязательном порядке включаются в содержание договора. Как правило, перечень таких работ – обширный и указан не в предмете договора, а закреплен отдельными приложениями к договору.

Кроме того, может возникать необходимость в проведении испытаний и аттестации ИСЖ. Отметим, что в этой связи ответственность за несоблюдение технических регламентов лежит на обеих сторонах, поскольку некачественное обслуживание си-

[1] Лепеш Г.В. Диагностика и комплексное обслуживание инженерно-технических систем и оборудования зданий и сооружений // Технико-технологические проблемы сервиса. 2016. № 1(35) С. 6.

стем инженерно-технического обеспечения или использование ненадлежащих средств защиты специалистами могут привести к серьезным правовым последствиям, включая ответственность за причинение вреда здоровью работников исполнителя, либо людей, находящихся в здании.

Нормативно-правовое регулирование договора на выполнение технического обслуживания ИСЖ осуществляется комплексом законодательных актов, во главе с Гражданским кодексом Российской Федерации (далее – ГК РФ).

Как видно из сути рассматриваемых гражданско-правовых отношений понятия «работа» и «услуга» тесно переплетены и нередко используются в рамках одного договора. В ГК РФ нет четкого определения указанным понятиям, однако гражданское законодательство по-разному регулирует правоотношения, связанные с выполнением работ и оказанием услуг. Договоры, предметом которых выступают работы или услуги, делятся на две обширные группы договоров. Первая группа регулируется нормами Главы 37 ГК РФ «Подряд». Договорам же на оказание услуг ГК РФ посвятил более десятка глав. Общие же нормы регулирования закреплены Главой 39 ГК РФ «Возмездное оказание услуг».

Очень важно определиться, какую форму договора использовать для оформления правоотношений, в связи с тем, что рассматриваемые категории значительно различаются по составу (объему) прав и обязанностей, что может повлечь серьезные правовые последствия, в случае переквалификации вида договора.

Правильное понимание особенностей подрядных отношений позволяет отграничивать их от иных обязательств той же родовой направленности, в частности – от договоров возмездного оказания услуг.

На сегодняшний день в правоприменительной практике возникают сложности при разграничении договора подряда от договора об оказании услуг. В юридической науке высказываются разные мнения и проблематика определения понятий работа/услуга, а также их взаимной подмене на практике, остается открытым.

Вопрос – дискуссионный, а ученые-цивилисты до сих пор не пришли к единому мнению. Приведем некоторые точки зрения известных деятелей науки.

Классик цивилистической литературы Иоффе О.С. в своей монографии высказывает мнение:

«В то время как достижение материального результата опосредствуется обязательствами по производству работ, при отсутствии такой цели работа выполняется на основе обязательства по оказанию услуг. Разграничение двух названных групп обязательственных правоотношений обусловлено потребностью различного их гражданско-правового нормирования. В обязательствах по производству работ одному из контрагентов поручается достижение определенного материального результата. Если он не достигнут, обязательство считается невыполненным, хотя бы обязанное лицо и делало все необходимое для его достижения. Нельзя признать выполненным договор подряда, если завершенная работа случайно погибнет до передачи заказчику, несмотря на то что подрядчик сделал все возможное для ее завершения. В обязательствах по оказанию услуг один из контрагентов поручает другому ведение определенного дела, не связанного с созданием материального результата, а направленного на достижение различных иных эффектов. Поэтому, если порученное дело ведется должным образом, считается, что контрагент выполняет принятое на себя обязательство, хотя бы ожидаемый эффект не наступил. ...Из этого основного различия вытекает и ряд других особенностей гражданско-правового регулирования отношений по оказанию услуг сравнительно с тем, как регулируются отношения по производству работ».[1]

[1] Иоффе О.С. Обязательственное право - М., 1975. С. 489.

Позиция ученого Гонгало Б.М. заключается в том, что определяющим признаком договора подряда является наличие овеществленного результата, осязаемого и отделимого от личности самого подрядчика, а полезный эффект услуги потребляется в процессе ее оказания и неотделим от личности исполнителя.

«Если же услуга и завершается каким-либо результатом, то в отличие от результата договора подряда он не имеет овеществленного характера, либо его ценность состоит не в материальном носителе, в котором он зафиксирован, а в содержании, идеях (юрист написал исковое заявление, эксперт дал письменное заключение).

Из этого различия закономерно вытекает еще одно: результат работ по договору подряда полностью зависит от умений, навыков, способностей и отношения к работе подрядчика, который при надлежащем исполнении своих обязанностей по договору подряда должен достигнуть именно результата, обусловленного договором. Надлежащее оказание услуги тем не менее может и не привести к результату, желаемому заказчиком в силу специфики ее объекта как деятельности, которая зависит и от иных факторов, помимо действий исполнителя (например, врач сделал все возможное, но вылечить пациента не смог; адвокат принял участие во всех судебных заседаниях, совершил все необходимые процессуальные действия, но суд не вынес решение в пользу его доверителя)».[1]

Известный цивилист Е. А. Суханов полагает, что по договору подряда подрядчик должен передать заказчику результат выполненной работы, который не выражен в новой вещи, но является вещественным. В связи с этим передаваемый подрядчиком заказчику результат необязательно должен представлять собой движимую или недвижимую вещь.

«Договор подряда отличается от договоров об оказании услуг, хотя к отдельным их видам могут субсидиарно применяться правовые нормы о договоре подряда. Например, согласно ст. 783 ГК общие положения о подряде (ст. ст. 702 - 729 ГК) и положения о бытовом подряде (ст. ст. 730 - 739 ГК) применяются к договору возмездного оказания услуг, если это не противоречит ст. ст. 779 - 782 ГК, а также особенностям предмета договора возмездного оказания услуг. Основным отличием договора подряда от договоров об оказании услуг является результат выполненных работ, имеющий овеществленную форму. В договорах об оказании услуг результат деятельности исполнителя не имеет вещественного содержания и неотделим от его личности, будь то концерт музыканта, деятельность поверенного или перевозка груза».[2]

В классификации договоров, предложенной ученым Романцом Ю.В., договоры на выполнение работ и оказание услуг входят в одну группу.

«Возмездное оказание услуг впервые выделено в действующем ГК как самостоятельный тип договора, имеющего собственную нормативно-правовую базу.

Институт возмездного оказания услуг предназначен для регулирования правоотношений, которые, с одной стороны, не могут быть эффективно регламентированы подрядными нормами, а с другой стороны, по своей значимости и индивидуализирующим свойствам еще не достигли той степени, при которой оказывается необходимым выделение каждого из них в особый договорный тип. Глава 39 ГК не претендует на то, чтобы охватить регулирование конкретного типа договора; напротив, она заведомо предполагает наличие различных видов договоров, отвечающих лишь общим признакам договора возмездного оказания услуг. Поэтому нормы гл. 39 ГК рассчитаны ис-

[1] Гражданское право: учебник: в 2 т. / О.Г. Алексеева, Е.Р. Аминов, М.В. Бандо и др.; под ред. Б.М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. Т. 2. 560 с. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Российское гражданское право: учебник: в 2 т. / В.В. Витрянский, В.С. Ем, Н.В. Козлова и др.; отв. ред. Е.А. Суханов. 2-е изд., стереотип. М.: Статут, 2011. Т. 2: Обязательственное право. 1208 с. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

ключительно на такие услуги, которые еще законодательно не сформированы как самостоятельные типы договоров.

В литературе высказывается точка зрения о том, что не считается подрядным обязательством договор, результат которого имеет сугубо нематериальный характер, даже если он облечен в материальную форму. Эта позиция недооценивает главный квалифицирующий признак подряда, предопределяющий сущность его регулирования - отделимость результата от процесса работы. Материальность или нематериальность результата - вторичный фактор, главное - чтобы результат был выражен в материальной форме. Например, договор, предусматривающий подготовку юристом письменного анализа судебной практики, следует квалифицировать как обязательство подрядного типа»[1].

Как видим, на проблематику разграничения категорий выполнения работ и оказания услуг имеются разные точки зрения. Разграничение носит спорный характер, что не позволяет участникам гражданского оборота в данной сфере общественных отношений отличить понятие «услуга» от понятия «работа». Этот факт служит причиной, в том числе обширной судебной практики разрешения споров, возникших по причине неисполнения (ненадлежащего исполнения) обязательств сторона в рамках договора на техническое обслуживание ИСЖ.

Стороны сталкиваются с переквалификацией вида договора в ходе судебного процесса. Причем, можно отметить, что ошибаться в выборе вида договора могут не только стороны обязательственных спорных правоотношений. Некоторые суды также допускают неверную переквалификацию договоров, включающих в себя как услуги, так и подрядные работы. Это связано с отсутствием единообразия в судебной практике.

В контексте рассматриваемого в статье договора для наглядности приведем некоторые случаи из судебно-арбитражной практики.

1) Организация "Строительная компания" (заказчик) заключила с организацией «Жилье» (подрядчик) договор на содержание и текущий ремонт многоквартирных домов (общих коммуникаций, технических устройств, технических помещений, внутридомовых инженерных систем и т.д.) в течение одного года.

По истечению срока договора неоплата заказчиком выполненных подрядчиком работ и оказанных услуг в полном объеме послужила основанием для обращения подрядчика с иском в арбитражный суд.

Однако суды отказывали в удовлетворении исковых требований, применяя к правоотношениям нормы строительного подряда.

Арбитражный суд постановил следующее:

Суды, не исследовав приложение N 2 к договору (перечня обязательных работ и услуг по содержанию и ремонту общего имущества собственников помещений в многоквартирном доме, находящегося в управлении ООО "Строительная компания") без учета положений статей 779, 781 ГК РФ, пришли к выводу о том, что данный договор является договором подряда и регулируется нормами § 3 главы 37 ГК РФ.

Таким образом, принятые по делу судебные акты нельзя признать законными и обоснованными в связи с чем они подлежат отмене, а кассационная жалоба - удовлетворению.[2]

2) Между истцом (исполнитель) и ответчиком (потребитель) был заключен договор, в соответствии с которым исполнитель предоставлял услуги по содержанию

[1] Романец Ю.В. Система договоров в гражданском праве России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, Инфра-М, 2013. 496 с. // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[2] Постановление Федерального Арбитражного Суда Дальневосточного округа от 10.06.2011 № Ф03-2257/2011 по делу № А73-10663/2010 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.

(в том числе аварийному ремонту) и текущему ремонту жилого дома (коммуникаций, технических устройств, внутридомовых инженерных систем и пр.)

Суд постановил:

«По смыслу положений статьи 702 (договор подряда) и статьи 779 (договор возмездного оказания услуг) Кодекса договор подряда отличается от договора возмездного оказания услуг тем, что результат деятельности подрядчика имеет осуществленный характер и выражается в создании вещи по заданию заказчика или ее трансформации (реконструкции) в отличие от деятельности услугодателя, не приводящей к созданию вещественного результата. В договоре на оказание услуг ценностью для заказчика являются сами действия исполнителя (комплекс мероприятий по содержанию и техническому обслуживанию общего имущества многоквартирного жилого дома).

Следовательно, суды обоснованно отнесли заключенный между истцом и ответчиком договор к договору возмездного оказания услуг.»[1]

3) ООО "Лифтремонт" (подрядчик) и ООО "Жилкомсервис" (заказчик) подписали договор на техническое обслуживание и текущий ремонт лифтов.Учитывая, что ответчик произвел оплату по договору не в полном объеме, истец обратился в арбитражный суд с иском.

Арбитражный суд Красноярского края применил к правоотношениям истца и ответчика положения главы 39 Гражданского кодекса Российской Федерации о возмездном оказании услуг.[2]

4) Между ООО "Жилсервис" (заказчик) и ООО "Брянсклифт" (подрядчик) был заключен договор на техническое обслуживание, текущий ремонт и эксплуатацию лифтов.

При квалификации правоотношений участников данного спора арбитражный суд охарактеризовал их как вытекающими из договора подряда и применил нормы главы 37 ГК РФ"[3]

5) Между сторонами по делу был заключен договор. Муниципальное учреждение поручило, а Общество приняло на себя обязательства по выполнению работ по оказанию услуг по техническому обслуживанию, содержанию и текущему ремонту общего имущества многоквартирных домов и общежитий, общих коммуникаций, технических устройств, технических помещений, внутридомовых инженерных систем, объектов благоустройства и придомовых территорий.

«Давая оценку положенному в основание иска договору, суд первой инстанции правомерно пришел к выводу, что заключенный между сторонами договор является договором возмездного оказания услуг, правоотношения по которому подлежат регулированию нормами главы 39 Гражданского кодекса Российской Федерации.

Указание апелляционного суда на наличие у договора смешанного характера - договора возмездного оказания услуг и договора подряда является ошибочным. Из содержания договора не следует, что Общество принимало на себя обязательства по выполнению для Муниципального учреждения подрядных работ. Техническое обслуживание и текущий ремонт общего имущества многоквартирного дома по своей природе не предусматривает выполнение подрядных работ. В то же время данный ошибочный вывод апелляционного суда не привел к принятию незаконного судебного акта, в связи с чем не может служить основанием к отмене судебного акта»[4].

---

[1] Постановление Федерального Арбитражного Суда Северо-Кавказского округа от 20.05.2010 по делу № А53-19622/2009 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.

[2] Постановление Федерального Арбитражного Суда Восточно-Сибирского округа от 03.12.2009 по делу № А33-9390/2009 // КонсультантПлюс: справочно-правовая система.

[3] Постановление Федерального Арбитражного Суда Центрального округа от 11.10.2010 по делу № А09-1569/2010 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

[4] Постановление Федерального Арбитражного Суда Поволжского округа от 20.12.2010 по делу № А12-6737/2010 // Консультант-Плюс: справочно-правовая система.

Как видим из приведенных данных судебных решений, в первом случае суд отменил предыдущие решения, потому что ранее не учитывались приложения к договору и применялись нормы строительного подряда, хотя, следовало применять нормы о возмездном оказании услуг. Во втором случае суд четко разграничил договор подряда и оказания услуг, основываясь на наличии материального результата. Третий и четвертый примеры показывают разные подходы к квалификации договоров на обслуживание лифтов: в одном случае применяют главу о возмездных услугах, в другом - о подряде. В пятом примере суд подчеркивает, что договор не является смешанным, несмотря на возможные ошибки апелляционного суда. Из приведенных примеров следует, что суды по-разному интерпретируют данные договоры, содержащие в своем предмете как оказание услуг, так и подрядные работы. Например, техническое обслуживание и текущий ремонт могут рассматриваться как услуги, если нет создания новой вещи, а могут как подряд, если есть овеществлённый результат. Однако в разных случаях суды приходят к противоположным выводам, что создает неопределенность для сторон договора. Судебная практика подтверждает, что юридическая природа рассматриваемой категории договоров остается дискуссионной.

Договор на выполнение технического обслуживания инженерных систем является ключевым документом, определяющим обязательства сторон по поддержанию надлежащего состояния объекта здания и его инженерно-техническое обеспечение. Как правило, такие договоры обладают смешанным характером. С одной стороны, они содержит элементы договора подряда, поскольку предполагает выполнение определенных работ по обслуживанию и ремонту оборудования ИСЖ. С другой стороны, он имеет черты договора оказания услуг, так как основной целью является поддержание работоспособности систем и обеспечение их бесперебойного функционирования.

Таким образом, правовая природа договора на техническое обслуживание ИСЖ проявляется в сложном взаимодействии норм гражданского права. Разграничение двух типов договора важно для определения применимости тех или иных норм права к данному договору. Для подряда существенны гарантии качества результата, тогда как в услугах ставится акцент на надлежащее исполнение действий.

Чтобы избежать правовых последствий, стороны должны стремиться детально проработать проект договора на этапе согласования и подробно изложить существенные условия. Требуется определить, какие из работ трактуются как подряд и выходят за рамки оказания услуг. Описание услуг (объем, перечень) должно быть максимально конкретным, чтобы исключить возможность разногласий между сторонами в процессе исполнения договора.

Особое внимание необходимо уделить разделу, регламентирующему сроки и периодичность предоставления услуг. Договор должен четко указывать даты начала и окончания предоставления услуг, а также периодичность выполнения работ (ежедневно, еженедельно, ежемесячно, ежеквартально, ежегодно), а также порядок сдачи-приемки выполненных работ.

Кроме того, важным аспектом является ответственность сторон за неисполнение или ненадлежащее исполнение условий договора. Необходимо включать в договор конкретные пункты, касающиеся управления рисками и порядка работы в таких ситуациях.

Несогласованность условий влечет за собой правовые последствия, включая судебное разбирательство и переквалификацию типа или вида договора судом.

В завершении хотелось бы отметить, что в реальной экономической жизни договор на выполнение технического обслуживания ИСЖ приобрел широкую распространенность. Обширная судебно-арбитражная практика показывает потребность юридического регулирования данной модели договора. Разбирая спорные правоотно-

шения, суд вынужден подключать договор к одному из известных ГК РФ типов или видов и выбор между ними не всегда однозначен.

Отечественные классики цивилистики отмечали, что существует тенденция «отпочкования»[1] отдельных договорных форм от основной группы договоров, сохраняя существенные признаки родовой модели. И развитие их происходит в несколько этапов.

«Они исследуются в составе действующих правовых образований как объект всестороннего изучения, а в необходимых случаях и дальнейшего совершенствования.

...Обычно в момент их появления такие формы стремятся подключать в качестве специфических подразделений к ближайшему по содержанию из числа сложившихся договорных типов. Но как только процесс их нормативного созревания достигает оптимальных масштабов, вдумчивый пересмотр ранее разработанных концепций чаще всего выливается в возведение былых договорных разновидностей в ранг договоров самостоятельной типологической значимости»[2].

«...в силу различных причин, связанных, с одной стороны, с узким набором норм в данной главе (прим. – гл. 39 ГК РФ), а с другой – с потребностью в отражении достаточно широкой специфики соответствующих видов договоров, не выделенных особо в ГК, сохраняется потребность в самостоятельном регулировании отдельных моделей договора услуг. Поэтому следует ожидать, что круг специально урегулированных договоров возмездного оказания услуг актами, принятыми за пределами ГК, а возможно, и дополнительно включенными в сам Кодекс главами, будет расширяться»[3].

Современная практика показывает, что сохраняется потребность правового регулирования отдельных договорных моделей. К таким объектам регулирования, несомненно, относится договор на выполнение технического обслуживания инженерных систем жизнеобеспечения зданий. Для повышения эффективности в данной сфере гражданско-правовых отношений считаем необходимым устранить пробел в правовом регулировании, применив к рассматриваемой межтиповой договорной конструкции специальное регулирование в форме федерального закона или иных нормативных документов. В таких нормативных актах должна быть отражена специфика данного договора и регламентирован порядок его исполнения. Также требуется указание рекомендаций и четких критериев по разграничению выполняемых в рамках договора работ с отнесением их к тому или иному виду в зависимости от их сущностных признаков.

[1] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. Издание 3-е, стереотипное - М.: Статут, 2005. С.7.

[2] Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву – М.: Статут, 2005. – С. 432-438.

[3] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга третья: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. издание 3-е, стереотипное - М.: Статут, 2005. С.236.

ДЕЙСТВИЯ В ОБХОД ЗАКОНА В СИСТЕМЕ НЕДОБРОСОВЕСТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Н. А. Соловьев,
студент Юридического института
Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.
Научный руководитель: к. ю. н., доцент кафедры гражданского права Н. В. Родина.

С момента вступления в силу 1 марта 2013 года последней редакции ст. 10 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) она остается объектом активных дискуссий. Рассматривая содержания статьи и изучая правовую природу закрепленных в ней институтов, ученые юристы нередко высказывают противоположные друг другу точки зрения. Существует обширная судебная практика применения ст. 10 ГК РФ, но и она не лишена недостатков. Все тоже самое можно сказать и об отдельном правовом институте, закрепленном в ст. 10 ГК РФ — действиях в обход закона с противоправной целью, о котором и пойдет речь. В настоящей работе рассматривается связь доктрины обхода закона и принципа добросовестности, доктрины злоупотребления правом, а также на основании существующей судебной практики и доктринальных позиций ученых делаются выводы о способах и порядке применения доктрины обхода закона.

«При установлении, осуществлении и защите гражданских прав и при исполнении гражданских обязанностей участники гражданских правоотношений должны действовать добросовестно» — гласит пункт 3 статьи 1 ГК РФ. Далее, в п. 5 ст. 10 ГК РФ, законодатель презюмирует добросовестность участников гражданских правоотношений. Только в первой части ГК РФ добросовестность упоминается 61 раз[1], но ни разу не дается ее дефиниция. Определенную ясность вносит Верховный Суд РФ (далее — ВС РФ), определяя добросовестное поведение как ожидаемое поведение от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации (абз. 3 и 4 п. 1 Постановление Пленума ВС РФ от 23 июня 2015 г. № 25)[2]. Данное определение раскрывает принцип добросовестности в ее объективном смысле. Авторитетной является позиция Ивана Борисовича Новицкого, который под доброй совестью понимал «критерий, указывающий, чего требует от лица связанность, согласованность отдельных частных интересов между собой и с интересом общественным, как нужно поступить, чтобы эту согласованность не нарушить; в доброй совести заложен предел индивидуалистического начала»[3]. Разделяя взгляд дореволюционного ученого, Андрей Владимирович Егоров говорит о добросовестности в объективном смысле следующее: «совершенно неправильно усматривать в принципе добросовестности предписание возлюбить ближнего своего больше, чем самого себя. Задача этого принципа абсолютно иная. Он призван сдерживать проявления личного эгоизма там, где этот эгоизм начинает выступать препятствием для жизни социума, и не более того. Это способ сбалансировать частный эгоизм, поскольку только в гармоничном сочетании эгоизма и любви к ближнему общество способно развиваться наилучшим образом»[4].Объективная добросовестность имеет место в п. 3 ст. 1, п. 2 ст. 6, п. 5 ст. 10, п. 3 ст. 53, п. 5 ст. 166 ГК РФ и др. Назначение принципа объективной добросовестности — восстановить справедливость в тех случаях, когда нормы позитивного права бессильны.

[1] Из них 24 раза «недобросовестность».
[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8
[3]Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1 (по изданию 1916 г.). С. 133.
[4] Егоров А.В. Принцип добросовестности в Гражданском кодексе РФ: первые шаги реформы. // legal insigh. 2013. №2. С. 9.

«Ни в каком случае смысл закона или милость справедливости не терпит, чтобы то, что введено для пользы людей, мы обращали путем жестокого толкования в строгость, идущую вразрез с благополучием людей»[1]. Применять ст. 10 ГК РФ допустимо, когда нет места нарушению иных правовых норм. Только в таком случае можно обеспечить стабильность оборота, реализацию принципа справедливости, установить рамки судейского усмотрения и одновременно защитить субъектов гражданских правоотношений от ущерба, нанесенного формально правомерным поведением. При этом недобросовестное поведение нарушает норму позитивного права — ст. 10 ГК РФ. Позитивация принципа добросовестности позволяет характеризовать недобросовестное поведение как особое гражданское правонарушение. О правильности такого подхода можно судить, исходя из широкой судебной практики применения ст. 168 в паре со ст. 10 ГК РФ[2].

Помимо добросовестности в объективном смысле, существует и широко используется законодателем субъективная добросовестность. Данное обстоятельство может вызывать путаницу, которой не возникает, например, в Германском и Швейцарском гражданских уложениях, где для объективного понятия используется Treu und Glauben (§ 157, 242 ГГУ) и guter Glaube (§ 122, 123, 132, 142 ГГУ и др.) для субъективной добросовестности соответственно. При этом в Английском праве используется единый термин — good faith. Под субъективной добросовестностью, часто определяемой как извинительное незнание, Новицкий И. Б. понимал «определенное сознание того или иного лица, неведение некоторых обстоятельств, с наличностью которого закон считает возможным связать те или иные юридические последствия»[3]. Лицо добросовестно в субъективном смысле, когда «не знало и не должно было знать». В частности, о добросовестности в субъективном смысле говориться в п. 2 ст. 51 (публичная достоверность ЕГРЮЛ), п. 1 ст. 145 и 147.1 (добросовестность владельца ценной бумаги), п. 2 и 3 ст. 223 (добросовестность приобретателя) ГК РФ и др.

В рассматриваемой ст. 10 ГК РФ несколько раз упоминается категория злоупотребления правом и устанавливается запрет такого поведения: «Не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав (злоупотребление правом)». Ученые имеют несколько точек зрения по вопросу правовой природы данного института. Михаил Михайлович Агарков выносил злоупотребление правом за пределы самого права[4]. Наиболее классическим является определение злоупотребления правом как«особое гражданское правонарушение, совершаемое управомоченным лицом при осуществлении своего субъективного права и заключающееся в намеренном использовании им таких способов его осуществления, которые противоречат социальному назначению права и причиняют вред другому лицу»[5]. Представляется верным взгляд на запрет злоупотребление правом как частный случай объективной добросовестности[6]. Такой подход согласуется и с содержанием п. 1 ст. 10 ГК РФ, которая называет заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав злоупотреблением правом. Также

---

[1] Д.1.3.25.1 Модестин См.: Дигесты Юстиниана / пер. с лат. ; отв. ред. Л. А. Кофанов.Т. 1. - М. : Статут. 2002.

[2] См.: Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 25.11.2008 № 127// Вестник ВАС РФ. № 2. 2009.

[3] Новицкий И.Б. Указ. соч. С. 125.

[4] См. напр.: Агарков М. М. Избранные труды по гражданскому праву: В 2 т. Т. 2. - М. 2002. С. 366.

[5] Гражданское право: В 4 т.: Учебник / Отв. ред. проф. Е. А. Суханов. - М, 2005. Т. I. С. 475.

[6] Громов А., Егоров А. Практический комментарий к первому и второму блокам изменений в ГК РФ. Самые значимые поправки. - М.: Актио-Медиа. 2014. С. 11.; Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1–16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Редакция 1.0]. Отв. ред. А. Г. Карапетов. - М.: М-Логос. 2020. С. 703.

существует несколько позиций о необходимости наличия вины у лица, злоупотребившего правом. Для некоторых форм данного института, например, для шиканы, наличие вины не ставится под сомнение. В случае же «иного недобросовестного осуществления гражданских прав» взгляды ученых разделились. Артем Георгиевич Карапетов считает, что «Слово «Заведомо» в данном контексте[См.: п. 1 ст. 10 ГК РФ], видимо, следует понимать следующим образом: суд должен признавать недобросовестными только те случаи осуществления и защиты права, когда недобросовестность абсолютно очевидна. Учитывая разнообразные виды злоупотребления правом, считать злонамеренность неотъемлемым условием применения п. 1 ст. 10 ГК РФ вряд ли оправданно»[1]. Другой позиции придерживается Андрей Евгеньевич Шерстобитов: «с субъективной точки зрения злоупотребление правом всегда представляет собой виновное действие (в том числе в форме неосторожности)»[2]. Этой же точки зрения придерживается Андрей Андреевич Громов и Андрей Владимирович Егоров[3]. Последний, отмечая, что вопрос сложный, говорит о градации недобросовестности: заведомо — злоупотребление, не заведомо — просто недобросовестность[4]. При таком подходе напрашивается градация ответственности лица, действовавшего недобросовестно. Упомянув шикану, как одну из форм злоупотребления правом, необходимо обозначить критерий классификации, на основании которого и происходит выделение отдельных форм. Таким критерием выступает цель недобросовестного поведения. Следовательно, имеет место: 1) шикана — как действие, совершенное исключительным намерением причинить вред другому лицу и 2) иные формы злоупотребления правом[5].

Действия в обход закона с противоправной целью в п. 1 ст. 10 ГК названы в качестве одной из форм злоупотребления правом[6]. Такой подход не нашел отклика в ученом сообществе. Прежде чем перейти к рассмотрению точек зрения ученых по данной теме, необходимо, прежде всего, дать определение рассматриваемому институту. Древнеримский юрист Павел писал: «Поступает против закона тот, кто совершает запрещенное законом; поступает в обход закона тот, кто, сохраняя слова закона, обходит его смысл»[7]. Евгений Алексеевич Суханов характеризует действия в обход закона цитатой Вениамина Михайловича Хвостова: «желая достичь цели, противной закону, стороны заключают сделку, не подходящую по букве под текст закона, но ведущую к достижению того практического результата, с которым борется закон»[8]. Александр Игоревич Муранов в своей критической статье приводит определения Евгения Дмитриевича Суворова «под обходом закона понимается осуществление поведения, нарушающего интерес, обеспечиваемый обходимым законом, намеренно без вызывания действия этого закона»[9]. Карапетов А. Г. отмечает, что «обход закона в цивилистической литературе нередко принято обозначать латинским термином «fraus legis»…обход за-

[1]Карапетов А. Г. Указ. соч. С. 706.

[2] Шерстобитов А.Е. Злоупотребление правом (доктрина и практика) // Проблемы развития частного права: Сборник статей к юбилею В.С. Ема / Отв. ред. Е.А. Суханов, Н.В. Коз лова. - М.: Статут. 2011. С. 305.

[3]Громов А., Егоров А. Указ. соч. С. 12.

[4] См.: Семинар Андрея Егорова на тему «Реформа общих положений ГК РФ» в рамках Кубанского юридического форума. Электронный ресурс: https://youtu.be/TfSD_qKuoGU?si=ekxqqeN_A_BbtIRW. Доступ 12.04.2025.

[5]См.: Шерстобитов А. Е.: Указ. соч. С. 305.; . Карапетов А. Г. Указ. соч. С. 714.; Громов А., Егоров. А. Указ. соч. С. 12.

[6]К такому выводу можно прийти путем логической связки: если действия в обход закона — это недобросовестное осуществление прав, а недобросовестное осуществление прав — это злоупотребление правом, то и действия в обход закона — это злоупотребление правом.

[7] Д.1.3.29.1 См.: Дигесты Юстиниана / пер. с лат. ; отв. ред. Л. А. Кофанов.Т. 1. М.: Статут. 2002.

[8] Ем В. С. О видах субъективных гражданских прав и о пределах их осуществления / В. С. Ем, Е. А. Суханов // Вестник гражданского права. 2019. Т. 19. № 4. С. 15-16.

[9] Муранов А.И. Попытка внедрения понятия «обход закона» в ГК РФ и международный коммерческий арбитраж в России // Вестник международного коммерческого арбитража. 2011. № 1. С. 193.

кона имеет место тогда, когда лицо использует для достижения того или иного социально-экономического результата некоторые нестандартные, нетипичные правовые инструменты, формы или конструкции с умыслом на то, чтобы избежать применения императивных норм, установленных в отношении тех стандартных и типичных правовых форм, инструментов или конструкций, которые в обороте обычно принято использовать для достижения того же результата»[1].

В юридической литературе нередко выступают с критикой закрепления данного института таким образом, каким он закреплен сейчас. В частности, оспаривается отнесения действий в обход закона с противоправной целью к иным формам злоупотребления правом. Упомянутый Муранов А. И. указывает, что при таком подходе происходит: «расширени[е] значения понятия «злоупотребление правом», придание ему нового смысла. Теперь …злоупотребление правом предстает не только в виде традиционной шиканы либо использования права во зло другим конкретным частным субъектам или же некоему кругу лиц, но и в виде «обхода закона», т.е. в виде действий, которыми хотя лицо и реализует свое основанное на законе право, но которые не отвечают цели (смыслу, интересу) такого закона. Было бы ошибкой полагать, что…«обход закона» будет иметь место…при наличии традиционного злоупотребления правом, которое дополнительно должно не отвечать цели (смыслу, интересу) закона. Нет,...если любое действие не отвечает цели (смыслу, интересу) закона, то уже одного этого достаточно для его квалификации как «обхода закона»…ст. 10 ГК РФ запрещает использование права во зло не только другим конкретным частным субъектам или же во зло некоему кругу лиц, но и во зло самому закону, в «подрыв» его цели, смысла, интереса»[2]. Шерстобитов А. Е придерживается той же позиции:«Ни действия в обход закона, ни иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав таковыми не являются[злоупотреблением правом]…действия в обход закона…не всегда связаны с осуществлением гражданских прав. Лучшим примером тому может служить п. 2 ст. 170 ГК РФ о ничтожности притворной сделки. Кроме того, под категорию «злоупотребление правом» подводятся разноплоскостные понятия: шикана, которая традиционно трактуется как осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, т.е. его осуществление с целью, не соответствующей назначению указанного права, и действия в обход закона, которые служат средством для достижения какой-то цели. Следует учитывать, что такие действия могут не быть направлены на осуществление права с целью, не соответствующей его назначению»[3]. Суханов Е. А. транслирует тот же подход: «Встречающаяся в современной судебной практике квалификация условий некоторых договоров как направленных на обход закона лишь подтверждает «сделочную» природу этих отношений. Но, как уже давно установлено, сделка не является осуществлением права: она «направлена на изменение юридических отношений, а осуществление права остается в пределах существующих уже юридических отношений»[4]. Поэтому действия в обход закона с противоправной целью выходят за пределы понятия злоупотребления правом, не будучи всегда связанными с осуществлением гражданских прав, а преследуемые ими противоправные цели не всегда расходятся с общим назначением права (например, при совершении некоторых мнимых и притворных сделок, предусмотренных ст. 170 ГК РФ). С учетом этого злоупотребление правом в действующей редакции ст. 10 ГК РФ предстает как более широкое понятие в сравнении с общепринятым»[5].Такой подход к институту «сделки» на данный

[1] Карапетов А. Г. Указ. соч. С. 716.

[2]Муранов А.И. Указ. соч. С. 194-195.

[3]Шерстобитов А. Е. Указ. соч.С. 306.

[4] Суханов Е. А. цит.: Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права. Т. 1. М.: Статут. 2005. С. 195.

[5]Суханов Е. А. Указ. соч.С. 15.

момент оспаривается в научном сообществе, но это выходит за рамки исследования данной статьи. При этом, в данных фрагментах видно, что автор ставит знак равенства между действиями в обход закона и мнимой и притворной сделкой. У такой точки зрения есть основания, но она представляется неверной, о чем будет сказано далее. Шерстобитов А. Е. приводит Заключение Института зарубежного и международного частного права имени Макса Планка г. Гамбург, «в котором авторы, говоря о понятии «обход закона», подчеркивают, что данное понятие описывает ситуацию, когда действия адресата нормы, хотя и не совпадают с прямо запрещенными данным законом действиями, все же, однако, ведут к результату, на предотвращение которого данная норма направлена. Следовательно, обход закона имеет место тогда, когда посредством избранного юридического оформления действий лица цель правовой нормы подрывается. Обход закона отличается от злоупотребления правом тем, что при обходе закона имеет место претензия на обоснование действующего права, когда посредством частных усилий создаются правоустанавливающие факты, но с точки зрения правопорядка это обоснование является искусственной конструкцией, и эти факты не могут иметь последствий, которыми их должна была бы наделить предписанная норма права. Таким образом, правопорядку противоречит не осуществление субъективного права, а способ его оформления»[1]. Тихон Петрович Подшивалов также считает, что «обход закона не является формой злоупотребления правом, поскольку злоупотребить можно только субъективным правом, а обход закона направлен на неприменение положений императивной нормы закона, несоблюдение той обязанности, которая в ней заложена…обход закона является формой заведомо недобросовестных действий, но данная категория шире злоупотребления правом. Следовательно, злоупотребление правом и обход закона - это самостоятельные формы заведомо недобросовестных действий»[2].

Выше сказанное не отменяет законодательного закрепления действий в обход закона как одной из форм злоупотребления правом. Суды следуют логике законодателя. Так, ВС РФ в ранее упомянутом Постановлении Пленума от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой ГК РФ» дал разъяснения о сделках, совершенных в обход закона: «к сделке, совершенной в обход закона с противоправной целью, подлежат применению нормы гражданского законодательства, в обход которых она была совершена. В частности, такая сделка может быть признана недействительной на основании положений статьи 10 и пунктов 1 или 2 статьи 168 ГК РФ. При наличии в законе специального основания недействительности такая сделка признается недействительной по этому основанию (например, по правилам статьи 170 ГК РФ)». Исходя из этого следует:

Сделка не может быть ничтожной или признанной недействительной только на том основании, что она совершена в обход закона. Суд должен применить к ней императивную норму, которую она обходит, и уже на основании нарушения этой императивной нормы сделка может быть признана недействительной или являться ничтожной. Только в таком случае у сделки, совершенной в обход закона видится противоправная цель — нарушение императивной нормы. При этом, как отмечает Подшивалов Т. П. «Норма о запрете обхода закона адресована в первую очередь суду; факт обхода закона может быть установлен только судом, поскольку участники гражданских правоотношений равны между собой. Возможность суда квалифицировать действия как совершенные в обход закона не зависит от того, ссылается ли на обход закона заинтересованное лицо, поскольку запрет обхода закона закреплен императивной нормой и это следует из п. 2 ст. 10 ГК РФ. При этом бремя доказывания обстоятельств, свидетельствующих об обходе закона, в силу п. 5 ст. 10 ГК РФ лежит на том, кто на них ссы-

[1] Шерстобитов А. Е. Указ. соч.С. 308.

[2] Подшивалов Т.П. Запрет обхода закона в российском гражданском законодательстве и судебной практике// Вестник гражданского права. 2015. № 2. С. 87-115.

лается»[1]. В п. 2 ст. 166 ГК РФ говориться, что требовать признать оспоримую сделку недействительной может сторона сделки и иное лицо, указанное в законе. Последнее справедливо для специальных составов недействительности, но институт обхода закона носит исключительный характер и применяется тогда и только тогда, когда невозможно применить другое основание недействительности. Это следствие принципа lex specialis derogat generali (специальный закон отменяет общий), сила которого в данном случае подтверждается в указанном Постановлении Пленума ВС РФ. Следовательно, сделка в обход закона недействительна или в силу признания таковой судом по заявлению одной из сторон, или в силу посягательства на публичные интересы, интересы третьих лиц (п. 2 ст. 168 ГК РФ). Анна Вячеславовна Иноземцева отмечает: «Понятие «сделка в обход закона» не может быть сведено к понятию «сделка, противная основам правопорядка или нравственности». Эти понятия имеют различные сферы применения: первое применимо к сделкам, стороны которых преследуют цель избежать применения императивной нормы, второе — к сделкам, стороны которых преследуют цели, противоречащие принципам правопорядка или общепринятым этическим нормам, не получившим прямого отражения в законе. Если из содержания сделки следует наличие обеих указанных целей, то приоритет разумно отдавать квалификации сделки как совершенной в обход закона, поскольку интерес, нарушенный исключением применения императивной нормы, может быть защищен путем ее применения (что не всегда будет влечь аннулирование сделки). Констатация же ничтожности подобной сделки в соответствии со ст. 169 ГК РФ не всегда будет пропорциональной мерой»[2]. Соглашаясь с автором в части разведения данных понятий, мы не считаем необходимым в данном случае отходить от исключительного и субсидиарного характера института обхода закона. Также нельзя сказать, что мнимая или притворная сделка — это сделки в обход закона и наоборот. Разграничение данных понятий видно на основании волевого критерия. При мнимой сделке у сторон отсутствует истинная воля на порождение правовых последствий. Лица заключили сделку без намерения ее исполнять. При притворной сделке истинная воля сторон не направлена на достижение тех правовых последствий, которые отражены в их волеизъявлении, а направлена на порождение других правовых последствий. Лица говорят одно, а делают другое. При сделке в обход закона воля сторон направлена на достижение непосредственно тех правовых последствий, которые отражены в волеизъявлении, но с целью обойти императивное предписание. Лица безупречно следуют своему волеизъявлению. Вышесказанное вступает в противоречие с ссылкой на ст. 170 ГК РФ в том же Постановлении Пленума ВС РФ и позициями Суханова Е. А. и Шерстобитова А. Е.При этом в Определении Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 03.03.2023 N 41-КГ22-46-К4 приводится разграничение сделки в обход закона и мнимой сделки как раз по наличию реального исполнения условий сделки. Уместным будет привести замечание Егорова А. В.: «Как в мнимой, так и в притворной сделке обязательно присутствует умысел двух сторон либо на то, чтобы не преследовать правовых целей, либо на то, чтобы эти цели были другими, чем цели формально совершенной сделки. Обход закона, напротив, возможен и в тех случаях, когда с нарушением закона действует только одна сторона, а вторая об этом может даже не догадываться»[3]. К таким случаям Карапетов А. Г. относит обход императивных норм, обеспечивающих публичный интерес «в подобных примерах применение запрета

[1] Подшивалов Т.П. Указ. соч. С. 113-114.

[2] Иноземцева А.В. Проблема самостоятельного значения института обхода закона // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 4. С. 178.

[3] Егоров А. В. Обход закона: использование дозволенной правом формы ради запрещенной правом цели // Вестник международного коммерческого арбитража. 2011. № 2. С. 173.

на обход закона без оглядки на добросовестность одной из сторон при наличии очевидного умысла на обход закона у другой стороны»[1].

Действуя в обход закона, лица стремятся обойти применение определенных императивных правил. Рассматривать судебную практику вне контекста и погружения в положения закона, которые стороны обходят не совсем верно. Однако для целей исследования все же необходимо привести пару примеров применения доктрины обхода закона.

Нередко доктрина обхода закона применяется судами для надлежащего регулирования действий иностранных лиц на территории РФ. В частности, для тех случаев, когда в отношении иностранных лиц законом установлены некоторые ограничения, которые они обходят, действуя через граждан РФ или через юридические лица зарегистрированных на территории РФ. У российских судов имеется богатая практика борьбы с такого рода действиями. Так, например, в период приватизации в конце 90-х годов Высший Арбитражный Суд РФ (далее — ВАС РФ) констатировал ничтожность сделок, направленных на обход императивных ограничений в отношении иностранных лиц, хотя и избежал ссылок на обход закона (Постановление Президиума ВАС РФ от 9 декабря 1997 г. № 6247/97)[2]. На данный момент такого рода действия признаются совершенными в обход закона со ссылкой на п. 1 ст. 10 ГК РФ. В пример можно привести недавнее определение Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 03.02.2025 N 307-ЭС24-18161 по делу N А56-2577/2023. Суть рассмотренного дела состоит в следующем: между иностранным юридическим лицом — лицензиаром и российским юридическим лицом — лицензиатом был заключен лицензионный договор, в 2022 году государство регистрации лицензиара попало в список недружественных государств, в отношении исполнения обязательств перед такими правообладателями Указом Президента РФ установлен особый порядок, лицензиар уступил право требования по договору лицензирования аффилированному юридическому лицу, зарегистрированному на территории РФ, с обязательством последнего после взыскания денежных средств с лицензиата передать их цеденту, таким образом, иностранное лицо планировало обойти установленные указом ограничения. Суд указал, что лицензиар действует в обход закона, и отправил дело на новое рассмотрение.

Рассмотрим еще один случай применения института запрета действий в обход закона с противоправной целью. Суды нередко используют его для предотвращения обхода законодательно установленной процедуры торгов, предметом которых является предоставление земельного участка, находящегося в публичной собственности в аренду частному лицу. Суд, в частности, указывает на ничтожность сделки по основанию п. 2 ст. 168 ГК,поскольку победитель торгов, уступая право аренды третьему лицу, действует в обход закона, так как допущение такого поведения привело бы к нарушению принципа конкуренции при проведении торгов и недопущение предоставления лицу, участвовавшему и особенно не участвовавшему в проведении торгов, необоснованных преимуществ. Такую формулировку можно встретить в Определении Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 27.01.2025 № 88-603/2025, Определении Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 14.11.2024 № 88-23773/2024, Определении Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 17.09.2024 № 88-9065/2024.

В заключение хочу привести цитату Егорова А. В.: «Общий путь развития права, причем не только в России, заключается в следующем. Законодатель предлагает абстрактную норму, но потом кто-то придумывает ситуацию, которая не подпадает под норму. Со временем закон закрывает лазейку. И ситуация повторяется заново. В итоге получается извечная проблема борьбы щита и копья, или, если хотите, то добра и зла.

[1] Карапетов А. Г. Указ. соч. С. 719.
[2]Там же. С. 719.

И вот добро (или «щит») придумало себе хорошее подспорье – норму про обход закона. Эта норма позволяет закрыть промежуток времени (иногда очень значительный) между тем, когда придуман обход, и тем, когда факт обхода констатирован государством и предприняты меры по дополнению закона»[1]. Таким образом, доктрина обхода закона указывает на недостатки в формулировке правовой нормы, предлагает путь уточнения такой нормы, тем самым совершенствует закон.

«CONTRA PROFERENTEM» КАК МЕТОД ТОЛКОВАНИЯ ДОГОВОРА

А. Ю. Турова,
магистрант Юридического института
Иркутского государственного университета, г. Иркутск.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент кафедры гражданского права А.А. Батурина.

Принцип «contra proferentem» был известен еще в римском праве, как идея толкования договора против определённой стороны правоотношений. Термин «contra proferentem» дословно переводится с латинского как «против предложившего». Суть принципа состоит в следующем: при возникновении неясности или неопределенности в толковании условий договора, они интерпретируются против той стороны, которая предложила соответствующие условия или подготовила проект договора. Таким образом, обязанность доказать точность и правильность сформулированных условий лежит на стороне, выступавшей инициатором соответствующих условий.

Принцип толкования договора методом «contra proferentem» получил широкое распространение в мировой юридической практике и постепенно находит своё отражение в российском праве. Хотя этот подход долгое время оставался чуждым отечественному законодательству, постепенное развитие правовой доктрины привело к признанию данного принципа и в российской юридической практике.

Ст. 431ГК РФ устанавливает «многоступенчатую иерархическую систему толкования»[2], которая предписывает, что при невозможности определения точного значения слов и выражений, используемых в договоре, следует определять его смысл, сопоставляя с другими условиями и общим содержанием договора. Если неясность сохраняется и после использования этих методов, требуется установить общее намерение сторон, принимая во внимание цель договора и все обстоятельства, в том числе предшествующие договору переговоры и переписку, практику, установившуюся во взаимных отношениях сторон, обычаи, последующее поведение сторон.

Так, в России возможность толковать договор по принципу «contra proferentem» впервые было закреплено в Постановлении Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее – Постановление № 16) от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах». В п.11 данного постановления говорится о том, что «при разрешении споров, возникающих из договоров, в случае неясности условий договора и невозможности установить действительную общую волю сторон с учетом цели договора, в том числе исходя из текста договора, предшествующих заключению договора переговоров, переписки сторон, практики, установившейся во взаимных отношениях сторон, обычаев, а также последующего поведения сторон договора (статья 431 ГК РФ), толкование судом условий договора должно осуществляться в пользу контрагента стороны, кото-

[1] Егоров А. В. Указ. соч. С. 190.
[2] Карапетов А.Г. Contra proferentem как метод толкования договора // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2013. № 7. С. 6-35

рая подготовила проект договора либо предложила формулировку соответствующего условия»[1].

Отсюда следует, что Высший Арбитражный суд РФ, который в настоящее время упразднен, оказывал влияние на судебную практику в РФ, установил новую правовую норму, прибегнув к расширительной интерпретации статьи 431 ГК РФ.

В дальнейшем аналогичное положение было закреплено в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – Постановление № 49) от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса российской Федерации о заключении и толковании договора»[2], в котором п. 45 повторяет позицию Постановления ВАС № 16.

Кроме этого, в пункте 46 Постановления № 49 разъяснено, что «в решении суд указывает основания, по которым в связи с обстоятельствами рассматриваемого дела приоритет был отдан соответствующим приемам толкования условий договора». То есть, исходя из данной пункта Постановления, суд обязан пояснить, по какой причине им выбран именно приём толкования «contra proferentem», а не другой.

Анализ разъяснений, представленных в Постановлении № 49, позволяет сделать вывод о следующем. Если между сторонами велись переговоры, и при этом одна сторона подготовила проект соглашения, а другая лишь внесла конкретные предложения по его условиям, то при интерпретации спорных пунктов договора приоритет будет отдан толкованию, выгодному для стороны, предложившей изменения, а не для стороны, разработавшей первоначальный проект.

Опираясь на положения, изложенные в Постановлениях Пленума ВАС РФ № 16 и Пленума ВС № 49, рассматриваемый принцип может быть использован совместно с другим принципом толкования договора "против профессионала". Данный принцип подразумевает, что «пока не доказано иное, предполагается, что такой стороной было лицо, профессионально осуществляющее деятельность в соответствующей сфере, требующей специальных познаний (например, банк по договору кредита, лизингодатель по договору лизинга, страховщик по договору страхования и т.п.)».

На первый взгляд, может сложиться впечатление, что в обоих Постановлениях одновременно заложены два принципа толкования: «против предложившей стороны» и «против профессионала». Тем не менее, автор полагает, что Пленум ВС РФ в отношении второго принципа ввел не столько принцип толкования, сколько своего рода презумпцию "профессионализма договора». Иными словами, предполагается, что составителем договора является профессионал, если не доказано обратное. Это представляется более обоснованным, поскольку сторона, обладающая статусом профессионала на протяжении определенного времени, активно участвует в соответствующем сегменте рынка и накопила значительный опыт в заключении аналогичных договоров. Следовательно, она имеет возможность учесть все значимые нюансы по данному договору.

Такой вывод подтверждается и материалами судебной практики. Так, в Постановлении Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.02.2024 г. № 20АП-6461/2023 по делу № А23-3044/2021 в споре между ООО «Сергиево-Посадский РО» к ИП Ешелькину А.В., суд пришел к выводу, что «поскольку собственник отходов является слабой стороной в правоотношении по обращению с ТКО, все сомнения в определении условий обязательства должны толковаться против регионального оператора как профессионального участника правоотношения и в пользу собственника ТКО (применительно к пункту 11 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда Россий-

[1] Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_161322/

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314779/ (дата обращения: 12.04.2025).

ской Федерации N 16 и пункту 45 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 25.12.2018 N 49 "О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора ")[1].

Также следует выделить «Обзор по некоторым вопросам судебной практики, касающимся добровольного страхования имущества граждан», утвержденный Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017 г., согласно которому принцип «contra proferentem» явно обозначен как принцип толкования условий договора добровольного страхования. В обзоре разъясняется, что при «невозможности установить действительную общую волю сторон с учетом цели договора должно применяться толкование, наиболее благоприятное для потребителя» [2].

Преимущественно, текущая практика судебных решений в отношении указанного метода толкования опирается на этот обзор и в настоящее время применяется к договорам добровольного страхования, заключенных с физическими лицами.

Так, в решении Приморского районного суда Санкт-Петербурга от 06.09.2019 г. по делу № 2-6585/2019, по спору между гражданином и ПАО СК «Росгосстрах» в связи с тем, что ПАО СК «Росгосстрах» отказал в выплате страхового возмещения по причине того, «что заявленное событие не является страховым случаем». В итоге, суд пришел к выводу, что отказ страховой компании необоснован так как, «если страховщик определяет, что какое-либо событие не является страховым случаем, а значит не влечет обязанности последнего по выплате страхового возмещения, то это событие должны быть четко определено и детально описано в правилах страхования в качестве такого, исключая какое-либо неоднозначное толкование»[3], а в рассматриваемом деле страховая компания прямо не исключила ущерб в результате самопроизвольного движения в договоре добровольного страхования, что толкуется в пользу противоположной стороны, согласно принципу «contra proferentem».

Вместе с тем, заслуживает внимание и Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.10.2018 № 17АП-13096/2018-ГК по делу № А60-33076/2018, в котором ссуд указал на то, что в соответствии с п. 4.6 Принципов УНИДРУА «данный принцип применяется в судебной практике в случае, если есть два разных (разумных) толкования, невзирая на то, какое из них является более разумным». Суд также счел, что в данном случае действует правило «contra proferentem», так как «во-первых, данное правило имеет целью поставить сторону, которая допустила двусмысленность, в невыгодное положение. Во-вторых, правило contra proferentem направлено на защиту обоснованных ожиданий стороны, которая не имела выбора при составлении контракта (в том числе при выборе языка и формулировок)» [4].

Изучив некоторые особенности использования принципа «contra proferentem» и проанализировав российскую судебную практику, можно сделать вывод, что данный принцип, хотя и является новеллой для отечественного правопорядка, однако активно используется как арбитражными судами, так и судами общей юрисдикции. Поскольку в российской практике договорных отношений нередко возникают ситуации, когда тра-

---

[1] Постановлении Двенадцатого арбитражного апелляционного суда от 12.02.2024 г. № 20АП-6461/2023 по делу № А23-3044/2021 URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6907e734-2a0e-4893-bd43-ca99253fd0db/d51dbe3c-b56a-4510-8f91-1abbb8d469f4/A23-3044-2021_20240212_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 12.04.2025).

[2] Обзор по некоторым вопросам судебной практики, касающимся добровольного страхования имущества граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 декабря 2017 г.). URL: https://sudrf.cntd.ru/document/556173356?ysclid=m9vakloink904419446 (дата обращения: 12.04.2025).

[3] Решение Приморского районного суда Санкт-Петербурга от 06.09.2019 г. по делу № 2-6585/2019 URL: https://sudact.ru/regular/doc/eHGfWGN5RYQ5/(дата обращения: 12.04.2025).

[4] Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.10.2018 № 17АП-13096/2018-ГК по делу № А60-33076/2018 URL: https://lawnotes.ru/sudpraktika/arbitrazh/postanovlenie-_-17ap-13096_18-gk-ot-17.10.2018-semnadtsatogo-arbitrazhnogo-apellyatsionnogo-suda?ysclid=m9vf2sl45e690100330 (дата обращения: 12.04.2025).

дицонные методы толкования договора не позволяют с достаточной степенью достоверности установить истинную волю сторон, что провоцирует различное трактование его условий, внедрение данного принципа представляется вполне оправданным. Указанный метод, безусловно, дает возможность сгладить недостатки договорного регулирования, в частности связанные со спорными договорными условиями. Устойчивое внедрение принципа «contra proferentem» будет способствовать укреплению договорной дисциплины и повышению внимательности при подготовке проектов договоров как лицом, предлагающим условия, так и лицом, их принимающим, что в свою очередь даст судам возможность беспристрастно распределять риски, связанные с нечеткой формулировкой пунктов договора, между сторонами сделки.

ПРОБЛЕМЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «СЕМЬЯ»

В. М. Черепанов,
студент Юридического института
Кемеровского государственного университета г. Кемерово.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент,
доцент кафедры гражданского права Н. И. Опилат.

В настоящее время семейно-правовая доктрина характеризует современное состояние семьи как кризисное. Профессор А.М. Рабец в одной из последних научных публикаций отмечает, что кризис семьи связан с ценностным конфликтом личности и общества относительно рождения и социализации детей, следствием которого является невыполнение репродуктивной и социализационной функций. Данный конфликт сопровождается ослаблением семьи как союза родственников, союза родителей и детей, союза супругов, ослаблением триединства «супружество - родительство - родство» из-за исчезновения семейного производства, совместной деятельности родителей и детей. Конкретное проявление изменений в жизни российской семьи как раз заключается в том, что частные интересы в ее функционировании преобладают над общесемейными интересами настолько, что в семейно-правовой доктрине сложилось довольно устойчивое мнение, что семья в современной России представляет собой договор простого товарищества.[1] Так, например, О.Ю. Ильина говорит о том, что «некоторые традиционные признаки семьи как ячейки общества утратили свое значение» и приходит к выводу, что в настоящее время есть основания утверждать, что «сама семья как институт семейного права есть не что иное, как договор о совместной деятельности».[2]

Между тем, семья – это один из базовых социальных институтов, играющий ключевую роль в формировании личности, воспитании детей и поддержании стабильности не только общества, но и государства. Однако, несмотря на её значимость, в российском законодательстве до сих пор отсутствует единое и чёткое определение понятия «семья».

Данный вопрос на протяжении длительного времени остается дискуссионным. Спорным является не только содержательная составляющая этой дефиниции, но и вопрос о принципиальной востребованности легализации данного термина. Некоторые авторы рассматривают отсутствие легального понятия семьи как недостаток россий-

[1]Современное гражданское и семейное право: перспективы развития доктрины, законодательства и правоприменительной практики»: монография / В.В. Алейникова, И.З. Аюшеева, И.Х. Бободжонзода и др.; отв. ред. Е.В. Вавилин, О.М. Родионова. Москва: Статут, 2024. 318 с.

[2] Ильина О.Ю. Современная российская семья как договор простого товарищества // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 14 - 17.

ского законодательства, а другие считают, что в законодательном закреплении понятия «семья» нет необходимости.

Отдельно поднимается вопрос – а является ли вообще семья субъектом семейного права? Или же исходя из содержания ст. 2 Семейного Кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ)[1], к субъектам можно отнести лишь самих членов семьи и (в некоторых случаях) родственников и иных лиц.

Прежде всего, следует отметить, что понятие «семья» в науке рассматривается как в социологическом (общем), так и в правовом (специальном) смысле. Большинство споров по данной проблеме, основывается именно на том факте, что семья имеет социологический, а не правовой характер[2].

Вместе с тем, в действующем законодательстве РФ понятие «семья» используется в различных нормативных правовых актах как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов РФ. Однако за редким исключением определение термина «семья» отсутствует, либо формулируется по-разному, в зависимости от целей конкретного закона.

Так, например, в ч. 2 ст. 7 Конституции РФ говорится, что «в Российской Федерации обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства...». В ч. 1 ст. 38 устанавливается, что «материнство и детство, семья находятся под защитой государства». При этом, закрепляя конституционную защиту семьи, законодатель не определяет, что представляет собой семья с точки зрения закона, следовательно, что именно защищается государством?

Встречается данное понятие в абз. 4 ст. 1 Федерального закона «О прожиточном минимуме в Российской Федерации»: «Семья - лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство»[3].

Представляется логичным, что СК РФ, как специализированный нормативно-правовой акт, должен содержать в себе легальное определение термина «семья» однако, и в его содержании данная дефиниция отсутствует.

Отдельный интерес вызывают определения «семьи», содержащиеся в законах некоторых субъектов РФ, которые самостоятельно закрепляют его в специальных законах о защите семьи, материнства, отцовства и детства.

Так, в ст. 12 Закона Республики Башкортостан «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Республике Башкортостан» семья определяется как « объединение двух и более лиц, основанное на браке, родстве, усыновлении и иных формах принятия детей на воспитание, связанное общностью жизни (совместным проживанием, ведением общего хозяйства, заботой друг о друге, воспитанием детей), а также неимущественными и имущественными правами и обязанностями, предусмотренными нормами семейного права»[4].

Говоря о практике зарубежных стран, можно отметить, что немало государств прибегают к практике закрепления понятия «семья» в своих Конституциях, хотя не все из них дают четкое определение данному термину, больше опираясь на то, что семья -

[1] Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 1. Ст. 16; - Официальный интернет-портал правовой информации - URL: http://pravo.gov.ru - 08.08.2024.

[2] Сынчик В. А. Понятие семьи в семейном законодательстве Российской Федерации // Интеграция наук. 2019. № 1(24). С. 247-251.

[3] Федеральный закон от 24.10.1997 № 134-ФЗ (ред. от 29.12.2020, с изм. от 29.10.2024) «О прожиточном минимуме в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1997. № 43.Ст. 4904.

[4] Закон Республики Башкортостан от 5 ноября 1993 г. № ВС-21/19 «Об охране семьи, материнства, отцовства и детства в Республике Башкортостан» // docs.cntd.ru›document/935104263

центр, основа, ячейка, фундамент общества, а внутреннее содержание, с характеризующими признаками, отсутствует[1].

Дефиниция данного термина, содержится в, п. 3 ст. 16 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. там «семья» определяется, как «естественная и основная ячейка общества, имеющая право на защиту со стороны государства»[2].

В Конвенции о правах ребенка 1989 г. сказано, что «семья является основной ячейкой общества и естественной средой для роста и благополучия всех ее членов, особенно детей»[3].

Несмотря на то что судебные акты – не являются официальными источниками права, данные в них пояснения и разъяснения могут представлять большой интерес. Так, в 2001 году Костромская областная Дума обратилась в Конституционный Суд РФ с запросом о толковании понятия «семья», содержащегося в ч. 1 ст. 38 Конституции РФ, на что суд, в своем определении отказал, со ссылкой на то, что данный вопрос ему не подведомственен и может привести к неправомерному вторжению в компетенцию законодателя[4].

Вместе с тем, в судебной практике Верховного Суда РФ такие разъяснения имеют место, чаще всего они имеют отраслевую направленность и касаются конкретной сферы правоотношений. Так, например, согласно п. 6 Постановления Пленума ВС РФ от 27.01.1999 г. № 1 к близким потерпевшему лицам, наряду с кровными родственниками, относятся: «…иные лица, состоящие с ним в родстве, свойстве (родственники супруга), а также лица, жизнь, здоровье и благополучие которых заведомо для виновного дороги потерпевшему в силу сложившихся личных отношений»[5]

Согласно п. 11 Постановления Пленума ВС РФ от 02.07.2009 № 14 членами семьи могут быть признаны родственники, независимо от степени родства, нетрудоспособные иждивенцы (как собственника, так и членов его семьи), а также бывшие супруги собственника или нанимателя жилого помещения, и дети, в отношении которых собственник лишен родительских прав. [6], При этом необходимо иметь в виду, что семейные отношения характеризуются, в частности, взаимным уважением и взаимной заботой членов семьи, их личными неимущественными и имущественными правами и обязанностями, общими интересами, ответственностью друг перед другом, ведением общего хозяйства.

Интересно то, что СК РФ в качестве члена семьи не признает лиц, не связанных браком, родством или признанных семьей на основании закона, но, с другой стороны, - закон не предъявляет к ним дополнительных специальных требований, как-то: совместное проживание, ведение общего хозяйства и т.д.

Таким образом, отсутствие в законодательстве единого определения термина «семья» приводит к правовой неопределённости и затрудняет применение законов на практике, в связи с чем представляется необходимым закрепление единого термина «семья», который будет включать в себя наиболее полное и всеобъемлюще характери-

---

[1] Аникина А.А. Определение понятия «семья»: проблемы нормативного толкования // Наука через призму времени. 2020. №5 (38).

[2] Всеобщая декларация прав человека. Принята Генеральной Ассамблей ООН 10.12.1948 // Российская газета. 1998. 10 декабря.

[3] Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989)вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР, выпуск XLVI, 1993.

[4] Определение Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 № 135-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Костромской областной Думы о толковании понятия «семья», содержащегося в статье 38 (часть 1) Конституции Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[5] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

[6] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 9.

зующие его признаки, на который будут опираться все другие нормативные правовые акты, в т.ч. и законы субъектов РФ.

ПРИОБРЕТЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ ПОСЛЕ ПОЛНОЙ ВЫПЛАТЫ ПАЕВОГО ВЗНОСА ЧЛЕНОМ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО КООПЕРАТИВА

А. А. Шевченко,
студент Юридического института
Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент кафедры гражданского права М. В. Боброва.

Вопросы, касающиеся приобретения права собственности на недвижимое имущество членами потребительских кооперативов, остаются одной из наиболее сложных категорий гражданских дел, порождая многочисленные споры и разночтения. Данные вопросы традиционно становятся предметом исследования[1]. Как показывает практика, суды нередко допускают ошибки при квалификации оснований приобретения права собственности такими лицами. Для устранения сложившейся проблемы важно детально разобраться в природе указанных правоотношений и предложить пути совершенствования.

Под потребительским кооперативом понимается организация, созданная гражданами и организациями добровольно для удовлетворения собственных нужд путём объединения личных денежных вкладов (паёв) и совместного участия в хозяйственной деятельности[2]. Примерами потребительских кооперативов служат жилищные, жилищно-строительные, садово-дачные, гаражные и другие подобные юридические лица, предназначающиеся для строительства, эксплуатации жилых помещений, гаражей, дач и иных объектов недвижимого имущества.

Членство в кооперативе предполагает внесение обязательных платежей, называемых паевыми взносами, размер и сроки уплаты которых устанавливаются правилами конкретного кооператива. Полностью уплатив свою долю (пай), участник кооператива становится собственником помещения, возведённого кооперативом. Например, как указано в п. 4 ст. 218 Гражданского кодекса РФ, гражданин, полностью внесший паевой взнос за предоставленное ему жилое помещение, расположенное в многоквартирном доме жилищного или жилищно-строительного кооператива, становится собственником указанного жилого помещения[3].

Таким образом, после внесения всей суммы паевого взноса член кооператива автоматически приобретает право собственности на соответствующий объект недвижимости (например, жилой дом, квартиру, гараж и др.). Государственная регистрация права собственности в этом случае представляет собой не основание возникновения права, а подтверждение его наличия. Такой подход отличается от общего подхода к приобретению права собственности, когда, в частности, сделка (купли-продажи, мены и т.д.) предшествует возникновению самого права, которое регистрируется позднее[4].

---

[1] Лисаченко А.В. Приобретение права собственности : дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – 195 с.; Малахова А.А. Право собственности граждан на жилые помещения: содержание, осуществление и основания приобретения :. дис. … канд. юрид. наук. - Рязань, 2008. – 223 с.; Кондратенко З.К. Гражданско-правовой механизм приобретения права частной собственности на объекты незавершенного строительства : дис. … канд. юрид. наук. – Казань, 2014. – 229 с. и др.

[2] Гражданское право: Учебник. В 2 т. / под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. – М.: Статут, 2017 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. №32. Ст. 3301; www.pravo.gov.ru. Далее – ГК РФ.

[4] Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. – М. : Статут, 2024. С. 211.

Несмотря на это в судебной практике встречаются спорные подходы при разрешении дел указанной категории. Во многих случаях суды продолжают считать обязательным признание права собственности посредством отдельного судебного акта или требуют предоставления дополнительных документов, помимо документов, подтверждающих полный расчёт по паевым взносам. В частности, нельзя согласиться с подходом, согласно которому передача имущества должна осуществляться на основании отдельных договоров или актов приёма-передачи. ГК РФ прямо устанавливает, что достаточным условием является полная выплата паевого взноса.

Как отмечено в Обзоре судебной практики от 16 ноября 2022 года[1], суды ошибочно полагают, что сама по себе оплата пая недостаточна для возникновения права собственности, считая необходимым создание специального акта или вынесение судебного решения. В данном Обзоре обозначается, что член гаражно-строительного кооператива в 1996 г. полностью выплатил паевой взнос за спорный гараж, в связи с чем у него возникло право собственности в силу закона. Исходя из положений п. 1 ст. 69 Федерального закона от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» права на объекты недвижимости, возникшие до дня вступления в силу Федерального закона от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», признаются юридически действительными при отсутствии их государственной регистрации в ЕГРН. Государственная регистрация таких прав в ЕГРН проводится по желанию их обладателей.

Отдельный блок проблем касается вопроса прав на землю, занятую объектом недвижимости, находящимся в собственности члена кооператива. Согласно Федеральному закону от 24 июля 2023 года № 338-ФЗ «О гаражных объединениях и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»[2], если земельный участок, на котором построен гаражный комплекс, принадлежит государству или муниципалитету, такое положение сохраняется вне зависимости от передачи права собственности на сами гаражи физическим лицам. Эта норма отражает сохранение публичных интересов государства в сфере земельной политики и охраны общественных пространств.

В научной литературе отсутствует единая точка зрения на природу способа приобретения права собственности членами кооперативов[3]. Некоторые авторы считают, что имеет место самостоятельный способ приобретения права собственности. Другие связывают подобное приобретение права с обязательным выкупом имущества и т.д. При этом интерес представляет вопрос о том, почему законодатель в данном случае предпочел создать специальный порядок приобретения права собственности, минуя известные способы: куплю-продажу или т.п. Можно предположить, что основная причина кроется в соответствующей социальной направленности законодательства. Закон предоставляет преимущества участникам кооперативов, позволяя приобретать квартиры, дачи, гаражи и другое имущество с постепенной оплатой и минимальной нагрузкой на бюджет семьи. Использование специализированного механизма позволяет решить проблему доступности жилья и другой недвижимости, одновременно устанавливая понятные правила поведения сторон.

Наряду с преимуществами исследуемого способа приобретения права собственности возникают недостатки, обусловленные проблемами правоприменения. Пред-

[1] Обзор судебной практики по делам, связанным с самовольным строительством (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.11.2022) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 2.

[2] Федеральный закон от 24.07.2023 № 338-ФЗ «О гаражных объединениях и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 31 (Часть III). Ст. 5764.

[3] Лисаченко А.В. Приобретение права собственности : дис. … канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2002. – 195 с.

ставляется, что в данной области требуются дополнительные разъяснения Верховного суда Российской Федерации, касающиеся момента возникновения права собственности и регистрации права. Такие разъяснения могли бы способствовать реализации прав членов кооперативов, снизить риск неправильного применения законов и обеспечить стабильность правоприменительной практики.

Вместе с тем актуальным является вопрос о том, не утратил ли актуальность такой способ приобретения права собственности, как полная выплата паевого взноса членом потребительского кооператива. Кроме того, действующее регулирование может создавать предпосылки для злоупотребления правом. Так, член кооператива, выплатив пай, приобретает право собственности на объект недвижимости. Однако закон не предусматривает его обязанности зарегистрировать право собственности на объект, что создает для третьих лиц неопределенность и в отношении названных объектов, и в отношении прав на них. Данные вопросы требуют дополнительного внимания со стороны исследователей, законодателя и Верховного суда Российской Федерации. В частности, представляется необходимым рассмотрение возможности внесения изменений в законодательство в части необходимости регистрации права собственности на недвижимое имущество и после внесения всей суммы паевого взноса, по аналогии с возникновением права собственности у приобретателя по договору.

ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВАМИ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ

М. А. Жога,
студент Юридического института
Кемеровского государственного университета, г. Кемерово
Научный руководитель: к.ю.н., доцент,
доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Т. С. Этина.

В современном гражданском судопроизводстве все большее распространение приобретает использование лицами, участвующими в деле, различных приемов, и даже целых технологий, направленных на затягивание производства по делу и воспрепятствование судебной защите нарушенных или оспариваемых прав и законных интересов субъектов гражданских правоотношений.

В этой связи, одной из острейших проблем науки гражданского процессуального права является построение устойчивой теоретико-правовой модели, противодействующей появлению все более разнообразных форм недобросовестного поведения участников гражданского судопроизводства, что во многом подрывает эффективность гражданского судопроизводства[1].

В последние годы, проблема злоупотребления процессуальным правом, а также их анализ и практическое разрешение стали достаточно актуальными и обсуждаемый темами среди ученых-процессуалистов. Известными представителями которых являются А.В. Грель[2], И.В. Рехтина[3], А.Ю. Старицын[4], Е.С Матвеева[5] и другие.

Проблема противодействия недобросовестному использованию процессуальных инструментов участниками гражданского процесса приобретает системный характер. Суды регулярно сталкиваются с попытками сторон нарушить принципы состязательности, затянуть разбирательство или воспрепятствовать установлению истины, что требует разработки четких правовых механизмов пресечения таких злоупотреблений. Подтверждением тому являются Определение Верховного Суда РФ от 14.05.2024 г. № 73-КГ24-1-К8[6], Определение Верховного Суда РФ от 10.04.2024 г. № 306-ЭС22-25548, в которых суд указал, что противоречивое и недобросовестное поведение является проявлением злоупотребления и основанием для применения принципа «эстоппеля»[7].

Гражданский процесс, как форма реализации судебной власти, призван обеспечивать защиту прав и законных интересов участников спора на принципах справедли-

---

[1] Трезубов Е. С., Щеглова Н. С. Фиктивность гражданского процесса: конституирующие признаки и механизмы запрета злоупотребления процессуальными правами в Российской Федерации // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 3-1(55). С. 287, 289.

[2] Грель Я.В. Злоупотребления сторон процессуальными правами в гражданском и арбитражном процессе: дис. … канд. юрид. наук. - Новосибирск, 2006. С. 21-33.

[3] Рехтина И.В., Баловнев М.А. Отдельные аспекты ответственности за злоупотребления процессуальными правами // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. №9. С. 48.

[4] Старицын А.Ю. О злоупотреблении правом в гражданском процессе. // Арбитражный и гражданский процесс. 2024. № 7. С. 7-10.

[5] Матвеева Е.С. Причины и условия злоупотребления правом в юридическом процессе России в свете издержек реализации состязательного начала // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 2. С. 24.

[6] Определение Верховного суда Российской Федерации от 14.05.2024 г. № 73-КГ24-1-К8 // СПС «КонсультантПлюс».

[7] Определение Верховного суда Российской Федерации от 10.04.2024 г. № 306-ЭС22-25548 // СПС «КонсультантПлюс».

вости, состязательности и процессуальной экономии. Принципы, которые не просто закреплены действующим законодательством, а гарантируются Конституцией Российской Федерации[1] (ч. 3 ст. 17 КРФ).

Согласно положениям п. 1 ст. 10 ГК РФ, запрещается злоупотребление гражданскими правами, включая их использование исключительно с целью причинения вреда другому лицу, совершение действий в обход закона для достижения противоправных целей, а также иные формы заведомо недобросовестного поведения.

Указанная норма устанавливает принцип запрета злоупотребления правом и определяет пределы реализации гражданских прав и обязанностей. Суть данного принципа заключается в том, что, хотя участники гражданских правоотношений свободны в осуществлении своих прав в собственных интересах, они не должны нарушать права и законные интересы других лиц. Ключевым критерием для такой квалификации является наличие у лица цели причинить вред или намерения использовать право исключительно во вред другому участнику правоотношений. Данная позиция была озвучена в определении Верховного Суда РФ.[2]

Однако в условиях возрастающей правовой активности и усложнения социально-экономических отношений всё чаще возникает проблема злоупотребления процессуальными правами, что трансформирует судопроизводство из инструмента разрешения конфликтов в поле для манипуляций. Злоупотребления, проявляющиеся в недобросовестном использовании процессуальных механизмов — таких как затягивание разбирательства, подача необоснованных ходатайств, необоснованные апелляции или искусственное усложнение дела, — не только подрывают эффективность правосудия, но и дискредитируют саму идею процессуальной справедливости.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью поиска баланса между гарантией беспрепятственного доступа к правосудию и предотвращением использования процедур в корыстных целях. Несмотря на наличие норм, непосредственно направленных на пресечение злоупотреблений (ст. 10 ГК РФ**,** ч. 1 ст. 35 ГПК РФ, ст. 99 ГПК РФ, ч.2 ст. 284 ГПК РФ, ч.2 ст. 319 ГПК РФ), их практическая реализация сталкивается с проблемами доказывания умысла, субъективной интерпретации «добросовестности» и ограниченности санкций. В результате суды зачастую оказываются в роли пассивных наблюдателей, а недобросовестные участники продолжают эксплуатировать процессуальные пробелы.

При этом злоупотребление правом остается явлением, недостаточно изученным в правовой науке, что создает правовые пробелы и неопределенности. Отсутствие в ряде отраслей права, в том числе и ГПК РФ прямых норм, пресекающих злоупотребление правом, а также неоднозначность трактовки его сущности, провоцируют значительные правоприменительные ошибки. Юридическое сообщество зачастую некорректно, или неоднозначно используют данную категорию при формулировании правовых позиций, что снижает эффективность защиты интересов в судебных спорах, а также нарушает основополагающие принципы гражданского процесса, такие как принципы диспозитивности и состязательности.

Ключевой проблемой является отсутствие законодательной дефиниции понятия «злоупотребление процессуальным правом». Применение аналогии закона в части положений ст. 10 ГК РФ не исключает необходимости исследования мотивов поведения участников процесса, целей и результатов их действий и бездействия применительно к конкретной ситуации в рамках гражданского процесса. Нечёткость законодательных формулировок и противоречивая судебная практика затрудняют едино-

[1] Определения Конституционного суд Российской Федерации от 24.06.2014 г. № 1347-О, от 25.02.2016 г. № 442-О, от 24.06.2022 г. N 420-О, от 30.03.2023 г. N 696-О // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Определение Верховного Суда РФ от 30.06.2020 № 305-ЭС18-14627(42,43,45-48) по делу № А40-216247/2016 // СПС «КонсультантПлюс».

образное применение установленных процессуальных санкций, создавая почву для различных злоупотреблений. Например, в одном случае суд трактует многократные ходатайства об отложении как злоупотребление процессуальным правом, в другом как реализацию принадлежащего процессуального права.

Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве в общем понимании — это действия участников процесса, осуществляемые недобросовестно при реализации принадлежащих им субъективных прав. Данное определение не является единственным так как существуют различные точки зрения в описании такого феномена как «злоупотребление».

А.В. Юдин под злоупотреблением процессуальными правами понимает особую форму гражданского процессуального правонарушения умышленные недобросовестные действия участников гражданского процесса, сопровождающиеся нарушением условий осуществления субъективных процессуальных прав и совершаемые лишь с видимостью реализации таких прав, сопряженные с обманом в отношении известных обстоятельств дела, в целях ограничения возможности реализации или нарушения прав других лиц, участвующих в деле, а также в целях воспрепятствования деятельности суда по правильному и своевременному рассмотрению и разрешению гражданского дела, влекущие применение мер гражданского процессуального принуждения[1].

В.И. Гойман злоупотребление правом определяет как «основанное на эгоистических побуждениях поведение управомоченного субъекта, противоречащее природе права, закрепленной в его нормах цели, либо связанное с привлечением неправых средств для ее достижения»[2].

Другими словами злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве проявляется в недобросовестных действиях участников процесса, направленных на использование своих прав вразрез с целями правосудия. Субъект недобросовестен в том случае, если, совершая действие, он знал или мог знать о фактах, делающих его поведение небезупречным с точки зрения закона. Недобросовестное же поведение «выражается в манипуляциях правовыми инструментами для достижения личных интересов, не связанных с защитой законных прав или восстановлением справедливости»[3].

Практика регулярно демонстрирует случаи недобросовестного поведения участников гражданского процесса, которое негативно сказывается на эффективности правосудия. Использование процессуальных прав в противоречии с их изначальным назначением подрывает доверие к судебной системе, нарушает права других сторон и приводит к значительным правовым злоупотреблениям. Среди наиболее распространённых последствий таких действий — необоснованное затягивание разбирательств путём многократных отложений дел, срыв установленных сроков рассмотрения, а также вынесение неправомерных решений из-за предоставления ложной информации или фальсифицированных доказательств.

Примером может служить апелляционное определение Судебной коллегии по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 12 января 2017 г. по делу № 33-262/2017[4]в котором истец трижды не явился в суд, подав впоследствии кассационную жалобу. В первый раз он пропустил предварительное заседание, сославшись на занятость на работе, затем запросил перенос второго предварительного заседания из-

[1] Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 210.

[2] Гойман В.И. Правонарушение и юридическая ответственность. Общая теория права и государства: учебник. - М., 2002. С. 288.

[3] Суханов Е. А. Осуществление прав и исполнение обязанностей: Гражданское право (учебник). 3-е изд., перераб. и доп. –М.: 2008. –Том 2. С. 226.

[4] Апелляционное определение СК по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 12 января 2017 г. по делу № 33-262/2017 // СПС «КонсультантПлюс».

за нахождения на больничном, а на основное заседание не явился без объяснения причин. Суд обратил внимание, что истец имел возможность делегировать участие в процессе представителю, но сознательно не воспользовался этим правом. В результате суд квалифицировал его действия как злоупотребление процессуальными правами, направленное на затягивание разбирательства, и отказался в очередной раз откладывать рассмотрение дела, чтобы не допустить нарушения сроков правосудия. Такие действия не направлены на защиту законных интересов, а служат инструментом для достижения скрытых целей.

Подобные действия не только искажают принципы справедливости, но и увеличивают и без того избыточную нагрузку на суды, снижая качество рассмотрения дел. Для противодействия этим практикам требуется чёткое правовое регулирование и активная позиция судей в пресечении манипуляций, чтобы обеспечить баланс между правовой свободой участников и сохранением справедливости судопроизводства.

Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве проявляется в разнообразных формах. Для эффективного противодействия недобросовестному поведению участников процесса необходима классификация таких случаев, основанная на критериях, отражающих суть нарушений (например, цель, способ, последствия).

Как таковой, по мнению М. П. Самойловой, общепризнанной классификации перечня злоупотребления процессуальными правами либо не существует в принципе, либо есть определенная градация, но юридическое сообщество не пришло к единому консенсусу[1]. Предлагаю классификацию по следующим основаниям.

По объекту нарушения:

Ущерб, нанесенный интересам правосудия (подрыв авторитета суда, затягивание процесса) например, обращение истца с иском о взыскании долга, исчисленного на основании НПА органа МС, признанного незаконным ранее принятым решением суда.[2]; Ущемление прав участников судопроизводства (например, лишение стороны возможности представить доказательства).

По характеру поведения нарушителя:

Активные действия в виде намеренного предоставления ложных сведений, подача заведомо необоснованных ходатайств, например об отложении предварительного заседания в отсутствие уважительных причин и мотивированных возражений по существу спора, доказательств, свидетельствующих о невозможности явки представителя и обоснованных доводов о необходимости совершения каких-либо иных процессуальных действий (Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 15.11.2018 N АПЛ18-15Д).; Пассивное бездействие, то есть уклонение от исполнения процессуальных обязанностей (неявка в суд, сокрытие документов).

По степени влияния на исход дела: Существенное воздействие: действия, повлекшие вынесение незаконного или несправедливого решения; Нейтральное воздействие: злоупотребления, не изменившие результат процесса, но нарушившие его процедуру.

По тяжести последствий: Незначительный вред: временные задержки, увеличение судебных издержек; Средний вред: частичное нарушение прав участников; Существенный вред: необратимое искажение целей правосудия или грубое нарушение конституционных прав граждан.

[1] Самойлова М. П. Гражданское процессуальное нарушение // Юридический аналитический журнал. 2016. № 8. С. 77.

[2] Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 16.01.2015 г. По делу № 33-199/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

По сфере проявления: Общие злоупотребления: нарушение базовых принципов процесса (состязательность, равноправие); Институциональные: искажение норм конкретных процессуальных институтов (например, обжалования или обеспечения иска).

Предложенная классификация носит открытый характер, так как злоупотребления могут принимать разнообразные формы в зависимости от специфики субъективных прав и тактики недобросовестных участников. Это требует гибкого подхода к анализу каждого случая в контексте конкретных обстоятельств дела.

Как отмечает З. М. Готыжева, злоупотребление процессуальными правами способно проявляться в различных формах. Для систематизации всего спектра таких нарушений целесообразно классифицировать их по целям, которые преследуют недобросовестные участники процесса[1].

Злоупотребление процессуальными правами в судопроизводстве может преследовать две ключевые цели, в виде препятствования правосудию и причинение убытков другой стороне.

Препятствование правосудию реализуется через действия, направленные на затягивание или срыв рассмотрения дела как на уровне первой инстанции («горизонтальное» воздействие), так и в ходе обжалования («вертикальное»). Это наиболее распространённая форма злоупотреблений, которая проявляется через:

а) Недобросовестное предъявление встречного иска: Нарушение процедуры подачи; заявление встречного требования спустя длительный срок, но не превышающий законный срок, после возбуждения дела по первоначальному иску, без новых аргументов по существу спора.[2]

б) Злоупотребление ходатайствами: Систематические просьбы об отложении заседаний, признаваемые судом как тактика затягивания; Повторное заявление уже рассмотренных ходатайств или подача необоснованных, направленных на замедление процесса[3]; Требование о признании документа фальсифицированным после утраты его оригинала, если ранее сторона не оспаривала его подлинность; Заявки на примирительные процедуры без реального намерения урегулировать спор.

в) Нарушение процессуальных обязанностей: Неявка в суд надлежащим образом извещённой стороны (неоднократно) т.е. должна быть выявлена систематичность; Уклонение от представления доказательств без уважительных причин; Намеренное искажение данных при расчёте задолженности или уклонение от уплаты госпошлины.

Причинение убытков другой стороне путем нанесение материального, репутационного или иного вреда оппоненту. Как правило, на практике данный вид злоупотребления проявляется через: инициирование заведомо необоснованных исков, влекущих судебные расходы; блокировку доступа к доказательствам, что лишает сторону возможности защиты; злоупотребление обеспечительными мерами, например, арест имущества без правовых оснований.

Таким образом, злоупотребления процессуальными правами в гражданском процессе разнообразны, и примеров подобного недобросовестного поведения участников процесса огромное множество. Для эффективного противодействия им необходима систематизация случаев недобросовестного поведения, основанная на критериях, раскрывающих суть таких нарушений. Это позволит совершенствовать правовые механизмы их пресечения и выявить пробелы в законодательном регулировании.

Вопрос о привлечении к процессуальной ответственности лиц, злоупотребляющих правами или не исполняющих процессуальные обязанности, остаётся дискуссионным. Актуальность этой проблемы возрастает на фоне увеличения объема судебной

[1] Готыжева З. М. Некоторые теоретические и практические вопросы злоупотребления правом в области процессуального законодательства // Вестник Арбитражного суда Московского округа. 2017. № 4. С. 48–56.

[2] Решение Павловского районного суда Алтайского края № 2-23/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Решение Московского районного суда г. Калининграда №2-887/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

защиты. ГПК РФ в частности ч.1 ст. 35 закрепляет обязанность участников процесса действовать добросовестно, что способствует оперативному и справедливому разрешению споров. Однако, неисполнение процессуальных обязанностей, включая недобросовестное использование процессуальных прав, препятствуют этому, образуя гражданские процессуальные правонарушения. Это относится не только к сторонам спора, но и к другим участникам, содействующим правосудию.

Таким образом, злоупотребление процессуальными правами, неисполнение процессуальных обязанностей, противоречащее принципу добросовестности, следует квалифицировать как самостоятельный вид процессуальных правонарушений. Подобный подход позволит усилить правовую защиту и минимизировать практику искусственного затягивания процесса.

Последствия злоупотребления процессуальными правами условно делятся на две категории. Первая предполагает материальную ответственность: суд вправе возложить на нарушителя обязанность компенсировать судебные издержки и взыскать компенсацию за потерю времени (п. 32 Постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации N 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела»[1]) где суд изложил позицию, что по смыслу ст. ст. 35, 99 ГПК РФ, ст. 10 ГК РФ, вследствие неисполнением лицом своих обязанностей по добросовестному пользованию процессуальными правами, суд вправе возложить судебные издержки на нарушителя злоупотребившего своими процессуальными правами. Такие решения принимаются судом в итоговом судебном акте или определении, завершающем рассмотрение дела.

Вторая группа связана с процессуальным блокированием — отказом в удовлетворении ходатайств или требований лица, действующего недобросовестно. Суд вправе отказать в удовлетворении заявленного ходатайства стороны, если квалифицирует его как попытку затягивания судебного процесса (Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20.09.2022 по делу N 88-17845/2022)[2], а также вправе отказать в принятии встречного иска, если его подача направлена на затягивание судебного процесса (Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.11.2022 № 88-28618/2022 по делу № 2-1789/2021)[3].

В случае нарушения данного запрета суд, руководствуясь п. 2 ст. 10 ГК РФ, вправе отказать в защите нарушенного права полностью или частично, учитывая характер и последствия злоупотребления, а также применить иные предусмотренные законодательством меры воздействия.

Но стоит акцентировать внимание на том, что это не наказание, а «превентивная мера», исключающая искусственное затягивание процесса, другими словами это право суда, но не обязанность.

С учетом изложенного следует признать необходимость более детального законодательного регулирования вопросов злоупотребления процессуальными правами как основание возникновения ответственности в гражданском процессе.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.01.2016 № 1 «О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 4.

[2] Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 20.09.2022 по делу № 88-17845/2022 // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Определение Первого кассационного суда общей юрисдикции от 16.11.2022 № 88-28618/2022 по делу № 2-1789/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫХ АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

П. А. Задерейчук,
студент Юридического института
Иркутского государственного университета, г. Иркутск.
Научный руководитель: к. и. н., доцент кафедры судебного права Т. Л. Курас.

Одним из ключевых условий эффективного осуществления правосудия является не только принятие окончательного судебного акта по делу, но и гарантированная возможность его исполнения в целях восстановления нарушенных прав участников процесса.

Так, обеспечение материально-правовых требований и реализация прав участников арбитражных споров становятся возможными благодаря, в том числе, институту обеспечительных мер.

Именно институт обеспечительных мер следует считать одним из наиболее действенных средств, гарантирующих надлежащее исполнение судебных решений в рамках арбитражного процесса.

По мнению В.В. Яркова, значение обеспечительных мер заключается в гарантиях исполнения будущего судебного решения, сохранении баланса интересов сторон, позволяющем исключить нанесение ущерба как истцу, так и ответчику.

Однако, несмотря на значимость данного института, в то же время он представляет собой одну из наиболее противоречивых правовых категорий в арбитражном процессуальном праве в связи со следующим.

Анализ законодательства об обеспечительных мерах в арбитражном процессе РФ указывает на ряд существенных проблем, связанных с недостаточной четкостью формулировок норм АПК РФ, отсутствием достаточной детализации процедурных аспектов и неясностью некоторых критериев, а также отсутствием единообразных подходов судей.

Актуальность исследования определенных проблем применения обеспечительных мер продиктована во многом тем, что названные выше проблемы приводят к неопределенности в применении обеспечительных мер, снижению эффективности защиты прав участников арбитражного процесса и, как итог, фактическому отсутствию функционирования указанного института.

Одним из признаков обеспечительных мер является их соразмерность заявленному требованию, в чем заключается соответствие имущественного интереса заявителя мерам, о применении которых он ходатайствует перед судом[1].

Исходя из этого вытекает проблема выбора между потенциальной невозможностью исполнения в дальнейшем судебного акта или прекращением деятельности субъекта в результате принятия обеспечительных мер.

Как следует из Информационного письма Президиума ВАС РФ от 07.07.2004 г. №78, оценка соразмерности производится арбитражным судом с учетом соотносимости права и интереса, о защите которых просит заявитель, стоимости имущества, на которое он просит наложить арест, либо имущественных последствий запрещения совершения определенных действий должнику, а также на основе иных критериев[2].

---

[1] Трезубов Е.С., Лисина Н.Л. Особенности определения локального предмета доказывания при рассмотрении заявления о принятии мер по обеспечению иска // Арбитражный и гражданский процесс. 2023. № 10. С. 30.

[2] Информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 07.07.2004 г. № 78 «Обзор практики применения арбитражными судами предварительных обеспечительных мер» // Вестник ВАС РФ. 2004. № 8.

По мнению Т.К. Андреевой, в корпоративных спорах институт обеспечительных мер осложняется тем, что их последствия способны оказать влияние, как правило, не только на права и интересы конкретного лица, в отношении которого они применены, но также на права и законные интересы множества других субъектов корпоративных отношений, в том числе участников юридического лица и самого юридического лица[1].

Соответственно, срочный характер обеспечительных мер и упрощенный порядок их принятия могут создать препятствия в деятельности лица, участвующего в деле, возложить на него обременение еще до рассмотрения дела по существу, а также парализовать его уставную деятельность.

Например, согласно п. 2 Постановления Пленума ВАС РФ от 09.07.2003 №11 «О практике рассмотрения арбитражными судами заявлений о принятии обеспечительных мер, связанных с запретом проводить общие собрания акционеров», запрет проводить общее собрание акционеров фактически означает запрет акционерному обществу осуществлять свою деятельность в той части, в какой она осуществляется посредством принятия решений общим собранием[2].

Следовательно, такая мера по своему содержанию противоречит смыслу обеспечительных мер, имеющих целью защиту интересов заявителя, а не лишение другого лица возможности и права осуществлять свою законную деятельность. Исходя из чего суд не может в порядке принятия обеспечительных мер по спорам об обжаловании решений органов управления акционерного общества, о признании недействительными сделок с акциями общества, о применении последствий недействительности таких сделок, о признании недействительным выпуска акций АО, а также по иным спорам запрещать АО, его органам или акционерам проводить годовое или внеочередное общее собрание акционеров.

Однако, в п. 3. данного ПП ВАС №11 сказано, что п. 2 ч. 1 ст. 91 АПК РФ допускает принятие судом обеспечительных мер в виде запрещения ответчику и другим лицам совершать определенные действия, касающиеся предмета спора, на основании чего суд, при наличии условий, предусмотренных в ст. 90 и 91 АПК РФ, вправе запретить годовому или внеочередному общему собранию акционеров принимать решения по отдельным вопросам, включенным в повестку дня, если такие вопросы являются предметом спора или непосредственно с ним связаны. Кроме того, суд вправе в целях обеспечения иска запретить акционерному обществу, его органам или акционерам исполнять принятое общим собранием решение по определенному вопросу.

В подтверждение вышеуказанных положений стоит привести следующий пример из практики арбитражных судов. Так, граждане, являясь акционерами нефтеперерабатывающего завода, обратились в арбитражный суд с заявлением о применении обеспечительных мер, после чего ими было предоставлено на депозит арбитражного суда встречное обеспечение в сумме 50 000 рублей.

Арбитражный суд первой инстанции, полностью удовлетворив заявление, применил обеспечительные меры в виде запрета третьему лицу осуществлять поставку нефти в адрес нефтеперерабатывающего завода, предъявлять нефть к отгрузке и перевозке железнодорожными и иными видами транспорта, принимать к перевозке продукты переработки нефти и др. После чего третье лицо обратилось в данный арбитражный суд с ходатайством об отмене обеспечительных мер как явно несоразмерных как встречному обеспечению, так и имущественным интересам лиц, владеющих акциями завода. Кроме того, данные обеспечительные меры препятствуют работе крупных

[1] Андреева Т. К. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий. М. : Библиотечка РГ, 2003.

[2] Постановление Пленума ВАС РФ от 09.07.2003 г. № 11 «О практике рассмотрения арбитражными судами заявлений о принятии обеспечительных мер, связанных с запретом проводить общие собрания акционеров» // Вестник ВАС РФ. 2003. № 9.

АО, обеспечивающих 60% потребности в нефтепродуктах одного из крупнейших регионов. Обеспечительные меры были отменены. При этом суд указал, что анализ представленных по делу доказательств свидетельствует о явно несоразмерном характере принятых мер.

Следовательно, в целях исключения отказа в обеспечении иска необходимо формулировать требования таким образом, чтобы они никаким образом не блокировали деятельность корпорации и существенно ее не затрудняли.

Ещё одну немаловажную проблему составляет отсутствие закрепленного в законе единого подхода к определению критерия «значительности» ущерба.

Согласно ч. 2 ст. 90 АПК РФ, обеспечительные меры допускаются на любой стадии арбитражного процесса, в том числе в целях предотвращения причинения значительного ущерба заявителю.

Так, в рамках арбитражного законодательства отсутствует четкая формулировка понятия «значительный ущерб». Несмотря на это, в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 13.08.2004 г. №83 данное понятие раскрывается, во-первых, как ущерб, определяемый по правилам ст. 15 ГК РФ, а во-вторых, как неблагоприятные последствия, связанные с ущемлением чести, достоинства и деловой репутации[1]. Следовательно, указанное положение трактуется не только как материальные убытки или упущенная выгода, но и нематериальный ущерб в том числе.

Также в постановлении Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 30.08.2024 г. судья при рассмотрении заявления автономной некоммерческой организации о принятии обеспечительных мер в рамках дела по взысканию задолженности указала, что «под ущербом понимаются расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, утрата или повреждение его имущества»[2].

По мнению Р.В. Фомичевой, отсутствие легально закрепленного определения значительного ущерба, а также критериев его оценки в рамках обеспечительных мер следует считать пробелом в действующем законодательстве[3].

В связи с вышесказанным множество авторов считает, что вопрос о значительности ущерба в рамках рассматриваемой темы по большей мере урегулирован лишь судейским усмотрением, следовательно, имеет оценочный, интеллектуально-волевой характер.

Вследствие этого можно прийти к логическому выводу о том, что значительность ущерба оценивается применительно к каждому конкретному заявителю обеспечительных мер индивидуально, что, с одной стороны, можно назвать верным подходом. Однако определение чётких критериев значительного ущерба позволило бы, во-первых, упростить процесс применения обеспечительных в каждом конкретном случае, во-вторых, минимизировать случаи злоупотребления участниками процесса своими правами, и, в-третьих, положительно повлиять на формирование единообразной правоприменительной практики по этому вопросу.

Как утверждает А.М. Треушников, значение института обеспечительных мер в арбитражном процессе состоит в том, что он фактически является одной из весомых гарантий реализации права субъектов гражданского оборота на судебную защиту[4].

---

[1] О некоторых вопросах, связанных с применением части 3 статьи 199 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации : Информационное письмо Президиума Высшего арбитражного суда РФ от 13 авг. 2004 г. № 83 // Вестник ВАС РФ. 2004. № 10.

[2] Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 30 авг. 2024 г. по делу № А83-688/2024 // СПС «Консультант Плюс».

[3] Фомичева Р. В. Процессуальные особенности принятия и рассмотрения заявлений об обеспечении иска в арбитражном процессе // Арбитражный и гражданский процесс. 2006. № 7. С. 39.

[4] Треушников А. М. Становление института обеспечительных мер в арбитражном процессе // Заметки о современном гражданском и арбитражном процессуальном праве / под ред. М. К. Треушникова. М., 2004.

Таким образом, грамотное, своевременное и добросовестное использование обеспечительных мер может гарантировать участникам процесса надлежащее исполнение будущих судебных актов[1].

Невозможность исполнения принятого судебного акта, равно как отсутствие действенных процессуальных инструментов, способствующих исполнению судебного акта, подрывает авторитет судебной власти и не способствует поддержанию устойчивого экономического оборота.

Исходя из вышесказанного, можно прийти к следующему выводу. Для устранения выявленных недостатков необходимо совершенствование законодательства с целью уточнения действующих норм, в том числе установления четких критериев для определения и применения каких-либо категорий. Только комплексное решение данных проблем позволит обеспечить наиболее эффективную и справедливую защиту прав участников арбитражного процесса.

[1] Трезубов Е. С., Курносов А. А.Применение обеспечительных мер в третейском разбирательстве // Российский судья. 2022. № 10. С. 8; Трезубов Е. С., Колмогоров С. А. Критерии соответствия первичного встречного обеспечения его каузе // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. Т. 8. № 2. С. 273

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

М. М. Бицура,
студент Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск.
Научный руководитель: к.ю.н., младший советник юстиции,
доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора
в рассмотрении гражданских и арбитражных дел А. С. Агафонов.

В современных условиях перед обществом и государством остро стоит вопрос об охране окружающей среды Российской Федерации, поскольку большинство природных ресурсов безвозмездно используется в экономической, производственной, научной сферах. Помимо проблемы непосредственного использования ограниченных природных ресурсов, появляются новые экологические проблемы, связанные с изменением климата, выброс отходов, все эти вопросы требуют эффективного государственного регулирования. Необходимо подчеркнуть, что экологическая безопасность является составляющей национальной безопасности, в связи с этим сохранность биологического разнообразия растительного и животного мира создает условия для защиты прав человека на чистую, здоровую и благоприятную для жизни правовую среду.

Стоит отметить, что Российская Федерация, в лице уполномоченных органов, активно обеспечивает защиту и минимизирует вред, сопряженный с рисками для окружающей среды и здоровья населения. Наличие обширной правовой базы, наделяющей органы государственной власти осуществлять контроль, способствует безопасности и сохранности экологии. Следует учитывать такие правовые акты как Федеральный закон «Об охране окружающей среды»[1], Федеральный закон «О биологическом разнообразии в Российской Федерации»[2], постановление Правительства «О федеральном государственном экологическом контроле (надзоре)»[3] и другие.

Следует подчеркнуть, что в Российской Федерации реализуется национальный проект «Экологическое благополучие», в рамках которого, также проводятся федеральные проекты «Чистая страна», «Сохранение биологического разнообразия и развитие экологического туризма», «Комплексная система обращения с твердыми коммунальными отходами».[4] Так, по состоянию на 2024 год в рамках проекта «Оздоровление Волги» расчищено 923,7 км водопроводящих и сбросных каналов.

Кроме того, в соответствии со статистикой, предоставленной Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, за 2023 год рассмотрено 9 тыс. уголовных дел, на основании которых осуждено 6 096 лиц за экологических преступления. Помимо этого, за первое полу-

[1] Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 2. Ст. 133.

[2] Федеральный закон от 30.12.2020 № 492-ФЗ «О биологической безопасности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 1 (часть I). Ст. 31.

[3] Постановление Правительства РФ от 30.06.2021 № 1096 «О федеральном государственном экологическом контроле (надзоре)» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 28 (часть I). Ст. 5526.

[4] Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации: официальный сайт. URL: https://www.mnr.gov.ru/activity/np_ecology/ (дата обращения 15.03.2025).

годие 2024 года 2375 лиц было привлечено к уголовной ответственности за нарушение требований экологического законодательства [1].

Также следует добавить, что Российская Федерация продолжает участвовать в заседаниях Межправительственной группы экспертов по изменению климата. В свою очередь, это способствует качественной разработке и формированию государственной политике в стране, поскольку точечное изучение изменений окружающей среды способствует построению научно-обоснованной законодательной основы.

Однако, несмотря на активную деятельность государства по обеспечению сохранности экологии, многие проблемы остаются нерешенными, ввиду недостаточной урегулированности, а также неполноценности обеспечения исследований в данной сфере. Должное внимание стоит уделить документам стратегического планирования, поскольку они играют важную роль в формировании государственной политики. Важно сказать, что в 2025 году утрачивает свою силу Стратегия экологической безопасности Российской Федерации, кроме того, другие правовые акты, принятые в период 2014-2021 гг., обеспечивающих регулирование отношений в сфере экологии, также утратят силу.

Анализируя документы стратегического планирования и их результативность, можно сказать о том, что при создании нового документа стратегического планирования национальной и экологической безопасности стоит отказаться от экстраполяции сегодняшних тенденций в будущее. Иными словами, для обеспечения практической ценности стратегического планирования необходимо не только ограничится перечислением «опасностей», «угроз» и формированием «образа будущего», но стоит определить четкие цели и индикаторы, способные оценивать эффективность государственной методики регулирования.

Шпаковский Ю.Г. и Жаворонкова Н.Г. отмечают, что проблема состоит в том, что вопросы обеспечения экологической безопасности не сформулированы конкретно[2]. Помимо этого, индикаторы опасности и рисков настолько многогранны и условны, что затрудняет оценивание экологической безопасности.

Безусловно, стратегическое планирование необходимый элемент, обеспечивающий национальную и экологическую безопасность, однако для эффективного достижения абстрактных целей, необходимо внести изменения в структуру стратегических документов. Необходимо определить конкретные цели и задачи, и их соотношения с экономическими и социальными издержками и ограничениями.

Разбирая все вышесказанное, считаем необходимым обратить внимание на абстрактность вводимых понятий и целей в стратегиях экологической и национальной безопасности и обеспечить с помощью органов государственной власти в дальнейшем единство и конкретность государственного регулирования в сфере охраны окружающей среды.

Для достижения данной цели необходимо устранить размытость формулировок, создать единую систему показателей для всех уровней власти и усилить межведомственную координацию. Важно также повысить прозрачность процессов принятия решений и интегрировать экологические цели в другие сферы государственной политики. Особое внимание следует уделить стимулированию внедрения инновационных технологий и обеспечению эффективной правоприменительной практики.

Таким образом, предлагаем в стратегиях экологической безопасности указывать конкретные индикаторы оценки состояния экологии, мероприятия, которые должны войти в план реализации стратегии, способы и методы, которые позволят сократить риски нанесения вреда окружающей среде, а также конкретные показатели, которые в ходе реализации стратегии, должны быть достигнуты. Данный комплекс изменений поможет скорректировать механизмы сохранения биологического разнообразия, в том числе определить рентабельность и эффективность, реализованных государственных мер.

---

[1] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: официальный сайт. Москва. – URL: https://cdep.ru/index.php?id. (дата обращения: 13.03.2025)

[2] Шпаковский Ю.Г., Жаворонкова Н.Г. Экологическое законотворчество как часть социального планирования // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 18(6). С. 142-157.

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИНСТИТУТА ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ПЛАНИРОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Н. В. Вахрамеев,
аспирант Юридического института
Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.
Научный руководитель: д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой трудового, экологического права и гражданского процесса Н. Л. Лисина.

Территориальное планирование Российской Федерации представляет собой сложную и многогранную систему, направленную на обеспечение устойчивого и сбалансированного развития территорий, эффективное использование природных ресурсов и охрану окружающей среды. В современных условиях, характеризующихся динамичными социально-экономическими изменениями и возрастающей конкуренцией между регионами, роль территориального планирования в достижении стратегических целей развития страны неуклонно возрастает.

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью совершенствования механизмов территориального планирования в Российской Федерации в контексте реализации документов стратегического развития. Взаимодействие между территориальным планированием и стратегическим планированием является ключевым фактором обеспечения согласованности и эффективности государственной политики в сфере пространственного развития.

В настоящее время правовую основу системы территориального планирования в России составляет глава 3 Градостроительного Кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ)[1]. В соответствии со ст. 1 ГрК РФ, территориальное планирование – это планирование развития территорий, в том числе для установления функциональных зон, определения планируемого размещения объектов федерального значения, объектов регионального значение, объектов местного значения.

Формы территориального планирования в соответствии с главой 3 ГрК РФ разделены, соответственно, на три уровня: федеральный – схемы территориального планирования Российской Федерации; субъекта Российской Федерации – схемы территориального планирования субъекта Российской Федерации или схемы территориального планирования двух и более субъектов Российской Федерации; муниципальный – схемы территориального планирования муниципальных районов, генеральные планы поселений, генеральные планы городских округов, генеральные планы муниципальных округов.

Как установлено частями 5, 5.1 и 5.2 ст. 9 ГрК РФ, документы территориального планирования подготавливаются на основании отраслевых документов стратегического планирования Российской Федерации, в том числе стратегии пространственного развития Российской Федерации, государственных программ Российской Федерации.

Раскрывая данное положение, следует обратиться к нормативному правовому регулированию института стратегического планирования в России. Оно обеспечивает-

[1] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2005. № 1 (часть 1). Ст. 16.

ся в данном аспекте Законом «О стратегическом планировании»[1] и Стратегией пространственного развития[2].

Статьей 3 Закона «О стратегическом планировании» предусмотрено понятие стратегии пространственного развития, под которым понимается «документ стратегического планирования, определяющий приоритеты, цели и задачи регионального развития Российской Федерации и направленный на поддержание устойчивости системы расселения на территории Российской Федерации».

Немаловажным положением следует признать то, что изложено в части 3 статьи 20 Закона «О стратегическом планировании»: «Стратегия пространственного развития… учитывается при разработке и корректировке схем территориального планирования Российской Федерации, … иных… документов территориального планирования, предусмотренных ГрК РФ…».

Стратегия пространственного развития, как документ, направленный на преодоление негативных тенденций пространственного развития и призванный максимально вовлечь пространство в достижение национальных целей с учетом необходимости эффективного использования имеющихся ресурсов, как это следует из раздела 1 Стратегии пространственного развития, является основополагающим документом, который должен определять будущие векторы роста и приоритетные направления для разных регионов России.

В ней предусмотрены анализ тенденций и проблем пространственного развития России, анализ пространственного развития ближайших иностранных государств и стран-партнеров, утверждаются цели и принципы, основные направления и задачи пространственного развития России, а также приоритетные направления развития субъектов Российской Федерации. Производится анализ рисков и приоритетных механизмов реализации Стратегии, равно как и модель реализации Стратегии.

Наряду с этим указываются целевые показатели пространственного развития Российской Федерации.

Однако, при определении конкретного выражения таких показателей, как «улучшение качества среды для жизни в опорных населенных пунктах» возникают затруднения в связи с отсутствием признаков, позволяющих надлежащим образом определить собственно улучшение. Ю.В. Раев[3] отмечает системность такой проблемы при подготовке документов стратегического планирования. Им были исследованы стандарты планирования как международные, так и российские, которые относятся к стандартизации планирования устойчивого развития территориальных образований, а также обеспечению качества городской среды.

Ю.В. Раев приходит к выводам, что: «указанные стандарты не определяют типовой модельный подход к разработке стратегически ориентированного документа территориального планирования, их назначение состоит в формировании глобальной методологии пространственного планирования, выраженной в виде отдельных теоретизированных аксиом формирования стратегических документов планирования… Совершенствование какого-либо вида деятельности должно основываться прежде всего на идентичности содержания исходной деятельности и предлагаемой версии. Так если

[1] Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26 (часть 1). Ст. 3378.

[2] Распоряжение Правительства Российской Федерации от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. 2025. № 2. Ст. 74.

[3] Раев Ю. В. Стратегический документ территориального планирования: содержание и основы разработки // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2021 году : сборник научных трудов РААСН / Российская академия архитектуры и строительных наук (РААСН). Том 1. – М.: Издательство АСВ, 2022. – С. 286-295

рассматривается разработка стратегически ориентированного документа территориального планирования, то предлагаемая модель нового документа должна быть адекватна принципам планирования данного вида деятельности. В общем виде планирование представляет собой определение целей, задач, ориентиров перспективного развития, а также основных направлений (мероприятий) их достижения.»[1]

На наш взгляд, следует согласиться с тем, что институты пространственного развития, стратегического планирования и территориального планирования в России подлежат дальнейшему развитию и реформированию для достижения надлежащей эффективности при осуществлении планирования.

Также представляется, что Стратегия пространственного развития в большей степени носит декларативный и рекомендательный характер. Это следует из п. 1.22 Методических рекомендаций по разработке документов территориального планирования муниципальных образований[2]: «При разработке документов территориального планирования муниципального образования, внесении в него изменений рекомендуется учитывать положения стратегии СЭР МО, стратегии пространственного развития Российской Федерации, государственных программ Российской Федерации и субъекта Российской Федерации, национальных проектов и иных документов стратегического планирования, взаимосвязь между которыми предусмотрена статьей 9 ГрК РФ».

В действующем законодательстве не отражается каким именно образом производится учёт документов стратегического планирования при подготовке документов территориального планирования.

В связи с этим, уместен пример из судебной практики, где Верховный Суд Российской Федерации своим апелляционным определением Судебной коллегии по административным делам от 29.03.2017 № 46-АПГ17-5[3] оставил без изменения решение суда первой инстанции в связи с тем, что автомобильная дорога общего пользования регионального значения в Самарской области включена в перечень объектов строительства и реконструкции автомобильных дорог общего пользования в Самарской области в рамках Государственной программы Самарской области «Развитие транспортной системы Самарской области (2014 - 2015 годы)», утвержденной постановлением Правительства Самарской области от 27 ноября 2013 года № 677.

Таким образом, с одной стороны, что при подготовке документов территориального планирования, как это было установлено в данном случае – при строительстве и реконструкции дорог, действительно произошёл «учет документов стратегического планирования» – государственной программы субъекта Российской Федерации.

С другой стороны, ни в одном акте судов нет ссылки на Стратегию пространственного развития, как документа, учитываемого при рассмотрении дела.

В других случаях судами может быть установлено, что таких документов не было разработано[4].

---

[1] Раев Ю. В. Стратегический документ территориального планирования: содержание и основы разработки // Фундаментальные, поисковые и прикладные исследования РААСН по научному обеспечению развития архитектуры, градостроительства и строительной отрасли Российской Федерации в 2021 году : сборник научных трудов РААСН / Российская академия архитектуры и строительных наук (РААСН). Том 1. – М.: Издательство АСВ, 2022. С. 289

[2] Приказ Минэкономразвития Российской Федерации от 06.05.2024 № 273 «Приказ Минэкономразвития России от 06.05.2024 № 273 «Об утверждении Методических рекомендаций по разработке проектов схем территориального планирования муниципальных районов, генеральных планов городских округов, муниципальных округов, городских и сельских поселений (проектов внесения изменений в такие документы)» // СПС КонсультантПлюс

[3] Апелляционное определение Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда РФ от 29.03.2017 № 46-АПГ17-5 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

[4] Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 17.06.2020 по делу № 66а-299/2020 // СПС КонсультантПлюс

Однако изучение правотворческой и правоприменительной практики зарубежных стран позволяет выявить положительный опыт учета стратегических документов при территориальном планировании. К примеру, можно заимствовать опыт построения системы пространственного развития Китайской Народной Республики.

Существующую систему планирования в Китайской Народной Республике можно описать следующим образом: она состоит из многоуровневой структуры, где каждый из уровней административно-территориального деления Китая задействован в планировании, так что можно выделить пять уровней планирования: государственный, провинциальный, окружной, уездный и волостной, деревенский. Наряду с ними существуют три типа разрабатываемых планов, которые между собой принципиально отличаются: общие планы, детализированные планы, специальные планы[1].

Общие планы подчеркивают масштабность и предусматривают меры по защите, развитию, использованию и восстановлению государственной территории в пределах заданного региона, как, например, административный район[2].

Детальное планирование, в свою очередь, концентрируясь на реализации, как правило разрабатывается на уровне ниже окружного или уездного и волостного и предусматривает мероприятия по реализации плана с учетом специальных правил землепользования и интенсивности застройки. Такое планирование служит в качестве правовой базы для запуска развития территории и защитных мероприятий, – включая контроль и управление государственной пространственной территорией, разрешения на застройку в городской и сельской местности, – а также осуществляет различные строительные проекты[3].

Специальное планирование, например, может предусматривать на уровнях не выше окружного следующие виды планов: инфраструктуры, зеленого каркаса городов, защиты культуры, а также – по реализации таких специальных планов, как рекультивации земель[4].

Таким образом, следует предусмотреть обязательность учета стратегических документов при осуществлении территориального планирования в России, единство и иерархичность систем стратегического и территориального планирования, где стратегическое планирование должно верховенствовать и определять содержание территориального планирования с учетом мнения и исходя из конкретных потребностей жителей.

Это возможно достигнуть при разработке надлежащей методики создания документов стратегического планирования; подчинения документов территориального планирования документам стратегического планирования; учете мнения граждан, проживающих на территории соответствующих муниципальных образований посредством проведения опросов и/или сбора мнений.

Содержание Стратегии пространственного развития должно быть более четким и содержать в себе конкретные признаки для критериев оценки реализации Стратегии пространственного развития.

---

[1] Вахрамеев Н. В. Планирование как функция управления в сфере использования и охраны земель в России и китайской народной Республике // Правовое образование. Гражданское общество. Справедливое государство: материалы конференции, Кемерово, 20 апреля 2024 года. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2024. – С. 86-87.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же.

ИЗЪЯТИЕ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ И МУНИЦИПАЛЬНЫХ НУЖД: АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ ПРОЦЕДУР И ПРОБЛЕМ

Е. Р. Коржов, К. В. Новгородцев,
студенты Юридического института
Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.
Научный руководитель: старший преподавать кафедры
трудового, экологического права и гражданского процесса В. Д. Баев.

Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд является ключевым инструментом в реализации публичных интересов, однако всегда возникают противоречия с правами собственников земельных участков. В данном институте ярко проявляется конфликт частных и публичных интересов.

Актуальность данной темы обусловлена активным развитием городской инфраструктуры в городе Кемерово и связанных с этим изъятием земельных участков у граждан. Целью работы является анализ процедуры изъятия земельных участков в городе Кемерово, а также выявление проблем, возникающих при реализации мероприятий по изъятию.

Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд представляет собой специальный правовой механизм принудительного прекращения права собственности, а также иных прав на землю в публичных целях. В статье 35 Конституции РФ допускается принудительное отчуждение имущества, но только при совокупности двух условий, только по решению суда и при условии равноценного возмещения. Как отмечает А.П. Анисимов, данная процедура является исключительной мерой, применение которой оправдано лишь при отсутствии альтернатив размещения объектов, имеющих общегосударственное или муниципальное значение[1].

Правовые основания изъятия земель закреплены в Земельном кодексе РФ, Гражданском кодексе РФ.

В статьях 49, 56.3 ЗК РФ закреплены основания и условия для изъятия, включая строительства объектов, выполнения международных обязательств и ликвидация последствий чрезвычайного характера. Также в главе VII.1 ЗК РФ детально раскрыта процедура изъятия земельных участков.

В частности, законодатель, путем указания на конкретные основания для изъятия защищает собственников недвижимого имущества при процедуре изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд. Такой подход не позволяет заинтересованным лицам и уполномоченным органам осуществлять хаотичное изъятие.

Нормы об изъятии в самом общем виде закреплены в ГК РФ. Например, статьей 281 ГК РФ установлен принцип равноценного возмещения за изымаемое имущества, включая убытки. Статьей 282 ГК РФ предусмотрен принудительный порядок изъятия в случаях несогласия правообладателя недвижимости с решением об изъятии, что, по мнению Е.А. Суханова, создает дополнительные гарантии защиты прав собственников.[2]

Порядок изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд в РФ включает несколько этапов. Первоначально уполномоченный орган принимает решение об изъятии, которое должно быть обосновано исключительной необходимостью. Собственник уведомляется в письменной форме о предстоящем изъятии, после чего проводится независимая оценка рыночной стоимости. Если с правообладa-

[1] Анисимов А.П. Земельное право России. - М.: Юрайт, 2022. С. 278.
[2] Суханов Е.А. Гражданское право. Том 1. - М.: Статут, 2021. С. 381.

телем недвижимости не достигнуто соглашение о добровольном выкупе, то вопрос разрешается в судебном порядке.

Ключевым аспектом процедуры является гарантия справедливой компенсации, включающей не только рыночную стоимость земельного участка, но и возмещение убытков. Выплата должна быть произведена до перехода прав, если иное не согласовано сторонами. В случае судебного изъятия суд проверяет законность решения и соразмерность компенсации, а после вступления решения в силу участок переходит в государственную или муниципальную собственность с внесением изменений в ЕГРН.

Законодательство предусматривает дополнительные гарантии для собственников, включая право обжаловать решение об изъятии и требовать возмещения упущенной выгоды. В исключительных случаях, например, при чрезвычайных ситуациях, возможно срочное изъятие с последующей компенсацией. Таким образом, правовое регулирование процедуры направлено на достижение баланса частных и публичных интересов, а также защиты прав собственников земельных участков.

Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд остается одной из наиболее конфликтных сфер земельных отношений в нашей стране. При становлении земельного законодательства, было много недочетов со стороны законодателя, которые на практике привели к проблемам ведущие к нарушению прав собственников.

Предлагаем рассмотреть, на наш взгляд, ключевые проблемы, возникшие при изъятии земельных участков для государственных и муниципальных нужд. Посмотрим, как на данные проблемы реагирует законодатель, а также какие противоречия возникли при изъятии земельных участков для строительства линейных объектов по улицам Спортивная, Искитимская набережная, Сибиряков-Гвардейцев, Тухачевского, Заузелкова, Мирная, Гагарина, 9-го Января Центрального и Заводского районов города Кемерово между публичными интересами и гарантиями частной собственности.

Первым недостатком, возникшим при процедуре изъятия земельных участков, по мнению некоторых авторов, является отсутствие в ЗК РФ легального определения «государственные и муниципальные нужд». При отсутствии данных терминов возникают вопросы об обоснованности начала процедуры изъятия земельного участка?

Многие авторы предлагали свои трактовки данных определений, так для решения данной проблемы Н.П Кабытов предложил следующее толкование: «под государственными и муниципальными нуждами следует понимать потребность соответствующего публично-правового образования в использовании данного участка в соответствии с его законодательно установленными функциями»[1].

Напротив А.В. Яровой предлагает такое определение, что государственные и муниципальные нужны - это потребности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, сформированные в процессе планирования финансово-экономической деятельности на определенный в соответствующей целевой программе срок, для осуществления и защиты того или иного государственного (общественного) интереса, обеспечиваемые за счет средств соответствующих бюджетов и внебюджетных источников финансирования[2].

Законодатель, видя данное упущение, в 2016 году в Обзоре судебной практике Верховного Суда РФ, установил, то под государственными или муниципальными нуждами понимаются потребности публично-правового образования, удовлетворение которых направлено на достижение интересов общества (общественно полезных целей), осуществить которые невозможно без изъятия имущества, находящегося в частной

[1] Кабытов Н. П. Выкуп земельного участка как основание прекращения права частной собственности: дис. … канд. юрид. наук. - Самара, 2004. С. 58.

[2] Яровой А. В. Поставка товаров для государственных нужд: дис. ... канд. юрид. наук - Екатеринбург, 2005. С. 71.

собственности[1]. Подводя итоги сказанному, принудительное изъятие не может проводиться в целях удовлетворения или получения выгоды только интересов определенного круга лиц.

Следующая проблема, которая возникает при изъятии земельных участков, это открытый перечень оснований для изъятия земельных участков. Суть данной проблемы заключается в том, что отсутствует системность. Изначально базовый перечень для изъятия земельных участков законодатель разместил в ЗК РФ и указал на возможность иных оснований, предусмотренных федеральным законом. Но со временем они стали расширятся, стали появляться новые правила и процедуры и стали издаваться новые законодательные акты, связанные с публичными мероприятиями (например, XXII Олимпийские зимние игры и XI Паралимпийские зимние игры 2014 года в городе Сочи, чемпионат мира по футболу FIFA 2018 года, Кубок конфедераций FIFA 2017 года).

Н.А. Игонина и Д.И. Ережипалиев высказались по данной проблеме и считают, что перечень исключительных случаев изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд, закрепленный в ст. 49 ЗК РФ, должен носить исчерпывающий характер[2].

Однако, Н.В. Макарчук[3], не согласен с данной точкой зрения, утверждая что институт изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд, является динамичным, появляются новые ситуации, когда необходимо изымать земельные участки для нужд общества и делать исчерпывающий перечень ошибка.

Мы же склонны к мнению Н.А. Игониной и Д.И. Ережипалиева, поскольку открытый перечень оснований может привести к злоупотреблению со стороны уполномоченных органов и неправомерному принятию решений для изъятия земельного участка.

Следующая и наиболее важная проблема, на наш взгляд, это различие между рыночной стоимостью и кадастровой стоимостью земельных участков. Согласно статье 281 ГК РФ гарантирует получение равноценной компенсации, причем достижение соглашения по условиям определения выкупной стоимости, является обязательным. По смыслу статьи 281 ГК РФ, в размер компенсации входит цена за изымаемый участок, а также всех зарегистрированных объектов капитального строительства. Однако такой подход не учитывает сопутствующие расходы, которые связаны с переездом, обустройством граждан на новом месте.

Как отмечает Саргасян С.М., в современной системе законодательства РФ отсутствуют точно установленные методические указания определения размера возмещения за изъятие земельных участков, в связи с чем возникают ошибки при учете индивидуальных особенностей участков при расчете их рыночной стоимости. Такое явление влечет за собой выплату несправедливого возмещения правообладателям изымаемых земельных участков[4].

С данным мнением можно согласиться, поскольку в Российском законодательстве отсутствует еденная методика определения размеров компенсации за изъятия земельного участка. Законодательство об оценочной деятельности и методические ре-

---

[1] Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 11-12.

[2] Игонина Н. А., Ережипалиев Д. И. Актуальные проблемы законодательного регулирования и правоприменительной практики в сфере долевого строительства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2016. № 12. С. 66–72.

[3] Макарчук Н. В. Спорные вопросы правового регулирования изъятия земельного участка для государственных и муниципальных нужд // Законы России: опыт, анализ практика. 2017. № 8. С. 12–19.

[4] Саргсян С. М. Проблемы изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд // Науки о Земле: вчера, сегодня, завтра: материалы международной научной конференции (г. Казань, май, 2016 г.). - Казань: Бук, 2016. С. 24–30.

комендации по определению рыночной стоимости содержат лишь общие инструкции по порядку расчета компенсации, исключая индивидуальный подход.

При этом органы местного самоуправления города Кемерово, использовали кадастровую оценку, которая для аварийных домов была в 2–3 раза ниже рыночной. Собственники, ссылаясь на ст. 56.8 ЗК РФ, требовали независимой оценки, но суды отклоняли иски, ссылаясь на «срочность проекта»[1].

Проведенный анализ правовых аспектов изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд демонстрирует, что действующее законодательство стремится балансировать между публичными интересами и защитой прав собственников. Российское правовое поле формально обеспечивает процедурные гарантии, включая обязательность предварительного уведомления, обоснования целесообразности изъятия и выплаты справедливой компенсации.

Однако на практике реализация этих норм сталкивается с системными проблемами, такими как неоднозначность трактовки «государственных нужд», недостаток исчерпывающего списка и предоставления равноценного и предварительного возмещения, что нередко приводит к злоупотреблениям и судебным конфликтам.

Ключевой проблемой остается то, что процедуры компенсации зачастую не учитывают рыночную стоимость участков или упущенную выгоду, а механизмы независимой оценки остаются уязвимыми для манипуляций.

Для минимизации правовых коллизий и повышения доверия к институту изъятия земель необходима комплексная доработка законодательной базы. В первую очередь, требуется законодательно закрепить исчерпывающий перечень оснований для изъятия, исключающий расширительное толкование «государственных и муниципальных нужд». Параллельно важно усилить гарантии прозрачности через обязательное проведение публичных слушаний и внедрение цифровых платформ для взаимодействия сторон. Не менее значимым шагом станет совершенствование механизмов компенсации, включая привлечение независимых оценщиков и учет не только рыночной стоимости земли, но и морального вреда. Реализация этих мер в комплексе с повышением правовой грамотности граждан позволит снизить уровень социальной напряженности и обеспечить сбалансированное развитие публичных и частных интересов в сфере земельных отношений.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ РЕДКИХ ВИДОВ ЖИВОТНЫХ ПОСЛЕ СОКРАЩЕНИЯ ИЗ-ЗА БРАКОНЬЕРСТВА: СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ И РАЗВИТИЯ ЧИСЛЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПРИМОРСКОГО КРАЯ)

С. С. Леонова,
студент Юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск.
Научный руководитель: к.ю.н., младший советник юстиции,
доцент кафедры прокурорского надзора и участия прокурора
в рассмотрении гражданских и арбитражных дел А. С. Агафонов.

Приморский Край является одним из живописных регионов России, расположенных на Дальнем Востоке. Субъект находится вдоль побережья Охотского и Японского морей, и славится разнообразием природных ландшафтов, уникальной флорой и

[1] Решение Центрального районного суда г. Кемерово по делу № 2-2218/2022 2-52/2023 2-52/2023(2-2218/2022;)~М-1374/2022 М-1374/2022 от 28.12.2023 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения 18.04.2025)

фауной, множеством природных ресурсов. Однако этот регион сталкивается с серьезными проблемами, связанными с контрабандой и браконьерством.

Из-за уменьшения численности природных объектов, на данный момент в красную книгу региона занесено 246 видов животных и более 300 видов растений, которые находятся под угрозой исчезновения[1].

Источником вымирания объектов флоры и фауны является человек, так как браконьерство и контрабанда на Дальнем Востоке в конце 19-го - начале 20-го века привели к резкому сокращению диких видов животных и растений. Оказались на грани исчезновения соболь, калан, пятнистый олень, морской котик, и многие виды млекопитающих. Это вызвало особое беспокойство у российских властей, так как промысловая продукция являлась одним из наиболее валютоемких экспортируемых товаров. Причинами массового браконьерства и контрабандного вывоза биоресурсов являлись наличие неограниченного рынка сбыта в Китае и Японии пушнины, лекарственного сырья животного и растительного происхождения, рыболовной продукции; высокая стоимость этих товаров за рубежом и высокие вывозные пошлины; слабая экономическая развитость российского Дальнего Востока; наличие сложившейся к началу XX в. на Дальнем Востоке профессиональной контрабанды при недостаточном уровне охраны государственной и таможенной границ; незащищенность Тихоокеанского побережья и агрессивная экспансионистская политика Японии и США; малочисленность, слабая техническая оснащенность и недостаточность полномочий в деле борьбы с контрабандой у таможенных и пограничных органов[2].

Эти факторы не только угрожали природному балансу, но и ставили под угрозу экономические интересы страны, из-за чего в сложившейся ситуации требовались усиленные меры по охране природных ресурсов и борьбы с незаконным вывозом ценного сырья.

Близость к Китаю и Японии создала обширный рынок для незаконной торговли редкими видами животных и растений. Восточные страны, особенно в тот период, высоко ценили пушнину и экзотические продукты, что подстегивало браконьеров. Так, по оценкам Н.В. Слюнина, правильно организованная эксплуатация природных ресурсов Дальнего Востока сулила империи ощутимые выгоды, но для этого необходимо было положить конец варварскому истреблению рыбы и зверя, грозящему исчезновением целых видов. По данным исследователя, с 1888 по 1891 годы на рынок поступило с «хищнических» шхун до 100 тыс. шкур «морских котов» (морских котиков), из которых 70% составляли шкуры легких для добычи беременных самок, когда браконьерский убой на воде менее поворотливых беременных самок тюленя достигал 90%. Учитывая, что часть тюленей были ранены и ушли в море, где позже многие погибли, ущерб, нанесенный природе, следовало оценивать в еще больших цифрах[3].

Подобную картину рисовал и П. Ф. Унтербергер, отмечавший, что иностранными браконьерами было добыто в 1892 году до 80 тыс. морских котиков, в 1893 году — до 102 тыс., а в 1894 — до 141 тыс., в то время как российские промысловики добывали около 13 тыс. в год. Браконьерство процветало и в отношении других видов дальневосточной фауны — ценных пород лососевых рыб, которых часто варварски выбрасывали, выпотрошив из них икру; морских бобров (каланов), моржей, китов, пушного зверя

[1]Правительство Приморского края: официальный сайт URL: https://primorsky.ru/authorities/executive-agencies/departments/zoo/krasnaya-kniga-primorskogo-kraya/ (дата обращения 21.03.2025)

[2] Ляпустин С.Н. Борьба с контрабандой биоресурсов на Дальнем Востоке России в 20-е годы XX век // Вестник ДВО РАН. 2012. № 1 С. 23-27.

[3]Слюнин Н. В. Промысловые богатства Камчатки, Сахалина и Командорских островов : отчет за 1892—1893 гг. (по поручению Министерства государственных имуществ) – СПб.: Типография В. Киршбаума, 1895. С. 117.

(песца, соболя), оленей[1]. Такие обременения могли привезти к экологическому дисбалансу, так как исчезновение отдельных видов животных и растений может вызвать цепную реакцию, влияя на целые экосистемы и приводя к изменению биологического разнообразия.

Говоря о браконьерстве в настоящее время, то в 2018 году сотрудники Дальневосточной оперативной службы изъяли у контрабандистов дериваты амурского тигра, изюбра и других животных. К примеру, ориентировочная «рыночная» стоимость только медвежьих лап – 55 миллионов рублей[2].

Таким образом, сохранение биоразнообразия флоры и фауны становятся одним из важнейших направлений политики государства, требующей комплексного подхода, включающего ужесточение природоохранного законодательства, усиление контроля за браконьерством и контрабандой, развитие экологического просвещения и создание эффективных механизмов защиты редких видов. Только скоординированные действия государства, научного сообщества и общества могут обеспечить сохранение экосистем и предотвратить необратимые последствия для окружающей среды.

В Приморском крае активно проходят мероприятия, связанные с обеспечением восстановления исчезающих и редких видов животных. Так, Правительством Приморского края принято постановление «Об утверждении Порядка охраны и использования объектов животного и растительного мира, принадлежащих к видам, занесенным в Красную книгу»[3]. Данное постановление законодательно обеспечивает и регламентирует способы, содействующие сохранению краснокнижных животных.

Помимо этого, органами государственной власти Приморского края во взаимодействие с органами власти Российской Федерации принимаются различные способы, обеспечивающие защиту и охрану редких видов животных. На территории Приморского края находится множество особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ), к примеру, государственный заповедник «Кедровая падь».[4] Также, в настоящее время в ареале тигра функционирует 39 ООПТ общей площадью около 4,7 млн. га, включая 16 ООПТ федерального значения. Если в 2010 г. амурский тигр обитал на территории двух субъектов Российской Федерации – Приморского и Хабаровского краев, то сейчас тигр обитает также на территории Амурской области и Еврейской автономной области.

Стоит отметить, что на территории данных ООПТ обеспечивается ведение лесного хозяйства на устойчивой основе, стабилизация и рост копытных животных, являющихся кормовой базой для многих редких видов животных. Для сохранения ареала краснокнижных животных в Приморском крае усиливается профилактика борьбы с лесными пожарами, поскольку для увеличения численности редких видов животных необходимо их обеспечение их естественного места обитания.

Следующим способом защиты животного мира является создание новых ООПТ, на которых действует особый строгий режим охраны. Кроме того, Российская Федерация обеспечивает международное сотрудничество в сфере образования данных мест, на сопряженных с другими государствами территориях. Так, на границе Приморского края, между Китайской Народной Республикой и Российской Федерацией действуют

[1]Унтербергер, П. Ф. Приморская область. 1856—1898 гг. Очерк – СПб. : Типография В. Ф. Киршбаума, 1900. С. 326.

[2]Федеральная таможенная служба: официальный сайт. URL: https://customs.gov.ru/press/federal/document/19403 (дата обращения 05.04.2025)

[3] Новое в законодательстве Приморского края. Выпуск за 14 апреля 2023 года. Обзоры законодательства // Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

[4] Приказ Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Приморского края от 10.01.2023 № 37-01-06/1 «Об утверждении перечня особо охраняемых природных территорий регионального и местного значения Приморского края» // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

соглашения о заповедниках и трансграничного резервата.[1] Целью создания новых особо охраняемых природных территорий является поддержание и сохранение здоровых популяций в естественной среде, а также восстановление и репродукция редких и исчезающих видов животных.

Органы государственной власти Приморского края, также обеспечивают питание и ветеринарное сопровождение, поступающих в реабилитационном центре, раненных животных. Данные меры направлены на сохранение численности редких видов представителей фауны.

Большое значения для восстановления редких видов животных имеет работа по сбору статистических данных с помощью авиучета и мониторинга. Благодаря фотоловушкам, введется контроль над популяциями, а также фиксируется состояние и расселение животных на ранее не занимаемых, ими территориях. В последнее время заметно расселение животных, которых стали регистрировать за пределами национального парка «Земля леопарда».[2]

Эффективная работа с населением в рамках эколого-просветительских мероприятий является особым способом защиты краснокнижных животных. Так, на территории Приморского края действует Всероссийский студенческий отряд «Тигр», созданный для развития экотуризма и подготовки специалистов для природоохраной сферы.[3]

Исходя из проведенного анализа способов защиты и мер восстановления редких видов животных в Приморском крае, можно сделать вывод о том, что органы власти данного региона активно влияют на поддержку биологического и экологического разнообразия. В Приморском крае действует обширный комплекс гарантий, направленных на покровительство и заботу о животных, занесенных в Красную книгу.

Для увеличения численности краснокнижных животных требуется длительное время интенсивной природоохранной работы, а также стабильный комплекс мер по сохранению не только популяций, но и их ареалов, в первую очередь ООПТ. Поддержание численности редких видов животных возможно только лишь при консолидации усилий органов государственной власти, государственных учреждений, осуществляющих управление ООПТ, а также усилий населения.

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПРАВА КОРЕННЫХ НАРОДОВ В УСЛОВИЯХ ПРОМЫШЛЕННОГО ОСВОЕНИЯ ТЕРРИТОРИЙ

А. А. Локтионов,
магистрант Юридического института
Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.
Научный руководитель: к.п.н., доцент, доцент кафедры трудового,
экологического права и гражданского процесса Т. Б. Невзоров.

Экологические права человека, закреплённые в статье 42 Конституции Российской Федерации, имеют особую значимость в современном правовом регулировании. Однако в отношении коренных малочисленных народов (КМН) эти права приобретают

[1]Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о заповеднике "Озеро Ханка" (Заключено в г. Пекине 25.04.1996) // Бюллетень международных договоров. 1997. № 1. С. 63 - 65.

[2]Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации: официальный сайт. URL:https://www.mnr.gov.ru/press/hot-topic/ (дата обращения 18.03.2025)

[3]Министерство природных ресурсов и экологии Российской Федерации: официальный сайт. URL:https://www.mnr.gov.ru/press/hot-topic/ (дата обращения 18.03.2025)

особую специфику. Для КМН благоприятная окружающая среда неразрывно связана с возможностью сохранения традиционного образа жизни, хозяйствования и культурной идентичности.

Коренные малочисленные народы традиционно проживают в районах, богатых природными ресурсами, что в условиях активного промышленного освоения территорий создаёт повышенные риски нарушения их экологических прав. Масштабные проекты в области добычи полезных ископаемых, строительства инфраструктуры и иных видов природопользования нередко оказывают разрушительное воздействие на места проживания КМН, что приводит к утрате пастбищ, загрязнению водоёмов, нарушению маршрутов миграции животных, а также к деградации самобытной культуры.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью совершенствования правовых механизмов защиты экологических прав коренных малочисленных народов в условиях стремительного экономического развития, чтобы обеспечить баланс между интересами промышленного освоения и обязанностью государства по сохранению уникальных сообществ и их среды обитания.

Целью настоящего исследования является анализ существующих правовых гарантий экологических прав коренных малочисленных народов Российской Федерации, выявление основных проблем их реализации и формулирование предложений по совершенствованию правового регулирования в данной области.

Экологические права коренных малочисленных народов Российской Федерации регулируются как национальным, так и международным законодательством.

На уровне Конституции РФ коренные малочисленные народы наделены особыми гарантиями. В соответствии со ст. 69 Конституции государство обязано обеспечивать права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права. Ст. 42 Конституции дополнительно закрепляет право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о её состоянии и возмещение ущерба, причинённого нарушением экологических норм.

Правовое регулирование экологических прав коренных малочисленных народов детализировано в Федеральном законе от 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» и Федеральном законе от 7 мая 2001 года № 104-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации». Основные гарантии включают право на сохранение традиционного природопользования, участие в принятии решений, затрагивающих жизненно важные интересы, право на благоприятную окружающую среду, а также на возмещение ущерба, причинённого традиционной среде обитания[1].

На международном уровне экологические права коренных народов закреплены в Декларации Организации Объединённых Наций о правах коренных народов 2007 года. В частности, статьи 25–29 Декларации закрепляют право коренных народов на сохранение и защиту традиционных земель, территорий и ресурсов, а также на защиту окружающей среды от деградации. Отдельного внимания заслуживает Конвенция Международной организации труда (МОТ) № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах», принятая в 1989 году. Хотя Российская Федерация не ратифицировала данную Конвенцию, её положения оказывают влияние на развитие правового регулирования в рассматриваемой сфере[2].

[1] Федеральный закон от 07.05.2001 № 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 20. Ст. 1972.

[2] Декларация ООН о правах коренных народов: Принята Генеральной Ассамблеей ООН 13 сентября 2007 г. Резолюция 61/295.] [Конвенция МОТ № 169 «О коренных народах и народах, ведущих племенной образ

Особенностью экологических прав коренных малочисленных народов является их коллективный характер: права принадлежат не только отдельным лицам, но всему сообществу. Нарушение этих прав угрожает не только конкретным индивидам, но и существованию целых этнокультурных общностей.

Несмотря на наличие в российском законодательстве обширных гарантий экологических прав коренных малочисленных народов, их практическая реализация сталкивается с рядом существенных затруднений.

Во-первых, в реальной практике наблюдается формализация процедур участия коренных народов в принятии решений, затрагивающих их интересы. Федеральный закон № 104-ФЗ предусматривает обязанность согласования проектов, способных оказать воздействие на традиционные территории, однако участие представителей КМН часто сводится к проведению формальных общественных слушаний без реального учета их мнения.

Во-вторых, проблемой является недостаточная эффективность государственной экологической экспертизы. Согласно Федеральному закону от 23 ноября 1995 года № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе», проекты хозяйственной деятельности подлежат обязательной оценке на предмет воздействия на окружающую среду. Однако существующие механизмы экологической экспертизы недостаточно учитывают специфику влияния на традиционные формы природопользования, образ жизни и культуру коренных народов[1].

В-третьих, реализация права на возмещение ущерба традиционной среде обитания коренных народов затруднена отсутствием чётких механизмов расчёта такого ущерба. Постановление Правительства Российской Федерации от 18 сентября 2020 года № 1488 предусматривает правила компенсации убытков, причинённых коренным малочисленным народам, однако на практике процедура доказательства ущерба, его причин и размера оказывается крайне сложной и дорогостоящей для самих сообществ[2].

В-четвёртых, серьёзной проблемой остаётся ограниченность правового статуса территорий традиционного природопользования. Их создание требует длительных согласований, что приводит к фактической незащищённости многих территорий, используемых коренными народами для традиционного природопользования.

Наконец, на практике сохраняется низкий уровень правовой осведомлённости самих коренных малочисленных народов о своих правах и способах их защиты, что существенно ограничивает их возможности по защите своих интересов в суде и иных органах государственной власти.

Наиболее яркие примеры нарушений экологических прав КМН демонстрируют случаи промышленного освоения территорий в районах их традиционного проживания.

Так, в Кемеровской области произошла фактическая ликвидация посёлка Казас, населённого преимущественно представителями шорского народа. С начала 2010-х годов в непосредственной близости от поселения началась разработка угольного разреза компанией "Южная", входящей в холдинг "Сибуглемет". В результате хозяйственной

жизни в независимых странах» (Женева, 1989) // Международное трудовое право: сборник международных актов. М., 2004.

[1] Федеральный закон от 23.11.1995 № 174-ФЗ «Об экологической экспертизе» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 48. Ст. 4556.

[2] Постановление Правительства РФ от 18.09.2020 № 1488 «Об утверждении Положения о порядке возмещения убытков, причиненных коренным малочисленным народам Российской Федерации, объединениям коренных малочисленных народов Российской Федерации и лицам, относящимся к коренным малочисленным народам Российской Федерации, в результате нанесения ущерба исконной среде обитания коренных малочисленных народов Российской Федерации хозяйственной деятельностью организаций всех форм собственности, а также физическими лицами» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 39. Ст. 6065.

деятельности произошло загрязнение воды и воздуха, разрушение жилых домов, ухудшение состояния почв. Жители посёлка подверглись давлению с целью принудительного отчуждения недвижимости, а несколько домов были уничтожены в результате пожаров. Несмотря на наличие правовых гарантий, адекватная компенсация шорцам предоставлена не была, а само поселение фактически исчезло, что свидетельствует о системном нарушении их коллективных экологических прав[1].

Другим примером является ситуация в Ямало-Ненецком автономном округе. Интенсивное развитие газовой отрасли в регионе сопровождалось строительством трубопроводов, автодорог и иных объектов инфраструктуры на территориях, традиционно используемых ненцами для кочевого оленеводства. В процессе реализации проектов происходило загрязнение пастбищ, перекрытие миграционных маршрутов северных оленей, ухудшение состояния водоёмов. Эти изменения поставили под угрозу возможность сохранения традиционного хозяйственного уклада ненецких общин. Несмотря на наличие экологических экспертиз проектов, специфика воздействия на образ жизни коренных народов в полной мере учтена не была[2].

Эти случаи свидетельствуют о недостаточной эффективности существующих правовых механизмов защиты экологических прав коренных малочисленных народов и необходимости их совершенствования.

Анализ существующих проблем реализации экологических прав коренных малочисленных народов позволяет сформулировать ряд предложений, направленных на повышение эффективности правового регулирования в данной сфере.

Во-первых, целесообразным представляется введение обязательной этнокультурной экспертизы проектов хозяйственной деятельности, затрагивающих территории традиционного природопользования. В отличие от существующей экологической экспертизы, этнокультурная экспертиза должна оценивать не только воздействие на природную среду, но и влияние на традиционные виды хозяйственной деятельности, язык, культуру и образ жизни коренных народов.

Во-вторых, необходимо установить право представителей коренных малочисленных народов на вето в отношении проектов, способных негативно повлиять на их традиционные территории. Отказ представителей коренного народа от согласия на реализацию проекта должен влечь обязательную приостановку или запрет осуществления соответствующей хозяйственной деятельности.

В-третьих, требуется усилить правовой статус территорий традиционного природопользования. Это предполагает упрощение процедур их оформления, обязательную государственную регистрацию границ таких территорий и расширение перечня видов хозяйственной деятельности, запрещённых без согласия коренных народов.

В-четвёртых, необходимо конкретизировать механизм возмещения ущерба, причинённого традиционному природопользованию. Следует закрепить стандартные методики расчёта ущерба, предусмотреть возможность не только денежной компенсации, но и предоставления альтернативных ресурсов или земельных участков. Также требуется усилить ответственность хозяйствующих субъектов за неисполнение обязательств по компенсации.

В-пятых, представляется целесообразным создание специализированных органов на уровне субъектов Российской Федерации, задачей которых станет защита прав коренных малочисленных народов, в том числе в сфере защиты их экологических прав.

---

[1] Кузбасс: коренные народы под угрозой исчезновения // АДЦ «Мемориал». URL: https://adcmemorial.org/novosti/kuzbass-korennye-narody-pod-ugrozoj-ischeznoveniya/ (дата обращения: 29.04.2025).

[2] Тундровики и газовая труба: промышленное освоение Ямала // GoArctic.ru. URL: https://goarctic.ru/korennye-narody-severa/tundroviki-i-gazovaya-truba-promyshlennoe-osvoenie-yamala/ (дата обращения: 29.04.2025).

Такие органы могли бы участвовать в рассмотрении проектов освоения территорий, представлять интересы КМН в судебных и административных процедурах.

Наконец, важной задачей является реализация программ повышения правовой грамотности коренных народов в области земельного, экологического и административного права. Это позволит самим представителям КМН активнее защищать свои права и интересы.

Реализация указанных мер позволит обеспечить баланс между необходимостью экономического развития и обязанностью государства по сохранению уникального этнокультурного и экологического наследия Российской Федерации.

Экологические права коренных малочисленных народов Российской Федерации имеют особое значение, поскольку связаны не только с обеспечением благоприятной окружающей среды, но и с сохранением традиционного образа жизни, культурной самобытности и устойчивого хозяйственного уклада этих народов.

Анализ нормативного регулирования показывает, что, несмотря на наличие достаточно развитой законодательной базы, практическая реализация экологических прав КМН сталкивается с серьёзными трудностями. Формализация процедур общественного участия, недостаточная эффективность экологической экспертизы, сложность получения компенсации за причинённый ущерб, слабая правовая защита территорий традиционного природопользования и низкий уровень правовой грамотности коренных народов существенно ограничивают возможность защиты их прав.

Примеры разрушения поселка Казас в Кемеровской области и нарушения традиционного уклада жизни ненцев в Ямало-Ненецком автономном округе наглядно подтверждают существующие проблемы.

Представляется необходимым совершенствование действующего законодательства, включая введение обязательной этнокультурной экспертизы, установление права вето представителей коренных народов, конкретизацию механизмов возмещения ущерба, укрепление правового статуса территорий традиционного природопользования и создание специализированных органов защиты прав КМН.

Защита экологических прав коренных малочисленных народов является не только выполнением конституционных обязательств государства, но и важнейшим элементом устойчивого развития общества, сохранения культурного и природного многообразия Российской Федерации.

УГОЛОВНОЕ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ И СУБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ БУЛЛИНГА КАК СПОСОБА ДОВЕДЕНИЯ ЛИЦА ДО САМОУБИЙСТВА

С. А. Андреев,
студент Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета г. Томск.
Научный руководитель: старший преподаватель кафедры уголовного права С. П. Опацкая.

Научная статья посвящена изучению субъекта и субъективной стороны буллинга как способа доведения до самоубийства, в соответствии с ч.1 ст.110 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее - УК РФ). Доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство может быть совершено путем угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства потерпевшего. Общественная опасность преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ, находит свое выражение в том, что деяние обусловливает суицидальные намерения и действия потерпевшего, который лишает или делает попытку лишить себя жизни. Для вменения уголовной ответственности в соответствии с рассматриваемым составом наступления последствий в виде смерти – не требуется.

Буллинг можно определить как проявление преднамеренной и постоянной (систематической) агрессии или агрессивного поведения, направленного на одного и того же человека, включающее неравенство социальной власти или физической силы. Т.е., данное деяние по своей сути является издевательством, травлей над потерпевшим и может служить способом доведения лица до самоубийства.

Субъект рассматриваемого преступления общий, то есть физическое лицо, вменяемое, и достигшее возраста 16 лет. Как правило, это учащиеся образовательных учреждений, поскольку буллинг распространен именно в данной среде. Согласно статистическим данным, каждый четвертый сталкивался с травлей в школе (25%), а каждый пятый — что с ней сталкивались их дети или внуки (19%). В подавляющем большинстве случаев буллинг исходил от других учеников (89% от общего числа опрошенных), тогда как случаи травли со стороны учителей были значительно реже — 31%. Максимум потерпевших от травли в школах (сталкивались сами) приходится на молодежь 18-24 лет – 53%»[1].

Говоря о личности учащихся образовательных учреждений, необходимо отметить, что это дети, стремящиеся быть в центре внимания, обладающие лидерскими качествами и не всегда проявляющие сочувствие к окружающим. Исследования демонстрируют, что около половины детей, проявляющих агрессию в школе, сами были жертвами насилия или жестокого обращения в семье. Совершая акты насилия, они пытаются отомстить за пережитое и выместить свою злость на более слабых. Кроме того, личность преступников часто характеризуется низким уровнем воспитания, злоупотреблением алкоголем, низким социально-экономическим статусом семьи, гиперопекой или, наоборот, равнодушием со стороны родителей. Также большинство подрост-

[1]ВЦИОМ. Новости: Травля в школе: масштаб проблемы и пути решения // URL: https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/travlja-v-shkole-masshtab-problemy-i-puti-reshenija (дата обращения 20.04.2025)

ков совершают противоправные действия на фоне выраженной акцентуации характера.

При этом не стоит забывать, что не только обучающие, но также и другие лица могут быть субъектами буллинга. Им присущи такие черты как: мышление в абсолютных категориях («черное – белое», «хорошо – плохо»), навешивания ярлыков и сверхобобщение – то есть склонность делать глобальные выводы на основе единичных ситуаций, открытая жестокость, обоснованный негативизм, отсутствие эмпатии, склонность к лидерству, низкая самооценка и др.

Уместно согласиться с мнением А.Ш. Аюпова, утверждающим, что лицо, совершающее доведение до самоубийства, относится к категории насильственных преступников, которому наряду с общими элементами характеристики личности насильственного преступника, такими как жесткость, низкая культура личности, агрессивность, зависть, завышенная самооценка, пренебрежение основными общечеловеческими постулатами морали и т.д., присущи такие черты, как нерешительность, трусость, лживость.

Таким образом, хотя норма ст. 110 УК РФ и определяет общий субъект, который также определяется и в контексте буллинга как способа доведения лица до суицида, тем не менее, можно выделить именно два вида субъекта: 1) учащиеся образовательных учреждений 2) иные субъекты, например рабочие, военнослужащие и т.д. Каждый из этих типов обладает определенными чертами, которые и характеризуют его как субъектов данного состава.

Вопрос о субъективной стороне состава ст. 110 УК РФ является дискуссионным. Для определения субъективной стороны буллинга в контексте доведения лица до суицида, необходимо определить не только форму вины, но также мотив и цель, так как последние играют немаловажную роль в ее определении.

Для начала важно рассмотреть мотив и цель буллинга. Как уже было отмечено ранее, субъект является лицо, стремящееся повысить свой социальный статус за счет страданий другого лица, получает удовольствие от морального или физического унижения другого человека, и пытается компенсировать свою неполноценность через агрессивное поведение. Мотивы травли могут быть разными: желание самоутвердиться за счёт других, отомстить, например, за свои собственные страдания, зависть. Таким образом, можно утверждать, что буллинг, за исключением случаев, когда он приводит к самоубийству, совершается с прямым или косвенным умыслом.

Что же касается формы вины доведения лица до самоубийства, то тут большинство ученых как правило, выделяют вину в виде прямого и косвенного умысла. Однако необходимо понимать, что в контексте буллинга как способа доведения до самоубийства субъективная сторона может разниться, т.е. не только умысел, но и неосторожность в виде легкомыслия и небрежности.

В случае с прямым или косвенным умыслом лицо, осуществляет намеренное и систематическое нанесение физических и/или нравственных страданий потерпевшему путем совершения определенных действий или бездействий, предвидя, что своими действиями оказывает негативное воздействие на психику потерпевшего, что в свою очередь создает возможность или даже неизбежность самоубийства потерпевшим. При прямом умысле виновный желает, чтобы лицо покончило с собой, а при косвенном предвидело это, но не желало, однако допускало, что потерпевший совершит суицид или относилось к последствиям безразлично. Как правило, в основном главенствует именно косвенный умысел, так как было уже ранее отмечено, а доведение лица до того, чтобы оно покончило с собой, как правило, не преследует.

В случае с легкомыслием и небрежностью лицо предвидело или не предвидело то, что своими систематическими действиями или бездействиями осуществляло жестокое обращение и/или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего. При этом в случае с легкомыслием виновное лицо, без достаточных к тому

оснований самонадеянно рассчитывало на то, что лицо или не решится или не станет совершать суицид. В случае же с небрежностью лицо при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть, то, что своими действиями может оказать крайне негативное воздействие на психику человека, что в свою очередь может способствовать совершению самоубийства и при этом могло бы это предотвратить, например, прекратив наносить ему физические или психические страдания.

Косвенный умысел и небрежность наиболее часто встречаются в контексте доведения лица до самоубийства, что подтверждается и судебной практикой. При буллинге человек в зависимости от состояния его зрелости, возраста и т.п., может как осознавать возможность доведения лица до суицида, так и не осознавать этого и отсюда, например, рассчитывать на то, что лицо не будет лишать себя жизни.

В приговоре № 1-67/2021 от 24 марта 2021 г. по делу № 1-67/2021 Соль-Илецкий районный суд (Оренбургская область) судом было установлен косвенный умысел: «с учетом эмоционального состояния ФИО7, возможность наступления общественно опасных последствий - возможность совершения ею самоубийства, не желал их наступления, но сознательно допускал и отнесся к ним безразлично»[1]. Аналогично дело обстоит и с приговором № 1-2/2018 1-43/2016 1-8/2017 от 9 июня 2018 г. по делу № 1-2/2018[2].

В приговоре п. Усть-Уда 03 апреля 2012 года судом была установлена неосторожность: «не предвидя наступление последствий в виде самоубийства Шерстянникова А.Г., хотя в связи с жестоким характером своего обращения с ним, мог и должен был предвидеть возможность самоубийства потерпевшего»[3].

Таким образом, при определении субъективной стороны буллинга как способа доведения до самоубийства, следует учитывать: 1) осознание лицом общественной опасности буллинга, то есть систематического унижения человека или жестокого обращения с ним, которое может привести к суициду или покушению на него потерпевшим 2) предвидение того, что лицо вследствие систематического унижения и (или) жестокого обращения, покончит с собой 3) отношение к последствиям своего деяния (желало, не желало, но допускало, рассчитывало на предотвращение самоубийства или не желал, но при необходимой внимательности и предусмотрительности должно было и могло предвидеть).

[1]Приговор № 1-67/2021 от 24 марта 2021 г. по делу № 1-67/2021 Соль-Илецкий районный суд. – [Б. м.], 2025. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/pm4sAHrRtQ6u/ (дата обращения: 13.04.2025)

[2]Приговор от 03 апреля 2012 года Усть-Удинский районный суд Иркутской области // Судебные и нормативные акты РФ. – [Б. м.], 2025. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/pm4sAHrRtQ6u/ (дата обращения: 13.04.2025)

[3]Приговор № 1-2/2018 1-43/2016 1-8/2017 от 9 июня 2018 г. по делу № 1-2/2018// Судебные и нормативные акты РФ. – [Б. м.], 2025. – URL: https://sudact.ru/regular/doc/pm4sAHrRtQ6u/ (дата обращения: 13.04.2025)

НЕЗАКОННАЯ РУБКА ЛЕСНЫХ НАСАЖДЕНИЙ: ПРОБЛЕМЫ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ УГОЛОВНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

А. А. Берданосова,
студент Юридического института
Иркутского государственного университета, г. Иркутск.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент,
доцент кафедры уголовного права Р. А. Забавко.

Понятия преступления и административного правонарушения, изложенные, соответственно в УК РФ и КОАП РФ, имеют достаточно много различий, главным из которых является отсутствие указания в ч. 1 ст. 2.1 КоАП РФ на общественную опасность совершенного деяния. Между тем, на практике часто встречаются деяния, которые могут повлечь как административную, так и уголовную ответственность. Для разграничения двух видов ответственности следует учитывать степень общественной опасности, которая, в свою очередь, определяется специальными критериями, например, тем, сколько раз оно было совершено виновным лицом, или размером предмета преступления, ущерба и т.д.

На фоне конкуренции норм УК РФ и КоАП РФ у правоприменителя часто возникают сложности в квалификации отдельных деяний.

В КоАП РФ и в УК РФ содержится много смежных составов, устанавливающих ответственность за смежные правонарушения. Так Галахова А. В. обнаружила аналогичные с административными правонарушениями преступления в десяти из девятнадцати глав Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (более сорока норм). По мнению других авторов, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях и Уголовном кодексе Российской Федерации содержится около 100 таких «пограничных» составов[1].

Это стало одной из причин введения в УК РФ составов преступлений, имеющих административную преюдицию. Между тем, многие ученые отрицательно высказываются об административной преюдиции, так как она образует из одного и того же деяния два разных состава.

По мнению Ляшевой Ю. А. законодательное закрепление административной преюдиции не может быть признано обоснованным, «ведь в таком случае за противоправное деяние, совершенное впервые, но обладающее повышенной степенью общественной опасности, лицо должно быть привлечено к административной ответственности. И наоборот, лицо, совершившее незначительное по своей общественной опасности правонарушение, будучи ранее привлеченным к административной ответственности, должно подлежать уголовному наказанию»[2].

Различие между административными правонарушениями и преступлениями проявляется в нескольких существенных аспектах. Один из заключается в самой природе правонарушения: административные проступки связаны с нарушением норм административного законодательства, тогда как преступление посягает на общественные интересы.

---

[1] Галахова А. В. О юридической технике и судебном толковании смежных преступлений и административных правонарушений // Соотношение преступлений и иных правонарушений: современные проблемы. Материалы IV Международной научно-практической конференции, посвященной 250-летию образования Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, 27-28 мая 2004 г. - М.: ЛексЭст, 2005.- С. 122-127.

[2] Ляшева Ю. А. Уголовная ответственность за незаконную добычу водных биологических ресурсов (проблемы законодательной техники и правоприменения). Дис. … канд. юрид. наук - СПб.,2006. С. 250.

Административное правонарушение, влечет за собой относительно мягкие санкции, такие как штрафы, предупреждения или иные схожие наказания, в отличие от преступления, которое представляет собой серьезное уголовное деяние, наказуемое лишением свободы или иными строгими мерами, направленными на защиту общественного правопорядка и безопасности.

Один из способов разграничения смежных административных правонарушений и преступлений – учет ущерба, который они причинили. Если имеет место причинение крупного (значительного) ущерба, то деяние признается преступлением, а при его отсутствии - административным правонарушением. Незаконная рубка лесных насаждений является одним из наиболее наглядных примеров такой дифференциации.

В научной среде есть несколько мнений относительно общественной опасности административных правонарушений и преступлений

Так, сторонники первой позиции полагают, что у административного правонарушения общественная опасность отсутствует.

Согласно такому мнению, административные правонарушения рассматриваются как общественно вредные.

Другие авторы полагают, том, «что одни административные проступки общественно опасны, а другие не имеют этого признака ».[1]

Приверженцы третьей позиции утверждают, что общественная опасность присуща как административным правонарушениям, так и преступлениям.

Тем не менее, административные правонарушения характеризуются более низкой степенью опасности.

Одним из ярких примеров двойственной природы ответственности является незаконная рубка лесных насаждений, за совершение деяния в зависимости от последствий и иных обстоятельств, может наступить уголовная или административная ответственность за правонарушение.

Между тем, отличий в этих видах ответственности достаточно много и выражаются они в том, что: объективная сторона административно-правового правонарушения выражена более широко, она состоит в выкапывание деревьев, кустарников или лиан, лесных культур, карликовых деревьев в лесу или самостоятельную посадку, а также саженцев и саженцевой рассады в лесу, лесные питомники или плантации; в связи с началом выполнения административного правонарушения не требуется наступления последствий в виде значительного ущерба.

На практике возникают сложности с определением величины причиненного ущерба. Нормативными актами установлена методика оценки стоимости причиненного ущерба, однако точность установления ущерба не абсолютна, поскольку критерием разграничения смежных преступлений и административных правонарушений является стоимостный ущерб 5 000 рублей, полностью исключить возможность привлечения лица по нормам уголовного закона в связи с неточным определением экспертом величины ущерба[2].

Предметом правонарушения, предусмотренного ст. 8.28 КоАП РФ, являются только лесные насаждения. Уголовное законодательства рассматривает предмет шире, включая в него как лесные, так и нелесные насаждения (например, древесно-кустарниковую растительность рекреационной или защитной зоны).

За повреждение в любом размере нелесных насаждений, не приводящее к прекращению роста, и за повреждение их до степени прекращения роста, не достигающее значительного размера, административная ответственность не предусмотрена. За

[1] Дружинина В. Ф. О разграничении преступления и административного проступка // Советское государство и право. 1978. № 4. С. 132-133.

[2] Соколов Н.А. Квалификация незаконной рубки лесных насаждений в различных регионах России // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2008. № 4. С. 10-16.

осуществление незаконной рубки нелесных насаждений в размере, не достигающем значительного, ответственность не наступает.

Данная точка зрения противоречит фундаментальным принципам законодательства о административных правонарушениях, так и с международно признанными нормами о сохранении окружающей среды, поскольку нелесные насаждения также важны, как и лесные.

Объективная сторона правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 8.28 КоАП РФ, как уже было отмечено, выражается, в том числе в повреждении лесных насаждений, заключающемся в раздроблении, смятии, уничтожении части дерева или кустарника до прекращения роста или не влекущих прекращения роста.

Согласно п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования», при разграничении преступления, предусмотренного статьей 260 УК РФ, и административных правонарушений, ответственность за которые установлена частями 1 и 2 статьи 8.28 КоАП РФ, необходимо учитывать, что квалификации по указанным частям статьи 8.28 КоАП РФ подлежит допущенное лицом повреждение лесных насаждений, которое не привело к прекращению их роста, независимо от размера причиненного ущерба. Таким образом, степень повреждения дерева, как и размер ущерба, не имеет значения для решения вопроса о наличии оснований для привлечения к административной ответственности по ч. 1 ст. 8.28 КоАП РФ.

Часто на практике возникают проблемы с реализацией ответственности, когда речь идет о выборочной рубке единичного предмета - дерева или кустарника, так как данные рубки очень трудно выявить, поскольку задержать лиц на месте совершения преступления в рамках рейдовых мероприятий не предоставляется возможным, на космических снимках они не учитываются и т. д.

Данное обстоятельство обуславливает высокий уровень скрытности рассматриваемого преступления. Исходя из существующих методик и тарифов, устанавливающих размер ущерба, причиненного незаконной вырубкой лесных массивов, можно сделать вывод, что деяние совершено, по меньшей мере, в значительном объеме, и оно будет квалифицировано по статье, предусматривающей уголовную ответственность. Вместе с тем, на практике подобные деяния зачастую квалифицируются как административные правонарушения или же уголовное преследование по данному факту прекращается.

Необходимо обратиться к практике. *Так, «гр. Ф умышленно, с целью совершения незаконной рубки лесных насаждений с извлечением выгоды для себя, не имея разрешающих документов на рубку лесных насаждений, достоверно зная о незаконности и преступности своих действий, с помощью принесенной с собой бензопилы спилил одно дерево породы сосна общим объемом 2,09 куб. м в лесном массиве, относящемся к категории защитных лесов, чем прекратил его рост, причинив государству и лесным насаждениям Российской Федерации ущерб в крупном размере на общую сумму 69 820 руб.*

Органом предварительного следствия действия гр. Ф квалифицированы по п. «г» ч. 2 ст. 260 УК РФ как незаконная рубка лесных насаждений до полного прекращения их роста, в крупном размере. Старший следователь обратился в суд с ходатайством о прекращении уголовного дела в отношении гр. Ф и назначении ему меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, указав, что преступление относится к категории преступлений средней тяжести. Суд постановил прекратить уголовное дело в отношении гр. Ф»[1].

[1] Приговор Большесосновского районного суда от 6.11.2020 г. по делу № 1-109/2020 // Судебные и нормативные акты РФ. [Электронный ресурс] // :

Таким образом, четкое понимание критериев отграничения преступления от административных проступков способствует укреплению законности и повышению эффективности мер по охране природных ресурсов.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЙ, СВЯЗАННЫХ С ОБРАЩЕНИЕМ ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ, ЕГО ОСНОВНЫХ ЧАСТЕЙ И БОЕПРИПАСОВ К НЕМУ

А. Е. Гамалей,
студент Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск.
Научный руководитель: старший преподаватель кафедры уголовного права С. П. Опацкая.

В настоящее время незаконный оборот оружия является серьезной проблемой, стоящей перед Российской Федерацией (далее – РФ) и угрожающей ее национальной безопасности: правоохранительными органами фиксируется рост количественных показателей внутригосударственной организованной преступности, связанной с незаконным обращением оружия, кроме того, происходит транснационализация «вооруженной»[1] преступности.

Деяния, связанные с обращением огнестрельного оружия, его частей и боеприпасов к нему, отнесены Уголовным кодексом Российской Федерации (далее – УК РФ) к преступлениям, имеющим основным объектом своего посягательства общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность и общественный порядок (Глава 24 УК РФ). Однако, необходимо понимать, что общественная опасность таких деяний является повышенной ввиду следующих обстоятельств:

Во-первых, предмет соответствующих преступлений (огнестрельное оружие, его основные части, боеприпасы к нему), то есть материальное благо, через незаконное посягательство на которое или через незаконное обращение с которым объекту преступления причиняется вред, имеет особый правовой статус – статус источника повышенной опасности, в связи с чем правила его обращения урегулированы специальными нормативно-правовыми актами: прежде всего, Федеральным законом от 13.12.1996 г. № 150-ФЗ «Об оружии»[2] (далее – ФЗ «Об оружии»), а также Постановлением Правительства Российской Федерации от 21 июля 1998 года № 814 «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации»;

Во-вторых, характер общественной опасности указанных преступлений, то есть их направленность на охраняемые уголовным законом социальные ценности и причиненный им вред[3], с очевидностью свидетельствует о том, что совершение таких деяний не является самоцелью и в основном предшествует и создает необходимые условия

[https://sudact.ru/regular/doc/0lnZ7TIf8oQQ/?ysclid=ma2dgtq2v1165702087]. — URL: (дата обращения: 16.04.2025).

[1] Лемешенко.Е. В. Преступления, предусмотренные ст. 222 УК РФ: уголовно-правовой и криминалистический аспект: Магистерская диссертация. – Томск: Томский государственный университет, 2016. С. 63. URL: https://ui.tsu.ru/wp-content/uploads/2016/05/Лемешенко-Е.В..pdf (дата обращения: 17.04.2025).

[2] Об оружии : федер. закон от 13 дек. 1996 г. № 150-ФЗ : (ред. от 08 авг. 2024 г.) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

[3] О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания : Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 22 февр. 2015 г. № 58 (ред. от 18 дек. 2018 г.) // КонсультантПлюс : справ. правовая система. Версия Проф. М., 2025. Режим доступа: локальная сеть Науч. б-ки Том. гос. ун-та.

для совершения иных, в том числе тяжких и особо тяжких, преступлений. Соответственно, деяния, связанные с незаконным оборотом оружия, потенциально могут посягать и на другие общественные отношения, находящиеся под уголовно-правовой охраной: жизни и здоровья, прав и свобод граждан, собственности, сохранности природы и природных ресурсов, основ конституционного строя и безопасности государства и др.

В связи с указанными обстоятельствами эффективное противодействие преступной деятельности в данной сфере должно сопровождаться своевременными, отвечающими требованиям целесообразности, и адекватными условиям динамично изменяющихся общественных отношений мерами уголовно-правового реагирования. Поэтому уголовный закон в рассматриваемой части должен оперативно перестраиваться и соответствовать требованиям не только меняющегося регулятивного законодательства, но и фактическим изменениям объективной действительности.

Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств»[1] (далее – ПП ВС РФ № 5) определяет, что под огнестрельным оружием следует понимать все виды боевого, служебного и гражданского огнестрельного оружия, в том числе изготовленные самодельным способом, конструктивно предназначенные для механического поражения живой или иной цели на расстоянии метаемым снаряжением, получающим направленное движение за счет энергии порохового или иного заряда. В соответствии с ФЗ «Об оружии», оборот оружия и основных частей огнестрельного оружия включает производство оружия, торговлю оружием, продажу, передачу, приобретение, коллекционирование, экспонирование, учет, хранение, ношение, перевозку, транспортирование, использование, изъятие, уничтожение, ввоз оружия в Российскую Федерацию и вывоз его из Российской Федерации.

Преступный и уголовно-наказуемый характер обороту огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов придает конститутивный признак незаконности их приобретения, передачи, сбыта, хранения, перевозки, пересылки, ношения (ст. 222 УК РФ), а также изготовления, переделки и ремонта (ст. 223 УК РФ). Под незаконностью в данном случае стоит понимать совершение указанных действий с частичным или полным отступлением от установленных требований и основных правил регулирования правоотношений, возникающих в процессе оборота оружия и боеприпасов к нему, прав и обязанностей участников этих отношений. В частности, незаконность оборота огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов предполагает фактическое обладание указанными предметами в отсутствие полученного в установленном порядке специального разрешения (лицензии), сертификации и маркировки, соответствующих сведениям государственного кадастра оружия и патронов к нему, отсутствие факта внесения сведений о них в реестр лицензий и разрешений.

Проводя сравнительный анализ уголовного закона и специального законодательства, регулирующего порядок оборота огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему, стоит заключить, что УК РФ, учитывая бланкетный характер диспозиций соответствующих норм, содержит неточности, противоречия и пробелы формально-юридического описания и законодательной конструкции составов преступлений, включенных в Главу 24.

Во-первых, наблюдаются необоснованное сужение существующих пределов (рамок) уголовной ответственности и несоответствие потребностям обеспечения общественной безопасности и общественного порядка за счет невключения законодателем

[1]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 12.03.2002 № 5 «О судебной практике по делам о хищении, вымогательстве и незаконном обороте оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 5.

в предмет преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, составных частей патронов, которые порождают весьма очевидную законодательную коллизию.

Так, ФЗ «Об оружии» устанавливает требования об обязательном лицензировании прав на совершение отдельных действий в отношении не только огнестрельного оружия, его основных частей и патронов к нему, но и составных частей патронов. В частности, ст. 9.1 указанного акта закрепляет, что обязательному лицензированию в соответствии с законодательством Российской Федерации о лицензировании отдельных видов деятельности подлежат разработка, производство, испытание, хранение, реализация и утилизация составных частей патронов к гражданскому и служебному оружию. УК РФ, в свою очередь, данное требование игнорирует и оставляет за рамками уголовно-правового регулирования: последствия совершения любых, признаваемых преступными, действий, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия, его составных частей и боеприпасов, в виде наступления уголовной ответственности, в отношении незаконного обращения частей патронов не распространяются.

Подобная уголовно-правовая неурегулированность, безусловно, является пробелом, позволяющим легально приобретать составные части боеприпасов без соблюдения установленного порядка лицензирования, а именно процедуры проверки наличия лицензии на приобретение соответствующих предметов. Наглядным проявлением этого является нахождение составных частей патронов: гильз, пуль, прокладок, пыжей[1], а также наборов для самостоятельного снаряжения и сборки патронов в свободном для приобретения доступе, в том числе, на платформах интернет-магазинов, что порождает крайне негативные последствия в виде безнаказанности и расширения этого бизнеса. Кроме того, нельзя исключать ситуаций, при которых, посредством использования данного законодательного пробела, деятельность лица, в том числе при наличии у него соответствующей лицензии, по реализации составных частей к патронам может изначально иметь совместный с организованными группами преступный умысел и быть нацеленной на обеспечение криминальных структур соответствующими предметами. Указанные обстоятельства являются достаточными предпосылками и условиями для последующего распространения преступлений, связанных с незаконным оборотом боеприпасов к огнестрельному оружию, в том числе, в виде латентной преступности.

В данной части важно отметить, что УК РФ устанавливает ответственность за изготовление боеприпасов (ст. 223 УК РФ), под которыми применительно к данной категории преступлений, в соответствии с п. 4 ПП ВС РФ № 5, стоит понимать все виды патронов к огнестрельному оружию независимо от калибра, изготовленные промышленным или самодельным способом, а также иные предметы вооружения и метаемое снаряжение, предназначенные для поражения цели и содержащие разрывной, метательный, пиротехнический или вышибной заряды либо их сочетание. Под патроном, в свою очередь, согласно ст. 1 ФЗ «Об оружии», понимается устройство, предназначенное для выстрела из оружия, объединяющее в одно целое при помощи гильзы средства инициирования, метательный заряд и метаемое снаряжение.

Очевидно, что незаконное изготовление патронов к огнестрельному оружию, под которым понимается их создание, в том числе путем переделки каких-либо иных предметов, без полученной в установленном порядке лицензии, в результате чего они приобретают свойства боеприпасов (п. 11 ПП ВС РФ № 5), обладает большей общественной опасностью нежели незаконное обращение составных частей к ним, но в то же время выступает как конечный и закономерный результат такого обращения. Следует признать, что конструктивные части патронов также, как и огнестрельное оружие, его основные части, боеприпасы к нему, выступают в качестве источника повы-

[1] Ищенко Е. П. Криминалистика. Учебник / Е. П. Ищенко, А. А. Топорков ; под ред. Е. П. Ищенко. 2-е изд., перераб. и доп. - М. : ИНФРА-М КОНТРАКТ, 2010. С. 215.

шенной опасности, поэтому невключение составных частей патронов в предмет преступлений в рамках Главы 24 УК РФ вряд ли можно оценивать как верное решение законодателя.

Таким образом, в отношении рассмотренной проблематики уголовный закон нуждается в реформировании посредством криминализации действий, связанных с незаконным оборотом частей боеприпасов к огнестрельному оружию, через включение в предмет преступлений против общественной безопасности и общественного порядка составных частей патронов к огнестрельному оружию.

Во-вторых, в науке уголовного права справедливо высказывается мнение о том, что в рамках статей УК РФ, закрепляющих составы преступлений, связанные с обращением огнестрельного оружия, его частей и боеприпасов к нему, требуется проведение более детальной дифференциации уголовной ответственности и наказания, как средства законодательной оценки общественной опасности преступления, в зависимости от количественных и качественных характеристик предмета преступления.

Так, в криминалистической баллистике[1] огнестрельное оружие, исходя из его качественных характеристик, классифицируется по способу изготовления, назначению, внутреннему устройству канала ствола, длине ствола, калибру, степени автоматизации боевого механизма, количеству стволов. Как видится, характер и степень общественной опасности незаконного обращения огнестрельного оружия должны зависеть от его конкретных параметров (их сочетания), но УК РФ, оперируя только общей дефиницией огнестрельного оружия, данные параметры при конструкции составов соответствующих преступлений в учет принимает лишь в части.

Кроме того, думается, что законодательная оценка действий виновного должна исходить и из качественных показателей предмета соответствующих преступлений, однако УК РФ предусматривает одну и ту же санкцию за незаконное обращение как с единицей любого из предметов преступления, так и с их множественным количеством. Безусловно, совершение действий, указанных в диспозициях статей уголовного закон, в отношении нескольких единиц огнестрельного оружия, его частей и боеприпасов к нему свидетельствует об их большей общественной опасности и масштабности последствий, что подтверждается и практическими примерами, когда, например, незаконно сбывается партия огнестрельного оружия, предназначенного для целей использования соответствующих предметов организованными группам в их преступной деятельности.

Таким образом, отсутствие критериев дифференциации уголовной ответственности в сфере незаконного оборота огнестрельного оружия, его частей и боеприпасов к нему можно признать упущением законодателя, не в полной мере отвечающим принципам равенства граждан перед законом (ст. 4 УК РФ) и справедливости (ст. 6 УК РФ).

В качестве пути решения обозначенной проблемы предлагается законодательное закрепление квалифицирующих признаков преступлений, связанных с незаконным оборотом огнестрельного оружия, его основных частей, боеприпасов, исходя из конкретных качественных и количественных характеристик предмета соответствующих деяний. Вместе с тем, допустимо принятие аналогичного действующему Постановлению Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002[2], закрепляющему размеры нарко-

[1] Ищенко Е. П. Криминалистика. Учебник / Е. П. Ищенко, А. А. Топорков ; под ред. Е. П. Ищенко. 2-е изд., перераб. и доп. М. : ИНФРА-М КОНТРАКТ, 2010. С. 209.

[2] Постановление Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 41. Ст. 5624.

тических средств и психотропных веществ, Постановления[1] в отношении огнестрельного оружия, его составных частей и боеприпасов к нему, которое бы позволило относить количественные характеристики предмета преступления к квалифицирующим признакам. Видится, что такие меры способны выступить эффективным инструментом индивидуализации уголовной ответственности и наказания.

Таким образом, для действенного противодействия деяниям, связанным с обращением огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему, составы соответствующих преступлений нуждаются в дальнейшей законодательной разработке, детализации и предметной корректировке.

ОСОБЕННОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Р. О. Гуммер,
магистрант Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск
Научный руководитель: старший преподаватель кафедры уголовного права С. П. Опацкая.

В настоящее время преступления террористической направленности и сама идеология терроризма представляют собой серьезную угрозу устойчивому развитию как отдельных государств, так и всего мира в целом. Не случайно терроризм рассматривается как преступление международного характера[2]. В отличие от международных преступлений, он совершается исключительно физическими лицами, которые своими действиями нарушают как международные стандарты, так и нормы национального уголовного права, вследствие чего несут уголовную ответственность в соответствии с законодательством страны своего гражданства. Последствия совершения таких преступлений отличаются своей масштабностью: подрыв как международного, так и внутринационального правопорядка; воспрепятствование мирному сотрудничеству государств в сферах экономики, культуры, торговли и защиты прав и свобод человека.

Основным нормативно-правовым актом, регламентирующим борьбу с указанным негативным явлением в России, является Федеральный закон "О противодействии терроризму" от 06.03.2006 N 35-ФЗ (далее – ФЗ)[3]. Согласно п.4 ст.3 ФЗ, под противодействием терроризму понимается деятельность органов государственной власти, органов публичной власти федеральных территорий и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц по:

а) предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и последующему устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма);

б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом);

в) минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма.

---

[1] Зейналбдыева А. В. Некоторые проблемные вопросы квалификации преступлений в сфере незаконного оборота оружия / А. В. Зейналбыева, Е. Н. Курилова, Ю. Н. Погребенко // ВЭПС. 2024. №3. С. 122–123.

[2] Розенцвайг А. И. Международное уголовное право: учебное пособие – Самара: Издательство Самарского университета, 2020 – 160 с.

[3] Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 2006. № 11. Ст. 1146.

Таким образом, противодействие терроризму является комплексным, многоаспектным понятием, включающим в себя меры профилактики, меры борьбы, а также меры, направленные на сведение к минимуму негативных последствий, порождаемых террористической деятельностью.

Важно заметить, что легальное определение данного понятия содержит указание на то, что субъектами противодействия наряду с органами государственной власти, чей вклад в эту борьбу вполне очевиден и понятен, являются также физические и юридические лица. В связи с чем может возникнуть вполне логичный вопрос: «Каким образом данные субъекты способны осуществлять противодействие преступлениям террористической направленности?».

Представляется, что такой вклад, прежде всего сводится к информационно-пропагандистским и культурно-образовательным мерам. В первом случае речь идет о деятельности, направленной на раскрытие сущности и разъяснение опасности терроризма; оказании воздействия на граждан и их группы с целью воспитания у них неприятия идеологии насилия и привлечения их к участию в противодействии терроризму; а также доведения до общественности информации по порядку действий в случае реального или потенциального становления жертвой террористов: попадание в заложники, обнаружение взрывных устройств в общественных местах и проч. Во втором случае следует говорить о мерах по формированию социально-значимых ценностей в обществе; воспитанию законопослушных, осознанных членов общества с активной гражданской позицией; привитие молодому поколению нетерпимости к радикальным политическим взглядам, идеологии насилия и устрашения как способа реализации собственных интересов. Осуществление такой деятельности прежде всего возлагается на образовательные учреждения: детские сады, школы, средне-специальные учебные заведения, а также высшие учебные заведения. В настоящее время это реализуется путем внедрения в образовательные программы занятий патриотической направленности, внеурочных занятий «разговоры о важном», приглашения в образовательные организации представителей правоохранительных органов для проведения тематических лекций и проч.

Говоря о принципах противодействия терроризму, т.е. основных, руководящих началах, на базе которых осуществляется вся та деятельность, которая направлена на борьбу с терроризмом, стоит отметить, что их перечень закреплен на легальном уровне в ст.2 ФЗ. Представляется необходимым более подробно остановится на содержании некоторых из них.

- Приоритет мер предупреждения терроризма. Этот принцип означает, что государство в рамках осуществления антитеррористической политики, в первую очередь делает акцент на мерах профилактических, руководствуясь императивами демократии, гуманизма и верховенства права. И только в случае их очевидной неэффективности в конкретной ситуации, используются меры борьбы, меры ответственности и меры наказания.
- Единоначалие в руководстве привлекаемыми силами и средствами при проведении контртеррористических операций. Согласно этому принципу, все военнослужащие, сотрудники и специалисты, привлекаемые для проведения контртеррористической операции, с момента её начала и до окончания подчиняются руководителю, который, в свою очередь, осуществляет единое управление силами и средствами, входящими в состав группы по проведению контртеррористической операции, включая вопросы переподчинения представителей и подразделений федеральных органов исполнительной власти. Существование такого принципа обусловлено повышенным уровнем общественной опасности преступлений террористической направленности и, в связи с этим, необходимостью

четкости и слаженности во взаимодействии между лицами, пресекающими преступную деятельность террористов.

- Сочетание гласных и негласных методов противодействия терроризму. Терроризм представляет собой наиболее опасный способ политической дестабилизации общества. Поэтому, борьба с ним требует соблюдения определенной тактики и стратегии действий. И порой, эффективность контртеррористической операции напрямую зависит от наличия или отсутствия факта осведомленности о её проведении третьих лиц. Из этого принципа логически вытекает еще один – конфиденциальности сведений о специальных средствах, технических приемах, тактике осуществления мероприятий по борьбе с терроризмом, а также о составе их участников. Данное требование вполне обоснованно, поскольку вследствие публичности таких сведений, они могли бы стать известными и самим террористам, а значит, тем самым нивелировать результативность действий правоохранительных органов.
- Недопустимость политических уступок террористам. Целью террористического акта является дестабилизация деятельности органов власти или международных организаций, а также воздействие на принятие ими решений. В связи с чем, предоставление уступок рассматривалось бы со стороны государства как способствование террористам в достижении их преступных целей.

Ещё одним значимым актом в области противодействия терроризму является Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (далее – Концепция)[1]. Указанный документ закрепляет основные принципы государственной политики в области противодействия терроризму в Российской Федерации, цель, задачи и направления дальнейшего развития общегосударственной системы противодействия терроризму в России. Согласно положениям Концепции, появление и распространение терроризма в России обусловлено определенными историческими факторами. И это связано как с внутренними экономическими, политическими, социальными, межнациональными и межконфессиональными противоречиями, так и с внешними угрозами, которые затрагивают все мировое сообщество.

Среди основных факторов внутринационального характера, способствующих распространению терроризма, указываются: а) межэтнические, межконфессиональные и иные социальные противоречия; б) наличие условий для деятельности экстремистски настроенных лиц и объединений; в) недостаточная эффективность правоохранительных, административно-правовых и иных мер по противодействию терроризму; г) ненадлежащий контроль за распространением радикальных идей, пропагандой насилия и жестокости в сети интернет; д) недостаточно эффективная борьба с организованной преступностью и коррупцией, незаконным оборотом оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ. Таким образом, речь идет как о причинах объективного характера, так и субъективного. И если со второй группой факторов возможно бороться путем более тщательного отбора и подготовки кадров в правоохранительные органы, повышения уровня эффективности их деятельности в указанной сфере, то в первом случае устранение этих причин невозможно в силу их исторически-сложившегося характера и имманентной природы. В связи с чем следует констатировать, что полная ликвидация терроризма как идеологии и преступной деятельности невозможна. Именно поэтому, ни один нормативный правовой акт, принятый по вопросам противодействия терроризму, не ставит своей целью полное его устранение.

Важнейшим аспектом борьбы с терроризмом является международное сотрудничество в этой области. Такое сотрудничество осуществляется на основе и при строгом соблюдении принципов и норм международного права, а также в соответствии с

[1]Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 05.10.2009) // Российская газета. 2009. № 198.

международными договорами, заключенными Российской Федерацией. Среди таких договоров следует выделить Шанхайскую конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом 2001 г.[1] (далее – Конвенция), заключенную между Казахстаном, Китайской Народной Республикой, Киргизией, Россией, Таджикистаном, Узбекистаном.

Среди конкретных мер взаимодействия между сторонами Конвенции по вопросам противодействия, в том числе, терроризму, указаны: а) обмен информацией; б) выполнение запросов о проведении оперативно-розыскных мероприятий; в) разработка и принятие согласованных мер для предупреждения, выявления и пресечения таких деяний, и взаимоуведомления о результатах их осуществления; г) принятие мер по предупреждению и пресечению финансирования, поставок вооружения и боеприпасов, оказания иного содействия любым лицам и (или) организациям для совершения преступных деяний; д) принятие мер по предупреждению, выявлению, пресечению, запрещению и прекращению деятельности по подготовке лиц к совершению преступлений террористической направленности; е) обмен нормативными правовыми актами и материалами о практике их применения; ж) обмен опытом работы по предупреждению, выявлению и пресечению деяний; з) подготовка, переподготовка и повышение квалификации своих специалистов в различных формах.

Подводя итоги вышеуказанному, стоит заключить, что в настоящее время, в условиях ведения так называемых информационных войн, реальной угрозы развязывания Третьей мировой войны и активной антироссийской политики со стороны недружественных стран, так важно объединить все усилия для недопущения дестабилизации внутри Российского государства путем совершения преступлений террористической направленности и распространения самих разрушительных и губительных идей терроризма.

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПЫТОК В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Б. А. Даншаев,
магистрант Института юстиции
Байкальского государственного университета, г. Иркутск.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент кафедры
уголовного права и криминологии В. В. Агильдин.

Согласно ст. 21 Конституции РФ, «достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления. Никто не должен подвергаться пыткам, насилию, другому жестокому или унижающему человеческое достоинство обращению или наказанию. Никто не может быть без добровольного согласия подвергнут медицинским, научным или иным опытам».

Пытки как одно из проявлений бесчеловечного подхода к взаимоотношениям государства и общества, является одним из наиболее общественно-опасных и латентных преступлений.

События в 2021 году определили негативное настроение общества к работе исправительных учреждений. Речь идет о скрывшихся случаях пыток в Областной туберкулёзной больнице № 1 Управления ФСИН России по Саратовской области.

[1] Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 14 июня 2001 года // URL: http://www.kremlin.ru/supplement/3405 (дата обращения: 22.04.2025)

Вышеуказанное событие повлекло бурную реакцию общества, выраженную в недоверии государственным органам и соответствующую реакцию законодателя.

В результате в 2022 году Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 14.07.2022 № 307-ФЗ из примечания к ст. 117 УК РФ исключено понятие пытки, при этом переработанное понятие было внесено в примечание к ст. 286 УК РФ.

В пояснительной записке к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» авторы исходят из того, что представители власти, имея больше полномочий, должны нести повышенную ответственность за совершенные ими преступления, тем самым ужесточая ответственность за совершение пыток, ссылаясь на нормы Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Нью-Йорк, 10 декабря 1984 г.) и Европейской конвенции о предупреждении пыток и бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (Страсбург, 26 ноября 1987 г.)[1].

Новое определение «пытки» сформулировано в соответствии с Конвенцией против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания (далее – Конвенция).

Так, согласно Конвенции под пыткой следует понимать, «любое действие, которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль или страдание, физическое или нравственное, чтобы получить от него или от третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера, когда такая боль или страдание причиняются государственным должностным лицом или иным лицом, выступающим в официальном качестве, или по их подстрекательству, или с их ведома или молчаливого согласия»[2].

Согласно примечанию к ст. 286 УК РФ «под пыткой следует понимать, любое действие (бездействие), которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль либо физические или нравственные страдания, чтобы получить от него или третьего лица сведения или признания, наказать его за действие, которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, запугать или принудить его или третье лицо, или по любой причине, основанной на дискриминации любого характера.

Особенности субъекта, указанные в Конвенции отсутствует в понятии, закрепленном в примечании 1 к ст. 286 УК РФ, в связи с особенностью конструирования норм Особенной части УК РФ.

Таким образом, несмотря на тонкости изложения норм, редакционных изменений, стоит отметить, о полной идейной идентичности понятий пыток.

Однако, следует обратить внимание на некоторые спорные моменты относительно данного понятия. Для рассмотрения понятия «пытки» выделим следующую квалификацию исходя из закрепленного понятия.

По форме деяния:

1) действие;

2) бездействие.

---

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления ответственности за пытки), включая пояснительную записку и официальный отзыв Верховного Суда РФ : законопроект № 42307-8 // СОЗД ГАС «Законотворчество». URL. https://sozd.duma. gov.ru/bill/42307–8 (дата обращения: 18.03.2025).

[2] Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания : конвенция от 10 декабря 1984 г. //Ведомости Верховного Совета СССР № 45, 1987 год.

Способ воздействия на потерпевшего:

1) причинение сильной боли;

2) причинение физических или нравственных страданий.

По направленности насилия:

1) непосредственные пытки (в отношении потерпевшего);

2) опосредованные пытки (в отношении потерпевшего, с целью получения сведений или признания от третьего лица).

Направленность умысла (мотив) совершения пыток:

1) получение сведений;

2) получение признания;

3) наказать за действие, совершенное потерпевшим либо третьим лицом;

4) наказать за действие, в совершении которого потерпевший подозревается;

5) запугать или принудить потерпевшего или третье лицо;

6) иная причина, основанная на дискриминации любого характера.

Отдельно стоит обратить внимание на упоминание в понятии «пытка» таких категорий, как «сильная боль и нравственные либо физические страдания».

Не вдаваясь в рассуждения о субъективности «сильной боли» и «страданий», постараемся соотнести вышеуказанные категории и ответить на следующие вопросы.

Что подразумевается под категорией «сильная боль, физические или нравственные страдания»? Входит ли физические или нравственные страдания в понятие сильной боли?

Согласно словарю С.В. Ожегова, под «болью» следует понимать, ощущение физического либо душевного страдания, а под, «страданием» следует понимать, физическую или нравственную боль, мучения[1].

Следовательно, исходя из толкового словаря С.В. Ожегова понятия «боль» и «страдание» аналогичны и не имеют определенного различия. Одно характеризует другое, другое характеризует первое.

Таким образом, представляется, что рецепция норм международного права в определенных случаях, приводит к недостаточной определенности понятия «пытка», в результате чего в отечественном законодательстве, не совсем корректно, отражены общественно опасные последствия, причиненные потерпевшему лицу.

По справедливому мнению М.А. Ярославской «нежелательно при этом дефинировать пытку при помощи понятий, характеризующих интенсивность и длительность воздействия на потерпевшего, а также продолжительность и глубину его страданий, — они имеют оценочный характер и не помогут отличить «пыточное» насилие от иного. Боль как ощущение, переживание субъективна, еще более субъективна «сильная боль» в п. 1 примечаний к ст. 286 УК РФ[2].

Представляется более верным определить причиненные потерпевшему лицу общественно-опасные последствия, путем отражения в понятии «пытки», «причинения физических или нравственных страданий» и исключения категории «сильная боль».

Рассмотрим такой вид «пыток», как применение пыток в связи с наказанием за действие, в совершении которого потерпевший подозревается. Исходя из смысла вышеуказанной нормы, применение пыток в связи с наказанием за бездействие потерпевшего не является пыткой.

Далее, применение пыток, чтобы запугать или принудить потерпевшего или третье лицо. При этом, законодатель не определяет принуждение потерпевшего или третьего лица к чему?

---

[1] Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е. - М. : Азбуковник, 1999. 541 с.

[2] Ярославская М. А., Пфаф В. Ф., Николаенко Э. М. Медико-психологический подход в проблеме понимания феномена «боли» // Медицина. 2017. № 1. С. 56—79.

Предполагается, принуждение к поведению, в котором заинтересован субъект преступления.

Далее, следует обратить внимание, на следующий признак «иная причина, основанная на дискриминации любого характера». Что следует понимать под «дискриминации любого характера»? К какому элементу состава преступления следует относить?

Законодатель не закрепляет понятия дискриминации, применительно к «пыткам».

Согласно ст. 136 УК РФ, «дискриминация, то есть нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам, совершенное лицом с использованием своего служебного положения».

По мнению, Н.А. Егоровой, «упоминание о «любой причине, основанной на дискриминации любого характера» сразу после перечня целей пытки говорит о том, что данный признак относится к внутренней причине анализируемого деяния — мотиву, а значит, к субъективной стороне»[1].

Соглашаясь с вышеуказанной точкой зрения, определим, что под дискриминацией, как к мотиву, применительно к «пыткам», следует понимать, действие (бездействие), которым какому-либо лицу умышленно причиняется сильная боль либо физические или нравственные страдания в зависимости от его пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям или каким-либо социальным группам и т.д.

Таким образом, внесенные изменения, касающиеся ужесточения уголовной ответственности за применение пыток, являлось своевременной мерой для решения острого запроса общества. Однако рецепция понятия «пытки» привела к появлению недостаточной определенности понятия и как следствие к множеству вопросов к нему.

Представляется верным внести изменения в примечание 1 к ст. 286 УК РФ и изложить понятие «пытки» следующим образом.

Под пыткой следует понимать, любое действие (бездействие), которым какому-либо лицу умышленно причиняется физические или нравственные страдания, чтобы получить от него или третьего лица сведения или признания, наказать его за действие (бездействие), которое совершило оно или третье лицо или в совершении которого оно подозревается, запугать или принудить его или третье лицо в заинтересованном поведении, или по любой иной причине, основанной на дискриминации любого характера.

[1] Егорова Н.А., Егоров А.Г. Пытка: правовая природа и уголовно-правовое значение // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2024. №2 (69). С. 28 – 38.

ОРГАНИЗОВАННАЯ ГРУППА КАК КВАЛИФИЦИРУЮЩИЙ ПРИЗНАК УГОНА ТРАНСПОРТНОГО СРЕДСТВА: ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ

М. Д. Иванов,
магистрант Юридического института
Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент кафедры
уголовного права и криминологии И. В. Масалитина.

В последние время вопросы, связанные с угоном автотранспорта, приобретают особую актуальность, это связано с ростом числа автомобилей в Российской Федерации. Уголовное законодательство традиционно предусматривает квалифицирующие признаки данного преступления, среди которых особое внимание следует уделить такому признаку, как совершение угона организованной группой (ч. 3 ст. 166 УК РФ).

Под угоном понимается неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели его хищения, то есть обращение во владение без ведома и разрешения его собственника или лица, у которого данное транспортное средство находится в законном владении. В связи с этим самовольное использование транспортных средств членами семьи собственника или даже близким знакомым, которому прежде разрешалось пользоваться ими без предварительного получения согласия собственника, не образует состава угона.

Угон, совершенный организованной группой (ч. 3 ст. 166 УК РФ), представляет собой квалифицированный состав преступления. Наличие и применение указанного квалифицирующего признака вызывает споры в теории уголовного права.

Понятие организованной группы дано в ч. 3 ст.35 УК РФ, в соответствии с ним угон транспортного средства организованной группой имеется в том случае, если он совершен устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений. Для применения данного квалифицирующего признака необязательно, чтобы организованная группа создавалась только для совершения угонов. УК РФ указывает на признаки организованной группы, ими являются: устойчивость, наличие цели в виде совершения одного или нескольких преступлений, объединение соучастников для совершения преступлений.

Как верно отмечает А.В. Бриллиантов, «в каждом конкретном случае вопрос о совершении преступления организованной группой решается путем оценки выраженности указанных признаков с учетом всех обстоятельств дела»[1].

Устойчивость организованной группы является основным признаком, который выражается в систематическом совершении преступлений одним и тем же составом в течение длительного промежутка времени. По мнению А. С. Королева, ключевым признаком устойчивости является способность группы к самосохранению и продолжению деятельности даже после задержания отдельных участников.[2] Для организованной группы характерна стабильность ее состава. Устойчивость предполагает, что группа действует не эпизодически, а на постоянной основе. В случае угонов такого нет, потому что цель – разовое завладение транспортным средством.

Организованность подразумевает наличие четкой структуры, где участники исполняют заранее согласованные функции: организатор, исполнитель, пособник и подстрекатель. Структура включает наличие организатора, исполнителей, пособников.

[1] Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник (коллектив авторов; под ред. д.ю.н., проф. А.В. Бриллиантова; 3-е изд., перераб. и доп.). - М.: «Проспект», 2021. С. 472.

[2] Королев А. С. Понятие устойчивости, как основного признака организованной группы. Предложения по совершенствованию законодательства // Законность и правопорядок в современном обществе. 2011. №5. С.225

Однако, независимо от выполняемых функций в рамках организованной группы, юридически все ее участники признаются соисполнителями. При угоне сложно представить такое четкое разделение ролей, практика показывает, что это просто группа лиц, действующих без сложной иерархии. Распределение ролей между участниками организованной группы, совершающей, например, не угон, а хищение автомобилей, означает, что члены группы имеют конкретные функции (один совершает хищение, другой подготавливает место под «отстойник», третий отвечает за продажу). При угоне автотранспорта, цель на его хищение отсутствует, и, следовательно, такое распределение ролей не нужно.

Признание нецелесообразности наличия организованной группы для совершения угонов продиктовано как теоретическими, так и практическими факторами.

Применение признака «организованная группа» к угону вызывает серьезные теоретические и практические вопросы, поскольку угон, в отличие от других преступлений, чаще всего совершается ситуативно, без сложной подготовки и устойчивой преступной структуры. Так, организованные группы, которые действуют в сфере автотранспорта, имеют цель именно на хищение автомобилей (ст. 158 УК РФ), чтобы распорядиться ими как своими собственными, а не их угон. Целью таких групп является получение материальной выгоды от продажи автомобиля, либо от разборки его на запчасти. В отличие от этого, угон транспортного средства не предполагает его обращение в свою пользу. Следовательно, организованная группа, действующая в сфере преступлений против собственности, в большинстве случаев будет преследовать именно цель хищения, а не временного завладения автомобилем, например, что бы покататься.

Кроме того, при угоне отсутствует признак устойчивости группы, что противоречит самому понятию «организованная группа». Большинство угонов совершается спонтанно, несовершеннолетними или группой из нескольких человек, которые заранее не объединяются для систематического совершения преступлений, что подтверждается на практике. В таких случаях правильнее говорить о ч. 2 ст. 166 УК РФ, то есть неправомерном завладении автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, совершенном группой лиц по предварительному сговору, но не об организованной группе, поскольку для неё характерны долговременные связи между участниками и систематическое совершение преступлений.

Переходя к проблемам квалификации, следует сказать, что грань между угоном и кражей достаточно тонкая: у кражи (ст.158 УК РФ) окончанием преступления является момент возникновения у лица, совершившего преступление, возможности владения, пользования и распоряжения автомобилем, в то время как при угоне автомобиля или иного транспортного средства преступление считается оконченным с момента начала движения. Если группа действительно действует организованно, планируя завладение автомобилями, то логично предположить, что конечной целью будет хищение, а не временное использование. В такой ситуации преступление должно квалифицироваться по ст. 158 УК РФ, а не по ст. 166 УК РФ. У угонщика нет намерения оставить транспортное средство себе или получить от него материальную выгоду. Если же организованная группа действует систематически и с целью получения материальной выгоды, логично предположить, что речь идет именно о хищении, а не о временном использовании.

Так, правоприменительная практика следователей УВД России по городу Кемерово свидетельствует о том, что преступления, ответственность за которые предусмотрена ч.3 ст.166 УК РФ, а именно угон организованной группой, отсутствовали. Это объясняется тем, что целью организованной группы, действующей в сфере автотранспорта, являлось хищение транспорта для последующей его реализации, следовательно, деяния участников такой группы квалифицируются не как угон, а как кража (ст.158 УК РФ) автомобиля или иного транспортного средства, совершенная организованной

группой. Более того, в отношении угона транспортного средства нет практики применения данного квалифицирующего признака судами Российской Федерации.

Заметим, что в ст.212[1] УК РСФСР[1] такой квалифицирующий признак, как «организованная группа» отсутствовал. УК РФ был принят в 1996 году, вступил в действие с 1 января 1997 года, то есть практически почти за 30 лет действия настоящего кодекса нет ни одного судебного решения, где угоны квалифицировали бы по ч.3 ст.166 УК РФ, как неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения, совершенное организованной группой.

Указанное выше свидетельствует о том, что из ч. 3 ст. 166 УК РФ следует исключить квалифицирующий признак – неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (угон), совершенное организованной группой.

Уголовное законодательство должно содержать только такие нормы, наличие которых социально обусловлено и находит реальное применение в деятельности органов предварительного расследования и судов.

ОШИБКИ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ НА ПРИМЕРЕ КОНФЛИКТА ПУНКТОВ «З» И «К» ЧАСТИ 2 СТАТЬИ 105 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. С. Ильиных,
студент Юридического института
Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии В. А. Терентьева.

Нередко встречающиеся случаи неправильной квалификации совершенных преступлений приводят к ошибкам правоприменителя, нарушению принципа справедливости в уголовном праве, но также нередки случаи неправильной оценки лицом, совершившим преступление, своего поведения, фактических обстоятельств содеянного, их последствий, а также правомерности или же неправомерности действий или бездействий такого лица. Данное понятие является доктринальным, соответственно, не имеет четкого нормативного закрепления, в виду чего присутствует дискуссия относительного того, что именно считать ошибкой: заблуждение в отношении лишь фактических и юридических обстоятельств[2] или же в отношении в целом обстоятельств и поведения виновного лица[3]. Существует и другое мнение, являющееся совокупностью двух вышеупомянутых: ошибка является заблуждение в отношении фактических обстоятельствах, но лицо также могло ошибаться и в фактических и юридических обстоятельствах.[4]

В данном случае имеют место ошибки – юридические и фактические, имеющие важное значение при квалификации совершенного деяния в виду рассмотрения наличия вины, без которой назначить наказание не представляется возможным в следствии отсутствия од-

[1] Уголовный кодекс РСФСР закон РСФСР от 27.10.1960 //Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591. (утратил силу).

[2] Наумов А.В. Уголовное право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для академического бакалавриата / А.В. Наумов; под ред. А.В. Наумов, А.Г. Кибальник. – 5-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт. 2019. С. 151.

[3] Комиссаров В.С. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: Учебник для ВУЗов / под ред. д.ю.н. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. 2-е изд. – М.: Издательство Статут. 2014. С. 186.

[4] Рарог А.И. Уголовное право. Общая часть: Учебник / под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, А.И. Рарога, А.И. Чучаева. – 2-е изд., перераб. и доп. М: Юридическая фирма "КОНТРАКТ", ИНФРА-М. 2008. С. 196.

ного из элементов состава преступления – субъективной стороны. Рассмотрим существующие виды ошибок.

Первый вид ошибок – юридическая ошибка лица, заключающаяся в заблуждении лица, совершившего деяние, в преступности и возможной наказуемости за содеянное. Соответственно, выделяется две основные категории:[1]

1. Лицо считает, что совершает уголовно-наказуемое деяние, но в реалии Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) не предусматривает соответствующего состава, соответственно, лицо не понесет уголовной ответственности за свои действия. Пример может являться ситуация, когда лицо совершает действия, образующие состав другой отрасли права, например, мелкое хулиганство, за которое лицо понесет административную ответственность согласно ст. 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.[2]

2. Лицо считает, что совершенные им действия правомерны и он не понесет уголовной ответственности, но на самом деле в УК РФ предусматривает состав для данного преступления. Например, лицо, не уплачивающее налоги, например, при непредоставлении им налоговой декларации, если такое деяние совершено в крупном размере, понесет уголовную ответственность по ст. 198 УК РФ.

Также в литературе можно встретить и иные примеры юридических ошибок, например:

3. Лицо ошибается в квалификации содеянного, то есть присутствует ошибка в уголовно-правовой оценке. Так, к примеру, лицо, взявшее кредит и желавшее еще до совершения действий по его получению не возвращать полученные от кредитора денежные средства, совершает преступление, предусмотренное ст. 159^1 УК РФ, но считает, что его действия следует квалифицировать по ст. 176 УК РФ, где для состава необходимо желание и возможность лица погашать задолженность перед банком.

4. Лицо заблуждается в виде или размере наказания. Лицо, условно, может считать, что за совершенное им преступление предусмотрено наказание в виде исправительных работ, но фактически понесет наказание в виде лишения свободы.

Рассматривая юридические ошибки важно помнить, что их наличие никоим образом не повлияют на квалификацию преступления, ведь она будет основана строго в рамках закона, а также ответственность будет назначаться с применением установленных видов и размеров, указанных в санкции соответствующей статьи УК РФ.

Вторым видом ошибок являются фактические ошибки, имеющее важное значение и представляющие собой неверное представление лица, совершившего деяние, о существующих фактических обстоятельствах имеющих важное значение для соответствующего состава. Рассмотрим их виды.

1. **Ошибка в объекте** – ошибка посягающего лица об общественных отношениях, благах и интересах, которым преступлениям наносится вред или ставится под угрозу нанесения вреда.

Так лицо может фактически желать совершить посягательства на один объект, но причиняет вред или ставит под угрозу его нанесения иной объект, например, лицо желало совершить преступление, предусмотренное ст. 317 УК РФ, а именно посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов, но в виду ошибки, посягательство было совершенно на гражданское лицо, не являющееся сотрудником правоохранительных органов. В данном случае следует квалифицировать преступление не по фактически наступившим последствиям, а именно по статьям, находящимся в главе

[1] Черненко Т.Г., Масалитина И.В. Уголовное право, Часть Общая: Уголовный закон, Преступление: конспект лекций. – Т. 1 – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2015. С. 96 – 103.

[2] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федер. закон от 30.12.2001 г. (в дейст. ред.) № 195 – ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 1 (ч. 1). Ст. 1; Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: http://www.pravo.gov.ru

16 УК РФ, а как покушение на задуманное, в виду наличия прямого умысла с учетом принципа субъективного вменения.

2. Ошибка в предмете – наличие заблуждения о характеристиках предмета. Важно обратить внимание, что такая ошибка имеет место и в случае отсутствия ошибки в объекте, а также имеет значение для квалификации лишь в том случае, если особые свойства отражены в составе, соответственно, выделяют ошибки в предмете, сопряженные с объектом, а также не сопряженные с ним.

Пример можем являться ситуация, когда лицо фактически хотело похитить наркотики, но фактически совершило кражу витаминов. Статья 158 УК РФ не указывает на характеристики предмета, лишь прописывает, что похищенное имущество должно быть чужим, но по для данной статьи предусмотрена специальная норма, а именно ст. 229 УК РФ, соответственно, усматривается ошибка в объекте, сопряженная с ошибкой в объекте. в описанной ситуации верной квалификацией будет применения ст. ст. 30, 229 УК РФ. В случае, если лицо желало похитить дорогостоящую картину, имеющую культурную или историческую ценность, но по ошибки украло иную, не имеющую таких характеристик, фактически лицо совершило преступление, предусмотренное ст. 158 УК РФ, но фактически имело умысел на совершение деяния, предусмотренного ст. 164 УК РФ, и в данном случае квалифицировать следует как покушение на задуманное.

1. **Ошибка в свойствах личности потерпевшего или в самом потерпевшем** – совершение преступления в отношении иного человека, чем задуманного. Рассматриваемая ошибка может быть сопряжена с ошибкой в объекте, но может быть не связана с ней, соответственно, может влиять на квалификацию и ответственность виновного, если прямо указаны в составе, а могут не влиять, соответственно, если нет указания в составе преступления на данные свойства потерпевшего. Виновный может заблуждаться в возрасте потерпевшего, его физиологическое состояние в данный момент, например, желая убить человека, нападает на него, но физически потерпевший уже мертв.

Так, к примеру, лицо желало совершить посягательство на жизнь конкретного гражданского лица, но обозналось и причинило смерть иному лицу. В данном случае нет ошибки в объекте, соответственно, субъект преступления понесет ответственность по той же статье – ч. 1 ст. 105 УК РФ, так как в ней не указаны особые свойства потерпевшего, кроме п.п. «б», «в», «г», но в данном случае отличие в квалификации будет только относительно квалифицирующего признака той же статьи. Иное значение имеет ситуация, если усматривается ошибка и в объекте, например, если субъект желал совершить посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, ответственность за которое предусмотрено ст. 277 УК РФ, но по ошибке убивает гражданского, что квалифицируется по ст. 105 УК РФ. В описанной ситуации содеянное следует квалифицировать как покушение на задуманное, опять-таки, в виду наличия умысла и принципа субъективного вменения.

2. **Ошибка в совершаемом деянии, а именно в характере совершаемого действия или бездействия** – заблуждение виновного лица в правомерности, общественной опасности деяния.

Самым понятным, на наш взгляд, примером является деяние в форме действия в форме сбыта, предусмотренного ст. 186 УК РФ, требующее умысла на сбыт поддельной купюру, таким образом, виновный должен заведомо знать и осознавать использование поддельной купюры, в виду этого уголовная ответственность по данной статье исключается без умышленной формы вины. Неосторожная форма вины при такой ошибке возможна лишь при условии, если виновный должен или мог осознавать общественную опасность.

3. **Ошибка в последствиях совершенного деяния или их размерах** – лицо, при совершении уголовно-наказуемого деяния осознавал, что его действия приведут к

наступлению общественно-опасных последствий, но фактически наступивший результат отличался от предполагаемого виновным. В данном случае возможна ошибка как в качественных, так и в количественных характеристиках.

В первом случае, лицо могло не предвидеть те последствия, которые наступили в реальности, например, при нанесении потерпевшему телесных повреждений лицо не предвидело, что потерпевший от удара упадет и ударится головой, условно, о поверхность пола, что приведет к гибели последнего. В данном случае квалифицировать следует по фактически наступившим последствиям, но с учетом формы вины, то есть, фактическая квалификация будет по ч. 4 ст. 111 УК РФ, а не по ст. 105 УК РФ в виду присутствия смешанной формы вины: умышленная форма вины по отношению к нанесению телесных повреждений, неосторожная форма вины по отношению к смерти лица. В случае, если виновный толкнул потерпевшего, а то упал и ударился, что привело к смерти последнего, деяние следует квалифицировать по ст. 109 УК РФ в виду полного отсутствия умышленной формы вины. Соответственно, в данном случае важно установить все обстоятельства дела и выяснить направленность умысла виновного на совершенные им действия.

В данной категории ошибок также возможна ошибка в размере последствий. Например, виновный, желая убить другое лицо, наносит последнему колото-резанные раны соответствующим видом оружия, но оставляет тело, убежденный в смерти потерпевшего, но очевидцы вовремя оказали помощь и тот выжил. Соответственно, преступление следует квалифицировать по направлению умысла, а именно как покушение на убийство.

При ошибке в количественных признаках стоит обратить внимание на тот факт, что они не всегда имеют значения при квалификации. В рамках УК РФ существуют величины для вменения, так, к примеру, ст. 176 предусматривает ответственность лишь в том случае, если совершенное деяние причинило крупный ущерб, то есть свыше 3,5 млн. руб. таким образом, если сумма ущерба будет меньше, уголовной ответственности виновный не понесет, но усматривается возможность применения ст. 14.11 КоАП РФ.

Иное значение будет иметь данный квалифицирующий признак, если обратить внимание на иные статьи. К примеру, ч. 2 ст. 158 УК РФ предусматривает крупный размер похищенного имущества, а именно свыше 250 тыс. руб., но не более 1 млн., не будет иметь значение конкретная сумма, важным условием будет размер свыше конкретной сумму, но при этом в случае, если лицо желало совершить кражу в особо крупном размере, а именно свыше 1 млн. руб., но смогло совершить кражу лишь в крупном, содеянное следует квалифицировать по задуманному – как покушение на ч. 3 ст. 158 УК РФ.

4. **Ошибка в причинно-следственной связи** – заблуждение лица во взаимосвязи совершенного им деяния и наступившими последствиями. Такая ошибка не всегда будет влиять на квалификацию.

Не будет влиять на квалификацию случае, если виновное лицо осуществило задуманное теми же средствами, теми же предметами и последствия были теми же, что и задуманное, условно, если субъект преступления желало нанести тяжкий вред здоровью потерпевшему используя руки, но по стечению обстоятельств нанес их ногами. Связь между его действиями и фактически наступившими последствиями не нарушила. Иным случае представляется ситуация, в которой человек умер от иных действий, совершенных виновным, к примеру, выстрелив в другое лицо, первый, уверенный в наступлении смерти потерпевшего, сбросил тело в водоем. При обнаружении трупа была проведена судебно-медицинская экспертиза, согласно которой смерть лица наступила в виду утопления, то есть от попадания воды из этого водоема в легкие убитого. В таком случае действия виновного лица, которые он применял для причинения смерти не привели к задуманному результату, но попытка скрыть следы преступления

вмешались, как третьи силы, что привело к фактически наступившим последствиям в виде биологической смерти лица, соответственно, нарушается причинно-следственная связь между задуманными действиями и результатом, к которому привели иные действия виновного, в таком случае деяние следует квалифицировать как покушение на причинение смерти по неосторожности.

Еще одним видом рассматриваемой ошибки является отклонение действия, при котором вред наносится иному лицу, к примеру, желая ударить одно лицо, виновный попадает в другого по независящим от него обстоятельствам. в таком случае ошибка не влияет на квалификацию, но иное значение имеет ситуация, если будет усматриваться сложная форма вины. Пример является ситуация, когда лицо, желая убить сотрудника правоохранительных органов при исполнении собирается нанести удар ножом последнему, но попадает в другое лицо, не являющееся сотрудником правоохранительных органов, и наносит ему тяжкий вред здоровью. У лица имеется прямой умысел на совершение преступления, предусмотренного ст. 317 УК РФ, но не доведенное до конца по независящим от него обстоятельствам, а также неосторожная форма вины по отношению к ст. 118 УК РФ, соответственно, усматривается квалификация по следующей совокупности: ч. 3 ст. 30, ст. 317 УК РФ, ст. 118 УК РФ.

И последним видом фактической ошибки является:

5. **Ошибка в средствах совершения преступления** – использование виновным ином, чем задуманное изначально, средство совершения преступлений. Разновидностей такой ошибки множество:

- Использование средств совершения преступлений, не предусмотренных УК РФ. Самым ярким примером является использование магии, эзотерики, в таком случае уголовной ответственности не последует в виду отсутствия практической доказательной базы для совершения преступления таким способом, а также невозможно достоверно установить причинно-следственную связи между деянием и последствием;
- Использование негодное средство для достижения конкретной цели, например, использование бутафорского ножа для причинения смерти человеку, но виновный не знал о непригодности средства, но совершил все от этого лица зависящее, соответственно, следует квалифицировать как покушение на задуманное;
- Использование иного, но пригодного средства, использование другого вида пистолета, но такого же по эффективности. Ошибка на квалификацию не влияет в виду отсутствия иных ошибок;
- Использование средства большей эффективности, чем задуманное, например, использование для убийства яда большей эффективности. В данном примере на квалификацию использование иного средства не будет, но в случае, если, к примеру, лицо считало, что средство не причинит такой вред другому лицу, но заблуждался, содеянное следует квалифицировать по ст. 109 УК РФ.
- Использование средства меньшей эффективности, например, тот же самый яд. Если лицо желало убить другого ядом, но ошиблось в дозировке и задуманные последствия не наступили, то содеянное квалифицируется как покушение на задуманное.

Таким образом, мы рассмотрели фактические ошибки и их учет при квалификации. В данном случае следственным органам необходимо правильно установить все обстоятельства дела и установлению отношения виновного к совершенному деянию и его последствию для осуществления принципа субъективного вменения. Отсутствие отсутствия вины или конкретной ее формы вменяемая статья может оказаться неверной, что приведет к несправедливому приговору и может нарушить и иной принцип уголовного права – принцип вины, чего ни в коем случае нельзя допустить.

Ошибки при квалификации можно встречаются не только при неправильной оценке виновным или же невиновным в совершенных своих действий, но и при квалификации следователем, что является наиболее опасной ситуацией, приводящей к нарушению прав граждан. На следственных органах лежит большая ответственность, ведь от конечного результата их действий будет зависеть приговор суда: виновному могут назначить более строгое, а могут более мягкое наказание; лицо могут привлечь к уголовной ответственности по ошибке; а также виновное лицо может и вовсе не понести наказание в виду ошибки правоохранительных органов: или при отсутствии должного доказывания, или при неправильной квалификации, которую усмотрит судья и либо переквалифицирует статьи на более мягкие или закроет дело по причине отсутствия признаков преступления по инкриминируемым нормам. Согласно Уголовно-процессуальному Кодексу возможны и иные варианты развития события, но описание их не представляется необходимым.

Некоторые ошибки в квалификации могут рассматриваться как ошибки, но в виду отсутствия единообразия судопроизводства в разных регионах нашей страны они могут не считаться таковыми в случаях, если присутствует конкуренция норм. Для наглядности приведем пример.

Наибольшие сложности в квалификации, на наш взгляд, вызывает п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В качестве примера приведем приговор № 2-2/2024 2-24/2023 Новосибирского областного суда.[1]

Новосибирским областным судом 28.02.2024 г. по делу № 2-2/2024 был вынесен приговор, согласно которому Гражданин Н. был осужден по совокупности п. «в» ч. 4 ст. 162, п. п. «ж, з» ч. 2 ст.105 УК РФ. Фабула дела такова: находясь в состоянии алкогольного опьянения гражданин Н., из корыстных побуждений, при возникновении преступного умысла на совершение хищения и убийство П.В.М. с целью хищения принадлежащих ей денежных средств, предложил М. совершить преступные действия совместно, на что тот согласился. Они договорились, что М. постучит в дверь квартиры П.В.М., когда та её откроет, Н. нападёт на П.В.М. и в результате совместно примененного насилия, они совершат её убийство, после чего завладеют денежными средствами, находящимися в её жилище.

Как указывает суд: об умысле подсудимых на лишение П.В.М. жизни при разбое и хищении имущества последней путем разбойного нападения свидетельствуют характер примененного насилия, являющегося опасным для жизни и здоровья, применение предметов, используемых в качестве оружия, причинение потерпевшей тяжкого вреда здоровью и смерти, после чего Н. и М. довели до конца свой умысел на хищение и покинули место совершения преступления с похищенными денежными средствами. Суд приходит к выводу, что совершая вышеуказанные действия, Н. и М. осознавали, что они являются общественно-опасными, предвидели, что в результате нанесения множественных ударов предметами, обладающими колюще-режущими и рубящими свойствами в область расположения жизненно-важных органов потерпевшей, наступит смерть П.В.М., их совместные и согласованные действия свидетельствуют о направленности их умысла на лишение жизни потерпевшей. Последующее поведение подсудимых свидетельствует об их корыстной цели.

Анализируя данный пример из судебной практики, мы можем заметить отсутствие признаков состава ст. 162 УК РФ, ведь виновные совершают преступления тайно, так как на момент хищения собственница уже была мертва, поэтому, не было лиц, способных увидеть совершение изъятия чужого имущества. Соответственно, квалификация суда неверна. Полагаем, что в данном случае деяние следует квалифицировать по совокупности как преступление против жизни (ст. 105 УК РФ) и хищение без призна-

[1] Приговор № 2-2/2024 2-24/2023 Новосибирского областного суда 28.02.2024 г. по делу № 2-2/2024 // Картотека решений судов общей юрисдикции – URL: https://sudact.ru

ков нападения (ст. 158 УК РФ). Вызывает сомнения отсутствие в приговоре п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ, так как смерть потерпевшей необходима была для дальнейших преступных действий. При анализе судебной практики можно сделать вывод, что при одновременном наличии признаков п. п. «з» и «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. В п. 13 Постановления пленума[1] отмечается, что «...если установлено, что убийство потерпевшего совершено, например, из корыстных или из хулиганских побуждений, оно не может одновременно квалифицироваться по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ». Таким образом, исключается одновременное вменение двух пунктов, характеризующих субъективную сторону преступления, следовательно, суды вменяют пункт «з», что, по нашему мнению, не совсем объективно, ведь умысел на сокрытие преступления или его облегчение возникает до совершения основного преступления, следовательно, человек осознанно руководствуется не только корыстной целью. В виду того, что для квалификации п. «к» требуется совокупность с другим совершенным преступлением, по нашему мнению, объективнее в случаях, как в представленной судебной практике, квалифицировать совершенное преступление по совокупности соответствующей статьи, предусматривающей хищение и п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Судебная практика относительного данного вопроса в разных субъектах нашей страны отличается, поэтому данный вопрос остается спорным и требует регулирования на уровне разъяснений Постановления Пленума ВС РФ.

В завершении данной работы приведем проект внесения изменений в действующее Постановление Пленума относительно конфликта п. п. «з» и «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ:

«В целях обеспечения единства судебной практики рассмотрения судами уголовных дел при конфликте п. п. «з» и «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ и устранению коллизий в практике применения, настоящим постановляет дать судам следующее разъяснение:

Обратить внимание судов на то, кто п. п. «з» и «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ являются квалифицирующими признаками состава преступления убийства и влекут повышенную уголовную ответственность.

Разъяснить судам, что при квалификации действий лица, совершившего преступление, а также вынесении соответствующего приговора суда следует установить наличие и характер мотивов и целей, отражающих субъективную сторону данных норм, которыми руководствовался виновный, а также тщательно изучить представленные перед судом доказательства.

Также обратить внимание судов на повышенную общественную опасность деяния, предусмотренного п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ в части цели скрыть другое преступление или облегчить его совершение в виду наличия умышленной формы вины у виновного лица на совершение нескольких уголовно-наказуемых деяний.

Из смысла п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ в части совершения преступления из корыстных целей подразумевает заинтересованность лица в совершении указанного деяния с целью получения материальной выгоды для себя или своих близких или избавиться от материальных затрат самому или избавить от них своих близких и не всегда имеет под собой умысел на совершение иного преступления.

Обратить внимание судов на то, что при одновременном наличии признаков п. п. «з» и «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ совершенное деяние следует квалифицировать по «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ в совокупности с облегчаемым или скрываемым преступлении, мотивировав следующим. Мотив на сокрытие или облегчение преступления является наиболее специфичным и непосредственно связан с противодействием правосудию и ставят под угрозу общественную безопасность в то время, как убийство из корыстных целей является целью, а не средством достижения преступных целей виновного».

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Российская газета. 1999. № 24.

ОТГРАНИЧЕНИЕ СТ. 200.3 УК РФ ОТ СМЕЖНЫХ СОСТАВОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Д. В. Карнаух,
студент Иркутского юридического института (филиала)
Университета прокуратуры Российской Федерации, г. Иркутск.
Научный руководитель: д.ю.н., профессор,
профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин С. В. Пархоменко.

Проблема «обманутых дольщиков» является актуальной для абсолютного большинства регионов Российской Федерации из-за сохраняющегося большого количества пострадавших граждан, инвестировавших свои средства в строительство многоквартирных жилых домов. Введение в 2016 г. в Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) ст. 200[3], предусматривающей ответственность за привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) объектов недвижимости ставило целью совершенствование законодательства, обеспечивающего защиту прав граждан в сфере долевого строительства многоквартирных домов и иных объектов недвижимости. До введения в Уголовный кодекс Российской Федерации специального состава, предусматривающего ответственность за привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства Российской Федерации об участии в долевом строительстве, указанные действия при наличии к тому оснований квалифицировалось преимущественно по ст. 159 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) – мошенничество, ст. 160 УК РФ – присвоение и растрата, ст. 165 УК РФ – причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием, ст. 201 УК РФ – злоупотребление полномочиями. Однако до сих пор на практике возникают проблемы, связанные с квалификацией преступлений в сфере долевого строительства.

Ч. 4 ст. 159 УК РФ предусматривает квалифицированный состав мошенничества – мошенничество, повлекшее лишение права гражданина на жилое помещение. Введение данного квалифицирующего признака позволило привлекать к ответственности виновных лиц в том числе, нарушивших положения законодательства о долевом строительстве, когда это было соединено с хищением денежных средств дольщиков. Именно по причине наличия формулировки «лишение права на жилое помещение» эта норма получила на практике своё распространение при решении вопроса о привлечении к уголовной ответственности лиц, выполняющих управленческие функции в строительной компании. Часто применяемой ч. 4 ст. 159 УК РФ стала из-за того, что позволила привлекать к уголовной ответственности лиц, допускающих нарушение имущественных прав дольщиков. Можно предположить, что по данной части статьи квалифицировались действия по привлечению денежных средств граждан, которые были соединены с их хищением с использованием обмана или злоупотреблением доверием. При этом как справедливо считают специалисты в области уголовного права, в том случае, если потерпевшим лицом по уголовному делу являлось физическое лицо, заключившее договор об участии в долевом строительстве, то недопустимо привлечение руководителя юридического лица – застройщика к уголовной ответственности по ч. 4 ст. 159 УК РФ, поскольку, как следует из п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 г. №48[1], путем обмана или злоупотребления доверием возможно присвое-

[1]Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.11.2017 № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

ние лишь права на существующее жилое помещение, что означает, что объект долевого строительства под эти признаки не подпадает, а значит, и привлечение к уголовной ответственности при нарушении прав на объект долевого строительства по ч. 4 ст. 159 УК РФ не является правильным[1]. Верховный суд относительно вопроса разграничения преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 159 и ст. 200³ УК РФ, в п. 10 Постановления от 30.11.2017 г. №48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» отмечает, если в действиях лиц, по вине которых гражданин лишился жилого помещения, отсутствуют признаки мошенничества, то они должны быть при наличии к тому оснований привлечены к уголовной ответственности по ст. 200³ УК РФ.

Присвоение или растрата – преступное деяние, уголовная ответственность за которое предусмотрена ст. 160 УК РФ, также является преступлением, достаточно распространенным в сфере долевого строительства. Согласно ч. 1 ст. 160 УК РФ данное преступление представляет собой хищение чужого имущества, которое вверено лицу, совершающему преступление. Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении от 30.11.2017 г. №48 отмечает, что присвоение или растрата заключается в обращении виновным лицом имущества в свою пользу против воли собственника. Таким образом, уже из диспозиции ст. 160 УК РФ очевидно, что присвоение или растрата существенно отличается от состава преступления, предусмотренного ст. 200³ УК РФ. Во-первых, похищаемое имущество вверено виновному лицу, то есть, уже до совершения преступления, оно имело полномочия по распоряжению таким имуществом. Во-вторых, собственник имущества (в том числе, денежных средств) не имел желания и намерения передать его виновному лицу в собственность.

Причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ) также является преступлением, нередко встречающимся в жилищной сфере, и, в частности, в сфере долевого строительства жилья. Если проанализировать объективную и субъективную стороны данного преступления, очевидно, что оно имеет значительные отличия от преступных действий, за которые следует наступление уголовной ответственности по ст. 200³ УК РФ. Следует заметить, что объектом преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ являются общественные отношения, обеспечивающие охрану интересов собственности. Объектом посягательства преступления, предусмотренного ст. 200³ УК РФ является законный порядок привлечения денежных средств граждан на цели долевого строительства. При этом объективная сторона преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, заключается в извлечении материальной выгоды обманом или путем злоупотребления доверием. Кроме того, отличительным признаком объективной стороны, позволяющим отграничить преступления, за которые предусмотрена ответственность по ст. 165 и ст. 200³ УК РФ, является размер причиненного ущерба. При совершении преступления, предусмотренного ст. 200³ УК РФ, крупным размером, согласно п. 1 Примечания к ст. 200³, признается сумма свыше четырех миллионов пятисот тысяч рублей. Для преступления, за которое наступает уголовная ответственность по ст. 165 УК РФ, согласно ч. 4 ст. 158 УК РФ, сумма крупного размера причиненного имущественного ущерба установлена в размере, превышающем один миллион рублей.

Еще одним преступлением, которое нередко встречается в сфере долевого строительства, является злоупотребление полномочиями (ст. 201 УК РФ), которое заключается в извлечении выгоды лицом, осуществляющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, для себя или в интересах других лиц путем использования своих полномочий. Главным отличием составов анализируемых преступлений является то, что состав преступления, предусмотренного ст. 201 УК РФ, в качестве обя-

[1] Терехов А. Ю. Привлечение денежных средств граждан в нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. … канд. юрид. наук. - Казань, 2023. С. 117.

зательного признака объективной стороны предусматривает общественно-опасные последствия в виде причинения вреда правоохраняемым интересам граждан, общества или государства. В тоже время состав преступления, предусмотренного ст. 200^3 УК РФ, считается юридически оконченным с момента привлечения денежных средств граждан при условии наличия нарушения положений российского законодательства о долевом строительстве.

В качестве примера отграничения рассматриваемых преступлений приведем дело о хищении денежных средств дольщиков Сергеем Полонским, руководившим компанией Mirax Group, в отношении которого было возбуждено уголовное дело по ч. 4 ст. 159 УК РФ в связи с хищением у граждан, вложивших денежные средства в долевое строительство, суммы около 2,6 млрд рублей. В процессе привлечения к уголовной ответственности Полонского в УК РФ была введена новая статья 200^3, в связи с чем сторона защиты заявила ходатайство о переквалификации совершенного преступления с ч. 4 ст. 159 УК РФ на ст. 200^3 УК РФ, поскольку наказание, предусмотренное санкцией ст. 200^3 УК РФ, менее строгое, чем в ч. 4 ст. 159 УК РФ. Однако Полонскому было отказано в связи с тем, что следственными органами было установлено, что само привлечение денежных средств происходило без нарушений, то есть, у застройщика были все законные основания на осуществление привлечения денежных средств, равно как и на деятельность по долевому строительству. Умысел же Полонского был направлен на хищение привлеченных денежных средств дольщиков, в связи с чем состава преступления ст. 200^3 УК РФ в его действиях не усматривалось.

Таким образом, в настоящее время уголовное законодательство предусматривает достаточные и эффективные механизмы привлечения к ответственности лиц, совершающих преступления в сфере долевого строительства. В УК РФ была введена дополнительно специальная норма, предусматривающая ответственность для застройщиков, которая обнаруживает некоторые сходства с ранее рассмотренными составами преступлений. Между тем, проведенный анализ позволил заключить, что данные деяния имеют и существенные отличия, что позволяет отграничивать их друг от друга. В этой связи при наличии сомнений относительно того, по какой именно статье УК РФ должно быть лицо привлечено к уголовной ответственности, необходимо тщательно и детально анализировать признаки объективной и субъективной сторон сравниваемых преступлений в целях правильного установления оснований уголовной ответственности.

ПРОБЛЕМЫ КВАЛИФИКАЦИИ УМЫШЛЕННОГО ПРИЧИНЕНИЯ ТЯЖКОГО ВРЕДА ЗДОРОВЬЮ

А. С. Куликова,
магистрант Юридического института
Иркутского государственного университета, г. Иркутск.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент,
доцент кафедры уголовного права С. А. Аверинская.

Исследование преступлений, связанных с причинением вреда здоровью, несет повышенную общественную опасность в силу последствий, которые негативно влияют на здоровье потерпевшего, качество жизни и иные факторы, обусловленные нормальной жизнедеятельностью человека. Одним из наиболее опасных насильственных посягательств против здоровья человека является умышленное причинение тяжкого вреда его здоровью, законодательно урегулированный статьей 111 УК РФ. УК РФ относит названное деяние к категории тяжких преступлений, предусмотренных ч.ч. 1 и 2 ст. 111 УК РФ и к особо тяжким, ч. ч. 3 и 4 ст. 111 УК РФ.

Общественная опасность данного деяния заключается в том, что оно посягает на конституционные гарантии человека и гражданина, такие как, неприкосновенность личности, охрану здоровья и медицинскую помощь, причинения человеку страданий, в ущерб его здоровью, а также на его неотъемлемое право — право на жизнь[1]. В соответствии с УК РФ, для квалификации деяния по ст. 111 УК РФ нужно определить умысел на причинение именно тяжкого вреда здоровью, но нельзя забывать и о том, что необходимо установить причинно-следственную связь между деянием виновного и наступившими последствиями для потерпевшего, в виде тяжкого вреда здоровью.

В судебно-следственной практике очень часто приходится разграничивать умышленное причинение вреда различной степени и неоконченное убийство. На современном этапе исследователи в сфере уголовного права пришли к выводу, что покушение совершается только с прямым умыслом, потому как действия, направленные на лишение жизни или причинение вреда здоровью сами по себе совершаются только с определенным умыслом[2].

Данное предположение основано на постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 года № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», в нем говорится о том, что покушение на убийство может быть совершено только с прямым умыслом. Считается, что покушение на убийство можно вменить виновному только в том случае, если в его действия прослеживается прямой конкретизированный умысел на причинение смерти потерпевшему.

При любых других обстоятельствах деяния виновного должны быть квалифицированы по фактически наступившим последствиям. Для определения конкретизированного умысла, на практике, пользуются правилом, которое заключается в следующем: «Если доказано, что виновный избрал такой способ действий, при котором он предвидел неизбежность смерти потерпевшего, то это приводит к выводу, что виновный желал смерти потерпевшему, то есть действовал с конкретизированным умыслом на убийство»[3].

Обстоятельства, по которым можно свидетельствовать, что виновный предвидел неизбежность смерти, следующие:

---

[1] Фисенко Д.С. Криминологическая характеристика умышленного причинения тяжкого вреда здоровью // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. С. 126.

[2] ХилютаВ. В. Сложности квалификации преступлений при установлении альтернативного и неопределенного видов умысла // LexRussica. 2022. С. 99-100.

[3] Там же. С. 101.

— действия, которые сами по себе считаются опасными для жизни, например, угроза ножом или сталкивание с высоты;

— фактическая возможность причинить потерпевшему смерть, например, наличие специальных навыков или умений;

— осознанность, не случайность действий виновного, например, количество и сила ударов.

В качестве примера, можно рассмотреть такую ситуацию, когда виновный нанес потерпевшему четкий и целенаправленный удар молотком по голове[1]. В данном случае, виновному можно вменять покушение на убийство, даже если виновный говорит о том, что он не желал наступления смерти потерпевшего, потому как совершенные им действия говорят об обратном. При этом, на практике данные действия квалифицируются по соответствующей части ст. 111 УК РФ.

При разграничении покушения на убийство и причинение вреда здоровью допускаются несколько распространенных ошибок[2]. Первой ошибкой является, что при квалификации виновному лицу действий как причинения вреда здоровью часто применяется лишь на основании, когда потерпевший остался жив, а виновный, имея возможность продолжить свои действия, прекратил свои действия.

Вторая ошибка, можно сказать, вытекает из первой. В данном случае речь идет о совершении активных действиях виновного, направленных на предотвращение смерти потерпевшего, причиненные ранее умышленными действиями. То здесь действия виновного принимают за добровольный отказ, а не за деятельное раскаяние.

Квалифицирующие признаки, указанные в ч. ч. 2 и 3 ст. 111 УК РФ, совпадают с аналогичными признаками убийства, предусмотренного ч. 2 ст. 105 УК РФ. Но особое внимание ученые-юристы обращают на проблему отграничения «умышленного причинения вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего», ч. 4 ст. 111 УК РФ, от «убийства», ч. 1 ст. 105 УК РФ. Сходство данных преступлений заключается в том, что их объективная сторона и последствия полностью совпадают. Но основным отличием данных норм является то, что в ч. 4 ст. 111 УК РФ умысел виновного направлен на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, смерть последнего наступает по неосторожности, а не по воли виновного, под убийством же понимается умышленное причинение смерти другому человеку.

Таким образом, главным критерием разграничения этих составов является психическое отношение виновного к наступившим последствия в виде смерти потерпевшего. Анализ судебной практики показывает, что разграничение данных составов, вызывается разными причинами:

— действия виновного квалифицируются по ч. 4 ст. 111 УК РФ, исходя из того, что в своих показаниях он говорит о том, что не желал смерти потерпевшему, в связи с чем наряду, с показаниями виновного нужно учитывать и другие обстоятельства, установленные по делу, не исключая того, что убийство может быть совершено с косвенным умыслом.

— вопрос времени наступления последствия в виде смерти потерпевшего. Действия виновного квалифицируются как убийство, когда смерть потерпевшего наступила спустя небольшой промежуток времени, если же смерть наступила через несколько дней или недель, то действия виновного квалифицируются по ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Из постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 года № 1 следует, что при разграничении убийства и преступления предусмотренного ч. 4 ст.111 УК РФ следует, что необходимо исходить из совокупности всех обстоятельств дела, а

[1]Приговор Ленинского районного суда г. Иркутска Иркутской области от 20 декабря 2022 г. по делу № 1-1088/2022 // Документ опубликован не был. Доступ из справочно-правовой системы «Гарант».

[2]Мершенина К.М. Проблемы отграничения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью со смежными составами преступления // Вестник науки. 2022. №и 4. Т.3. С. 66-73.

именно способа и орудия преступления, количества и силы ударов, а также места и обстановки происшествия. Не менее важно обращать внимание на то, что действия относящиеся к ч. 4 ст. 111 УК РФ, совершены по неосторожности по отношению к смерти потерпевшего, т. к. смерть наступает в результате действий, совершенных с прямым или косвенным умыслом при причинении тяжкого вреда здоровью потерпевшего.

Исходя из вышесказанного можно сделать вывод, что данные действия выражаются в форме преступного легкомыслия, виновный может предвидеть наступление смерти потерпевшего в результате совершаемых им действий. Следует помнить, что наличие конкретизированного умысла в действиях виновного, совершившего данное преступление, не может быть квалифицированно как причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть потерпевшего, а подлежит квалификации как убийство.

Проанализировав ч. 4 ст. 111 УК РФ можно прийти к выводу, что законодатель объединил умышленное причинение тяжкого вреда здоровью и неосторожное причинение смерти. Данные составы могу самостоятельно существовать, но при сочетании они образуют совершенно иное преступление со специфическим субъективным составом.

Эти преступления имеют схожий признак, такой как неосторожное отношение к наступившему последствию в виде смерти потерпевшего, но также имеется и отличие, которое заключается в свойстве умысла виновного лица при причинении тяжкого вреда здоровью. По ч. 4 ст. 111 УК РФ ответственность наступает при условии, что, совершая противоправные деяния, виновный предвидел возможность причинения тяжкого вреда здоровью и желал подобный результат.

Ответственность по причинению смерти по неосторожности наступает, когда виновный при совершении противоправных действий не желал ни причинения тяжкого вреда здоровью, ни причинения смерти потерпевшему. Действия виновного должны быть такими, что их результатом их совершения потерпевшему причинен вред здоровью средней тяжести.

Таким образом, при причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть потерпевшего, квалификация деяния может быть следующая:

— по ст. 105 УК РФ — когда имеется конкретизированный умысел на причинение тяжкого вреда здоровью с явными признаками опасности для жизни, которые повлекут смерть потерпевшего;

— по ч. 4 ст. 111 УК РФ — когда субъект мог предвидеть наступление смерти, но его умысел был направлен лишь на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего, а не на смерть потерпевшего;

— по ст. 109 УК РФ — когда виновный не мог предвидеть возможность наступления смерти потерпевшего или предвидя возможность наступления серьезных последствий, но рассчитывал их избежать.

Правильно выбранная уголовно-правовая норма при правовой оценке содеянного позволяет исключить коллизии, возникающие в следственной и судебной практике, а также способствовать реализации основных принципов уголовного права — законности, справедливости, виновности.

Вместе с тем, постановление неправосудного приговора при ошибочной квалификации повлечет за собой тяжкие последствия для правосознания граждан, которые сравнимы с полным оправданием виновного и осуждения невиновного. Также, если была применена неверная квалификация преступления на этапе предварительного следствия, обвиняемый лишается возможности подать ходатайство об особом порядке

рассмотрения дела, что в свою очередь ограничит права обвиняемого, и способствует процессуальной и материальной экономии правосудия[1].

Таким образом, правильность квалификации содеянного, в соответствии с УК РФ, в каждом случае влияет не только на судьбу конкретного человека, но и на правильное толкование.

В соответствии со ст. 2 Конституции РФ человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Таким образом, действие данной статьи распространяется на всех участников уголовного судопроизводства, в том числе на потерпевшего и подозреваемого (обвиняемого). То есть, указанная норма обязывает соблюдать права и законные интересы указанных лиц в равной мере, независимо от их процессуального статуса, что автоматически создает необходимость в качественной и объективной квалификации совершенного лицом преступления с целью назначения ему справедливого и в то же время гуманного наказания.

Это положение, в свою очередь, обязывает следственные органы тщательно рассматривать каждое преступление против жизни и здоровья, его обстоятельства, с целью правильной квалификации содеянного. В то же время, важно заметить, что на практике существует ряд проблем, возникающих у органов предварительного следствия в ходе разграничения указанных составов преступлений.

Для понимания указанных проблем необходимо отметить, что признак «умышленное причинение смерти», указывает на то, что содеянное не может квалифицироваться по ст. 105 УК РФ в случае отсутствия умысла на совершение убийства, то есть, когда субъект преступления не хотел причинить смерть потерпевшему. Для предъявления обвинения и направления уголовного дела с обвинительным заключением в суд, следственными органами должно быть установлено, что умысел субъекта был направлен на достижение цели — убийства человека, в противном случае квалификация деяния по ст. 105 УК РФ не допустима.

В ч. 4 ст. 111 УК РФ законодатель четко определил умысел преступника на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшему. То есть, лицо совершающее преступное деяние, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ, не рассчитывает на причинение смерти потерпевшему, а имеет умысел лишь на причинение тяжкого вреда его здоровью, однако в силу непредвиденных для него обстоятельств потерпевшему была причинена смерть.

На основании изложенного следует, что основную разницу между указанными преступлениями определяет умысел виновного. Соответственно, необходимо установить умысел лица совершающего преступное деяние до принятия решения о квалификации содеянного.

Для определения умысла необходимо обратить внимание на мотив виновного, так как именно он предопределяет, укрепляет и формирует умысел. В этой связи при квалификации преступления следует обратить особое внимание на такой элемент состава преступления как субъективная сторона. В случае же, если при установлении субъективной стороны обнаружены несколько мотивов, то следует их дифференцировать и определить доминирующий среди остальных.

На практике широко распространены ситуации, когда незавершенный умысел на убийство квалифицируется как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, и наоборот, причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего по неосторожности, квалифицируется по ст. 105 УК РФ.

Исходя из этого, следует разъяснить, что «создание опасности для жизни» и «предвидение возможности смерти» — разные проявления одного и того же психиче-

[1]Мершенина К.М. Проблемы отграничения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью со смежными составами преступления // Вестник науки. 2022. № 4. Т.3. С.66-73.

ского отношения виновного к своему деянию, то есть виновный предвидит возможность смертельного исхода. И даже если не установлено, что он желал смерти потерпевшего, следует учитывать, что при сознательном допущении смертельного результата содеянное представляет собой убийство с косвенным умыслом, а не преступление, предусмотренное ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Основная проблема квалификации и разграничения указанных составов заключается в том, что на практике доказывание умысла преступного посягательства является крайне трудоемким процессом. В этой связи, в случае если смерть лица наступила не сразу после осуществления преступного посягательства деяние квалифицируется по ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Вместе с этим, не хватает четких критериев, которые могли бы способствовать отграничению деяния, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ, от деяний, предусмотренных ст. ст. 105 УК РФ и 109 УК РФ, поскольку существующие критерии условны. В качестве таковых критериев возможно использовать количество ударов, нанесенных предметом, используемым в качестве оружия, их локализацию, поскольку сложно утверждать, что виновный, нанося удары молотком по голове потерпевшего, не желал наступления смерти, а его умысел был направлен только на причинение тяжкого вреда здоровью.

УБИЙСТВО, СОПРЯЖЕННОЕ С ДРУГИМИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КВАЛИФИКАЦИИ

Т. В. Останина,
студентка Юридического института
Кемеровского государственного университета.
Научный руководитель д.ю.н., профессор,
заведующая кафедрой уголовного права и криминологии Т. Г. Черненко.

Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ (ред. от 07.12.2011) «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации»[1] исключил неоднократность как вид множественности преступления, который закреплялся ст. 16 УК РФ. Кроме того, указанным законом и Федеральным законом «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 21.07.2004 N 73-ФЗ[2] в ст. 17 УК РФ были внесены изменения относительно совокупности преступлений. Так, в новой редакции совокупность преступлений стала определяться как «совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание». В соответствии с указанной дефиницией совокупность преступлений отсутствует, когда совершение двух или более преступлений прямо указано в статьях Особенной части УК РФ в качестве квалифицирующего признака составов преступлений определенного вида. То есть налицо одно сложное преступление, которое в науке уголовного права принято называть составным.

Вследствие проведенной реформы института множественности преступлений в теории уголовного права возникли вопросы относительно квалификации убийств, сопряженных с другими преступлениями. Применительно к ч. 2 ст. 105 УК РФ сопряженность квалифицированного убийства содержится в нескольких пунктах: п. «в» – убий-

[1] Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 50. Ст. 4848.

[2] Федеральный закон от 21.07.2004 № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2004. № 30. Ст. 3091.

ство, сопряженное с похищением человека; п. «з» – убийство, сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом; п. «к» – убийство, сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера. Ряд авторов полагает, что перечисленные преступления следует квалифицировать как сложные единичные преступления, именуемые составными. Другие, напротив, соглашаются с подходом, предложенным в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) «О судебной практике по делам об убийстве», в котором предлагается квалифицировать данные преступления по совокупности[1].

Составное преступление является видом сложного единичного преступления. Н.Ф. Кузнецова рассматривала составные преступления как «единые сложные преступления, которые слагаются из двух или более умышленных преступлений, которые при изолированном их рассмотрении являются самостоятельными преступлениями, но в силу их органичной взаимосвязи причиняют комплексный ущерб одному объекту»[2]. В связи с этим возникает вопрос относительно обоснованности указания на умышленный характер преступлений. Как верно отмечает Т.Г. Черненко, составное преступление может образовывать и учтенная законодателем идеальная совокупность преступлений, следовательно, его структурным элементом может выступать не только умышленное преступление, но и неосторожное[3] (например, ч. 4 ст. 111 УК РФ). По мнению А. М. Яковлева, «для составного преступления характерно соединение в законодательном порядке в единое преступление ряда разнородных действий, приводящих к ряду разнородных последствий в рамках единой формы вины»[4]. На наш взгляд, приведенном подходом к пониманию составного преступления не учитывается важный его признак – полиобъектность. В этой связи наиболее верным и полным представляется определение, данное Н.Б. Гулиевой: «Составное преступление – это единое преступление, посягающее на два или более объекта, состоящее из нескольких деяний, каждое из которых (если рассматривать их изолированно) обладает признаками самостоятельного состава преступления, однако в силу их взаимосвязи и специфической общественной опасности в таком сочетании рассматриваемых уголовным законом как одно преступление»[5].

Исходя из анализа вышеперечисленных суждений можно выделить следующие признаки составного преступления. Они складывается из двух или более самостоятельных (если рассматривать их изолированно) простых преступлений, которые взаимосвязаны друг с другом, обладают внутренним единством, часто совершаются в сочетании одного с другим. Составное преступление является полиобъектным преступлением. Юридические признаки такого преступления должны быть предусмотрены в конкретной уголовно-правовой норме в качестве одного состава преступления. Кроме того, можно выделить два вида составных преступлений: а) составные преступления, в основе которых лежат два или более различных действия (учтенная законодателем реальная совокупность) и составные преступления, в основе которых лежит одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.

[2] Кузнецова Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / Науч. ред. и предисл. академика В. Н. Кудрявцева. – М.: Издательский Дом «Городец», 2007. – С. 280

[3] Черненко Т. Г. Квалификация преступлений: вопросы теории и практики: монография. 3-е изд. — М.: Проспект, 2020. С. 140.

[4] Яковлев А. М. Совокупность преступлений по советскому уголовному праву. - М.: Госюриздат, 1960. С. 27

[5] Гулиева Н. Б. Составные преступления в российском уголовном праве: автореф… дис. канд. юрид. наук. – Томск: 2006. С. 15

более статьями Уголовного кодекса (учтенная законодателем идеальная совокупность преступлений)[1].

Как уже говорилось ранее, в соответствии со ст. 17 УК РФ совокупностью преступлений признается совершение двух или более преступлений, ни за одно из которых лицо не было осуждено, за исключением случаев, когда совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части настоящего Кодекса в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. Можно выделить следующие признаки совокупности преступления: наличие двух или более самостоятельных преступлений, по которым не погашены юридические последствия и которые совершены до осуждения за любое из них. В науке уголовного права принято выделять идеальную и реальную совокупность преступления. Нас интересует последняя. Под реальной совокупностью преступлений В.Н. Кудрявцев понимал осуществление лицом нескольких действий (бездействий) двух или более преступлений, ни за одно из которых оно не было осуждено[2].

Верховный Суд Российской Федерации в указанном выше постановлении дает ряд рекомендаций относительно квалификации убийств, сопряженных с другими преступлениями. В постановлении Пленума ВС РФ говорится, что убийства, сопряженные с похищением человека, разбоем, вымогательством или бандитизмом, с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера следует квалифицировать по совокупности преступлений по соответствующему пункту ч. 2 ст. 105 и соответствующей статье Особенной части УК РФ, предусматривающей ответственность за сопряженное преступление. Такой подход, предложенный Верховным судом, представляется не совсем верным по нескольким причинам.

Во-первых, по смыслу новой редакции ч. 1 ст. 17 УК РФ следует, что убийства, сопряженные с другими преступлениями, представляют собой сложные единичные (составные) преступления, обладающие конкретно определенными, присущими именно им признаками. Нельзя сказать, что конструкция диспозиций п. «в», «з» и «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ является удачной. Однако, как верно отмечает Н. Иванов, «диспозиция нормы означает, что правоприменителю предлагается конкретно определенное преступление, характеризующееся именно ему присущими особенностями, и что деяние, соответствующее описанным признакам, должно квалифицироваться именно по данной норме и никакой другой»[3]. Так, если убийство, например, сопряжено с разбоем, содеянное при квалификации полностью охватывается пунктом «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку здесь имеет место учтенная законодателем совокупность преступлений. С. В. Бородин, соглашаясь с упомянутой позицией Пленума Верховного Суда, отмечает, что вероятно Верховный суд исходил из того, что каждое преступление, если оно совершено, должно получить соответствующую юридическую оценку[4]. По нашему мнению, с этим утверждением можно было бы согласиться, если бы пунктами «в», «з», «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ не была предусмотрена «сопряженность», уже включающая в себя убийство и соответствующее сопряженное преступление. Мы согласны с замечанием Т.Г. Черненко о том, что «коль законодатель, учтя особую общественную опасность синтеза убийства с другими преступлениями, выделил в связи с этим составные преступления, предусмотрев за них весьма серьезное наказание, вплоть до пожизненного лишения свободы и смертной казни, то содеянное должно квалифицироваться как единое пре-

[1] Черненко Т. Г. Указ. соч. – С. 143

[2] Кудрявцев В. Н. Общая теория квалификации преступлений. - М.,1972. С. 254

[3] Иванов Н. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)». Критический взгляд // Уголовное право. 2000, № 2. С. 23

[4] Бородин С. В. Преступления против жизни: монография — СПб: Юридический центр, 2003. С.135

ступление, а не совокупность преступлений. В противном случае теряется весь смысл законодательного конструирования составных преступлений»[1].

Во-вторых, согласно ч. 2 ст. 6 УК РФ никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление. Однако в соответствии с постановлением Пленума ВС РФ лицо, совершив конкретно определенное п. «в», «з» или «к» ч. 2 ст. 105 УК преступление, в действительности должно отвечать за два преступных деяния: убийство, сопряженное с похищением человека, разбоем, вымогательством, бандитизмом, изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера и повторно за похищение человека, разбой, вымогательство и т. д. соответственно. При таком подходе лицо дважды несет уголовную ответственность за совершение единичного преступления, являющегося структурным элементом сложного составного преступления, что приводит к нарушению принципа справедливости.

В заключение хотелось бы отметить, что конструкция диспозиций п. «в», «з» и «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ не является удачной. В соответствии с толковым словарем С.И. Ожегова, слово «сопряженный» означает «взаимно связанный, находящийся во взаимодействии». Исходя из этого, можно предположить, что, по мнению законодателя, сопряженные преступления находятся в тесной взаимосвязи друг с другом и являются типичными ситуациями совершения убийства. Тогда возникает вопрос: почему более опасной является сопряженность убийства именно с похищением человека, разбоем, вымогательством, бандитизмом, изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера? Почему сочетание убийства, например, с незаконным лишением свободы, захватом заложника или хулиганством не влечет повышенную общественную опасность?

Кроме того, необходимо обратиться к теории конструирования в тексте закона квалифицирующих признаков и квалифицированных составов преступлений. Как верно заметил Л.Л. Кругликов, «квалифицирующие обстоятельства - это обстоятельства дела; ими могут быть лишь обстоятельства, прямо относящиеся к содеянному и к личности виновного и находящиеся в определенной связи с совершенным преступлением»[2]. Кроме того, квалифицирующие признаки чаще всего являются дополнительными по отношению к тем признакам, которые указаны в основном составе. Реже квалифицирующие признаки являются разновидностью, подвидом какого-то обстоятельства, которое есть в основном составе. Так, квалифицирующие признаки как признаки состава - это обстоятельства, характеризующие объект преступления и его последствия, место, время, способ, орудия, средства и обстановку совершения преступления, мотивы и цели совершения преступления, а также субъекта преступления. В этой связи сопряженные преступления сами по себе не могут выступать квалифицирующим признаком убийства, поскольку, как справедливо отмечает А. П. Рожнов, «совершение убийства до, после или в процессе похищения человека, разбойного нападения, вымогательства, изнасилования и т. д. ничего общего ни со способом убийства, ни с его последствиями, ни с иными признаками состава убийства не имеет»[3]. Как реальная совокупность преступлений, каждое из которых подлежит самостоятельной юридической оценке, могут рассматриваться, например, изнасилование и убийство, совершенное с целью скрыть факт изнасилования. В этом случае убийство должно квалифицироваться не как сопряженное с изнасилованием, а как убийство с целью скрыть другое преступление. Так, квалифицирующим признаком убийства будет выступать специальная цель или мотив действия, а не то, что убийство было сопряжено с другим преступлением.

---

[1] Черненко Т. Г. Указ. соч. – С. 144

[2] Кругликов Л. Л., Спиридонова О. Е. Юридические конструкции и символы в уголовном праве - СПб: Юрид. центр Пресс, 2005. – С. 79, 95

[3] Рожнов А. П. Проблемы квалификации убийств, сопряженных с иными преступлениями // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруденция. 2011. № 1(14). С. 152-158.

Таким образом, мы поддерживаем позицию многих ученых (Б. В. Волженкин, Н. Ф. Кузнецова, А. П. Рожнов и другие) относительно необходимости отказа конструирования некоторых видов квалифицированных убийств через признак сопряженности с другими преступлениями. Это будет способствовать соблюдения принципа справедливости при решении вопросов уголовно-правовой оценки совершенных виновными лицами указанных выше общественно опасных деяний.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ НАРУШЕНИЯ ТРЕБОВАНИЙ ПОЖАРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. А. Селюкова,
магистрант Юридического института
Иркутского государственного университета, г. Иркутск.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент кафедры уголовного права Ж. В. Островских.

Современный этап развития российского общества характеризуется актуализацией вопросов обеспечения пожарной безопасности. Можно с уверенностью сказать о том, что данное направление деятельности государства – одна из важнейших функций. Реализация данной функции является гарантией защиты жизни, здоровья, а также имущества населения. Но несмотря на всю актуальность и значимость, вопросы обеспечения пожарной безопасности в настоящий момент находятся не на должном уровне своего разрешения.

Цифры человеческих жертв в результате нарушения требований пожарной безопасности можно сопоставить с общими потерями от преступности всех иных видов преступлений, а материальный ущерб, причиненный пожарами в тысячи раз, превосходит причиненный всеми иными преступлениями имущественный вред. Важным фактором устойчивого социально-экономического и общего развития Российской Федерации является обеспечение должного уровня пожарной безопасности и минимизация потерь от нарушения требований пожарной безопасности. В сфере обеспечения пожарной безопасности в нашей стране существуют устойчивые тенденции, направленные на ежегодное уменьшение количества пожаров, погибших в них людях и уничтоженного огнем имущества.

Состояние пожарной безопасности в России обладает специфическими особенностями в соответствии с показателями плотности населения, национально-бытовых и других местных особенностей. Данные факторы необходимо обязательно учитывать при организации мер по профилактике пожарной безопасности противопожарной защиты.

Общественная опасность деяний, связанных с преступным нарушением требований пожарной безопасности очень велика. Несмотря на то, что ежегодное количество пожаров и погибающих в них людей уменьшается за период с 2020 по 2024 годы, их общее число вызывает тревогу у общества. В Российской Федерации нет региона, где бы в пожарах, наступивших из-за нарушения требований пожарной безопасности не гибли люди и не уничтожалось имущество.

Обращаясь к статистическим данным о количестве зарегистрированных преступлений по факту нарушения требований пожарной безопасности, размещенной на сайте Российской Криминологической Ассоциации имени Долговой А.И. за период с 2020 по 2024 год необходимо зафиксировать вывод о том, что в 2020 году было зареги-

стрировано преступлений по ст. 219 УК РФ в количестве 49, в 2021. – 53, в 2022 г. – 52, в 2023 год – 53, в отчетном периоде за 2024 г. - 54[1].

Анализ статистических данных позволяет сделать вывод о том, что количество зарегистрированных преступлений по ст. 219 УК РФ с каждым годом увеличивается. Динамика состояния преступности по ст. 219 УК РФ в общей структуре преступности за 2024 год показывает низкий процент привлечения к ответственности за нарушение требований пожарной безопасности.

Большое значение в криминологической характеристике имеет личность преступника, под которой понимается совокупность свойств и особенностей, определяющих человека как социальное существо.

Как справедливо подчеркивает ряд правоведов, такие как Антонченко В.В., Гавриленко В.А., Руденко Л.Д., «личность преступника изучается как следообразующий объект, как источник информации о совершенном преступлении и как средство его раскрытия».

Мы считаем, что установление личности преступника является наиболее проблематичной криминологической задачей, возникающей в процессе раскрытия и расследования преступлений. Установление личности - это сложная деятельность, в ходе которой с использованием криминологических методов и средств происходит обнаружение, выявление, фиксация и исследование свойств и признаков человека, носящих собой информацию и являющихся существенными для раскрытия и расследования преступления. «Эта деятельность, по замечанию А.М. Зинина, предполагает на основе собранной и исследованной информации построение модели искомого человека и организацию оперативных мероприятий, следственных действий, проведение судебных экспертиз по установлению личности»[2].

Проводя анализ элементов криминологической характеристики нарушений требований пожарной безопасности мы приходим к выводу о том, что наибольшая специфичность преступлений по ст. 219 УК РФ проявляется в особенностях поведения субъектов данных общественно опасных деяний, неразрывно связанных с механизмом и обстановкой их совершения.

По утверждению Н.П. Яблокова, с которым мы полностью согласны, «отличительные черты преступного поведения подобных субъектов деяния, являющимся всегда неосторожным, в большей степени зависят от характера указанного субъекта, которым, в соответствии с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, является лицо, на которое возложена обязанность исполнять (постоянно или временно) утвержденные и зарегистрированные в установленном порядке правила пожарной безопасности (например, руководители предприятий и организаций всех форм собственности и уполномоченные ими лица, которые по занимаемой должности или по характеру выполняемых работ в силу действующих нормативных правовых актов и инструкций непосредственно обязаны выполнять соответствующие правила либо обеспечивать их соблюдение на определенных участках работ; собственники имущества, в том числе жилища, наниматели, арендаторы и др.)»[3].

Очень часто граждане нарушают требования пожарной безопасности в бытовых условиях, последствиями которых может стать угроза жизни и здоровью людей. Анализируя материалы уголовных дел мы приходим к выводу о том, что в большинстве случаев привлечения к ответственности должностных лиц за нарушение требований

[1] Статистика и аналитика МВД России. [Электронный ресурс]: https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics (дата обращения: 20.04.2025 г.).

[2] Зинин А.М. Проблемы криминалистического установления личности // Вестник криминалистики / отв. ред. А.Г. Филиппов. Вып. 4 (8). - М.: Спарк, 2003. С. 29-32

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.06.2002 № 14 «О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2002. № 8.

пожарной безопасности по ст. 219 УК РФ, на предприятиях, в ходе проведения расследования, были выявлены существенные нарушения при составлении, ознакомлении и проведении инструктажей о мерах пожарной безопасности с сотрудниками.

Специфика поведения личности преступника, нарушающего требования пожарной безопасности по ст. 219 УК РФ, очень часто состоит из комплекса различных действий и бездействия (с учетом ее служебного положения), не соответствующих требованиям конкретных требований, инструкций и других нормативных положений, направленных на обеспечение пожарной безопасности конкретного объекта. При этом на поведение личности могут оказывать непосредственное влияние факторы объективного, например, организационно-технический уровень обеспечения пожарной безопасности, при проведении различного рода работ, а также субъективного характера (внутренняя неорганизованность, отсутствие должной осмотрительности и осторожности, излишняя самоуверенность).

Рассматривая особенности механизма преступлений, предусмотренных ст. 219 УК РФ, совершаемых лицами, ответственными по должностным обязанностям за обеспечение соблюдения требований пожарной безопасности, процессов обращения с техникой и различными веществами, Н.П. Яблоков справедливо отмечает, что «он включает в себя преступное поведение правонарушителей и действие разрушительных сил или действие каких-либо вредоносных факторов». Соответственно механизм, в подавляющем большинстве случае, состоит из двух частей: механизма нарушения соответствующих правил и иных нормативных требований и механизма действия поражающих и разрушительных сил и наступления преступных последствий[1]. В связи с этим, для наиболее полного и объективного установления всех элементов механизма подобных преступлений необходимо выяснять специфику обоих указанных его подвидов, что, в свою очередь, позволит определить структуру причинной связи всех факторов и обстоятельств с вредными последствиями и их роль в наступлении последних.

Определенный интерес вызывают результаты половозрастного анализа личности преступника, нарушающего требования пожарной безопасности по ст. 219 УК РФ, проведенного нами во время исследования. Согласно изученным нами материалам уголовных дел, количество признанных виновными мужчин гораздо выше женщин. При этом возраст преступников в большем количестве составляет от 20 до 65 лет. Среди должностных лиц высшее образование имели более 50%, что объясняется довольно высокими требованиями, установленными большинства работодателями для занятия высоких должностей.

Мы считаем, что достаточно важной частью характеристики личности преступника, нарушающего требования пожарной безопасности по ст. 219 УК РФ, является его поведение после начала расследования уголовного дела. Органам предварительного расследования крайне важно установить обстоятельства, свидетельствующие об осознании личностью своего ненадлежащего противоправного поведения и стремлении возместить причиненный его преступным легкомыслием или небрежностью ущерб.

Таким образом, знание выявленных особенностей личности преступника, нарушающего требования пожарной безопасности, может послужить залогом своевременного установления и задержания виновного в его совершении, что, несомненно, повысит процент раскрываемости данного вида преступления.

В ходе проведенного исследования нами были изучены социально-демографические, социально-ролевые, нравственно-психологические и уголовно-правовые признаки и свойства лиц, совершающих преступные нарушения требований пожарной безопасности.

[1] Яблоков Н.П. Криминалистика / учебник. - М., 2003. С. 352-354.

К социально-демографическим мы отнесли: пол, возраст, образование и место жительства, в результате чего были выявлены следующие соотношения. Изучаемые преступления совершают: больше мужчин чем женщин, значительное число подростков, молодежи, больше 50 % имеют среднее или неполное среднее образование. Таким образом, максимальный удельный вес составляют лица среднего возраста, которым свойственны употребление алкогольных и наркотических средств.

К социально-ролевым признакам и свойствам лиц, совершающих изучаемое преступление, нами отнесены: их социальное положение, направленность и ориентация в семейной, трудовой, досуговой и общественной сферах отношений. Различные сферы общения способствуют проявлению позитивной или негативной направленности личности, формированию ее черт и свойств, статуса в обществе и манеры поведения. Среди не занятых социально полезной деятельностью выявлено чуть меньше половины лиц, выразивших негативное отношение к труду.

Анализ нравственно-психологических признаков и свойств лиц, совершающих преступления, позволил выявить их негативные и позитивные нравственно-психологические качества. Многим осужденным за нарушение требований пожарной безопасности свойственны дефекты психики, поэтому изучаемые условия вызывают у них импульсивные криминальные реакции и совершение ими преступлений по неосторожности. В основе преступного поведения лиц, совершающих изучаемое преступление, отмечается пренебрежение к ответственности за возможные последствия, потеря контроля за своими действиями, неспособность принятия правильного решения.

К уголовно-правовым признакам и свойствам лиц, совершающих нарушение требований пожарной безопасности, многие авторы относят: направленность, ориентацию, мотивацию, способы, ролевое участие, длительность преступной деятельности, а также наличие либо отсутствие судимостей. На наш взгляд, важным признаком, характеризующим личность преступника, совершающего изучаемые преступления, является наличие либо отсутствие судимости, дающей основание отнести виновных к определенному криминальному типу личности.

По окончании настоящего исследования подведем следующие итоги. Можно выделить тенденции преступности, связанной с нарушением требований пожарной безопасности, к которым исследователи относят: незначительное снижение количества выявляемых преступлений, неравномерное распределение уровня расследуемых преступлений в сфере пожарной безопасности;, распределение выявленных преступлений в зависимости от степени тяжести.

В результате анализа мы пришли к выводу, что к типу лиц, неосторожно совершающих нарушение требований пожарной безопасности, относятся лица, проявляющие в своем поведении негативно-пренебрежительное отношение к личности, сохранности чужого имущества, общественному порядку и другим ценностям общества. Главным образом, это лица, руководствующиеся часто корыстными побуждениями, имеющие эгоистический настрой, пребывающие в агрессивном состоянии, склонные к риску, безразлично относящиеся к наказанию за совершенные преступления.

К ВОПРОСУ О ВОЗРАСТЕ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ЛИЦ

С. Д. Устинова,
студент Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск.
Научный руководитель: старший преподаватель кафедры уголовного права С. П. Опацкая.

Согласно ч. 1 ст. 87 УК РФ «несовершеннолетними признаются лица, которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет».

Понятие «возраст» базируется на общем понимании возраста, теоретических разработках психологии и социологии.

Возраст уголовной ответственности – это возраст, с достижением которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности за совершение преступления в соответствии с УК РФ. При разработке УК РФ в 1996 году законодатель учитывал социальный фактор, исходил из психологических и физиологических особенностей развития несовершеннолетнего, устанавливая два минимальных возраста уголовной ответственности: общий – с 16 лет и пониженный – с 14 лет.

Ч.2 ст. 20 УК РФ устанавливает пониженный возрастной ценз для преступлений, обладающих повышенной общественной опасностью (убийство, разбой, захват заложника, вандализм и др.). Позицию законодателя поддерживают многие исследователи (В. Д. Филимонов, А. С. Фролов, А.И. Чернышев, Л.М. Прозументов и др), так, по мнению В.Д. Филимонова «основанием установления возраста уголовной ответственности является сформированность в сознании несовершеннолетнего личностного отношения к явлениям общественной жизни и способность отдавать отчет в общественной значимости совершаемых действий и руководить ими»[1].

В зарубежных странах возраст уголовной ответственности может варьироваться от 7 до 18 лет. Так, в Оклахоме, одном из штатов США, несовершеннолетний может быть признан виновным в совершении преступления с 7 лет, в Турции с 11 лет, в Польше и Словакии с 15 лет, а в Люксембурге с 18 лет. Такой возрастной диапазон связан с менталитетом определенного государства. Менталитет – это совокупность устойчивых и характерных для определенной группы людей способов восприятия действительности, отражающие его особенности мышления и выражающееся в поведении. Менталитет формируется под воздействием исторических, культурно-религиозных и социальных факторов. Например, в Индонезии лица привлекаются к ответственности за совершенные преступные деяния, начиная с 8 лет, что обусловлено пониженным возрастом совершеннолетия – с 15 лет; в силу исторических и социальных причин, сложившихся в Индонезии считается, что к данному периоду своей жизни человек способен осознавать общественную опасность своих действий и руководить ими. Как видно, в мировой практике также отсутствует единый подход к возрасту уголовной ответственности несовершеннолетних.

Российская практика установления минимального возраста уголовной ответственности базируется на психологической характеристике возрастных периодов развития человека. Несовершеннолетние, находящиеся в периоде подросткового возраста, проходят этап перехода от «зависимого детства» к самостоятельной и ответственной взрослости, что предполагает достижение социальной зрелости. Однако подростковый

[1]Прозументов Л. М. Уголовно-правовая политика России в отношении несовершеннолетних: вопросы правотворчества и правоприменения // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 421. С. 183-187.

возраст – это настолько субъективный критерий, что не позволяет строго определить границы данного периода.

В отечественной психолого-педагогической литературе существуют следующие позиции определения подросткового возраста: 11 – 15 лет (Д. Б. Брамлей), 11 – 17 лет (Д. Б. Эльконин), 10 -15 лет (Д. И. Фельдштейн), 7 - 11,5 лет (В. И. Слободчиков, Е. И. Исаев). В науке не выработаны единые критерии, позволяющие строго определить уровень социальной зрелости, что в первую очередь связано с особенностями развития каждого несовершеннолетнего. Поэтому подход законодателя о привязке возраста к социальной зрелости является не совсем объективным, поскольку одно лицо способно осознавать характер своих действий к 8 годам, другой только к 15, но в настоящее время это является единственным выработанным в уголовном праве и доктрине способом привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности.

В последнее время наблюдается тенденция роста совершения преступлений несовершеннолетними, в том числе тех лиц, которые не достигли возраста уголовной ответственности. Это подтверждает в своем докладе и председатель Следственного комитета РФ, А.И. Бастрыкин, указывая на то, что «за 8 месяцев 2024 года правоохранительные органы расследовали 13,5 тыс. уголовных дел среди подростков, причем число особо тяжких преступлений среди несовершеннолетних выросло на 22%».[1] В связи с этим, учитывая опыт зарубежных стран и постоянно меняющиеся общественные отношения, вполне обоснованным может стать снижение общего возраста уголовной ответственности до 14 лет, а пониженного – до 12 лет.

Такая позиция в отличие от действующей редакции УК РФ в наибольшей степени отражает принцип справедливости, как базовое основополагающее начало уголовного законодательства. Принцип справедливости необходимо рассматривать в единстве двух его составляющих: правоустановительный и правоприменительный аспекты. Справедливость предполагает соразмерность назначенного наказания характеру и степени общественной опасности преступления.

Рассматривая категорию несовершеннолетних, необходимо отметить, что у лица к достижению возраста 12 лет в сознании должны быть сформированы базовые социальные установки, отражающие возможность ребенка понимать, что является допустимым поведением, а что является аморальным и социально неприемлемым. Такие базовые установки формируются у лица в результате его взаимодействия с агентами первичной (семья, друзья, родственники и др.) и вторичной (школа, церковь, СМИ и др.) социализации.

В связи с этим некоторые юристы выступают за снижение возрастного порога уголовной ответственности и расширение круга деяний, за совершение которых наступала бы ответственность с 11—13 лет. В Государственной Думе Федерального Собрания РФ также неоднократно поднимался вопрос о снижении возраста уголовной ответственности и вносились соответствующие законопроекты. Однако такие предложения отменялись еще на этапе рассмотрения законопроекта в первом чтении. В своем заключении совет Государственной Думы указывает, что «в законодательстве Российской Федерации реализован подход, при котором лицо, не достигшее четырнадцатилетнего возраста, признается недееспособным. Так, гражданская дееспособность физического лица в соответствии со статьей 21 ГК РФ наступает с восемнадцати лет, ограниченная дееспособность согласно статье 26 ГК РФ – с четырнадцати лет. Лицо, не до-

[1] КомерсантЪ: СКР сообщил о росте преступности среди подростков // Следственный комитет РФ URL: https://sledcom.ru/press/smi/item/1921454/ (дата обращения: 10.11.2024).

стигшее четырнадцатилетнего возраста, в силу статьи 28 ГК РФ считается малолетним и недееспособным».[1]

Таким образом, законодатель полагает, что у лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста, отсутствует должная степень эмоциональной, духовной и интеллектуальной зрелости, позволяющая ему принимать полностью осмысленные решения и совершать адекватные поступки.

На практике число преступлений, совершенных лицами, не достигшими 14 лет не только постоянно увеличивается, но зачастую характеризируется жестокостью. Обратимся к одному из прецедентов, произошедшему в октябре 2022 года, где в одном из хуторов Ростовской области несовершеннолетний в возрасте 12 лет во дворе своего дома ударил потерпевшую (дальняя родственница виновного в возрасте 12 лет) шлакоблоком по голове, а затем нанес десятки ударов кухонным ножом, от которых последняя умерла.[2] Основным мотивом на совершение данного деяния является неприязненное отношение в результате конфликтов в школе.

Другим примером является инцидент, произошедший в Челябинской области, где двое подростков 12 и 13 лет изнасиловали 9-летнюю девочку, после чего решили убить, избивая потерпевшую кирпичами, палками и прутьями. В результате противоправных действий смерть несовершеннолетней не наступила, ей был причинен вред здоровью[3].

В каждом приведенном случае нельзя говорить о том, что виновный не понимал опасность своих действий, он, наоборот, желал наступление неблагоприятных последствий, что выражается в его действиях. Как следствие возникает вопрос, какую справедливость предполагает законодатель, освобождая такое лицо от уголовной ответственности в связи с недостижением возраста уголовной ответственности.

На основании вышеизложенного мы приходим к выводу, что общий и пониженный возраст наступления уголовной ответственности с 16 и 14 лет является недостаточным, так как несовершеннолетний в большинстве случае раннее 14 лет достигает того уровня психофизического развития, который позволяет осознавать в полной мере не только общественно опасный характер своих действий, но и последствия таких действий.

Таким образом, в настоящее время вопрос о минимальном возрасте уголовной ответственности вызывает много дискуссий в обществе и среди специалистов. Понижение двух уровней возраста привлечения к ответственности на 2 года позволит обеспечить более равноценное отношение ко всем членам общества независимо от возраста, а также побудит подростков осознанно относиться к своим действия, зная, что за них могут наступить серьезные последствия – все это станет важнейшим фактором снижения уровня преступности среди несовершеннолетних.

[1] № 293093-5 "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации" // Система обеспечения законодательной деятельности.URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/293093-5?ysclid=m9gtzrdox6350739991 (дата обращения: 28.01.2025).

[2] Убийство в Ростовской области // Комсомольская правда.URL: https://www.rostov.kp.ru/daily/27570/4839519/?ysclid=m91j7mjf11638519007 (дата обращения: 18.11.2024).

[3] В Челябинской области шестиклассники изнасиловали и решили убить 9-летнюю девочку // Комсомольская правда URL: https://www.chel.kp.ru/daily/26680.4/3702911/ (дата обращения: 18.11.2024).

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

ВНЕДРЕНИЕ БЛОКЧЕЙН-ТЕХНОЛОГИЙ В СИСТЕМУ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

Р. В. Баитов,
студент Новосибирского национального исследовательского государственного университета (НГУ), г. Новосибирск.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент,
доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики Т. Ю. Сабельфельд.

Современный мир переживает эпоху повсеместной цифровизации, которая неумолимо трансформирует все сферы общественной жизни. Как отмечает В.Н. Григорьев, в России наблюдаются определенные «тенденции в развитии цифрового законодательства в сфере уголовного судопроизводства», однако пока отмечается «отсутствие его внятной концепции, отсутствие системности и полноты в регулировании цифровых элементов уголовного судопроизводства»[1]. Этот глобальный тренд ставит перед российской системой уголовного судопроизводства сложную задачу — не просто ситуативно адаптироваться, а провести глубокую структурную и содержательную реорганизацию. На фоне активного обсуждения концепции "электронного правосудия" становится ясно: речь идет не о локальных улучшениях делопроизводства, а о поиске качественно новых технологических решений. Как справедливо задается вопросом Л.В. Головко, обсуждая цифровизацию, «речь идет о локальной оптимизации или глобальной революции?» [2].

В этом контексте особое внимание привлекает технология распределенного реестра, или блокчейн. Основанная на принципах децентрализации, криптографической защиты и гарантированной неизменности записанной информации, она вышла далеко за пределы своей первоначальной сферы (финансы и криптовалюты). Ее потенциал для систем, где критически важны доверие, верификация и защита данных от изменений, представляется значительным.

Идея адаптации блокчейна для нужд уголовного процесса находит все больший отклик в российской правовой доктрине. Л.В. Бертовский видит в этой технологии «элемент цифрового судопроизводства», отмечая, что она «потенциально способна стать одним из системообразующих элементов будущего», предлагая решения для таких проблем, как «высокие риски фальсификации доказательств (особенно цифровых), недостаточная прозрачность процедур, сложности с обеспечением сохранности и прослеживаемости движения вещественных доказательств»[3]. Однако, как подчеркивает Т.Г. Бородинова, простое внедрение технологий невозможно без учета «процессуально-правовой и нравственной природы, объективно присущих ему особенностей, влитых в устоявшуюся традиционную форму уголовного правосудия»[4]. Нельзя игнорировать и объективные барьеры, обусловленные как спецификой процесса, так и «недостаточностью профессиональных навыков в работе с нормативным материалом», что проявля-

[1] Григорьев В. Н. Тенденции и проблемы развития законодательства в области информационных технологий, регулирующего уголовное судопроизводство // Академическая мысль. 2019. № 3. С. 57-61.

[2] Головко Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. №1. С. 15.

[3] Бертовский Л. В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. №6. С. 226-230.

[4] Бородинова Т. Г. Цифровые технологии в уголовном судопроизводстве России: пределы и проблемы внедрения // Правосудие. 2022. Т. 4. №1. С. 71-86.

ется, по мнению В.Н. Григорьева, «в несуразности текста новых „цифровых“ норм уголовно-процессуального права, его очевидных ляпах»[1]. Все это требует глубокого анализа перспектив и трудностей интеграции блокчейна.

Уникальная архитектура блокчейна, позволяющая создать доверенную среду без центрального посредника, открывает перспективы для решения ряда фундаментальных задач уголовного процесса.

Гарантирование целостности и аутентичности электронных доказательств. Это одно из самых востребованных направлений. Объемы цифровой информации, имеющей значение для расследования (данные с мобильных устройств, логи сетевой активности, видео с камер), растут экспоненциально. Традиционные методы их фиксации (оптические диски, централизованные серверы) уязвимы для подмены, повреждений, хакерских атак или сбоев. Как отмечает Л.В. Бертовский, «безопасность в технологии блокчейн обеспечивается через децентрализованный сервер, проставляющий указанные метки времени, и одноранговые сетевые соединения», что делает «попытки несанкционированного вмешательства практически исключены»[2]. Как отмечает А.М. Чихрядзе, создание на базе блокчейна защищенных реестров критической информации (геномной, баллистической) может «повысить надежность идентификационных исследований и обеспечить контролируемый доступ к таким базам»[3].

Обеспечение незыблемости и транспарентности процессуальных действий. Фиксация ключевых атрибутов следственных и судебных действий (время, участники, суть действия, применение технических средств) в виде транзакций создает проверяемый в любой момент и защищенный от любых ретроактивных изменений "след" процессуальной деятельности. Это затрудняет фальсификацию протоколов или сокрытие нарушений. Потенциально, доступ к такому реестру (с разграничением прав) мог бы снять споры фактического характера и способствовать объективному контролю, особенно на досудебных стадиях, что созвучно идеям Л.Н. Масленниковой о необходимости трансформации досудебного производства[4].

Оптимизация контроля за оборотом вещественных доказательств. Управление физическими объектами, их передача между ведомствами и экспертами сопряжены с рисками утраты, подмены или повреждения. Блокчейн позволяет создать абсолютно прозрачную и полностью верифицируемую систему отслеживания "цепочки владения" (chain of custody), где каждая операция (изъятие, передача, уничтожение) регистрируется как транзакция с указанием ответственного лица и времени. А.В. Аносов указывает на возможность интеграции такой системы с NFC-метками или QR-кодами для еще большей надежности[5].

Автоматизация рутинных процедур через смарт-контракты. В более отдаленной перспективе самоисполняющиеся программные коды (смарт-контракты) могли бы автоматизировать строго формализованные действия: контроль сроков, управление доступом к материалам дела, регистрацию ходатайств. Это позволило бы существенно снизить рутинную нагрузку, минимизировать риски ошибок и ускорить некоторые процедуры. Однако здесь требуется предельная осторожность, так как уголовный про-

---

[1] Григорьев В. Н. Тенденции и проблемы развития законодательства в области информационных технологий, регулирующего уголовное судопроизводство // Академическая мысль. 2019. № 3. С. 57-61.

[2] Бертовский Л. В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. №6. С. 229.

[3] Чихрядзе А. М. Система блокчейн: криминалистический аспект // Философия права. 2024. № 3. С. 187-192.

[4] Масленникова Л. Н. Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий // Lex russica. 2020. Т. 73. № 1. С. 70—87.

[5] Аносов А. В. Использование технологии блокчейн в процессе формирования и учета криминологической информации // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2018. Т. 9. № 2. С. 211-216.

цесс требует взвешенной оценки конкретных обстоятельств, применения судейского усмотрения, учета индивидуальных особенностей личности. Чрезмерная формализация несет риск утраты сути права. К тому же, остаются нерешенными вопросы юридической силы смарт-контрактов и «проблема оракула» — обеспечение их достоверными данными из внешнего мира.

Несмотря на очевидный потенциал, практическая реализация "блокчейна для правосудия" сталкивается с комплексом серьезных препятствий.

Нормативно-правовой вакуум и концептуальная несовместимость. Это, без преувеличения, ключевой барьер. Действующий УПК РФ и смежное законодательство не содержат упоминаний о технологиях распределенного реестра. В.Н. Григорьев прямо указывает на «отсутствие системности и полноты в регулировании цифровых элементов уголовного судопроизводства» и «недостаточность профессиональных навыков в работе с нормативным материалом» у законодателя»[1]. Отсутствуют легальные дефиниции, не ясны процедуры оценки допустимости и достоверности блокчейн-данных как доказательств. Возникает концептуальный вопрос: как вписать децентрализованную технологию в строго субординированную систему уголовного судопроизводства России? Как разрешить коллизию между неизменностью блокчейна и фундаментальными процессуальными институтами, такими как право на исправление ошибок, возможность отмены или изменения процессуальных решений?

Технические, инфраструктурные и экономические вызовы. Внедрение и поддержка таких систем в масштабах страны — задача колоссальной технической сложности и огромной стоимости. Требуются значительные инвестиции в разработку ПО, оборудование, каналы связи, кибербезопасность и подготовку персонала. Остро стоит проблема масштабируемости и взаимодействия систем разных ведомств (МВД, СК, ФСБ, ФСИН, суд), что требует единых стандартов и протоколов. Нельзя игнорировать и экономический аспект: окупятся ли потенциальные выгоды (повышение доверия, снижение рисков) теми огромными бюджетными затратами, которые потребуются, особенно при наличии других насущных потребностей?

Доказательственное значение и проблема верификации. Блокчейн гарантирует неизменность записанной информации, но не её истинность в момент записи. Принцип "мусор на входе — мусор на выходе" здесь проявляется в полной мере. Критически важно определить, кто, по какой процедуре и с какой степенью ответственности будет верифицировать корректность, полноту и достоверность данных перед их необратимой записью в блокчейн? Ошибка или умысел на этом этапе будут увековечены. Как отмечает А.В. Шушеначев, «цифровые технологии в уголовном процессе порождают не только возможности, но и специфические проблемы и риски», связанные, в том числе, с обеспечением достоверности исходных данных[2]. Потребуется разработка новых криминалистических и судебно-экспертных методик, возможно, введение новых процессуальных фигур.

Организационно-психологические, культурные и этические барьеры. Внедрение столь радикальной технологии неизбежно столкнется с инерцией мышления — сопротивлением устоявшимся практикам. Необходима не просто техническая подготовка кадров, а глубокая перестройка профессионального сознания, формирование новой правовой и технологической культуры. Т.Г. Бородинова справедливо указывает на риск формального внедрения ("для галочки") или, наоборот, необоснованной веры в технологию как панацею, игнорируя необходимость «совершенствования самих правовых институтов, процедур и, главное, повышения профессионализма и этических стан-

[1] Григорьев В. Н. Тенденции и проблемы развития законодательства в области информационных технологий, регулирующего уголовное судопроизводство // Академическая мысль. 2019. № 3. С. 57-61.

[2] Шушеначев А. В. Цифровые технологии в уголовном процессе: проблемы и риски // Вестник Российской правовой академии. 2024. № 1. С. 214.

дартов самих правоприменителей»[1]. Нельзя игнорировать и этические дилеммы, на которые указывает Л.В. Головко: риски «усиления цифрового неравенства», возможность использования данных для предиктивного анализа с риском дискриминации, обеспечение баланса «между прозрачностью и правом на частную жизнь»[2]. Л.А. Воскобитова также подчеркивает, что «цифровизация уголовного процесса ставит серьезные вызовы» перед защитой прав личности[3].

Технология блокчейн действительно несет значительный, возможно, революционный потенциал для модернизации российского уголовного судопроизводства. Ее способность обеспечивать верифицируемую неизменность, целостность и прослеживаемость данных открывает перспективы для повышения надежности доказывания, усиления процессуальных гарантий и укрепления доверия общества к системе юстиции, что соответствует общим целям реформирования.

Однако этот потенциал может быть реализован лишь при условии осознания и последовательного преодоления всего спектра серьезнейших препятствий: правовых, технических, экономических, организационных и этических. Как подчеркивают Ю.В. Гаврилин и А.В. Победкин, «модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества» требует осторожности, чтобы не принести отрицательный результат [4].

Путь к интеграции блокчейна должен быть не форсированным, а продуманным, эволюционным и строго научно обоснованным. Необходим выверенный, поэтапный подход, возможно, начиная с пилотных проектов в менее рискованных сферах (например, учет движения вещественных доказательств). Критически важно сохранять человекоцентричный подход: технология должна служить праву, справедливости и защите человека, а не наоборот. Блокчейн — лишь инструмент, и его ценность зависит от того, насколько грамотно и этично он будет встроен в систему правовых ценностей и процессуальных гарантий. Дальнейшее продвижение требует широкого междисциплинарного диалога юристов, IT-специалистов, криминалистов, социологов и экспертов по этике, чтобы использовать преимущества новых технологий во благо правосудия, не допустив ущерба его гуманистическим основам.

[1] Бородинова Т. Г. Цифровые технологии в уголовном судопроизводстве России: пределы и проблемы внедрения // Правосудие. 2022. Т. 4. № 1. С. 71-86.

[2] Головко Л. В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15-25.

[3] Воскобитова Л.А. Цифровизация начального этапа уголовного судопроизводства как необходимое средство обеспечения прав потерпевших // Lex russica. 2020. № 4. С. 53–68.

[4] Гаврилин Ю. В., Победкин А. В. Модернизация уголовно-процессуальной формы в условиях информационного общества // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3. С. 27–38.

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ СТАТЕЙ 185, 186 УПК РФ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ТОРГОВЛИ

К. Е. Крапивницкая,
студент Юридического института
Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики В. С. Калашников.

Реальностью настоящего времени является цифровизация практически всех сфер общественной жизни. Ежедневные объемы информации, передаваемые в электронном формате, сопоставимы с крупными библиотеками, и тенденция к росту объемов сохраняется. На электронный документооборот переходят органы государственной власти, коммерческие организации уже давно внедряют корпоративную электронную почту, программы для совместной работы, облачные базы данных и т.п. Используемые устройства перестали выполнять узкоспециализированные функции. Так, компьютеры не первый год могут использоваться для звонков, передачи коротких сообщений, изображений и аудиофайлов, видео, в то время как сотовые телефоны обзавелись операционными системами и обладают множеством функций, характерных для компьютеров и других устройств. Растущее количество информации, передаваемой через средства связи, одновременно с увеличением способов такой передачи, делает особенно актуальными вопросы нормативного регулирования и практического осуществления следственных действий, направленных на изъятие соответствующих данных. Действующее уголовно-процессуальное законодательство включает в себя следственные действия, целью которых является получение такой информации для её дальнейшего использования в процессе доказывания по уголовным делам.

Постоянное развитие средств связи объективно ведет к расширению сферы их применения. Деловая переписка зачастую осуществляется при помощи эмодзи-значков, расшифровывая которые суды пытаются установить намерения сторон договора. При помощи мессенджеров передают точные данные о местонахождении наркотических средств участники наркокартелей, облегчая получателю поиск возможность задать маршрут при помощи встроенных навигационных приложений. В уголовное законодательство введена ответственность за использование дип-фейков – звуковых и визуальных. В ответ на это законодатель разрабатывает следственные действия, которые позволяют получать часть электронной информации, передаваемой через средства связи. Однако либо делает это не так оперативно, как движется технический прогресс, либо создает конструкции, которые нельзя назвать удачными. Например, в статье 185 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее - УПК РФ) предусмотрена возможность получения информации, передаваемой по электронной почте, но законодатель не учел, что эта норма распространяется только на операторов почтовой связи.

Большинство средств связи функционирует через операторов, таких как сотовые компании и интернет-провайдеры. Информация о переговорах, осуществляемых через эти средства, может быть получена несколькими способами.

Во-первых, часть данных сохраняется в базах операторов связи, и может быть предоставлена в органы предварительного расследования двумя способами: через следственные действия или по инициативе пользователя, который передает информацию следователю или дознавателю. В первом варианте исключается вероятность фальсификации сведений, есть возможность получения содержания разговоров, а также данный способ является единственным при необходимости установления абонентов по нераскрытым преступлениям. Польза второго варианта только в более быстром

получении данных, однако пользователю предоставят только сведения по биллингу, которые не всегда имеют доказательственную ценность. Кроме того, скорость получения зависит от расторопности пользователя, поскольку получение таких сведений осуществляется им исключительно на добровольной основе.

Во-вторых, само абонентское устройство выступает источником информации. Например, осмотром сотового телефона или компьютера можно установить номера других абонентских устройств, с которыми происходили соединения, переданные текстовые и графические данные, а также аудио и видеофайлы. В то же время осмотр электронного носителя информации не может полностью заменить сведения, получаемую из баз данных операторов связи. Также необходимо учитывать, что некоторые данные могут быть удалены пользователем, что нередко встречается по делам о незаконном обороте наркотических средств. Восстановление ранее удаленной информации возможно в рамках проведения судебно-компьютерной экспертизы, однако не всегда такая экспертиза восстанавливает все файлы. Если абонентское устройство заблокировано, доступ к его содержимому для посторонних лиц становится невозможным. Кроме того, для успешного извлечения информации необходимо физическое наличие самого устройства у следователя, что не всегда возможно в ходе расследования.

Таким образом, для полноценного анализа связи требуется комплексный подход, включающий как исследование абонентских устройств, так и получение данных от операторов связи. Это позволит более точно установить факты и обстоятельства, связанные с рассматриваемым делом.

Из тех способов получения информации о содержании переговоров, которые доступны органам расследования на сегодняшний день, самым надежным и достоверным, выступают следственные действия, специально разработанные для этого. Они предполагают извлечение данных из баз данных операторов связи, для чего не требуется физическое наличие абонентского устройства. К таким следственным действиям относятся контроль и запись телефонных переговоров (ст. 186 УПК РФ) и получение данных о соединениях между абонентами и/или абонентскими устройствами (ст. 186.1 УПК РФ). Еще одним способом получения информации, рассчитанным на передаваемые операторами сотовой связи телеграммы выступает наложение ареста на почтово-телеграфные отправления (ст.185 УПК РФ). Под последнее следственное действие подпадают и сообщения, передаваемые через «электронную почту».

За неимением лучшего, использование рассматриваемой нормы выступает попыткой хоть как-то получить необходимую информацию в отсутствие правового регулирования. Однако с точки зрения механизма передачи сообщений по «электронной почте» у исследователей возникают обоснованные сомнения в правильности применения наложения ареста на почтово-телеграфные отправления к этим направляемым файлам. В отличие от традиционной почтовой системы, для передачи сообщений «электронной почты» задействуются операторов связи, не входящие в систему почтовых учреждений[1]. В связи с этим возникает вопрос о том, как реализовать положения статьи 185 УПК РФ и кто будет исполнять постановление о наложении ареста на такие отправления. По своей природе «электронная почта» является ничем иным как обычным сеансом связи при помощи электрического импульса, соответственно и информация, которая передается таким способом, должна быть получена в рамках тех же следственных действий, рассчитанных на такие средства связи.

Анализ положений статьи 186 УПК РФ показывает ее несоответствие уровню современного развития цифровых технологий, особенно в области передачи данных. При этом законодательство о связи старается учитывать достижения научно-технического прогресса, да и правоприменители активно используют новые способы передачи ин-

[1] Яковлев А. Н. Правовой статус цифровой информации, извлекаемых из компьютерных и мобильных устройств: «электронная почта» // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 4. С. 43–45.

формации. Указанное свидетельствует об отсутствии системного подхода законодателя, однако данный вопрос не относится к теме настоящей публикации.

На текущий момент нормативное определение предмета следственного действия как «телефонные и иные переговоры» выглядит довольно узко, поскольку не позволяет с уверенностью утверждать, что в рамках него можно получать и фиксировать сообщения, иного формата, нежели голосовые. При этом для совершения преступлений все чаще используются текстовые, графические, мультимедийные и другие сообщения.

Затруднения вызывает получение в рамках контроля и записи переговоров иных интернет-сообщений, не относящихся к категории «электронной почты», так как последняя отнесена законодателем к действиям статьи 185 УПК РФ.

На наш взгляд проблема носит исключительно терминологический характер, а все упомянутые сообщения должны подпадать под предмет следственного действия, регулируемого статьей 186 УПК РФ, поскольку они представляют собой разные виды переговоров. Похожее мнение уже высказывалось и обосновывалось в научных кругах[1].

Не стоит оставлять без внимания и тот факт, что на момент принятия УПК РФ в 2001 году телефон был основным средством связи, используемым массово для передачи голосовых сообщений в ходе непосредственного общения. Соответственно законодательная формулировка предмета следственного действия как «контроль телефонных и иных переговоров» отражала текущие реалии того времени и учитывала возможность как контролировать передачу информации через данное средство связи (телефон), так и фиксировать содержание переговоров по другим средствам связи, которые функционировали в тот период, например, перехватывать радиосообщения[2].

В настоящее время механизм передачи сообщений через интернет, в том числе и в виде электронной почты, представляет собой разновидности электросвязи и существенно не отличаются от тех, что передаются по телефону. Поэтому было бы более оправданным и обоснованным включение их в сферу действия статьи 186 УПК РФ, чем относить их к предмету следственного действия, указанному в статье 185 УПК РФ.

В этом контексте возникает ряд вопросов, касающихся маркетплейсов. Современная социально-политическая ситуация, включая экономические санкции и политику импортозамещения, а также изменения в потребительских предпочтениях, значительно влияют на электронную торговлю. Увеличение значимости электронной коммерции связано с необходимостью обеспечения широкого ассортимента товаров (в основном за счет отечественных продуктов и товаров из параллельного импорта), сохранения возможностей для выбора потребителей, а также улучшения качества торгового обслуживания через развитие служб доставки и повышение их скорости и эффективности.

Развитие электронной торговли, особенно на таких платформах, как Wildberries, оказало значительное влияние на современный образ жизни и экономику[3].

Однако одновременно с этим увеличились масштабы незаконной торговли наркотиками через эти площадки.

Что подтверждается выявленными фактами, которые свидетельствуют о том, что на Wildberries продают наркотик под видом растворителя для красок. Если зайти в отзывы и вопросы, продавец дает рекомендации по «применению», а покупатели про-

[1] Стельмах В. Ю. Следственные действия, направленные на получение сведений, передаваемых по средствам связи: монография. – Екатеринбург: Уральский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2015. – 216 с.

[2] Васюков В. Ф. Некоторые вопросы проведения следственных действий, направленных на обнаружение, фиксацию и изъятие электронных сообщений, переданных посредством мобильных абонентских устройств сотовой связи // Российский следователь. 2016. № 23. С. 15–18.

[3] Шайдуллина В.К. Состояние и перспективы электронной торговли в России // Вестник университета. 2019. №4. С. 118- 122.

сят удалить заказ из их истории покупок, при этом покупатели, оставляющие отзывы, указывают свой вес и возраст, при этом спрашивая так называемые миллилитры, которые следует «применить».

Данные факты вызывают серьезные опасения относительно безопасности и легальности товаров, предлагаемых на таких платформах, как Wildberries. Наличие отзывов, в которых покупатели обсуждают «применение» продукта, а также запрашивают информацию о дозировках, говорит о том, что они осознанно используют товар не по назначению. Это создает риск не только для здоровья покупателей, но и для общества в целом, так как подобные действия могут способствовать распространению наркомании.

Статья 185 УПК РФ не учитывает особенности онлайн-продаж, что затрудняет расследование преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков через Wildberries и подобные платформы. Эта статья опирается на устаревшие методы контроля. Современные преступники используют различные способы для сокрытия запрещенных веществ, в то время как существующие методы контроля и осмотра, предусмотренные статьей 185, оказываются недостаточно эффективными. В связи с этим становится очевидной необходимость внедрения новых технологий, таких как автоматизированные системы сканирования и анализа содержимого отправлений.

Кроме того, возникает трудность в идентификации участников: скрытые профили и использование псевдонимов могут затруднить установление личностей продавцов и покупателей наркотиков.

Отслеживание финансовых потоков также представляет собой проблему. Применение различных методов оплаты, включая электронные платежи, усложняет мониторинг денежных потоков, связанных с незаконной торговлей.

Еще одной сложностью является сбор доказательств. Доказать факт незаконной сделки и собрать улики в цифровом формате оказывается гораздо сложнее.

В данном контексте, следует сказать о масштабе проблеме. Высокая популярность и доступность ВБ делают ее удобной площадкой для распространения наркотиков. Большой объем продаж и высокий товарооборот может усложнить выявление и пресечение преступлений. Кроме того, это открывает новые каналы сбыта для преступников.

Таким образом, на основании выявленных проблем, следовало бы внести изменения в ст. 185 УПК РФ, которые должны учитывать новые реалии, связанные с электронной торговлей:

Уточнение терминологии: Включение в статью терминов, характерных для электронной торговли (например, «электронная платформа», «виртуальный магазин»).

Внедрение современных технологий. Необходимо предусмотреть возможность использования современных технических средств для автоматизированного контроля почтовых отправлений. Это может включать системы рентгеновского сканирования, а также использование искусственного интеллекта для анализа паттернов отправлений.

Изменение ст. 185 УПК РФ является необходимым шагом для эффективной борьбы с незаконным оборотом наркотиков в условиях современного цифрового пространства. Необходимо учитывать специфику электронной торговли и новые проблемы, связанные с распространением наркотиков через популярные маркетплейсы, для повышения эффективности правоприменения и защиты общества от этой угрозы. Дальнейшие исследования и разработка конкретных предложений по изменению законодательства будут способствовать более эффективной борьбе с этой проблемой

Также стоит подчеркнуть, что развитие новых форм общения не предполагает полное отмирание них способов, поэтому и законодательство должно идти по пути расширения следственных действий или их сферы, а не замены еще работающих и

применяемых механизмов новыми. Например, отмена специального следственного действия, направленного на получение сведений, передаваемых через средства связи, и замена его выемкой на наш взгляд кажется нецелесообразной. В первую очередь это объясняется особенностями хранения данного вида информации. Существующие требования к операторам связи уникальны и не имеют аналогов по сравнению с хранением других объектов. В российском законодательстве правила документооборота и архивирования обычно предусматривают хранение только документов, но не информации в электронном виде. Кроме того, Конституция Российской Федерации прямо гарантирует тайну переписки, что выделяет такие сведения среди остальных. И, наконец, выемка информации о содержании переговоров не в полной мере соответствует характеру данного следственного действия, поскольку последнее направлено на изъятие физического носителя с информацией. Как известно, информация о содержании переговоров не имеет собственной физической формы и хранится в базах данных, а для ее предоставления систематизируется оператором связи.

Поэтому более целесообразным представляется расширение предмета следственного действия «контроль и запись телефонных и других переговоров» на информацию о соединениях между абонентами и (или) их устройствами, а также сведения, передаваемых по электронной почте, в связи с чем возможно его переименование в «контроль средств связи». В рамках этого действия возможно извлечение любых данных о переговорах, использующих средства связи, включая как содержание, так и биллинговые параметры. При этом в УПК РФ следует сохранить два порядка получения информации о переговорах: судебный и несудебный. Несудебный порядок целесообразно оставить как исключение для случаев, когда участник уголовного судопроизводства сообщает о угрозах своей безопасности или безопасности близких. Во всех остальных случаях необходимо применять судебный порядок. Также следует предусмотреть возможность получения сведений о соединениях не только конкретного средства связи, но и всех устройств, обслуживаемых базовой станцией в определённый период. Установление срока получения информации в предлагаемой статье УПК РФ не требуется, так как следственное действие будет иметь ретроспективный характер.

ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ ВЫБОРА ОБВИНЯЕМЫМ СУДЕБНОГО СОСТАВА С УЧАСТИЕМ КОЛЛЕГИИ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ

А. В. Ощепков,
студент Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск
Научный руководитель: к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности В. В. Ясельская.

Отечественный суд присяжных является особенным демократическим институтом уголовного процесса. Само право обвиняемого на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей напрямую закреплено в норме ч. 2 ст. 47 Основного Закона РФ. Демократичность выражается в том, что подсудимый предстаёт перед судьями факта — обыкновенными людьми, далёкими от мира от юриспруденции. К тому же на суд присяжных не распространяется такое явление, как уход в отрицательную практику, они не связаны решениями и мнениями вышестоящих судов.

Однако не всегда рационально ходатайствовать о рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей. Соответственно, прежде чем требовать разрешения такого ходатайства, обвиняемый и его защитник, должны определить факторы, кото-

рые должны быть учтены до перехода к стадии судебного разбирательства. Таким образом, необходимо оценивать целесообразность выбора обвиняемым суда присяжных.

Перейдём к факторам, которые выступают за целесообразность суда присяжных для подсудимого:

— обвиняемый не считает себя виновным. Выбор обвиняемым суда присяжных в таком случае будет означать, что сторона защиты готова активно продолжать своё противостояние со стороной обвинения. Если обвиняемый, напротив, полностью согласен с предъявленным ему обвинением, то и в суде присяжных нет никакого смысла, это только затянет время: и его, и судьи.

Также необходимо согласиться с позицией Малины М. А[1], что суд присяжных не подойдёт для обвиняемого, согласного с доказанностью его вины, но желающего изменить квалификацию вменяемого преступления. Причиной тому является то, что присяжные заседатели не занимаются вопросами квалификации, для этого в уголовном процессе существует фигура судьи;

— знания психологии и навыки ораторского искусства. В ординарном процессе и адвокат, и прокурор апеллируют лишь юридическими фактами, доказывающими виновность или невиновность подсудимого, не стремясь при этом активно использовать ораторское искусство. Из-за этого сам процесс пропитан официально-деловым стилем, переполнен сухой юридической лексикой. Судья не обращает внимание на такие трюки, как красивая речь, психологические приёмы, которые к делу не относятся. В процессе с участием присяжных заседателей ситуация в корне меняется. Именно в таком процессе наиболее полно реализуется принцип состязательности, само дело выглядит зрелищнее и интереснее. Соответственно, даже уступая в убедительности доказательств, но имея преимущество в манере речи, опытный адвокат может добиться как минимум снисхождения присяжных;

— вероятность оправдания. Институт проблем правоприменения утверждает, что процент оправдания в суде присяжных намного выше, чем в обычном суде[2]. Но статистика — лишь набор чисел. Теория вероятности неприменима к ситуациям, когда решается судьба человека. По этой причине всецело полагаться на статистические данные, рассчитывать на их основе процент возможного исхода в виде оправдания безрассудно;

— особенности доказывания. Согласно ч. 7 и ч. 8 ст. 335 УПК РФ, в суде с участием коллегии присяжных заседателей запрещается исследовать доказательства, характеризующие личность подсудимого. В качестве примера таких доказательств Насонов С. А. приводит заключение психофизиологической экспертизы или любое исследование с использованием полиграфа[3].

Однако такой фактор может быть неприменим в случае, если имеется много обстоятельств, положительно характеризующих подсудимого, что во многом помогло бы в суде без присяжных заседателей;

— сложность обжалования для стороны обвинения. Ч. 1 ст. 389.25 УПК РФ закрепляет: оправдательный приговор, постановленный на основании оправдательного вердикта, может быть отменен лишь при наличии таких существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые ограничили право прокурора, потерпевшего на представление доказательств либо повлияли на содержание поставленных перед присяжными заседателями вопросов или на содержание данных ими ответов. Приве-

[1] Малина М. А. Суд с участием присяжных заседателей — свободный выбор обвиняемого // Lex russica. 2022. Т. 75. № 4. С. 98–106.

[2] Ходжаева Е. А. Суды присяжных в официальной статистике: аналитический обзор. — СПб: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2020. — (Аналитические обзоры по проблемам правоприменения; вып. 3(2020)). — 20 с.

[3] Насонов С. А. Когда защите стоит выбирать суд присяжных // Уголовный процесс. 2020. № 3. URL: https://e.ugpr.ru/792139?ysclid=m983scwsqw503881539 (дата обращения: 10.03.2025).

дём пример из судебной практики. Как следует было представлено в одном из Кассационных определений Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ[1], государственный обвинитель ссылался на то, что стороной защиты в ходе судебного следствия до присяжных систематически доводились сведения, не относящиеся к предмету судебного разбирательства, не входящие в компетенцию присяжных, а именно допустимость доказательств стороны обвинения. Председательствующий судья прерывал противоречащее выступление защиты, сделал 50 замечаний, давал соответствующие разъяснения коллегии, удалил защитника из зала судебного заседания. Количество и характер допущенных стороной защиты нарушений повиляло на вынесение оправдательного вердикта. Однако судебная коллегия не нашла оснований для отмены приговора, отметив, что председательствующий неоднократно указывал присяжным на необходимость не принимать к сведению предпринятые стороной защиты действия, прерывал и пресекал эти попытки.

Теперь рассмотрим факторы, выступающие за нецелесообразность выбора суда присяжных для подсудимого:

— Ефимчук Е. А. выражает позицию, что, если обвиняемый заявит ходатайство о рассмотрении дела с участием присяжных заседателей, адвокат должен разъяснить, что это выгодно только когда можно рассчитывать на оправдательный вердикт или снисхождение, в остальных случаях это бессмысленно и может привести к значительному увеличению сроков судебного разбирательства[2]. Однако с его позицией можно не согласиться. Абсолютная уверенность в том, что исход дела будет благоприятен, безосновательна. Для этого и существуют факторы, обосновывающие целесообразность выбора суда присяжных. Поэтому, полагаем, что адвокату стоит учитывать количество и качество таких факторов, и только после разъяснять подзащитному, какой выбор сделать;

— Сложность обжалования для защиты. из толкования ст. 389.27 УПК РФ следует, что пересмотр судебных решений, вынесенных с участием коллегии присяжных заседателей, на основании несоответствия выводов суда, изложенных в приговоре, фактическим обстоятельствам уголовного дела, установленным судом первой инстанции, невозможен при рассмотрении дела в апелляционной инстанции. На это же указывает п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 № 26, дополнительно разъясняя, что в указанных случаях доказательства, относящиеся к фактическим обстоятельствам предъявленного лицу обвинения, судом апелляционной инстанции не проверяются[3].

— после оправдательного приговора, постановленного на основании оправдательного вердикта есть риск обжалования такого приговора. Государственные обвинители выбрали стратегию обжаловать оправдательные приговоры по самым различным основаниям. Обратимся к статистике Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. Как следует из отчёта о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уго-

---

[1] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26.05.2022 N 78-УДП22-14сп-А2 // Юридическая информационная система "Легалакт - законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации". [Б. м.], 2025. URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-_opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-26052022-n-78-udp22-14sp-a2/?ysclid=m984fscazs808098888 (дата обращения: 14.03.2025).

[2] Ефимчук Е. А. Человечный суд // Сахалинская адвокатская палата. [Б. м.], 2016. URL: https://www.sap-sakhalin.ru/efimchuk-hum-court (дата обращения: 14.03.2025).

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.11.2012 N 26 (ред. от 27.06.2023) "О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции" // КонсультантПлюс : справ. правовая система. М., 2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_138315/?ysclid=m9856qdsik776612944 (дата обращения: 15.03.2025).

ловных дел в первой инстанции за 2024 год[1]: всего предстало лиц в процессе с участием коллегии присяжных заседателей в качестве подсудимых — 941, из них оправдано — 290. Согласно такому же отчёту в апелляционном производстве за 2024 год[2] отменено 189 оправдательных приговоров. Приведём пример того, как прокуратура реализует свою стратегию, стараясь использовать самые различные формальные основания.

В одном Апелляционном определении Судебной коллегии по уголовным делам Иркутского областного суда[3], прокурор в обсонование апелляционного представления ссылался на следующее: председательствующий объявил о перерыве в связи с тем, что присяжным необходим отдых, но фактически причиной перерыва стало то обстоятельство, что в здание суда приехали родственники присяжного заседателя с грудным ребенком и требованием, чтобы данный присяжный заседатель вышел из совещательной комнаты и покормил ребенка. Прокурор утверждает, что данная ситуация создала нервозную ситуацию и не позволила присяжным заседателям в спокойной обстановке выполнить свои обязанности. Апелляционное представление удовлетворено не было в связи с надуманностью и недостаточной мотивировкой доводов государственного обвинителя;

— сложность дела. Под этим понимается многоэпизодность дела, избыток какой-либо терминологии, которая может быть непонятна присяжным заседателям, ввиду чего они могут вынести вердикт, не разобравшись в сущности дела. Из материалов Кассационного определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ[4] следует, что прокурор мотивировал необходимость отмены приговора следующим: председательствующий не разъяснил присяжным заседателям понятие «соучастие», его форм и отграничения их друг от друга. Такие упущения, по мнению Судебной коллегии, могли затруднить понимание присяжными заседателями функций подсудимого как участника организованной группы и соисполнителя преступления, и, таким образом, повлиять на содержание ответа на вопрос о доказанности того, что деяние совершено подсудимым. В результате кассационное представление было удовлетворено, а оправдательный приговор отменён.

— в делах с участием суда присяжных участвуют более опытные государственные обвинители. На это указывает п. 1.5 и п. 21.1 в Приказе Генпрокуратуры от 30 июня 2021 г. № 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства»[5], подчёркивающие важность развития личностных и профессиональных

---

[1] Судебный департамент при Верховном Суде РФ. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год. Отчёт о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции. — URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/F1-svod_vse_sudy-2024.xls (дата обращения: 21.04.2025).

[2] Судебный Департамент при Верховном Суде РФ. Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 2024 год. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел в апелляционном порядке. — URL: https://cdep.ru/userimages/Statistika_2024/F6-svod_vse_sudy-2024.xls (дата обращения: 21.04.2025).

[3] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Иркутского областного суда от 21 августа 2024 года // Иркутский областной суд. 2024. URL: https://oblsud--irk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=66538218&delo_id=4&new=4&text_number=1 (дата обращения: 14.03.2025).

[4] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10.01.2025 № 36-УДП24-13СП-А1 // Юридическая информационная система "Легалакт - законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации". [Б. м.], 2025. URL: https://legalacts.ru/sud/kassatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rf-ot-10012025-n-36-udp24-13sp-a1/?ysclid=m988bdrs3o460065685 (дата обращения: 17.03.2025).

[5] Приказ Генпрокуратуры от 30 июня 2021 г. N 376 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» // КонсультантПлюс : надёжная правовая поддержка. М., 2025. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389969/?ysclid=m988hn6wb8960638624 (дата обращения: 15.03.2025).

качеств, уделения особого внимания тактике поддержания государственного обвинения в суде присяжных. В таких делах нужен более опытный адвокат.

Дополнительно следует учитывать факторы, которые могут сыграть как в сторону защиты, так и в сторону обвинения. К таковым можно отнести информационную ситуацию, созданную СМИ. Если рассматриваемое дело в суде успело стать громким, то о нём уже могли узнать будущие присяжные заседатели и для себя сделать выводы о виновности фигуранта. В пример приведём Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ[1]. Государственный обвинитель в апелляционном представлении ссылался на то, что защитник подсудимого до начала судебного разбирательства разместил на своём сайте информацию, положительно характеризующую подсудимого и отражающую ошибочность предъявленного обвинения, якобы такая информация повлияла на вынесение оправдательного вердикта. Однако председательствующий судья выполнил все требования УПК РФ, отводов и ходатайств о тенденциозности состава коллегии присяжных сторонами заявлено не было.

Также это и общественный резонанс, зачастую подпитываемый информационной ситуацией. Пример — дело полковника Квачкова В. В. о покушении на Чубайса А. Б. Отношение к Чубайсу А. Б. в народных массах сложилось уже давно и явно не отличалось позитивом. Однако не только этот фактор помог Квачкову В. В. и его защитнику выиграть дело, но совокупность таких факторов, обеспечивших в итоге оправдательный вердикт.

Таким образом, существуют факторы, которые обосновывают целесообразность выбора обвиняемым суда присяжных, и факторы, обосновывающие соответствующую нецелесообразность. Такие факторы может учитывать не только обвиняемый и его защитник, но и государственный обвинитель, поскольку любой промах защиты даёт преимущество стороне обвинения. Поэтому нецелесообразный выбор суда присяжных обвиняемым позволит увеличить шансы государственного обвинителя.

Однако нужно понимать, что уголовный процесс вариативен и не существует абсолютно одинаковых уголовных дел. Соответственно, то, что коллегия присяжных заседателей вынесла оправдательный вердикт в отношении одного подсудимого, совсем не означает, что такой же результат будет и в отношении другого лица по схожему делу, и что оправдательный приговор в итоге не будет отменён в апелляции или кассации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ ПОД СТРАЖУ – НАРУШЕНИЕ ПРЕЗУМПЦИИ НЕВИНОВНОСТИ?

А. С. Порфиненко,
студент Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск.
Научный руководитель: к.ю.н,. старший преподаватель кафедры прокурорского надзора и правоохранительной деятельности П.О. Герцен.

Конституция РФ провозглашает права и свободы человека высшей ценностью на территории Российской Федерации. Так, не допускается безосновательное ограничение или лишение их. В частности, для этого и действует презумпция невиновности, закрепленная ст. 49 Конституции РФ: «Каждый обвиняемый в совершении преступления считается невиновным,

[1] Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 11 декабря 2019 г. № 5-АПУ19-88СП // Юридическая информационная система "Легалакт - законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации". [Б. м.], 2025. URL: https://legalacts.ru/sud/apelliatsionnoe-opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-11122019-n-5-apu19-88sp/?ysclid=m9zr7ff73z408727627 (дата обращения: 20.03.2025).

пока его виновность не будет доказана в предусмотренном федеральным законом порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда».

Исходя из этого, Конституция РФ закрепляет, а Уголовно-процессуальный кодекс РФ детализирует указанные положения Конституции РФ. Согласно ч.1 ст. 14 УПК РФ, обвиняемый считается невиновным, пока его виновность в совершении преступления не будет доказана в предусмотренном порядке и установлена вступившим в законную силу приговором суда. Вместе с тем, уже на стадии предварительного расследования в отношении подозреваемого, обвиняемого могут применяться меры пресечения, в том числе ограничивающие право на свободу и личную неприкосновенность, например, заключение под стражу. Как справедливо отмечают в научной литературе, заключение под стражу по своей природе очень схоже с таким наказанием как лишение свободы[1] (именно поэтому время содержания лица под стражей засчитывается в срок лишения свободы в соответствии со ст. 72 УК РФ). Исходя из этого, возникает вопрос: нарушает ли такая мера пресечения как заключение под стражу презумпцию невиновности?

Отвечая на этот вопрос, необходимо разобраться с обоими понятиями.

Как уже было отмечено, презумпция невиновности – это принцип, согласно которому лицо считается невиновным, пока в установленном законом порядке не будет установлено обратное. Концепция данного принципа была указана во Всеобщей декларации Прав человека 1948 года, ст. 11 провозглашает: «Каждый, кто обвиняется в преступлении, имеет право считаться невиновным до тех пор, пока его вина не будет установлена законным путем в рамках открытого судебного разбирательства, в котором ему предоставлены все возможности для защиты»[2].

Презумпция невиновности является одним из главных принципов уголовного права и гарантирует защиту прав личности от необоснованных обвинений. Ее роль заключается в том, что обвиняемый может не доказывать свою невиновность и не обязан свидетельствовать против себя, а бремя доказывания обвинения и опровержения доводов, приводимых в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения.

Между тем, презумпция невиновности не препятствует применять в ходе уголовного процесса меры уголовно-процессуального принуждения, направленные на обеспечения беспрепятственного хода уголовного процесса и защиту участников уголовного судопроизводства. Как ранее уже отмечалось, одной из таких мер является заключение под стражу.

Заключение под стражу является наиболее строгой мерой пресечения, применяемой по судебному решению в перечисленных ст.108 УПК РФ случаях, в целях обеспечения уголовного процесса.

Вопросы, связанные с этой мерой, также разрешаются в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий». В общих положениях решается вопрос о соотношении заключения под стражу и действия презумпции невиновности. Так, ограничения прав и свобод могут быть оправданы публичными интересами, если такие ограничения отвечают требованиям справедливости, являются пропорциональными, соразмерными и необходимыми для целей защиты конституционно значимых ценностей. При разрешении вопросов, связанных с применением законодательства о мерах пресечения, судам исходя из презумпции невиновности следует соблюдать баланс между публичными интересами, связанными с применением мер процессуального принуждения, и важностью права на свободу личности[3]. Т.е. применение такой меры коррелируется с необхо-

[1] Качалова О.В. Заключение под стражу и его альтернативы в уголовном судопроизводстве / под науч. ред., Качалова О.В., Зайцев О.А., Качалов В.И., Марковичева Е.В., Николюк В.В. - М.: Русайнс – 171 с.

[2] Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) [Электронный ресурс]. URL: un.org.ru

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41 (ред. от 11.06.2020) «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста,

димостью защиты публичных интересов, что также следует из ст. 55 Конституции РФ. Таким образом, исходя из этого, на первый взгляд, никакого нарушения здесь нет.

В ст. 108 УПК РФ содержатся основания, когда к лицу возможно избрание такой меры. В качестве исключительного случая ч.1 указанной статьи приводит положение, согласно которому заключение под стражу может быть избрано в отношении лица, которое не имеет места жительства или места пребывания на территории Российской Федерации, разумеется, отсутствие регистрации на территории РФ или документов, удостоверяющих личность, само по себе не является единственным основанием для избрания такой меры. Например, застигнутое на месте преступления лицо не всегда причастно к его совершению, грубо говоря, оно может проходить мимо и заинтересоваться случившимся. Общий срок задержания, равный 48 часам, может истечь без принятия решения следователем или дознавателем о причастности лица к преступлению (затем лицо подлежит освобождению, если сроки не продлены), тогда далее им необходимо принимать решение по делу, а поскольку лицо, в нашем случае, не имеет места жительства или пребывания, то имеет реальную угрозу скрыться. Скорее всего, суд сочтет, что применение более мягкой меры, чем заключение под стражу, скорее всего, невозможно.

Стоит также отметить, что согласно ст. 109 УПК РФ, содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать 2 месяца. Однако законодательно закреплена возможность продления такого срока в исключительных случаях до 18 месяцев (ч.3 ст.109). Получается, лицо находится в месте лишения свободы, каким фактически и является изолятор временного содержания все это время, однако после вынесения оправдательного приговора вряд ли оно сможет компенсировать личное время, проведенное в СИЗО, разве только в денежном эквиваленте. Т.е. напрашивается вывод о фиктивности презумпции невиновности.

По данным[1] Судебного департамента при Верховном Суде РФ, за 2024 год в суды поступило 97 000 ходатайств о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, из которых было удовлетворено 78%, примерно 75 600, за 2023 – 102320, удовлетворению подлежал 81% , а за 2022 – 83%. Это свидетельствует о том, что количество удовлетворенных ходатайств снижается. Это прогрессия наблюдается с 2015 года, отраженная еще Обзором практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей, утвержденным Президиумом Верховного Суда РФ от 18.01.2017[2].

Вместе с тем, анализ отдельных судебных решений указывает на то, что суды при рассмотрении вопроса об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу уделяют пристальное внимание тому, обоснованно ли подозрение, обвинение лица и подтверждается ли оно представленными в суд материалами, имеются ли данные, указывающие на отсутствие возможности избрать иную более мягкую меру пресечения.

Так, Постановлением Бугурусланского районного суда Оренбургской области от 21 сентября 2015 г. отказано в удовлетворении ходатайства следователя о заключении под стражу И., подозреваемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, со ссылкой на отсутствие достаточных данных, свидетельствующих об обоснованности подозрения в совершении И. преступления. Кроме того, при принятии решения судом было учтено мнение участвовавшего в судебном заседании прокурора, который просил отказать в удовлетворении ходатайства, полагая, что представленных следователем доказательств недостаточно для вывода о причастности И. к преступлению.

залога и запрета определенных действий» / [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156184/

[1] Данные судебной статистики: stat.anu-пресс.рф

[2] Обзор практики рассмотрения судами ходатайств об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу и о продлении срока содержания под стражей (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18.01.2017). [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_211320/

Также Невский районный суд г. Санкт-Петербурга, принимая 9 апреля 2015 г. решение о заключении под стражу В., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ, указал в постановлении, что представленные следователем материалы свидетельствуют о достаточности данных, подтверждающих обоснованность подозрения В. При этом суд не указал, какие материалы позволили прийти к такому выводу. По этой причине 28 апреля 2015 г. Санкт-Петербургский городской суд в апелляционном порядке отменил постановление.

Таким образом, суды гарантируют соблюдение прав и законных интересов лиц, в том числе и презумпцию невиновности, ведь для принятия судебного решения мало убежденности следователя, дознавателя в обоснованности подозрения, обвинения, необходимо наличие достаточных доказательств. Это позволяет сделать вывод, что в отношении лица, непричастного к совершению преступления, вряд ли может быть избрана мера пресечения в виде заключения под стражу, поскольку презумпция невиновности прямо соотносится с таким критерием, как достаточность.

Однако судебные ошибки никто не отменял, в практике также остаются случаи, когда «невиновное» лицо оказывается под стражей, а презумпция невиновности уходит на второй план.

В таком случае, необходимо законодательно сузить круг лиц, к которым возможно применение такой меры пресечения. Ч. 2 ст. 108 УПК РФ устанавливает, что при подозрении или обвинении в совершении тяжкого и особо тяжкого преступления заключение под стражу можно применить к следующим категориям, среди которых указаны несовершеннолетние, беременные женщины и т.д. Однако из-за особенностей их биологических процессов и психической составляющей, данная мера может существенно сказаться не только на физическом здоровье, но также и на психологическом, а реабилитация может занять длительное время, если в итоге причастность к преступлению так и не будет доказана в ходе судебного разбирательства. В отношении указанных категорий следует применять иные меры пресечения, например, домашний арест.

В итоге, если презумпцию невиновности понимать как «не доказано – не виновен», то применение к подозреваемому или обвиняемому каких-либо мер уголовно-процессуального принуждения априори ей противоречит. Такой механизм реализовался в Древнем Риме, когда, как правило, до суда лицо находилось на свободе, однако в современном мире реализация такого механизма сложна, поскольку с развитием технологий и путей сообщения лицо попросту может скрыться, поэтому необходимо принимать соответствующие меры, в частности, заключение под стражу.

Поэтому следует считать, что презумпция невиновности позиционирует лицо добропорядочным, однако не исключает его виновности в совершении преступления. С этой точки зрения, меры пресечения являются вспомогательными для последующего судебного разбирательства. Презумпции невиновности в частности гарантирует недопущение унижения достоинства и произвольного ограничения прав человека в местах ограничения свободы. К лицу запрещено относиться как к виновному, это также распространяется и на высказывания, т.е. недопустимо обращаться как: «преступник», «убийца» и так далее. Действительно, права обвиняемого, в частности, на свободу ограничены, но только в предусмотренной законом степени, с целью поддержания правопорядка в обществе, а не унижения достоинства данного лица. У него также сохраняются права как человека и гражданина, например, голосования на референдумах и выборах. Таким образом, заключение под стражу не нарушает презумпцию невиновности.

Отвечая на главный вопрос о соотношении презумпции невиновности и такой меры как заключение под стражу, нужно отметить, что в теории понятия совместимы, закон, исходя из формального смысла, закрепляет порядок заключения и содержания под стражей без нарушения презумпции невиновности, однако на практике возникают случаи, когда данная мера применяется без достаточных на то оснований, что неправомерно ограничивает права человека и гражданина.

ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРАВИЛА ПЕРСОНАЛЬНОЙ ПОДСЛЕДСТВЕННОСТИ (П. «В» П. 1 Ч. 2 СТ. 151 УПК РФ)

А. Е. Синчук,
студент Юридического института
Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент кафедры
уголовного процесса и криминалистики В. М. Тогулев.

При законодательном разграничении форм предварительного расследования, а также органов, уполномоченных на его производство, учитывается ряд факторов, в том числе тяжесть преступления, особенности субъектного состава события преступления (как на стороне преступника, так и на стороне потерпевшего) и др.

По общему правилу дела о наиболее тяжких преступлениях, а также о преступлениях, событие которых осложнено иными обстоятельствами помимо повышенной общественной опасности, расследуются должностными лицами Следственного комитета РФ (далее – СК РФ).

Указанное обусловлено целевым назначением СК РФ. В отличие от многофункционального Министерства внутренних дел Российской Федерации, полномочия которого не ограничиваются расследованием преступлений, подавляющее число задач СК РФ непосредственно связано с указанной деятельностью. При этом в перечне задач СК РФ, обозначеных в части 4 статьи 1 Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации», первой называется «оперативное и качественное расследование преступлений…».

В этой связи представляется оправданной передача законодателем СК РФ полномочий на проведение предварительного следствия по делам о преступлениях, в частности совершенных должностными лицами правоохранительных органов.

В соответствии с одним из правил персональной подследственности, установленным подпунктом «в» пункта 1 части 2 статьи 151 УПК РФ, следователям СК РФ подследственны дела о преступлениях, совершенных:

- должностными лицами СК РФ, органов ФСБ, СВР РФ, ФСО РФ, ОВД РФ;
- сотрудниками органов принудительного исполнения РФ, таможенных органов РФ;
- военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы;
- лицами гражданского персонала ВС РФ, других войск, воинских формирований и органов.
- В качестве обстановки совершения преступления для установления его подследственности следователям СК РФ рассматриваемая норма называет:
- совершение преступления в связи с исполнением названными лицами своих служебных обязанностей;
- совершение преступления названными лицами в расположении части, соединения, учреждения, гарнизона.

На первый взгляд из буквального толкования нормы о персональной подследственности следует, что она в целях установления подследственности следователям СК РФ не дифференцирует относимость обстановки совершения преступления при исполнении должностных обязанностей лишь к некоторым из названных в норме УПК РФ лиц, устанавливая его в качестве императивного условия, которому должно соответствовать совершение преступления любым таким поименованным лицом.

Ряд авторов отмечает, что для определения подследственности согласно подпункту «в» пункта 1 части 2 статьи 151 УПК РФ в действительности надлежит установить, совершено ли преступление лицом в связи с исполнением им своих служебных

обязанностей[1]. При отсутствии такого условия подследственность определяется в соответствии с предметным признаком[2].

В судебной практике встречаются случаи различного толкования рассматриваемого правила, при этом расхождение встречается как во взглядах судов первой и вышестоящих инстанций, так и во мнениях судов и участников уголовного судопроизводства, что, в свою очередь, приводит к прямо противоположным решениям.

Так, в рамках уголовного дела № 1-20/2023, рассмотренного Малгобекским городским судом Республики Ингушетия, в отношении М., совершившего преступление, предусмотренное п. «б» ч. 3 ст. 228.1 УК РФ, вынесен обвинительный приговор.

Фактические обстоятельства дела свидетельствовали о том, что М., будучи сотрудником ОВД РФ, совершил указанное преступление не находясь при исполнении служебных обязанностей, однако при определении подследственности данного дела правило подпункта «в» пункта 1 части 2 статьи 151 УПК РФ было истолковано таким образом, что условие о совершении преступления при исполнении служебных обязанностей не распространилось на сотрудника ОВД РФ.

Апелляционная инстанция отменила обвинительный приговор, сославшись на то, что обстановка совершения преступления не соответствовала условиям рассматриваемого положения УПК РФ.

По представлению заместителя прокурора Республики Ингушетия Пятый кассационный суд общей юрисдикции постановлением от 13.05.2024 № 77-601/2024 отменил судебный акт апелляционной инстанции, согласившись с доводом кассатора о том, что условие о совершении преступления в связи с исполнением лицом служебных обязанностей распространяется лишь в отношении гражданского персонала воинских формирований. При этом кассационный суд, применяя правило о персональной подследственности указанным образом, содержательно это не мотивировал.

В рамках уголовного дела 1-2/2020 (1-55/2019, 1-176/2018), рассмотренного Мариинским городским судом Кемеровской области, предварительное следствие в отношении сотрудника органов принудительного исполнения РФ было произведено СО ОМВД, подследственность определена заместителем прокурора в соответствии с пп. «в» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ. При этом защитник заявлял о нарушении правил подследственности, однако, как следует из приговора от 15.12.2020, суд отверг этот довод как необоснованный.

Постановлением Кемеровского областного суда от 13.04.2021 № 22-1237/2021 апелляционная жалоба защитника оставлена без удовлетворения, Восьмой кассационный суд определением от 24.08.2021 № 77-3381/2021 также поддержал приговор и апелляционное постановление, указав, что СК РФ не производит предварительное следствие по делу лишь по той причине, что его фигурант являлся должностным лицом, если преступление не совершено им при исполнении своих служебных обязанностей.

Вопрос о неопределенности содержания подпункта «в» пункта 1 части 2 статьи 151 УПК РФ не раз являлся предметом рассмотрения Конституционным Судом РФ (далее – КС РФ). Например, определением от 26.09.2024 № 2074-О отказано в удовлетворении жалобы о признании в частности данной нормы неконституционной, поскольку она не устанавливает однозначные правила подследственности.

Жалоба мотивирована фактическими обстоятельствами уголовного дела в отношении ряда лиц, в том числе заявителя жалобы в КС РФ, которое постановлением гарнизонного военного суда возвращено Генеральному прокурору РФ для устранения

[1] Стельмах В.Ю. Проблемы законодательной регламентации подследственности. Разрешение споров о подследственности // Российский юридический журнал. 2020. № 3.

[2] Османова Н.В. Особенности соблюдения формы предварительного расследования и норм о подследственности // Российский следователь. 2019. № 2.

препятствий его рассмотрения судом в части неверного определения подследственности, поскольку одним из обвиняемых являлся военнослужащим, в связи с чем применению подлежало правило персональной подследственности.

Апелляционная инстанция отменила названное постановление, так как материалы дела не содержали сведений о том, что обвиняемый-военнослужащий совершил вменяемое ему преступление в связи с исполнением им своих служебных обязанностей.

КС РФ «засилил» вывод о распространении условия о совершении преступления в связи с исполнением служебных обязанностей на всех указанных в подпункте «в» пункта 1 части 2 статьи 151 УПК РФ лиц, не изъяв оттуда кого-либо из них.

Такую позицию КС РФ, согласно открытым сведениям баз данных о судебных актах, занял не позднее 2013 года, когда вынес определение от 24.09.2013 № 1294-О, в котором прямо указал о применимости рассматриваемой нормы о персональной подследственности исключительно в отношении дел о преступлениях, совершенных должностными лицами в связи с исполнением ими служебных обязанностей. В частности, суд отметил, что такое правило распространяется и на должностных лиц ОВД РФ.

Указанное мнение до настоящего времени поддерживается КС РФ и изложено, в частности, в определениях от 24.06.2014 № 1339-О, от 27.09.2018 № 2076-О, от 28.12.2021 № 2665-О и др. При этом одна из немногих правовых позиций судов, подкрепленных ссылкой на мнение КС РФ, изложена в кассационном постановлении Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 20.06.2023 г. № 77-2126/2023.

В рамках указанного уголовного дела за совершение покушения не незаконное приобретение без цели сбыта наркотического средства в значительном размере (часть 3 статьи 30, часть 2 статьи 228 УК РФ) осужден сотрудник органа принудительного исполнения, предварительное расследование проводилось ОВД РФ в форме следствия.

Суд, отклоняя довод кассатора-осужденного о нарушении органами предварительного расследования правила о персональной подследственности, прямо говорит о том, что предварительное следствие проводится по делам о преступлениях, совершенных должностными лицами правоохранительных органов лишь в связи с исполнением своих служебных обязанностей, ссылаясь на одно из постановлений КС РФ, вынесенных по данному вопросу.

Верховный Суд РФ (далее – ВС РФ), в свою очередь, принял несколько противоречащих друг другу судебных актов, касающихся рассмотрения вопроса о применении правила персональной подследственности.

Так, в 2008 году ВС РФ принимает кассационное определение № 19-008.26, в котором с учетом фактических обстоятельств, свидетельствующих об отсутствии сведений о совершении лицом преступления в связи с исполнением служебных обязанностей, опровергает соответствующих довод кассатора-осужденного о том, что лишь потому, что он является сотрудником ОВД РФ, предварительное следствие должно было производиться следователями СК РФ. То есть, в данном случае ВС РФ толковал данную норму аналогичным мнению КС РФ образом.

Затем, в 2013 году, предметом рассмотрения ВС РФ становится вопрос о признании недействующим приказа СК РФ от 15.01.2011 № 4 «Об установлении юрисдикции специализированных следственных органов СК РФ».

В определении от 17.12.2013 № АПЛ13-574 ВС РФ заявляет, что условие об обстановке совершения преступления в связи с исполнением служебных обязанностей распространяется исключительно на лиц гражданского персонала вооруженных формирований, и приходит к выводу о том, что положения абзацев 1-3 пункта 4.5 оспариваемого Приказа, предписывающие проведение предварительного следствия следователями СК РФ по делам о преступлениях, совершенных военнослужащими и гражданами, проходящими военные сборы, вне зависимости от выполнения ими служебных

обязанностей, что, по мнению ВС РФ, «соответствуют буквальному содержанию и правовому смыслу подпункта «в» пункта 1 части 2 статьи 151 УПК РФ».

Указанную позицию ВС РФ восприняли некоторые суды нижестоящих инстанций.

Например, уже упомянутый ранее Пятый кассационный суд общей юрисдикции применил ее в постановлении от 13.05.2024 № 77-601/2024, а президиум Ленинградского областного суда – в постановлении от 09.07.2019 № 44у-40/2019.

Между тем, по стопам КС РФ пошел Восьмой кассационный суд общей юрисдикции. В определении от 24.08.2021 № 77-3381/2021 суд заявляет о необходимости установления факта совершения преступления в связи с исполнением лицом служебных обязанностей, отклоняя довод кассатора о том, что предварительное следствие в отношении него должно было вестись следователям СК РФ лишь по той причине, что на момент совершения преступления он являлся сотрудником органов принудительного исполнения РФ.

Аналогичное мнение изложил Пятый кассационный суд общей юрисдикции в определении от 14.06.2023 № 77-984/2023, т.е. почти за год до вынесения уже рассмотренного постановления. Чем обосновано такое различие в правоприменении одной и той же нормы одним и тем же судом – неясно.

Из изложенного следует, что суды общей юрисдикции толкуют рассматриваемую норму подпункта «в» пункта 1 части 2 статьи 151 УПК РФ дуально, однако толкование в любом направлении сводится к формализму без приведения доводов по содержанию, которые могли бы объяснить правоприменение тем или иным образом.

С учетом того, что первой инстанцией, призванной формировать наиболее устойчивую практику, является сплошная кассация, такое расхождение во мнениях лишает участников уголовного судопроизводства разумных ожиданий принятия определенного решения по их жалобе.

Соответственно, целью разрешения данной проблемы является устранение правовой неопределенности в применении правила персональной подследственности, касающегося должностных лиц правоохранительных органов, при этом надлежит понять, по каким причинам судам надлежит трактовать указанное правило так или иначе.

Недостаточность разъяснений КС РФ, хотя бы они и были последовательны, обусловлена тем, что КС РФ высказывает свою позицию относительно толкования нормы в мотивировочных частях своих актов, не вынося их в части резолютивные, в связи с чем его позиции не могут приобрести истинно руководящий характер. ВС РФ же, высказавшись лишь дважды более десяти лет назад и, более того, в противоречие самому себе, до настоящего времени оставил эту проблему без внимания.

Как уже было отмечено ранее, в силу специфики своего целевого назначения СК РФ принято считать более квалифицированным органом, уполномоченным проводить предварительное расследование.

При этом согласно распространенному и обоснованному мнению лишь расследование в форме предварительного следствия может максимизировать уголовно-правовые и уголовно-процессуальные гарантии защиты прав и законных интересов лиц, в отношении которых осуществляется предварительное следствие[1].

Соответственно, производство предварительного расследования в форме следствия СК РФ в бóльшей степени гарантирует должностным лицам правоохранительных органов, выступающим в качестве подозреваемых (обвиняемых, подсудимых), защиту от незаконного и необоснованного привлечения к уголовной ответственности, а также защиту их прав и интересов в ходе предварительного следствия. С этой точки

[1] Стельмах В.Ю. Производство дознания следователями Следственного комитета Российской Федерации: проблемы и пути их решения // Мировой судья. 2022. № 4.

зрения правило пп. «в» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ выполняет защитную функцию по отношению к должностным лицам правоохранительных органов.

С другой стороны, использование должностным лицом своих полномочий в целях совершения преступления наделяет последнее повышенной общественной опасностью в силу того, что первостепенным назначением правоохранительных органов и правоохранительной деятельности per se является охрана и защита прав и законных интересов лиц. С этой целью правоохранительные органы в лице своих должностных лиц наделяются государственно-властными полномочиями, которые могут быть использованы как по прямому назначению, так и для целей совершения преступления, что прямо противоречит существу такого должностного положения.

В этой связи рациональным представляется не исключать возможность производства предварительного следствия по делам о преступлениях, совершенных должностными лицами правоохранительных органов, даже тогда, когда они совершены не в связи с исполнением лицом своих служебных обязанностей.

Указанное, с одной стороны, позволит достичь цель защиты должностного лица от незаконного и необоснованного привлечения к уголовной ответственности, а с другой стороны, отдаст специфичные дела о преступлениях, совершенных должностными лицами в связи с исполнением своих должностных обязанностей, в руки наиболее квалифицированных следователей СК РФ, что также усилит гарантии защиты прав и законных интересов иных участников уголовного судопроизводства, в частности, потерпевших.

Ядро же проблемы кроется в самой формулировке нормы – в ней первоочередно перечисляются должностные лица ряда правоохранительных органов, военнослужащие, а затем называются лица гражданского персонала воинских формирований, к которым зачастую в судебной практике и подвязывается формулировка «в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей», поскольку непосредственно после нее через союз «или» идет фраза «совершенных в расположении части, соединения, учреждения, гарнизона», что, очевидно, неприменимо к кому-либо, кроме военнослужащих и лиц гражданского персонала воинских формирований.

Устранить проблему толкования рассматриваемой нормы можно либо посредством дачи высшими судебными органами однозначных разъяснений по вопросу правоприменения, либо внесением поправок в УПК РФ и изменением структуры нормы, при котором, в первую очередь, могут называться лица гражданского персонала воинских формирований с указанием на обязательность обстановки совершения ими преступления в связи с исполнением ими своих служебных обязанностей или в расположении части, соединения, учреждения, гарнизона, а уже после установить перечень должностных лиц правоохранительных органов без каких-либо квалифицированных признаков обстановки совершения ими преступления.

ИНСТИТУТ ПОНЯТЫХ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ВЫЗОВЫ И ПУТИ АДАПТАЦИИ

В.А. Щекаева, С.Э. Павлова,
Студенты Экономического факультета Новосибирского национального исследовательского государственного университета, г. Новосибирск.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент,
доцент кафедры правового обеспечения рыночной экономики Т. Ю. Сабельфельд.

Институт понятых является одним из старейших и наиболее консервативных институтов отечественного уголовного судопроизводства. Его история уходит корнями в дореволюционное российское право, а его основное предназначение традиционно связывалось с обеспечением объективности и достоверности хода и результатов следственных действий, выступая гарантией от возможного произвола со стороны должностных лиц, ведущих расследование. Согласно ст. 60 УПК РФ, понятой – это не заинтересованное в исходе уголовного дела лицо, привлекаемое дознавателем, следователем для удостоверения факта производства следственного действия, а также содержания, хода и результатов следственного действия[1]. Участие понятых, предусмотренное ст. 170 УПК РФ для ряда следственных действий, призвано обеспечить дополнительный контроль со стороны общества за законностью процессуальных процедур.

Однако в XXI веке, в эпоху повсеместной цифровизации, охватившей все сферы общественной жизни, включая правоохранительную деятельность, традиционные институты подвергаются серьезным испытаниям. Стремительное развитие информационных технологий, появление и широкое распространение доступных и качественных средств аудио- и видеофиксации ставят под сомнение целесообразность сохранения института понятых в его классическом виде. Возникает закономерный вопрос: не являются ли понятые архаизмом в цифровую эпоху, и не могут ли современные технологии более эффективно выполнять их функции? Данная статья посвящена анализу вызовов, стоящих перед институтом понятых в условиях цифровизации, оценке аргументов за и против его замены техническими средствами фиксации и поиску оптимальных путей его адаптации к современным реалиям.

Традиционная роль и современные проблемы института понятых

Основная функция понятых, как уже отмечалось, заключается в независимом удостоверении процессуальных фактов. Присутствуя при следственном действии, они наблюдают за действиями следователя (дознавателя), восприятием участников, фиксируемыми обстоятельствами и удостоверяют своей подписью в протоколе соответствие его содержания реально происходившим событиям. Как отмечали сторонники сохранения института, например, В.М. Быков, отказ от понятых может «породить негативные последствия – доверие суда к собранным доказательствам без участия понятых будет подорвано»[2]. Их присутствие рассматривается как важная гарантия прав участников уголовного судопроизводства, особенно подозреваемых и обвиняемых.

Вместе с тем, правоприменительная практика и научные исследования выявляют ряд существенных проблем, связанных с функционированием института понятых, которые обостряются в современных условиях:

1. **Трудности подбора:** Найти двух незаинтересованных, совершеннолетних и согласных участвовать в следственном действии граждан, особенно в ночное время, в удаленных или труднодоступных местностях, либо в ситуациях, требующих оператив-

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). ст. 4921.

[2] Быков В.М. Институт понятых в уголовном процессе России // Уголовное право. 2002. № 3. С. 72-74

ности, бывает крайне затруднительно[1]. (это как? Чья цитата? 1 или 2)Это приводит к затягиванию следственных действий или к формальному подходу.

2. **Проблема «штатных» понятых:** Сложности с поиском приводят к порочной практике привлечения одних и тех же лиц («дежурных» или «штатных» понятых), часто студентов-юристов или лиц, имеющих неформальные связи с правоохранительными органами[2]. Это ставит под сомнение их незаинтересованность и подрывает саму идею независимого контроля.

3. **Человеческий фактор:** Память человека не идеальна; понятые могут забыть детали произошедшего к моменту допроса в суде, особенно если прошло значительное время. Они могут испытывать давление или не обладать достаточной юридической грамотностью, чтобы заметить процессуальные нарушения.

4. **Формализация участия:** Зачастую участие понятых сводится к пассивному присутствию и формальному подписанию протокола, содержание которого они не всегда могут или хотят тщательно проверить[3].

Цифровые технологии как альтернатива: потенциал и аргументы

На фоне системных проблем, сопровождающих институт понятых, обращение к современным цифровым технологиям в качестве потенциальной альтернативы выглядит логичным и перспективным шагом. Развитие и доступность средств аудио- и видеофиксации открывают новые возможности для удостоверения хода и результатов следственных действий, предлагая ряд существенных преимуществ по сравнению с традиционным участием граждан.

Во-первых, и это ключевой аргумент сторонников технологического подхода, технические средства обеспечивают значительно более высокую степень объективности, полноты и точности фиксации. В отличие от человеческого восприятия, подверженного субъективизму, ошибкам внимания, усталости и последующим искажениям памяти (на что указывают проблемы, связанные с забыванием деталей понятыми[4], цифровая запись способна беспристрастно запечатлеть происходящее. Как отмечают Т.Ф. Скогорева и Э.Ж. Чхвимиани, «видеозапись содержит более полную информацию о ходе и результатах следственных действий, чем свидетельства понятых»[5]. Она фиксирует не только ключевые события, но и детали обстановки, последовательность действий, невербальные реакции участников, интонации голоса (при аудиозаписи), что может иметь существенное значение для последующей оценки доказательств и установления истины. Современные устройства, такие как камеры с высоким разрешением или даже сферические камеры, предлагаемые С.А. Морозовым для фиксации места происшествия[6], позволяют создать подробную и многоаспектную картину события.

---

[1] Морозов С. А. Перспективы существования в современном российском уголовном процессе института понятых в условиях информатизации / С. А. Морозов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2021. Т. 21. № 2. С. 20; Орипов С.С. Институт понятых в уголовном судопроизводстве в Республике Узбекистан: текущая ситуация и существующие проблемы, вопросы оптимизации данного института // Журнал «Тергов амалиёти». 2021. № 1. С. 14.

[2] Морозов С. А. Перспективы существования в современном российском уголовном процессе института понятых в условиях информатизации // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2021. Т. 21. № 2. С. 20; Баиров А.Т. О необходимости законодательного регулирования участия понятых в уголовном судопроизводстве [Электронный ресурс] URL: // https://www.esstu.ru/ library/free/Konf/Pravo/Баиров.pdf.

[3] Морозов С. А. Перспективы существования в современном российском уголовном процессе института понятых в условиях информатизации / С. А. Морозов // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2021. Т. 21. № 2. С. 20.

[4] Баиров А.Т. «О необходимости законодательного регулирования участия понятых в уголовном судопроизводстве». [Электронный ресурс] URL: // https://www.esstu.ru/ library/free/Konf/Pravo/Баиров.pdf.

[5] Скогорева Т.Ф., Чхвимиани Э.Ж. Совершенствование правового и организационного участия понятых в досудебном производстве по уголовным делам // Общество и право. 2016. №. 1. С. 147.

[6] Морозов С. А. Перспективы существования в современном российском уголовном процессе института понятых в условиях информатизации // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2021. Т. 21. № 2. С. 20.

Во-вторых, цифровая запись обладает долговременностью и надежностью сохранения информации. В отличие от человеческой памяти, которая со временем неизбежно ослабевает и подвергается искажениям, цифровой файл может храниться длительное время без потери качества (при соблюдении условий хранения). Это особенно важно, учитывая, что между проведением следственного действия и рассмотрением дела в суде может пройти значительный период. Как отмечает Б.В. Рудаков, современные средства аудиовидеозаписи компактны, надежны и обладают высоким качеством, преодолев проблемы ранних технологий вроде громоздких магнитофонов[1].

В-третьих, использование технических средств позволяет существенно экономить время и процессуальные ресурсы. Отпадает необходимость поиска, привлечения и ожидания понятых, что особенно актуально в условиях дефицита времени, при проведении неотложных следственных действий или в специфических условиях (ночное время, удаленная местность)[2]. Это позволяет следователю (дознавателю) сосредоточиться непосредственно на производстве следственного действия, не отвлекаясь на организационные моменты.

В-четвертых, видеофиксация может служить дополнительной гарантией от неправомерных действий со стороны самих должностных лиц. Постоянная запись дисциплинирует сотрудников, проводящих следственное действие, снижая риск процедурных нарушений, необоснованного принуждения или фальсификации доказательств на месте. Это позволяет технологии выполнять ту контрольную функцию, которая изначально возлагалась на понятых.

Признавая этот потенциал, законодатель уже сделал шаги в сторону интеграции технологий в уголовный процесс. Часть 3 статьи 170 УПК РФ допускает проведение некоторых следственных действий без понятых при условии применения технических средств фиксации в определенных ситуациях. Статья 166 УПК РФ прямо предусматривает возможность использования технических средств при составлении протокола. Сторонники дальнейшей цифровизации, такие как А.О. Трушин и Д.В. Должникова, видят в этом закономерный процесс адаптации архаичного института к современным реалиям информационного общества, позволяющий повысить точность и эффективность доказывания[3].

Преждевременность полного отказа от института понятых: контраргументы и риски

Несмотря на очевидные достоинства и потенциал цифровых технологий, идея полного и повсеместного отказа от института понятых на текущем этапе развития уголовного процесса и правовой системы сталкивается с рядом серьезных контраргументов и потенциальных рисков, заставляющих говорить о преждевременности такого шага.

Прежде всего, технология не является панацеей и имеет свои ограничения. Камера, даже самая современная, фиксирует лишь объективную реальность, попадающую в ее поле зрения и слуха. Она не способна передать всю полноту процессуальной ситуации: скрытое психологическое давление, атмосферу принуждения, если они не выражены явно; нарушения, происходящие за кадром; или, например, убедиться в том, что

[1] Рудаков Б. В. К вопросу о проблемах использования цифровых (электронных) данных в доказывании по уголовным делам // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 1. С. 69.

[2] Орипов С.С. Институт понятых в уголовном судопроизводстве в Республике Узбекистан: текущая ситуация и существующие проблемы, вопросы оптимизации данного института // Журнал «Тергов амалиёти». - 2021. № 1. -С. 14; Морозов С. А. Перспективы существования в современном российском уголовном процессе института понятых в условиях информатизации // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». 2021. Т. 21. № 2. С. 20.

[3] Трушин А.О., Должникова Д.В. Архаичность института понятых в уголовном процессе в условиях информатизации уголовного судопроизводства // Правовая система и современное государство: проблемы, тенденции и перспективы развития: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение». 2021. С. 71.

участник действительно понял разъясненные ему права, а не просто формально кивнул. Как справедливо отмечается, для правильного использования видеосъемки требуются специальные навыки и умения, и не всегда технические условия (освещение, акустика, погодные условия) позволяют сделать качественную и всеобъемлющую запись[1]. Кроме того, всегда существует риск технических сбоев оборудования, разрядки аккумулятора, повреждения носителя информации.

Критически важным аспектом является проблема доверия к цифровым доказательствам и риск фальсификаций. Хотя современные технологии криптографии и электронной подписи позволяют защитить цифровые данные[2], опасения относительно возможности незаметного редактирования или подделки видео- и аудиозаписей сохраняются как у участников процесса, так и у судейского сообщества. Б.В. Рудаков указывает на «принципиальную возможность редактирования цифровых файлов без оставления... существенных следов» как на «главную проблему»[3]. Пока не будут выработаны абсолютно надежные и общепризнанные механизмы аутентификации и верификации цифровых записей, полное доверие к ним как к единственному средству удостоверения будет оставаться под вопросом. Живой, незаинтересованный свидетель – понятой – в этом смысле все еще может восприниматься как более надежный гарант аутентичности происходившего "здесь и сейчас".

Далее, институт понятых выполняет не только функцию технической фиксации, но и несет важную социально-правовую нагрузку. Присутствие независимых граждан при проведении следственных действий является элементом гласности, формой непосредственного общественного контроля за деятельностью правоохранительных органов. Это не только гарантия для конкретного участника, но и фактор легитимации действий государства в глазах общества. Полная замена людей техникой может привести к еще большей бюрократизации и закрытости уголовного процесса, усилить у граждан ощущение отчужденности от системы правосудия и недоверия к ней, что противоречит идее построения правового государства и гражданского общества. Аргумент В.М. Быкова о риске подрыва доверия суда[4] актуален и для доверия общества в целом.

Наконец, существенным препятствием для немедленного и полного отказа от понятых являются нормативная неопределенность и инфраструктурная неготовность. Как указывалось в работах Рудакова, действующее законодательство пока не содержит детальной регламентации порядка применения видеофиксации взамен понятых: отсутствуют четкие требования к техническим средствам, процедурам записи, хранению огромных массивов данных, порядку доступа к ним участников процесса, правилам их представления и оценки судом[5]. Без такой проработанной нормативной базы повсеместное внедрение видеофиксации чревато процессуальными ошибками и спорами о допустимости доказательств. Кроме того, как уже отмечалось, повсеместное оснащение всех подразделений и сотрудников качественной техникой, создание защищенных центров обработки и хранения данных, обучение персонала – это масштабная задача, требующая колоссальных финансовых и организационных ресурсов, к решению кото-

[1] Рудаков Б. В. Проблемы использования материалов видео- и звукозаписи, полученных во внепроцессуальном порядке, для формирования доказательственной базы / Б. В. Рудаков // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2014. № 2. 2014. С. 48-52.

[2] Рудаков Б. В. К вопросу о роли понятых и возможности видеозаписи в российском уголовном процессе // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2017. Т. 31. С. 496–500.

[3] Рудаков Б. В. К вопросу о проблемах использования цифровых (электронных) данных в доказывании по уголовным делам // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 1. С. 65-71.

[4] Быков В.М. Институт понятых в уголовном процессе России // Уголовное право. 2002. № 3. С. 72–74.

[5] Рудаков Б. В. К вопросу о проблемах использования цифровых (электронных) данных в доказывании по уголовным делам // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 1. С. 65-71.

рой система объективно может быть не готова[1]. Практика применения видеозаписи взамен понятых еще недостаточно изучена, чтобы делать вывод о ее полной адекватности.

Таким образом, совокупность этих факторов – ограниченность самой технологии, ее уязвимость и проблемы доверия, сохраняющаяся важность «человеческого фактора» как элемента контроля и легитимации, а также серьезные нормативные и инфраструктурные барьеры – свидетельствует о том, что полный отказ от института понятых в пользу исключительно технических средств фиксации на данном этапе является преждевременным и сопряжен с рисками как для обеспечения прав участников процесса, так и для доверия к системе уголовной юстиции в целом.

Пути адаптации: комбинированный подход

Учитывая аргументы обеих сторон, наиболее взвешенным подходом на современном этапе представляется не полная замена понятых, а адаптация института к новым реалиям через сочетание участия понятых с обязательным применением технических средств фиксации.

Такой комбинированный подход позволит использовать сильные стороны обоих механизмов:

1. Технические средства обеспечат объективную, детальную и долговременную фиксацию хода и результатов следственного действия, минимизируя споры о содержании протокола и действиях должностных лиц.
2. Понятые сохранят свою роль независимых наблюдателей и гарантов соблюдения процедуры "здесь и сейчас", подтверждая сам факт законного проведения действия и удостоверяя ключевые моменты, которые могут быть неочевидны на записи. Их присутствие будет продолжать выполнять и психологическую функцию сдерживания и легитимации.

Реализация такого подхода потребует внесения изменений в УПК РФ, предусматривающих обязательное применение аудио- или видеозаписи при проведении следственных действий, требующих участия понятых (возможно, за редкими исключениями, оговоренными законом). При этом участие понятых сохраняется. Необходимо также разработать детальные подзаконные акты, регламентирующие технические требования к записи, порядок ее ведения, хранения и использования в доказывании.

Заключение

Цифровизация бросает серьезный вызов традиционному институту понятых в российском уголовном процессе. Появление эффективных технических средств фиксации ставит под вопрос его необходимость, особенно с учетом существующих практических проблем. Однако, несмотря на привлекательность идеи полной замены понятых видео- и аудиозаписью, такой шаг представляется преждевременным. Ограниченность технических средств в фиксации всех аспектов следственного действия, сохраняющаяся ценность непосредственного человеческого контроля, а также нормативная и инфраструктурная неготовность системы к повсеместному внедрению обязательной видеофиксации диктуют необходимость более осторожного подхода.

Оптимальным путем адаптации института понятых к условиям цифровизации видится смешанная модель, сочетающая сохранение участия понятых с обязательным применением технических средств фиксации при производстве ряда следственных действий. Это позволит использовать преимущества технологий для обеспечения полноты и объективности фиксации, не утрачивая при этом гарантий, связанных с непосредственным присутствием независимых граждан. Дальнейшее развитие законодательства и правоприменительной практики должно идти по пути совершенствования именно такого сбалансированного подхода.

[1] Рудаков Б. В. К вопросу о проблемах использования цифровых (электронных) данных в доказывании по уголовным делам // Правопорядок: история, теория, практика. 2021. № 1. С. 65-71.

КРИМИНАЛИСТИКА, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

РАФАИЛ САМУИЛОВИЧ БЕЛКИН – ВЕЛИКИЙ УЧЕНЫЙ-КРИМИНАЛИСТ

В. В. Аболешева, Д. А. Рожнева, П. А. Якимова,
студентки Юридического института
Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент,
заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Ю. Г. Волгин.

Отечественные ученые-криминалисты известны во всем мире. Их заслуги признаются мировым научным сообществом, а их труды являются опорой современного развития криминалистики.

Особое место среди ученых-криминалистов отводится поколению участников Великой Отечественной войны. Имена таких корифеев как Игорь Евсеевич Быховский, Алексей Никифорович Колесниченко, Леонид Яковлевич Драпкин, Николай Алексеевич Селиванов и других известны практически каждому специалисту в сфере юриспруденции

И даже в этом ряду великих ученых есть тот, кто занимает особое место. Это – Рафаил Самуилович Белкин. Он по праву еще при жизни получил «титул» патриарха советской и российской криминалистики.

Рафаил Самуилович Белкин родился 11 июня 1922 года в городе Чернигове Украинской ССР. Спустя 3 года он вместе с семьей переехал в Москву. В 1940 году окончил среднюю школу № 243 с золотой медалью, начав свою службу на Дальнем Востоке.

В 1941 году, в связи с началом Великой Отечественной войны, Рафаил досрочно завершил курсы политработников и был назначен заместителем командира минометной роты по политчасти в 113-м стрелковом полку 32-й дивизии. Позже он был переведен в дивизионную газету «В бой за Родину» 415-й стрелковой дивизии, изначально формировавшейся на Дальнем Востоке, а затем переброшенной на Московский фронт осенью 1941 года.

Рафаил Самуилович Белкин прошел всю войну в пехоте, участвуя в ключевых сражениях под Москвой и Ржевом, в Смоленской области и на Курской дуге. Он также участвовал в освобождении Белоруссии, Прибалтики и Варшавы, а также во взятии Берлина. 2 мая 1945 года 415-я Краснознаменная ордена Суворова Мозырская стрелковая дивизия, в составе которой он служил, вышла к реке Эльбе, где произошла историческая встреча с войсками союзников.

За боевые заслуги Рафаил Самуилович был награжден четырьмя боевыми орденами, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина».

Вплоть до июля 1946 года Рафаил Самуилович Белкин продолжал нести службу в составе Группы советских войск, находившихся на территории оккупированной Германии. Знаменательным событием стало его поступление 1 сентября того же года в Военно-юридическую академию. Именно там, под руководством выдающегося ученого Абрама Ильича Винберга, он вошел в мир криминалистики, присоединившись к научному кружку, посвященному этой дисциплине. С этого момента начался его путь в криминалистической науке.

Весной 1951 года, после успешного завершения обучения в академии, отмеченного золотой медалью, Рафаил Самуилович был направлен в систему военной прокуратуры. В период с 1955 года он последовательно занимал должности следователя, старшего следователя, а затем и помощника военного прокурора, ответственного за руководство следственными мероприятиями и дознанием в Военной прокуратуре Бакинского округа ПВО. Приобретен-

ные навыки и знания в ходе этой службы легли в основу его будущих научных работ и открытий в области криминалистики[1].

Рафаил Самуилович, не прерывая своей службы, в начале 1954 года поступил в заочную адъюнктуру. За достаточно короткий срок, всего за два с половиной года, он подготовил и успешно защитил кандидатскую диссертацию в Военно-юридической академии. Темой его исследования стал «Осмотр места происшествия: уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты». В этой работе он сформулировал вывод о том, что осмотр места преступления представляет собой следственное действие, направленное на обнаружение и анализ значимых для дела объектов, выявление их характерных признаков, свойств, состояний и взаиморасположения[2].

Год спустя, его приняли в штат Высшей школы МВД СССР, сначала на должность старшего научного сотрудника, а затем на должность доцента кафедры криминалистики.

В своей значимой монографии «Теория и практика следственного эксперимента», опубликованной в 1959 году, он глубоко проанализировал теоретические и практические аспекты данного метода расследования. В частности, он дал определение экспериментальному методу в контексте уголовного процесса, раскрыл сущность и содержание следственного и судебного экспериментов, а также определил его значение при осуществлении иных процессуальных действий[3].

Рафаил Самуилович Белкин оставил заметный след в юриспруденции благодаря своей докторской диссертации, защищенной в 1961 году. Работа, посвященная «Экспериментальному методу исследования в советском уголовном процессе и криминалистике», стала важным шагом в развитии криминалистической науки. В центре внимания исследования находились возможности и значение эксперимента как инструмента научного и судебного познания. Белкин подробно анализировал специфику различных видов эксперимента, применяемых в ходе судебного следствия. Ключевым моментом его концепции стало утверждение о том, что в результате эксперимента следственные органы получают принципиально новые доказательства, преобразующие первоначальные гипотезы в достоверные факты[4].

Опубликованная в 1966 году работа заслуженного криминалиста «Собирание, исследование и оценка доказательств. Сущность и методы» определяла сущность процесса доказывания, который заключается в собирании, исследовании и оценке доказательств. Данные элементы находятся в неразрывном органическом единстве[5].

Таким образом, с конца 60-х - начала 70-х годов начала свое становление научная криминалистическая школа под руководством Р. С. Белкина, концепция которой получила свое воплощение в грандиозном «Курсе советской криминалистики», состоящей из трех томов[6].

В 1963 году Рафаил Самуилович Белкин получил ученое звание профессора, в 1976 году он стал заслуженным деятелем науки, в 1978 году получил высокое звание - генерал-майор милиции.

В 1985 – 1988 годах Рафаил Самуилович был заведующим отделом теории Всесоюзного НИИ судебных экспертиз, а после возвратился в Академию МВД СССР в звании профессора кафедры криминалистики.

---

[1] Россинская Е.Р. К 95-летию со дня рождения выдающегося советского и российского криминалиста Р.С. Белкина // Судебно-медицинская экспертиза. 2017. № 6. С. 58.

[2] Аверьянова Т. В. Криминалистика: учебник для вузов / Т. В. Аверьянова, Р. С. Белкин, Ю. Г. Корухов, Е. Р.; под ред. Р. С. Белкина. – М.: НОРМА, 2000. – С. 567.

[3] Белкин Р.С. Теория и практика следственного эксперимента / под общ. ред. д-ра юрид. наук проф. А.И. Винберга. — М.: Изд-во ВШ МВД СССР, 1959. – С. 171.

[4] Белкин, Р. С. Экспериментальный метод исследования в советском уголовном процессе и криминалистике: Автореферат диссертации на соискание учен. степени доктора юридических наук. — М., 1961. С. 40

[5] Мерецкий Н.Е. Воспоминания о научном руководителе профессоре Белкине Рафаиле Самуиловиче // Правовой альманах. 2024. № 6. С. 39-40.

Великий криминалист придавал большое значение теоретическим основам криминалистической классификации преступлений. В своей работе 1988 года «Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике» он подробно проанализировал существующие подходы к классификации преступлений и используемые для этого критерии. Как отмечал сам Рафаил Самуилович Белкина, основанием для группировки криминалистических классификаций преступлений принимается состав преступления, в связи с которым выделяются классификации, связанные с субъектом; объектом, субъективной стороной и объективной стороной преступления[1].

В 1993 году и в 1997 году Рафаил Самуилович Белкин единолично написал Криминалистические энциклопедии. Они отражали все разделы криминалистики и некоторых смежных с нею наук, содержание и тактику следственных действий, рекомендации по расследованию наиболее опасных преступлений.

В 1997 году учёным советом Академии управления МВД России было принято решение присвоить Рафаилу Самуиловичу звание «Заслуженный профессор Академии управления МВД Российской Федерации». Он является почётным академиком Российской академии естественных наук и членом ряда других научных обществ. Свыше двадцати лет Белкин стоял во главе одной из самых крупных и авторитетных кафедр криминалистики академии в СССР. Под конец 1973 года на кафедре трудилось двадцать семь преподавателей, в числе которых было шесть докторов юридических наук и девятнадцать кандидатов наук, а общая численность кафедры составляла около пятидесяти человек.

Результаты научной деятельности Рафаила Самуиловича всегда отличались достоверностью и ясностью языка. Криминалист избегал новомодной терминологии, придерживался лаконичного стиля.

Рафаил Самуилович Белкин — прародитель советской и российский криминалистической школы, заслуженный деятель науки, доктор юридических наук, уважаемый человек, вклад которого в развитие криминалистики огромен и неоспорим. Благодаря его целеустремленности и преданности своему делу, он смог на долгие годы определить направление развития криминалистической науки, оказав влияние как на отечественную, так и на зарубежную практику. Его труды и сегодня служат общепризнанным научным ориентиром в криминалистической деятельности.

ПРОБЛЕМА ПРАВОВОЙ ЗАЩИТЫ ЛИЦ, ОКАЗЫВАЮЩИХ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОЕ СОДЕЙСТВИЕ ОРГАНАМ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

А. Н. Бобкова,
студент Юридического института
Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Ю. Г. Волгин.

В оценке криминогенной ситуации в стране целесообразно обратиться к официальным статистическим данным. Так, за 2024 год было зарегистрировано 1 911 258 преступлений, а раскрыто, т.е. завершено производством лишь 899 610 преступлений. На основании приведенных данных можно сделать вывод о том, что более половины из совершенных преступлений остаются нераскрытыми, что требует повышения эффективности работы органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. В многом эффективность такой деятельности зависит от того насколько правопримени-

[1] Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. – М.: Юридическая литература, 1988. С. 303.

тели способны обеспечить правовую и социальную защиту лицам, оказывающим конфиденциальное содействие.

Лица, оказывающие конфиденциальное содействие – это граждане, которые оказывают помощь соответствующим органам в борьбе с преступностью на негласной (конфиденциальной) основе, в теории и практике оперативно-розыскной деятельности называются негласными (конфиденциальными) сотрудниками или конфидентами. Также стоит сказать о том, что А.Ю. Шумилов под содействием в теории оперативно-розыскной деятельности следует понимать «сохраняемую в секрете от окружающих помощь отдельных лиц оперативному подразделению в проведении оперативно-розыскных мероприятий, основанную на законе об оперативно- розыскной деятельности»[1].

Рассматриваемый институт конфиденциального содействия имеет немаловажное значение для раскрытия и расследования преступлений. Так, Н. В. Румянцев и В.Н. Омелин отмечают следующее: «представляется, что практический смысл такого права субъекта ОРД очевиден»[2]. Значение информации, которую получает конфидент, состоит в том, что она используется сотрудниками правоохранительных органов в процессе раскрытия и расследования преступления. Благодаря этой информации правоприменители понимают, в каком направлении им следует вести ход расследования преступления, а также выявляют некоторые особенности производства следственных действий. Например, кто из участников организованной группы готов рассказать обстоятельства совершения преступления, к кому нужен особый подход и так далее.

Поскольку, конфидентами выступают лица, являющиеся членами преступной группы, то немаловажен метод получения таких сведений. Он представляет собой пример «разведывательной» деятельности, которую может осуществлять лишь лицо при оперативном внедрении. Правовое значение при данном методе получения информации заключается в том, что правоохранительные органы не могут получить информацию непосредственно из преступной среды, а лица, оказывающие конфиденциальное содействие представляют ее в рамках сотрудничества с правоприменителями, будучи внедренным в нее. При оказании данного содействия и предоставления оперативно-значимой информации, относящейся к обстоятельствам уголовного дела, увеличивается шанс раскрытия преступлений, так как данные субъекты помогают в выявлении латентных обстоятельств, мотивов, умысла.

Внедрение в организованную преступную среду в рамках института конфиденциального содействия предполагает использование методов защиты. Законодатель в ч. 4 ст. 15 ФЗ «Об ОРД» гарантирует защиту посредством наделения правом оперативно-розыскных сотрудников использовать в целях конспирации документы, зашифровывающие личность должностных лиц, ведомственную принадлежность предприятий, учреждений, организаций, подразделений, помещений и транспортных средств органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, а также личность граждан, оказывающих им содействие на конфиденциальной основе.

В статье 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» регламентируются также меры правовой защиты лицам, содействующим органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Одной из них является освобождение от уголовной ответственности. Однако, следует сказать о том, что распространяется данная мера на определённый субъектный состав – лиц из числа членов преступ-

[1] Шахматов А.В. Современное состояние и проблемы конфиденциального содействия граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел // Оперативно-разыскное противодействие преступления экономической направленности и коррупции: передовой опыт, проблемы и пути их решения: Материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 29 мая 2020 года. – СПб: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2020. – С. 214-220.

[2] Румянцев Н. В., Омелин В. Н. О правовой защите граждан, содействующих оперативно-разыскным органам // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 5. С. 233.

ной группы. Так, данные субъекты, совершившие противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченные к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, активно способствовавшее раскрытию преступлений, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Если обращаться к нормам Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), то в ст. 75 сказано следующее: «лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено от уголовной ответственности, если после совершения преступления добровольно явилось с повинной, способствовало раскрытию и расследованию этого преступления, возместило ущерб или иным образом загладило вред, причиненный этим преступлением, и вследствие деятельного раскаяния перестало быть общественно опасным. Лицо, совершившее преступление иной категории, освобождается от уголовной ответственности только в случаях, специально предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса.

Однако, в связи с этим возникает вопрос того, что уголовным законодательством в Российской Федерации не предусмотрено каких-либо преференций для лиц, оказывающих конфиденциальное содействие. Они освобождаются от уголовной ответственности на общих основаниях, при наличии для этого условий и оснований, что в свою очередь порождает проблемы. Данные субъекты, будучи внедренными преступные группы и сообщества вынужденно причиняют вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям и благам, что зачастую связано с необходимостью сохранения в тайне факта оказания ими содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. Поэтому, было бы разумно предусмотреть для данной категории субъектов особое основание для освобождения от уголовной ответственности.

В свою очередь возникает вопрос соотношения норм УК РФ и ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», так как в вышеуказанном федеральном законе существует основание освобождения от уголовной ответственности. В статье 18 ФЗ «Об ОРД» отмечается следующее: «лицо из числа членов преступной группы, совершившее противоправное деяние, не повлекшее тяжких последствий, и привлеченное к сотрудничеству с органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, активно способствовавшее раскрытию преступлений, возместившее нанесенный ущерб или иным образом загладившее причиненный вред, освобождается от уголовной ответственности в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Стоит сказать о соотношении обстоятельств, исключающих преступность деяния и освобождении от уголовной ответственности. Согласно УК РФ к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, относятся: необходимая оборона; причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление; крайняя необходимость; физическое или психическое принуждение; обоснованный риск; исполнение приказа или распоряжения.

В случае оказания содействия лицами, совершивших преступления речь идет именно об освобождении от уголовной ответственности, а не об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, так как нет необходимых условий для вышеназванных обстоятельств и сам факт совершения деяния нельзя отрицать. Речь в таком случае идет о причинении вреда правоохраняемым интересам в целях способствованию раскрытию и расследованию преступлений.

При осуществлении содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность о наличии необходимой обороны, крайней необходимости и иных обстоятельств, исключающих преступность деяния, не приходится говорить в

силу отсутствия объективных обстоятельств, которые образуют условия правомерности совершаемых действий с учетом конкретных обстоятельств.

Вместе с тем анализ ряда государств позволяет увидеть некоторые подходы к решению проблемы освобождения от уголовной ответственности лиц, оказывающих органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, конфиденциальное содействие, которые вынужденно причинили вреду общественным отношениям и благам, защищаемым уголовным законом.

Так, Уголовный кодекс республики Беларусь содержит такое обстоятельство, исключающие преступность деяния, как пребывание среди соучастников преступления по специальному заданию. То есть в данном уголовном законе предусмотрено специальное основание для освобождения от уголовной ответственности для лиц, оказывающих конфиденциальное содействие.

Особое внимание заслуживает также и Уголовный кодекс Республики Казахстан, поскольку в нем содержится отличная от нашего законодательства терминология, вместо понятия «преступления» используется термин «правонарушение». В свою очередь в Российской Федерации деяние в уголовно-правовом смысле, влекущее соответствующие юридически значимые последствия, именуются преступлением, а не правонарушением и не подпадают под действие УК РФ. Если же обращаться к обстоятельствам, исключающим преступность деяния, то в данном вопросе также существуют отличия по сравнению с законодательством РФ. Уголовный кодекс Казахстана относит к обстоятельствам, исключающим преступность деяние, осуществление оперативно-розыскных, контрразведывательных мероприятий или негласных следственных действий.

Таким образом, проанализировав законодательства близлежащих государств можно сделать вывод о том, что в законодательства зарубежных государств существует такая преференция, как освобождение от уголовной ответственности лиц, оказывающих конференциальное содействие правоохранительным органам. Однако, такая преференция определена как обстоятельство, исключающее преступность деяния. Полагаем, на что было указано ранее, что в случае оказания содействия лицами, совершивших преступления речь идет именно о возможности освобождения от уголовной ответственности, а не об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, так как нет необходимых условий для вышеназванных обстоятельств и сам факт совершения деяния нельзя отрицать.

Полагаем, что необходимо внести дополнение в главу 11 Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающего возможность освобождения от уголовной ответственности лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, внедренных в преступные группы и сообщества.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА ПО ДЕЛАМ О ГРУБЫХ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ПРОСТУПКАХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

П. А. Лебедев,
студент Юридического института
Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.
Научный руководитель: старший преподаватель
кафедры уголовного процесса и криминалистики Р. Г. Драпезо.

Современная реальность в нашем государстве такова, что большое количество граждан, которые ранее не соприкасались с воинским ремеслом, имеют минимальные понятия о воинской дисциплине, получили возможность в короткие сроки приобрести статус военнослужащего и получить основы боевой подготовки. Причем это касается как молодых людей (начиная с 18-летнего возраста), так и зрелых. Уникальность современных условий заключается еще и в том, что перечень категорий военнослужащих значительно расширился, начиная от военнослужащих, для которых правовой статус определен, и заканчивая гражданами, принимающих участие в СВО на специальных условиях[1], для которых правовой статус не определен. Другими словами, стать военнослужащим, получить боевой опыт может, удовлетворяющий определенным условиям каждый гражданин, с его письменного согласия. Это, в свою очередь, приводит к росту дисциплинарных правонарушений среди военнослужащих, включая совершение ими грубых дисциплинарных проступков. Случается это из-за незнания воинских уставов, непонимания сути воинской дисциплины. Далее мы покажем на основании данных судебной статистики военных судов рост грубых дисциплинарных проступков в 2022 году.

Первым нормативным актом, ставшим прообразом дисциплинарных воинских уставов стал Артикул воинский, изданный Петром I 26 апреля 1715 г., в котором особое внимание уделялось воинской дисциплине и наказаниям за ее нарушение. Для того чтобы армия и далее могла успешно выполнять задачи по обеспечению безопасности государства, необходимо: 1) неукоснительное соблюдение воинской дисциплины; 2) своевременное пресечение и наказание любых ее нарушений и, 3) совершенствование процедуры дисциплинарного производства военными судами, в том числе через дифференциацию дисциплинарной ответственности военнослужащих, на что указывают некоторые авторы[2].

При этом в своем исследовании под современными условиями будем понимать особые условия прохождения военной службы: 1) в период мобилизации или военного положения; 2) в военное время либо в условиях вооруженного конфликта или, 3) на территории ведения боевых действий.

Исходя из актуальности работы, нами сформулирована частная гипотеза: существуют ли правовые основания выделения, наравне с уголовным, гражданским, административным и т.п. судопроизводством (ч. 2 ст. 118 Конституции РФ и ч. 3 ст. 1 ФКЗ «О судебной системе РФ»), еще одного вида судопроизводства – судопроизводства по материалам о грубых дисциплинарных проступках. Другими словами, следует ответить на вопрос, имеются ли достаточные основания полагать, что судопроизводство по материалам о грубых дисциплинарных проступках - самостоятельный вид судопроизводства?

Для подтверждения выдвинутой гипотезы потребуется разрешить следующие задачи:

---

[1] Об этой категории упоминается только в многочисленной судебной практике военных судов. См., например: Апелляционное определение Южного окружного военного суда от 24.01.2025 N 33а-104/2025 (УИД 61GV0018-01-2024-001437-84) // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Воробьев Е.Г. О соотношении материальной и дисциплинарной ответственности военнослужащих // Военно-юридический журнал. 2009. № 9. С. 10 – 24; Лещина Э.Л. Совершенствование научно-теоретических основ доказывания в производстве по дисциплинарным делам // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 7. С. 38 - 48.

1) изучить, имеющиеся в научной, законодательной и судебной практике, особенности дисциплинарного производства по делам о грубых дисциплинарных проступках военнослужащих в мирное время и в особых условиях;

2) установить правовые основы, регламентирующие деятельность субъектов привлечения к дисциплинарной ответственности, разбирательство дисциплинарного дела и т.п.;

3) так как само дисциплинарное производство является разновидностью административно-юрисдикционного производства[1] то, сначала необходимо определиться с базовыми понятиями «административная ответственность» и «дисциплинарная ответственность» военнослужащих и с их принципиальными отличиями;

4) определиться с такими базовыми понятиями как «административное производство» и «дисциплинарное производство» военнослужащих и с их отличительными особенностями;

5) попытаться, на основании изучения сложившейся судебной и дисциплинарной практики по делам военнослужащих, установить критерии дифференциации военными судами, командирами воинских частей, начальниками органа военной полиции Вооруженных Сил РФ грубых дисциплинарных проступков, административных правонарушений, совершаемые военнослужащими, и преступлений против военной службы;

6) определиться со стадиями дисциплинарного производства;

7) по мере возможности, предложить критерии отнесения дисциплинарного производства по делам о грубых дисциплинарных проступках военнослужащих к отдельному виду судопроизводства (судопроизводства по материалам о грубых дисциплинарных проступках).

Статистика рассмотренных военными судами по первой инстанции дел о совершении военнослужащими грубых дисциплинарных проступков за период с 2018 по 2024 года (см. табл. 1), говорит о том, что почти каждое пятое разбирательство так или иначе связано с привлечением военнослужащего к дисциплинарной ответственности. Это говорит о значимости изучаемого вида дисциплинарного производства в подсистеме военных судов. При этом наибольшее количество рассмотренных дисциплинарных дел пришлись на 2019 и 2022 года. Очередной пик рассмотренных дел изучаемой категории, фиксируемый в 2022 году, можно объяснить началом специальной военной операции, когда, обычные граждане, не знакомые с воинской дисциплиной, с общевоинскими уставами, совершали грубые дисциплинарные проступки. В 2023 и 2024 годах отмечается обратная ситуация, фиксируется наименьшее количество рассмотренных военными судами дисциплинарных дел. Это можно объяснить следующим: 1) командным составом, проводится целенаправленная воспитательная работа среди личного состава по вопросам укрепления воинской дисциплины и, 2) затруднительным выявлением и фиксацией фактов совершения грубых дисциплинарных проступков в обстановке боевых действий.

Таблица 1.

Количество рассмотренных по первой инстанции гарнизонными военными судами дел о грубых дисциплинарных проступках военнослужащих за период с 2018 по 2024 гг.[2]

Показатель	Года						
	2018	2019*	2020	2021	2022*	2023	2024
Кол-во рассмотренных дел	449 (19,8)#	477 (20,3)	366 (18,6)	403 (22,7)	433 (19,8)	292 (17,7)	236 (14,6)

* - года с наибольшей частотой встречаемости рассмотренных военными судами дел изучаемой категории

\# - % от общего числа административных, дисциплинарных дел и дел, связанных с привлечением военнослужащих к материальной ответственности

[1] Серков П.П. Административная ответственность в российском праве: современное осмысление и новые подходы: монография. - М.: Норма, Инфра-М, 2012. 480 с.

[2] Официальный портал судебной статистики, размещенный на сайте Судебного Департамента Верховного Суда. URL: www.cdep.ru/index.php?id=79 (дата обращения: 22.04.2025).

Изучив действующее законодательство и судебную практику военных судов, можем заключить, что к принципиальным отличиям дисциплинарной ответственности от административной ответственности военнослужащих и лиц, приравненных по своим правам к военнослужащим, мы отнесем:

1) различие в правовых основаниях привлечения к ответственности. Так, административная ответственность устанавливается нормами КоАП РФ, тогда как дисциплинарная ответственность устанавливается Федеральными законами «О статусе военнослужащих», «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста», «Об особенностях применения и исполнения дисциплинарного ареста в отношении военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции» и общевоинскими уставами, например, Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации;

2) различие в правовых особенностях применения дисциплинарной и административной ответственности. Так, если военнослужащие и лица, приравненные по своим правам к военнослужащим, совершают правонарушение, которое по своей объективной стороне хоть и соответствует административному правонарушению, но за которое, согласно ч. 2 ст. 2.5. КоАП РФ не предусмотрена ответственность, в таком случае указанная категория граждан будет нести только дисциплинарную ответственность. Военнообязанные граждане несут только административную или уголовную ответственность;

3) отсутствие, в совершаемых противоправных действиях военнослужащих и лиц, призванных на военные сборы, признаков других правонарушений, например уголовных;

4) условия наступления дисциплинарной ответственности. Дисциплинарная ответственность наступает только в том случае, если военнослужащие и лица, приравненные по своим правам к военнослужащим, совершают правонарушения только в сфере воинских правоотношений (например, когда заключен контракт с Министерством обороны РФ) и в связи с осуществлением ими военной службы.

В теории административной ответственности[1] по отношению к воинской службе и воинской обязанности различают два субъекта: специальный и особый. Субъект со специальным статусом согласно ФЗ «О статусе военнослужащих» является военнослужащим или лицом, призванным на военные сборы, которые привлекаются к административной ответственности по правилам ст. 2.5 КоАП РФ, но только по тем правонарушениям, которые не связаны с осуществлением военной службы. В противном случае к таким категориям лиц применяется дисциплинарная ответственность. Субъект с особым статусом, согласно ФЗ «О статусе военнослужащих», считаются военнообязанными, то есть, в отличие от первого вида субъекта, не связан правоотношениями с военной службой и соответственно, по правилам Дисциплинарного устава, не может быть привлечен к дисциплинарной ответственности. Но привлекаются к административной ответственности по правилам главы 21 КоАП РФ, например, за такие административные правонарушения, как уклонение от медицинского обследования, неявка гражданина по повестке в военный комиссариат и т.п.

В настоящее время действующее законодательство Российской Федерации в военной сфере не содержит единого, кодифицированного правового акта, который учитывал бы особенности правового статуса каждой категории (состава) военнослужащего (см. табл. 2).

[1] Лещина Э.Л., Магденко А.Д. Административно-процессуальное право: курс лекций. - М.: Российский государственный университет правосудия, 2015. 310 с.

Таблица 2.

Правовые акты, устанавливающие правовой статус военнослужащих и лиц, причастных к военной службе

Состав военнослужащих и лиц, причастных к военной службе	Правовой акт, устанавливающий правовой статус лица
Военнослужащие по контракту	Федеральный закон «О статусе военнослужащих»
Военнослужащие по призыву	
Курсанты военных образовательных организаций	
Лица, пребывающие в добровольческом формировании	Федеральный закон «Об обороне»
Лица, проходящие военную службу по мобилизации	Указ Президента РФ «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации»
Военнообязанные	Федеральный закон «О воинской обязанности и военной службе»
Лица, принимающие участие в СВО на специальных условиях (по письменному согласию)	Правовой статус не установлен. Данные лица упоминается только в судебной практике военных судов

Анализ действующего законодательства показал, что: 1) категории военнослужащих, характеристика и особенности их правого статуса утверждаются разными нормативными правовыми актами, начиная от закона, заканчивая подзаконными актами; 2) не все категории лиц, имеющие отношение к военной службе, нашли свое закрепление в законодательных актах. Поэтому появляются такие понятия, как «лица, причастные к военной службе», «лица, приравненные к статусу военнослужащих», «лица, принимающие участие в СВО на специальных условиях». Из этого следует, что у военных судов, командиров воинских частей, военных юристов не до конца сложилась правовая позиция по данной категории граждан; 3) в настоящее время наравне с мирным временем сосуществуют несколько особых правовых режимов (военного, чрезвычайного положения, СВО и т.п.), для которых характерны новые категории, такие как, лица, пребывающие в добровольческом формировании и лица, проходящие военную службу по мобилизации.

Особый интерес для правоприменительной практики представляет такая категория, как лица, принимающие участие в СВО на специальных условиях (по письменному согласию). Данная категория была выделена гарнизонными военными судами, входящие в Южный военный округ, для обозначения преимущественно осужденных граждан, принимающих участие в СВО. Так называемая специальная категория не относится к военнослужащим и лицам, пребывающими в добровольческих формированиях. Другими словами, на них не распространяются гарантии, установленные Указом Президента РФ от 05.03.2022 № 98 «О дополнительных социальных гарантиях военнослужащим, лицам, проходящим службу в войсках национальной гвардии Российской Федерации, и членам их семей». В подтверждении этому сошлемся на многочисленную статистику судебных обращений таких граждан (более 200 обращений согласно базе СПС «КонсультантПлюс»), по результатам которых им в ста процентах случаях было отказано в социальных выплатах. Устранить пробел можно законодательным путем, приняв соответствующий акт или внеся поправки в существующий.

Так как в доступной нам научной литературе мы не встретили относительно полного перечня нормативных правовых актов, так или иначе регламентирующие процедуру привлечения к дисциплинарной ответственности за совершение военнослужащими, лицами, проходящими военные сборы грубых проступков, представим его ниже (за исключением Федеральных законов и Указа Президента РФ, упомянутых в табл. 2):

1. Федеральный закон от 01.12.2006 № 199-ФЗ (ред. от 28.11.2018) «О судопроизводстве по материалам о грубых дисциплинарных проступках при применении к военнослужащим дисциплинарного ареста и об исполнении дисциплинарного ареста»; 2) Федеральный закон от 08.08.2024 № 231-ФЗ «Об особенностях применения и исполнения дисциплинарного ареста в отношении военнослужащих, принимающих участие в

специальной военной операции»; 3. «Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 01.04.2025); 4) «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025).

Подзаконные акты, включая перечень общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации:

1. Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 01.03.2024) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации» (вместе с «Уставом внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации», «Дисциплинарным уставом Вооруженных Сил Российской Федерации», «Уставом гарнизонной и караульной служб Вооруженных Сил Российской Федерации»).

Также отсутствует анализ и иных актов, например, должностного регламента военнослужащего (должностная инструкция), имеющего характер правоприменительного акта.

Лицо, желающее пройти военную службу по призыву или на контрактной основе, перед поступлением на службу подписывает так называемый должностной регламент военнослужащего (должностная инструкция). В данном документе также оговорены сроки самовольного отлучения из воинской части (мест несения службы), до 4-х часов, до 2-х суток, свыше 10-ти суток и т.п. после которой наступает дисциплинарная (ст.ст. 10, 80, 81 и приложение № 7 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил РФ) либо уголовная ответственность (ст. 337 УК РФ). К примеру, если военнослужащий самовольно оставил расположение воинской части (мест несения службы) менее чем на 2-е суток, то такое нарушение признается грубым дисциплинарным проступком, свыше 2-х суток – квалифицируется как уголовно-наказуемое деяние. Согласно практике применения ст. 28.5 ФЗ «О статусе военнослужащих», а также п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях против военной службы» поведение военнослужащего оценивается как совершенный им грубый дисциплинарный проступок при его отсутствии за пределами части (места службы) без уважительных причин свыше 4-х часов подряд в течение установленного ежедневного служебного времени.

В п. 44 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.05.2023 № 11 сказано, что в случае, когда лицо добровольно возвращается в военную часть (к месту службы) до окончания срока, в течение которого оно намеревалось самовольно отсутствовать, содеянное подлежит квалификации по соответствующим частям ст. 337 УК РФ в зависимости от фактической продолжительности самовольного отсутствия. Если при этом лицо находилось вне части (места службы) не свыше установленных в этой статье сроков (для военнослужащих, проходящих военную службу по призыву менее 2-х суток), содеянное не является уголовно наказуемым, а может быть признано дисциплинарным проступком. Для военнослужащих, проходящих военную службу по контракту, делается особая оговорка, не свыше 10-ти суток.

Хотя Пленум Верховного Суда РФ четко выразил свою позицию по правовой сущности большинства категорий лиц, причастные к военной службе, тем не менее, так называемая специальная категория лиц, принимающая участие в СВО, по-прежнему не нашла своего должного закрепления.

Отметим, что военные суды, с момента принятия Указа Президента РФ № 647[1] о введении на территории РФ действия частичной мобилизации населения, с 21 сентября 2022 года, временно не применяют ч. 1 ст. 337 УК РФ. Дело в том, что, с одной стороны, правовые конструкции ч. 1 и ч. 2.1 ст. 337 УК РФ близки по своему смыслу, с другой стороны, диспозиция ч. 2.1 начинает действовать только в особых условиях, например, в условиях СВО, частичной мобилизации, ведения военного положения и т.п. Начиная с

[1] Указ Президента РФ от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации».

21.09.2022 года, данные статистики говорят о том, что уголовные дела по преступлениям, предусмотренные ч. 1 ст. 337 УК РФ гарнизонными военными судами не рассматриваются[1]. Также, за аналогичный период военными судами рассмотрено более ста уголовных дел по ч. 2.1 ст. 337 УК РФ.

Исходя из изложенного, сделаем несколько выводов: 1) правовая регламентация порядка прохождения военной службы, привлечения военнослужащих, военнообязанных к дисциплинарной, административной, уголовной ответственности представлена как федеральными законами, кодексами, так и подзаконными актами, общевоинскими уставами и правоприменительными актами; 2) перечисленные правовые акты учитывают особенности военной службы как в мирное время, так и в условиях СВО и частичной мобилизации граждан Российской Федерации; 3) указанные акты учитывают особенности правового статуса большинства категорий граждан, так или иначе причастных к военной службе; 4) высшие судебные органы не успевают выразить свою позицию по большинству лиц, причастных к военной службе.

Следует сказать, что судам, а также командирам воинских частей, начальникам органа военной полиции Вооруженных Сил РФ, направивших в гарнизонный военный суд материалы о грубом дисциплинарном проступке, рекомендуем для установления фактических обстоятельств дела, учитывать: а) соответствующие федеральные законы, включая кодексы; б) подзаконные акты (включая Указы Президента РФ); в) общевоинские уставы; г) правоприменительные акты (включая должностной регламент военнослужащего); д) сложившуюся в мирное время, так и в условиях СВО и частичной мобилизации граждан РФ, судебную и дисциплинарную практику по делам военнослужащих.

Теперь, на основании изучения сложившейся судебной и дисциплинарной практики по делам военнослужащих, попытаемся определиться с критериями дифференциации грубых дисциплинарных проступков и административных правонарушений, совершаемые военнослужащими и лицами, проходящими военные сборы. Смоделируем ситуацию. Военнослужащий исполняет обязанности военной службы в состоянии опьянения, и отказывается от прохождения медицинского освидетельствования на состояние опьянения (ст. 1 Приложения № 7 Дисциплинарного устава Вооруженных Сил РФ). Судебная практика показывает, что данный проступок может быть совершен в состоянии наркотического или алкогольного опьянения. КоАП РФ предусматривает наступление административной ответственности за схожее правонарушение (по ч. 1 ст. 6.9). Фактически для разграничения указанных проступков можно выделить два критерия, юридический (основной) и медицинский (дополнительный). Юридический критерий наступает, когда в ст. 2.5 КоАП РФ отсутствует административная ответственность за правонарушение, предусмотренное ст. 6.9. Медицинский критерий предполагает, что у военнослужащего, лица, проходящего военные сборы по результатам экспертиз, медицинского освидетельствования, будет установлено состояние наркотического или алкогольного опьянения. При совокупности указанных критериев для военнослужащего, лица, проходящего военные сборы, за совершение данного правонарушения, наступает дисциплинарная ответственность.

В таблице 3 нами сравниваются особенности дисциплинарного производства по делам о грубых дисциплинарных проступках военнослужащих в мирное время и в особых правовых режимах. В таблице, изучая практику военных судов, сравнивая правовые акты, мы выделили порядка 9-ти наиболее существенных элементов дисциплинарного производства. Видно, что практически по всем элементам отмечаются отличия. Существенные отличия наблюдаются по элементам 1, 3, 6, 7 и 9. Такие особенности мы связываем с рассмотрением дисциплинарного дела командирами воинских ча-

[1] Официальный портал «Судебные и нормативные акты РФ». URL-адрес: https://sudact.ru/ (дата обращения: 15.04.2025).

стей в условиях боевых действий, в которых время и точность принимаемых решений играют ключевую роль.

Таблица 3.

Сравнение особенностей дисциплинарного производства по делам о грубых дисциплинарных проступках военнослужащих в мирное время и в особых условиях

Элементы производства	Особенности дисциплинарного производства	
	в мирное время	в особых условиях
1. Этапы рассмотрения дисциплинарного дела	1) досудебное разбирательство; 2) судебное разбирательство	- этап рассмотрения дела командиром воинской части, начальником органа военной полиции, начальником гарнизона
2. Представление свидетельских показаний	- предусмотрено	- предусмотрено
3. Возможность участия защитника/адвоката	- предусмотрено при рассмотрении дела в суде по ходатайству военнослужащего	- не предусмотрено
4. Проведение экспертиз	- предусмотрено	- предусмотрено (в виду особых условий не применяется)
5. Иные участники рассмотрения дела	- специалист, переводчик	- не предусмотрены
6. Сроки рассмотрения дисциплинарного дела	- не более 30-ти суток	- не более 2-х суток
7. Сроки дисциплинарного ареста	- до 30-ти суток	- до 10-ти суток
8. Возможность обжалования решения о назначении дисциплинарного ареста	- в судебном порядке	- в судебном порядке; - обращение за защитой в органы военной прокуратуры
9. Наличие в грубом дисциплинарном проступке признаков преступления	- материалы направляются в военный следственный отдел; - командир воинской части, начальник органа военной полиции, начальник гарнизона, уведомляют военного прокурора, руководителя военного следственного отдела	- порядок тот же; - порядок тот же

Таким образом, особенностями дисциплинарного производства по делам о грубых дисциплинарных проступках военнослужащих в особых правовых режимах можно считать: 1) различную правовую регламентацию; 2) правильное установление судами и командирами воинских частей категорий лиц, причастных к военной службе; 3) отсутствие стадии судебного разбирательства; 4) то, что дисциплинарный арест назначается только за те грубые дисциплинарные проступки, которые указаны в ст. 2 ФЗ «Об особенностях применения и исполнения дисциплинарного ареста в отношении военнослужащих, принимающих участие в специальной военной операции»; 5) различные алгоритмы действий командира воинской части, начальника органа военной полиции, начальника гарнизона в ситуации выявления в грубом дисциплинарном проступке признаков иного правонарушения (например, преступления); 6) некоторые ограничения принципа справедливости, например, когда при рассмотрении дисциплинарного дела участие защитника не предусматривается.

ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР ЗА ПРОТИВОДЕЙСТВИЕМ КИБЕРПРЕСТУПНОСТИ В ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННОЙ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Ю. И. Мальцева, В. С. Скребкова,
студенты Иркутского института - филиала
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), г. Иркутск.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики А. В. Коршунов.

С развитием сети «Интернет» и цифровых технологий возник новый вид преступности – киберпреступность, которая быстро развивается и способна причинить значительный и порой необратимый ущерб отдельным гражданам, организациям, а также государству в целом.

Среди наиболее часто совершаемых киберпреступлений можно выделить следующие: а) мошенничество; б) кража денежных средств, данных, в том числе данных банковских карт; в) кибершантаж (вредоносное программное обеспечение (Malware), фишинг, SQL –внедрение, межсайтовый скриптинг (XSS), кибератаки (DoS и DDoS); г) криптоджекинг; д) кибершпионаж[1]. Сюда можно добавить и преступления против половой неприкосновенности, совершаемые опосредованно через Интернет (ч. 4 ст. 132 УК РФ, ч. 2 ст. 135 УК РФ).

В российском законодательстве отсутствует официальный термин «киберпреступление», однако есть такое понятие, как «преступления в сфере компьютерной информации», закреплённое в главе 28 Уголовного кодекса РФ. Эта категория охватывает деяния, посягающие на информационную безопасность, где предметом преступления выступают информация и компьютерные средства.

К преступлениям в сфере компьютерной информации относятся:

1. Неправомерный доступ к компьютерной информации (ст. 272 УК РФ);

2. Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ (ст. 273 УК РФ);

3. Нарушение правил эксплуатации средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации и информационно-телекоммуникационных сетей (ст. 274 УК РФ);

4.Неправомерное воздействие на критическую информационную инфраструктуру Российской Федерации (ст. 274.1 УК РФ).

Кроме того, к данной сфере относятся ст. ст. 158, 159.3, 159.6, 228.1 УК РФ

В соответствии с Конвенцией о киберпреступности, подписанной в Будапеште 23 ноября 2001 года, киберпреступлениями признаются действия, направленные против конфиденциальности, целостности и доступности компьютерных систем, сетей и данных, а также злоупотребления этими системами и информацией[2].

В выступлении президента России Владимира Путина на пленарном заседании международной конференции Artificial Intelligence Journey, в 2024 г. было озвучено: более 130 миллионов россиян пользуются интернетом. Анализ РИА Новости, основанный на данных Росстата, показывает, что в 2024 году 88,9% населения России имеют доступ к сети Интернет, при этом 75,4% выходят в сеть ежедневно или почти ежедневно, 7,8% - минимум раз в неделю, а 5,7% - время от времени.

[1] Шарыпов К. А. Роль органов прокуратуры Российской Федерации в координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с киберпреступностью // Молодой ученый. 2021. № 52. С. 179-180.

[2] Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.).

В 2024 году под руководством Генерального прокурора РФ И.В. Краснова состоялось координационное совещание, посвящённое борьбе с преступлениями, совершаемыми с использованием IT-технологий, цифровых валют и компьютерных данных. На мероприятии были озвучены ключевые статистические показатели: за 2023 год число таких преступлений выросло на 29,7% (до 677 тыс. случаев), а за первые восемь месяцев 2024 года –на 16,4% (500,4 тыс.).

Краснов И. В. выделил, что часто используются интернет-ресурсы, на которых публикуются призывы к совершению терактов и диверсий, а также инструкции по изготовлению зажигательных и взрывных устройств. Такие сайты нередко контролируются и финансируются из-за рубежа.

Кроме того, всё чаще выявляются преступления в сфере информационно-коммуникационных технологий, посягающие на половую свободу и неприкосновенность детей – за 2023 год и первые восемь месяцев 2024 года зарегистрировано более тысячи подобных случаев. Также за этот период выявлено почти четыре тысячи преступлений, связанных с изготовлением порнографических материалов, включая материалы с участием несовершеннолетних.

Значительным остаётся и количество ложных сообщений об актах терроризма – за указанный период их зафиксировано около 30 тысяч.

Основными инструментами совершения преступлений стали: интернет (526,8 тыс. случаев в 2023 г. и 417,1 тыс. за 2024 г.); мобильная связь (302,9 тыс. и 231,9 тыс. соответственно); банковские карты (132,8 тыс. в 2023 г. и 75,3 тыс. в 2024 г.).

Участники совещания констатировали недостатки в работе спецподразделений по киберпреступности. В частности, не всегда устанавливаются способы получения злоумышленниками персональных данных и механизмы их использования. В 2023 году прокурорами было отменено каждое четвертое из более чем 400 тысяч решений о приостановлении производства по уголовным делам данной категории, а по итогам дополнительного расследования свыше 3 тысяч дел были направлены в суд.

Ключевая проблема – крайне низкий уровень раскрываемости, который не превышает в последние годы 27% . Это связано со сложностью отслеживания цифровых следов, использованием преступниками анонимных технологий и недостаточной координацией между ведомствами.

При этом у российских правоохранительных органов есть примеры успешных расследований сложных киберпреступлений (связанных в том числе с половой неприкосновенностью несовершеннолетних). Например, в 2023 г. был выявлен пользователь анонимной сети TOR под псевдонимом Krokus, занимавшийся распространением детской порнографии. Для этого была проведена масштабная поисково-аналитическая работа на фотохостингах и в социальных сетях, а также выполнено уникальное криминалистическое исследование.

Киберпреступность, как глобальный вызов цифровой эпохи, требует комплексного подхода к противодействию, где ключевую роль играет прокурорский надзор. В Российской Федерации эта функция реализуется через систему мер, направленных на обеспечение информационной безопасности, защиту прав граждан и пресечение противоправной деятельности в виртуальном пространстве.

Прокурорский надзор представляет собой особую, самостоятельную деятельность федеральных органов прокуратуры, осуществляемую от имени Российской Федерации и направленную на проверку точности соблюдения Конституции РФ и исполнения действующего законодательства на её территории[1].

Он необходим для эффективного противодействия киберпреступности по следующим причинам:

[1] Винокуров А.Ю., Винокуров Ю.Е. Прокурорский надзор: учебник для вузов. – М.: Издательство Юрайт, 2019. 380 с.

1. Прокуроры обеспечивают координацию действий всех правоохранительных органов и специалистов в области информационных технологий, что позволяет всесторонне оценить масштабы угроз и разрабатывать комплексные стратегии их пресечения.

2. Прокурорский надзор обеспечивает оперативное реагирование на нарушения законодательства в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», что способствует быстрому выявлению правонарушителей и их привлечению к ответственности, повышая тем самым уровень безопасности в цифровом пространстве.

3. Кроме того, прокурорский надзор способствует укреплению правопорядка в сфере информационных технологий за счёт совершенствования нормативно-правовой базы, пресечения деятельности незаконных интернет-ресурсов и контроля за соблюдением законодательства в информационной сфере.

В рамках прокурорского надзора прокуроры имеют право запрашивать у интернет-провайдеров и других технических организаций информацию о пользователях сети, а также требовать блокировки незаконного контента и ресурсов. В 2023 году в отношении операторов связи, допустивших подмену абонентских номеров, прокурорами было возбуждено около 900 административных дел, по итогам которых наложены многомиллионные штрафы. По экспертным оценкам, операторы связи смогли предотвратить более одного миллиона мошеннических звонков из-за рубежа, совершаемых с использованием российских номеров, включая подделки номеров государственных органов и банков[1].

Для успешной реализации этих задач необходима высокая квалификация прокурорских работников, включающая знания в области информационных технологий и права.

Процесс расследования киберпреступлений представляет собой сложную и многоэтапную процедуру, в которой прокуроры играют ключевую роль, направляя и контролируя ход расследования. Они анализируют информацию с целью выявления признаков преступления, участвуют в установлении лиц, причастных к совершению противоправных действий, и готовят материалы для последующего судебного разбирательства, обеспечивая соблюдение всех процессуальных норм.

Следует также подчеркнуть, что в настоящее время прокурорские работники руководствуются «Методическими рекомендациями по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации», утверждёнными Генеральной прокуратурой[2]. Данные рекомендации, безусловно, актуальны в условиях роста киберпреступности и быстрого развития технологий. Они обеспечивают системный подход к проверке законности, правильную оценку цифровых доказательств и регламентируют процессуальные действия.

Генеральная прокуратура Российской Федерации сегодня применяет комплекс необходимых мер для эффективного противодействия киберпреступности в стране. Среди ключевых направлений работы выделяются:

- Проведение анализа взаимодействия оперативных служб с центрами выявления и расследования киберпреступлений, что позволяет быстро выявлять и пресекать противоправные действия в цифровой среде;

[1] Абдразяпов Р.Р. Привлечение к ответственности операторов связи за подмену абонентского номера, как одно из средств профилактики телефонных мошенничеств // Аграрное и земельное право. 2023. № 6(222). С. 139.

[2] Методические рекомендации по осуществлению прокурорского надзора за исполнением законов при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации" (утв. Генпрокуратурой России) // Интернет-ресурс «Гарант. Ру» (официальный сайт) – URL: garant.ru (Дата обращения – 23.04.2025).

- Обеспечение тесного и продуктивного сотрудничества прокуратуры с другими правоохранительными органами, такими как МВД, Следственный комитет и ФСБ, что способствует комплексному и скоординированному реагированию на угрозы кибербезопасности;
- Активное международное сотрудничество с правоохранительными органами зарубежных стран, включая участие в разработке и подписании международных конвенций по противодействию киберпреступности, что позволяет координировать усилия на глобальном уровне и эффективно бороться с трансграничной преступностью.

Подтверждением этому является активная роль Российской Федерации в разработке Конвенции о противодействии киберпреступности, одобренной Генассамблеей ООН в декабре 2024 года[1], а также инициатива Генерального прокурора РФ И.В. Краснова, направленная на продвижение ее ратификации и укрепление двустороннего сотрудничества с другими странами.

Таким образом, киберпреступность представляет собой серьёзную угрозу информационной безопасности в современном мире, требующую комплексных мер для её предупреждения и противодействия. Прокурорский надзор является важнейшей составляющей системы в борьбе с киберпреступлениями в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», обеспечивая защиту прав граждан и безопасность цифрового пространства. Для эффективного противостояния постоянно развивающимся и усложняющимся киберугрозам необходимо непрерывное совершенствование механизма прокурорского надзора и повышение квалификации специалистов в этой области.

АКТУАЛЬНЫЕ ТАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОСМОТРА МЕСТА ПРОИСШЕСТВИЯ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОСТИ

Ю. С. Нецветаева,
студент Юридического института
Иркутского государственного университета, г. Иркутск
Научный руководитель: к.ю.н., доцент кафедры судебного права Е. В. Кузнецов.

Главной задачей органов предварительного расследования выступает обеспечение процесса раскрытия и расследования преступных деяний, совершенных злоумышленниками. Разрешить эту задачу помогают специальные средства доказывания и следственные действия, особое место среди которых занимает осмотр места происшествия. Это может быть осмотр жилища, местности, служебных помещений и пр. Важность данного следственного действия в условиях современности сложно переоценить. Именно оно выступает важнейшей частью уголовного судопроизводства и занимает главное место в процессе раскрытия преступлений, в частности по части установления фактов и сбора доказательств. Благодаря, осмотру места происшествия, следственные органы могут получить первичные данные, которые могут существенным образом повлиять на ход расследования и его исход.

Между тем, данное следственное действие требует постоянного внимания как со стороны исследователей уголовно-процессуального права, так и со стороны специалистов в области криминалистики, что объясняется тем, что сегодня в уголовно-процессуальном законодательстве нашей страны имеется много правовых пробелов,

[1] Конвенция Организации Объединенных Наций против киберпреступности (резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей 24 декабря 2024 года // Семьдесят девятая сессия. Пункт 108 повестки дня.

относительно осмотра места происшествия. В действующем уголовно-процессуальном законодательстве Российской Федерации, в частности в нормах, содержащихся в УПК РФ, можно обнаружить значительное количество недостатков, касающихся регулирования процедуры осмотра места происшествия. Указанные нормы зачастую либо изложены недостаточно ясно, либо противоречат друг другу, что затрудняет их однозначное толкование и практическое применение. Более того, в условиях стремительного развития криминалистических технологий и изменения криминогенной обстановки, отдельные положения УПК РФ уже не отвечают современным требованиям, теряя свою актуальность. В результате подобной правовой неопределенности страдает сам процесс расследования: недостатки законодательства прямо или косвенно влияют на качество организации осмотра места происшествия и, как следствие, на эффективность выявления преступника. При отсутствии четкого алгоритма действий возрастает риск ошибок, упущений и даже игнорирования ключевых аспектов следственного процесса.

Эффективность осмотра места происшествия, безусловно, зависит от множества факторов, среди которых нельзя не выделить личные и профессиональные качества следователя. Его внимательность, опыт, способность к логическому анализу ситуации, а также знание тактических и методических приёмов проведения следственного действия играют решающую роль. Однако важно понимать, что и высокая квалификация не всегда способна компенсировать существующие пробелы в правовом регулировании. Помимо этого, стоит отметить, что на практике следователи и дознаватели часто сталкиваются с целым рядом тактических затруднений, непосредственно связанных с проведением осмотра. Данные сложности могут быть вызваны как внешними обстоятельствами (недостаточная освещенность, погодные условия, ограниченный доступ к объекту), так и внутренними — например, отсутствием единых стандартов фиксации или недостаточной технической оснащённостью. Провести комплексный анализ всех проблем, возникающих при производстве осмотра места происшествия, в рамках одного исследования представляется невозможным, особенно с учётом ограниченного объема. Поэтому в данном случае целесообразно сосредоточиться на ключевых и наиболее типичных проблемах, оказывающих существенное влияние на результативность следственного действия.

Одной из таких проблем по праву считается недостаточное применение современных научно-технических средств при осмотре места происшествия. Несмотря на широкий спектр доступного оборудования — от ультрафиолетовых ламп до переносных детекторов биологических следов — в реальности эти инструменты используются далеко не всегда. Нередко следователь, находясь в условиях ограниченного времени или ресурсов, полагается исключительно на визуальный осмотр, игнорируя технические средства, которые могли бы выявить мельчайшие следы, незаметные невооружённым глазом. Подобная практика ведёт к тому, что значимые объекты — например, микрочастицы, следы крови, потожировые следы — остаются не зафиксированными и, следовательно, не участвуют в дальнейшем анализе. В результате построенная следователем картина событий может опираться на крайне ограниченное количество данных, что создаёт иллюзию достоверности при фактической неполноте картины. Как показывают материалы следственной и судебной практики, такие ошибки впоследствии приводят к серьёзным процессуальным последствиям — от ошибочной версии событий до постановки под подозрение невиновного лица, что подтверждает необходимость не просто технической оснащённости, но и постоянного обновления методических рекомендаций по применению этих средств[1].

[1] Гомбоева С.С. Тактика осмотра места происшествия // Вопросы студенческой науки. 2023. № 10 (86). С. 193-196.

В связи с этим, хотелось бы отметить систематическое применение каких именно современных технологий при осмотре места происшествия, положительно скажется на точности расследования и поможет в правильном исследовании доказательств.

1. панорамные камеры. Панорамные камеры могут существенным образом увеличить как разрешение сферических фото, так и видео-панорам. Кроме этого, возможности этой камеры позволяют делать съемки в формате 360 °С;
2. системы виртуальной реальности. Подобные технологии позволяют создать эффект присутствия в среде, смоделированной виртуальным пространством;
3. технологии лазерного 3D-сканирования. В качестве примера можно привести технологию «Faro Focus 3D», которая часто используется специалистами в ходе осмотра места происшествия после ДТП. Она фиксирует следы торможения автотранспорта, следы грязи, битых стекол и пр.[1];
4. квадрокоптеры. Их рекомендуется применять на практике, если исследуемое место происшествия занимает большую площадь, равно как если осмотр места происшествия на конкретной территории, его производство может представлять угрозу для жизни и здоровья, лиц, участвующих в данном следственном действии. Квадрокоптеры помогают в фиксации места происшествия в оперативные сроки. В частности, помогают получить видео и фото с разных ракурсов и с полной детализацией.

Это лишь некоторые современные технологии, которые рекомендуется чаще использовать при проведении, исследуемого нами следственного действия.

Одной из наиболее недооценённых, но при этом крайне существенных проблем при проведении осмотра места происшествия является ненадлежащее обеспечение охраны этого участка. В реальных условиях следственной практики нередко наблюдаются случаи, когда территория, на которой было совершено преступление, оказывается практически незащищённой от доступа посторонних лиц. Такая ситуация может быть обусловлена как нехваткой сотрудников, обеспечивающих охрану, так и отсутствием чёткого понимания важности этой задачи у лиц, прибывающих на место первыми. Между тем, проникновение посторонних — случайное или преднамеренное — чревато искажением общей картины преступления: следы могут быть уничтожены, изменены или даже сознательно подделаны. Особенно это актуально в тех случаях, когда преступление носит резонансный характер и вызывает повышенный интерес у окружающих. Каждый шаг, сделанный в зоне происшествия до прибытия следователя, может повлечь за собой утрату важнейших улик. Поэтому очевидно, что охрана места происшествия должна рассматриваться не как формальность, а как первоочередное мероприятие, направленное на сохранение достоверности всей следственной информации. Усиление мер контроля доступа, привлечение специальных подразделений для охраны, а также разработка единых протоколов первичного реагирования могли бы существенно повысить надёжность собранных материалов и снизить риск потери доказательств ещё до начала активных следственных действий.

Наряду с этим, особое беспокойство вызывает недостаточная тщательность самого осмотра, проводимого на месте происшествия. На практике подобное следственное действие нередко сводится к формальному или поверхностному обследованию лишь тех элементов, которые легко обнаруживаются невооружённым взглядом. Такой подход, к сожалению, упускает из внимания множество мелких, но крайне значимых деталей — от микрослеодов до неочевидных изменений в обстановке. Причины могут быть различны: нехватка времени, усталость оперативной группы, недостаточная квалификация исполнителей или, что особенно опасно, недооценка важности самого этапа осмотра. Однако именно в ходе кропотливого и детального анализа можно выявить

[1] Кузнецова А.В. Современные средства фиксации информации, применяемые специалистом при осмотре места происшествия // Новый юридический вестник. 2021. № 6 (30). С. 31-33.

критические улики, которые впоследствии станут основой для построения версии произошедшего. Поэтому при организации осмотра необходимо ориентироваться не только на стандартные процедуры, но и на гибкое применение тактических приёмов, учитывающих специфику конкретного случая. Лишь в условиях методичного и вдумчивого подхода следователь способен обнаружить ту деталь, которая, казалось бы, незначительна, но может стать ключом ко всему расследованию[1].

Также заслуживает отдельного внимания проблема, связанная с небрежным обращением с вещественными доказательствами на этапе их изъятия и упаковки. Казалось бы, технический процесс помещения предмета в пакет или коробку не требует особых усилий. Однако именно на этом этапе совершается множество фатальных ошибок: доказательства упаковываются без должной фиксации, без указания условий хранения, или с нарушением санитарных и правовых требований. В ряде случаев небрежность приводит к повреждению объектов, их загрязнению, а порой и полной утрате ценных следов. Особенно критично это в отношении улик, которые невозможно воспроизвести повторно — например, частиц тканей, следов ДНК или биологических материалов. Их утрата делает невозможным повторный анализ и ставит под сомнение надёжность уже полученных результатов. В связи с этим возникает необходимость разработки и, что важно, строгого соблюдения процедур упаковки, маркировки и хранения вещественных доказательств. Такие процедуры должны быть не только детально прописаны, но и систематически проверяться на практике, включая обучение сотрудников методикам бережного обращения с уликами.

Неправильное распределение ролей при производстве осмотра места происшествия. Данная проблема – это, пожалуй, основная проблема производства эффективного осмотра места происшествия. Следователи, выступая главными субъектами в следственно-оперативной группе должны правильно скоординировать действия каждого из участников осмотра. В частности, в его компетенцию входят: постановка задач; определение границ предстоящего осмотра; определение того, на что необходимо обратить особое внимание; дача вводных данных о случившемся и т.д. Правильная организация взаимодействия всех субъектов данного следственного действия даст возможность грамотным образом распределить временные ресурсы, которые будут потрачены оперативно-следственной группой на данный процесс; преждевременно устранить неточности в производстве осмотра. В качестве таких неточностей имеется ввиду упущение важных предметов и следов, которые необходимо обнаружить для поимки преступника.

Рассматриваемая выше проблема неразрывно связана с ещё одной важной и, к сожалению, весьма распространённой ситуацией, возникающей при осмотре места происшествия, — а именно с недостаточным уровнем взаимодействия между участниками следственно-оперативной группы. В частности, речь идёт об умении каждого участника грамотно исполнять свои должностные обязанности в рамках собственной компетенции. На первый взгляд может показаться, что координация действий внутри группы — это задача, полностью лежащая на плечах следователя как руководителя. Однако в действительности, особенно в условиях динамичной и стрессовой обстановки, крайне сложно обеспечить полный контроль за каждым сотрудником и их действиями. Более того, чем больше состав группы и чем менее она сработана, тем выше вероятность возникновения ошибок, недопонимания и, как следствие, утраты или искажения следственной информации. Следователь, особенно начинающий, далеко не всегда способен просчитать все возможные поведенческие сценарии коллег по группе, и тем более — учесть слабые стороны каждого исполнителя, что подтверждает необходи-

[1] Топильская А.О. Тактические проблемы осмотра места происшествия // Молодой ученый. 2024. № 40 (539). С. 294-296.

мость чёткой и заранее продуманной организации работы группы, а также систематического обучения всех её участников[1].

Отдельного внимания заслуживает уровень профессиональной подготовки самого следователя. Опыт работы в должности играет решающую роль в принятии быстрых и обоснованных решений на месте происшествия. Например, следователь с недостаточным стажем может просто не обладать знаниями о типичных следах, остающихся после совершения тех или иных преступлений: будь то кража, убийство, разбой или дорожно-транспортное происшествие. Между тем, знание таких криминалистически значимых следов, как отпечатки пальцев и ладоней, следы обуви, фрагменты волос или крови, — является ключевым элементом эффективного осмотра. Особенно важно уметь оценивать, на каких поверхностях и в каких зонах с наибольшей вероятностью могут сохраняться эти следы: будь то оружие, место хранения похищенного, или путь отхода преступника. Исходя из этого, становится очевидным, что каждый участник осмотра обязан строго соблюдать профессиональные стандарты и действовать исключительно в рамках своих полномочий, чтобы исключить возможность повреждения или утраты улик, а также избежать ненужного дублирования функций.

Кроме того, тактическая составляющая осмотра во многом определяется не только обстоятельствами происшествия, но и составом оперативно-следственной группы, доступными ресурсами и техническим оснащением. Следователь, формируя план действий, обязан учитывать потенциал каждого члена команды. К примеру, если предполагается использование служебной собаки, а участие кинолога изначально не было предусмотрено, то уже по прибытии на место происшествия рассчитывать на задержку осмотра ради ожидания специалиста — непозволительная роскошь. Счёт может идти на минуты, и даже небольшая пауза может привести к уничтожению следов или их безвозвратной утрате. Соответственно, при выборе тактики осмотра следователь должен исходить из целого ряда факторов: опыт и квалификация членов группы, наличие специальных средств фиксации, возможность быстрого реагирования, а также доступ к техническим и вспомогательным ресурсам. Игнорирование этих аспектов приводит к полной дезорганизации осмотра и превращает потенциально успешное следственное действие в формальную процедуру без результата. Следственная практика подтверждает: там, где отсутствует продуманная тактика и чёткая ролевая структура, неизбежно возникают сбои, ведущие к снижению доказательственной ценности полученной информации.

Таким образом, в условиях стремительного технологического прогресса и усложнения преступных схем осмотр места происшествия сохраняет статус одного из наиболее значимых и первоочередных следственных действий. Его результативность прямо влияет на исход расследования, особенно на этапе сбора первичных доказательств. Однако анализ современных условий осуществления этого следственного действия выявляет ряд существенных тактических проблем, затрудняющих достижение максимальной эффективности. Среди них — правовая неурегулированность некоторых аспектов осмотра, недостаточная техническая оснащенность, а также профессиональные и организационные недоработки следователей и иных участников следственно-оперативной группы, например, сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность и допускающие различные нарушения оперативно-розыскного законодательства при осуществлении оперативно-розыскных мероприятий на месте происшествия и предоставлении их результатов следователю[2].

---

[1] Самиулина Я.В., Ростова А.А. К вопросу о тактических проблемах проведения осмотра места происшествия // Альманах научных трудов Самарского юридического института ФСИН России. - Самара, 2023. – С. 140-143.

[2] Кузнецов Е. В., Ацута Д. А. Нарушения организационно-правового характера, допускаемые сотрудниками органов внутренних дел в ходе осуществления оперативно-розыскной деятельности //

Наиболее остро стоит проблема недостаточного применения научно-технических средств, способных значительно повысить точность и полноту фиксации следовой информации. Современные технологии, такие как панорамные камеры, лазерное 3D-сканирование, системы виртуальной реальности и квадрокоптеры, должны стать не исключением, а нормой в следственной практике. Кроме того, особую тревогу вызывает низкий уровень охраны места происшествия и небрежность в упаковке вещественных доказательств, что способно привести к их утрате или порче. Проблема нечеткой координации действий членов следственной группы и нерациональное распределение обязанностей также требует системного подхода к решению: посредством усиления профессиональной подготовки, разработки четких методических рекомендаций и модернизации уголовно-процессуального законодательства. Таким образом, решение обозначенных проблем лежит в плоскости комплексной модернизации как тактики, так и нормативной базы осмотра места происшествия.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ГРАЖДАНСКОМ И АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

С. К. Никонорова,
студент Юридического института
Иркутского государственного университета, г. Иркутск.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент,
доцент кафедры судебного права Е. В. Шишмарёва.

Современная юриспруденция постоянно находится в состоянии динамики. В связи с этим вполне справедливо отметить, что в связи с регулярными изменениями общественных отношений новшества внедряются в том числе и в юридическую науку. Интеграция одной отрасли знаний в другую не является исключением. Несмотря на то, что мы традиционно воспринимаем криминалистику как науку криминального цикла дисциплин, как науку, которая сфокусирована на тактику, технику и методику расследования преступлений, она оказывает существенное влияние так же и на развитие цивилистических процессов, как бы странно это не звучало. Потенциал криминалистики выходит очень далеко за пределы уголовного права и процесса. Научно-технический прогресс в современном мире отнюдь не стоит на месте, информационные технологии становятся всё более развитыми, экономические отношения усложняются, что стимулирует рост числа сложных гражданских и арбитражных споров. Такие условия приводят к необходимости применения криминалистических знаний для установления объективной истины в этих процессах. Также, несмотря на свою очевидную полезность, необходимость и функциональность, использование криминалистических методов в гражданском и арбитражном судопроизводстве может быть сопряжено с определенными проблемами, требующими детального анализа и решения.

Совершенно справедливо отметил советский и российский криминалист Николай Павлович Яблоков, что методы и способы криминалистики ровно настолько же значимы и для других видов правовой деятельности, цивилистические процессы не исключение.[1]

Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: сборник материалов XXII международной научно-практической конференции: в 2 томах, Иркутск, 18–19 мая 2017 года. Том I. – Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. – С. 243-245.

[1] Яблоков Н. П. Значение криминалистики в правоприменительной деятельности и подготовке юристов широкого профиля. С.11–12.

Современные гражданско-процессуальное и арбитражно-процессуальное право являются абсолютно самостоятельными отраслями российского процессуального права. Безусловно, в цивилистических процессах важнейшую роль имеет доказательство и доказывание. Совершенно справедливо можно отметить, что механизм получения и исследования некоторых видов доказательств в цивилистических процессах очень схож с механизмом производства следственных действий. Так, статья 55 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также статьи 67 и 68 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации традиционно закрепляют принципы относимости и допустимости доказательств. Проведя анализ данных статей можно сделать однозначный вывод о том, что любые доказательства в гражданском и арбитражном судопроизводстве обязаны быть получены на основаниях, соответствующих закону и безусловно иметь отношение к рассматриваемому делу, а также значение для его рассмотрения. Нельзя не отметить, что одной из ведущих, главенствующих задач криминалистики является как раз именно обеспечение доказывания.[1]

Представляется интересным рассмотреть конкретные задачи и цели использования криминалистических знаний и методов в цивилистических процессах.

Во-первых, можно отметить идентификационную задачу. Она подразумевает установление подлинности документов, подписей, печатей, разрешение вопроса о подложности, определение принадлежности предметов, идентификация личности по различным признакам в контексте применения специальных знаний в судопроизводстве. Данная задача является очень важным инструментом в процессе доказывания, так как экспертиза документов, а именно заключение эксперта, является полноценным доказательством, широко применимым в цивилистическом процессе.[2] Стоит отметить, что экспертиза в цивилистическом процессе проводится не только на предмет разрешения вопроса о подлинности документа, но и по другим поводам. Например, автотехническая экспертиза по поводу ДТП, товароведческая экспертиза, строительная экспертиза и иные имеют большое значение в цивилистических процессах с точки зрения доказывания.[3] Более того, во многих случаях без нее вовсе не обойтись. Следовательно, можно сделать вывод, что институт экспертизы, имеющий криминалистические «корни» очень широко применяется в цивилистическом процессе и является востребованным.

Во-вторых, довольно большое значение для разрешения гражданских и экономических споров имеет и исследование доказательств непосредственно судом. Нельзя не сказать, что судья, исследуя доказательства в любом случае применяет методы, произошедшие из науки криминалистики даже для обычной, казалось бы, оценки документа или же вещественного доказательства. Так же, судья описывает исследованные в ходе судебного разбирательства доказательства в судебном решении используя при описании всё те же криминалистические методы. Соответственно, можно сделать вывод, что криминалистические основы имеют место и в исследовании доказательств судьей в цивилистических процессах.

В-третьих, довольно важным институтом в доказывании является допрос. Допрос участников процесса помогает суду сделать верные выводы и всесторонне рассмотреть гражданское или арбитражное дело, а также вынести справедливое решение. Как показывает практика, иногда правильный и полный допрос участника цивилистического процесса может повлиять на вынесение решения. В то же время стоит отметить, что тактика допроса разных участников процесса имеет существенные отличия.

---

[1]Россинская Е. Р. Проблемы современной криминалистики и направления ее развития // Эксперт-криминалист. 2013. № 1. С. 2-6.

[2] Жижина М.В. Теория и практика применения современной криминалистики в цивилистическом процессе: автореф. дис.... д-ра юрид. наук. – М., 2017. 22 с.

[3] Жижина М.В. Криминалистическая экспертиза документов в арбитражном судопроизводстве: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. – М., 2003. 27 с.

Судья разрешает вопрос о том, какие вопросы задать свидетелю, эксперту, специалисту и так далее. А данный метод, в свою очередь, берет начало именно в криминалистической науке.

В-четвертых, в современном мире никак не обойтись без цифровых технологий. Следовательно, исследование цифровых объектов имеет место и при рассмотрении судами гражданских и арбитражных дел. Исследование цифровых следов подразумевает анализ информации, хранящейся на компьютерах и других цифровых носителях, восстановление удаленной информации, определение времени и места создания файлов, а также прослушивание или просмотр аудио и видео файлов в судебном заседании. Такой метод может требовать экспертного исследования.

Несмотря на очевидный широкий потенциал применения криминалистических методов в гражданском и арбитражном процессе, современное судопроизводство сталкивается с рядом препятствий, например:

- отсутствие четкой правовой базы, так как общеизвестно, что законодательство не содержит указаний именно на технику, методику и тактику исследования доказательств и допроса участников процесса.
- вопрос квалификации экспертов и специалистов, так как по некоторым видам экспертиз и отраслям знаний не только очень трудно найти эксперта в принципе, но и специфика цивилистических споров достаточно сильно отличается от уголовных, следовательно, экспертиза так же будет иметь свою специфику. Следовательно, таким специалистам необходимо иметь достаточно высокую квалификацию.

Использование криминалистических методов в гражданском и арбитражном процессе является необходимым. На сегодняшний день гражданские и экономические споры становятся всё более сложными, соответственно и процесс рассмотрения гражданских и арбитражных дел становится более осложненным, а требования, предъявляемые к качеству и эффективности судопроизводства остаются всё такими же чёткими.

Для наиболее качественного и эффективного использования криминалистики в цивилистических процессах необходимо в принципе понять её роль в рассмотрении таких дел, которая, на наш взгляд, является очень важной. Использование широкого спектра криминалистических методов в арбитражном и гражданском процессе является важнейшим механизмом для выявления всех обстоятельств рассматриваемого дела.

Исходя из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что использование криминалистических знаний в арбитражном и гражданском судопроизводстве выступает важнейшим инструментом для выяснения и установления значимых обстоятельств гражданского или арбитражного дела и принятия всестороннего, полного и справедливого судебного решения. Также, необходимо отметить, что использование криминалистических знаний в гражданском и арбитражном процессе может помочь суду и иным участникам процесса обеспечить эффективность правосудия, а также реализовать все базовые принципы судопроизводства.[1] Отметим, что важно не только использование криминалистических методов как таковых, но и верный, профессиональный, адаптированный подход к использованию таких знаний и методов, а также учет обстоятельств конкретного арбитражного или гражданского дела.

Подводя итог вышесказанному можно сказать, что развитие и расширение спектра действия криминалистических методов и знаний в гражданском и арбитражном процессах на данный момент является очень актуальным и полезным институтом. Думается, что в дальнейшем он окажет существенное положительное влияние на современный цивилистический процесс в контексте усовершенствования деятельности судов и облегчения рассмотрения дел в судах. Ожидается, что работа над повышением

[1] Загайнов Д.А. К вопросу о применении криминалистических знаний в арбитражном процессе // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 119.

эффективности использования криминалистических знаний в цивилистических процессах будет способствовать росту результативности рассмотрения гражданских и арбитражных дел, обеспечению более объективного и всестороннего исследования фактических обстоятельств спора.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ПОДПИСЕЙ

С. С. Полежаева, А. В. Рошка,
студенты Новосибирского государственного
университета экономики и управления «НИНХ», г. Новосибирск
Научный руководитель: старший преподаватель кафедры уголовного права
и национальной безопасности В. А. Губер.

Подпись, как удостоверительный знак конкретного человека, является обязательным реквизитом для всех видов письменных документов. При совершении преступлений, особенно в сфере экономики, преступники нередко прибегают к подделке подписей, стремясь добиться максимального сходства их с оригиналом подписи определённого лица.

Сегодня в России многие сферы деятельности переходят на электронный документооборот, проблема подделки материального носителя информации в виде документов остается актуальной. Всего за 2024 год по статье 327 «Подделка, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков» УК РФ в Российской Федерации было привлечено к уголовной ответственности 10 877 человек, в сравнении с предшествующим годом рост составил более 18%. В 2023 году к уголовной ответственности по данной статье было привлечено 9010 человек.

В экспертной практике выделяются две группы основных способов подделки подписей. Первая группа включает в себя воспроизведение подписи-оригинала «по памяти» или путем подражания подлинной подписи, воспроизводя основные элементы подписи, имея её перед собой (подражание «на глаз») либо сразу на подделываемом документе, либо после предварительной тренировки. Кроме того, имеются случаи произвольного исполнения поддельной подписи, которая не имеет ничего общего с оригиналом (подпись «от имени вымышленного лица»), а также автоподлог, когда исполнитель, изменяя отдельные элементы принадлежащей ему подписи, маскирует саморучное выполнение её.

Задачи этой группы решаются посредством исследования письменно-двигательного навыка исполнителя, отобразившегося в спорной подписи. В данном случае поддельная подпись выступает объектом исследования судебно-почерковедческой экспертизы, в ходе которой решается идентификационная задача по установлению исполнителя требуемой подписи.

Вторая группа способов подделки подписей включает в себя, так называемые, технические способы, установление которых решается в рамках проведения технико-криминалистических экспертиз документов. Злоумышленники, стремясь достичь максимального сходства подделываемой подписи с оригиналом, применяют различные технические приемы и способы, используя при этом различные технические средства. Сущность технической подделки подписей, как правило, заключается в копировании подписи-оригинала, а не в почерковом подражании, что нисколько не уменьшает актуальность вопросов, решение которых связанно с «подделкой» подписей.

Раскрывая тему нашей работы, мы в большей мере останавливаемся, именно, на отдельных вопросах технико-криминалистической экспертизы документов, в рамках которой решаются задачи по установлению способа внесения подписей в поддельный документ.

Способы технической подделки подписей разнообразны и постоянно совершенствуются преступниками. Негативным последствием применения новых способов технического выполнения подписей в поддельных документах послужило появление на рынке современных компьютерных средств и знакосинтезирующих печатающих устройств, которые злоумышленники приспосабливают для реализации своих преступных замыслов, маскируя подделку, делая её менее заметной для лиц, не обладающих специальными знаниями.

Анализ экспертной практики показал, что в настоящее время преступниками не применяются, используемые ранее «традиционные» способы технической подделки подписей. В одном случае, это внесение изображения требуемой подписи непосредственно на подделываемый документ (копирование «просвет» или с использованием копирующих материалов и т.п.). В другом – это использование какой-либо предварительной подготовки, когда путём передавливания либо заостренным предметом подписи-оригинала; либо предварительной карандашной подготовки или с помощью копировальной бумаги, штрихи, полученного изображения подписи в поддельном документе, в последующем обводятся одним из видов материалов письма.

На сегодняшний день, наиболее распространенным способом непосредственного внесения изображения подписи-оригинала в подделываемый документ связан с использованием современных знакосинтезирующих печатающих устройств (принтеров) капельно-струйного и электрографического типа или копировальных аппаратов, как цветных, так и монохромных.

Такой способ подделки подписи без особого труда устанавливается экспертами-криминалистами при исследовании изображения с помощью микроскопа, при выявлении и оценки диагностических признаков характерных для тех способов печати, которые характерны использованным типам печатающих устройств.

Современные достижения в области робототехники, а также новых информационных, телекоммуникационных и компьютерных технологий открывают новые возможности для подделки реквизитов документов [1], включая имитацию почерка в рукописных записях и подписях. Эти технологии значительно усложняют работу экспертов, решающих задачу по установлению способов выполнения графических объектов в контексте поддельных документов.

В последние годы в экспертной практике участились случаи выявления фактов внесения изображений требуемой подписи в поддельный документ с помощью электронных печатающих устройств плоттера (графопостроителей) с последующей имитацией рельефности штрихов, то есть, имитируя нажим почерка.

В данном случае эксперты сталкиваются с наиболее сложной задачей установления факта подделки документа, так как с помощью плоттера можно в автоматизированном режиме с большой точностью воспроизвести любую заданную кривую, в том числе электронную копию подписи-оригинала, используя при этом различные типы пишущих приборов.

Если обратиться к истории, можно выяснить, что первый плоттер был создан в 1603 году немецким астрономом Христофом Шейнером, который назвал своё изобретение пантографом. Этот прибор ранее использовался для копирования чертежей, но на сегодняшний день он вышел из употребления.

---

[1] Иванов Н. А. Комплексная экспертиза документов (компьютерно-техническая и реквизитов документов), изготовленных способами цифровой фальсификации // Российский следователь. 2004. №. 10. С. 2-4.

Его место заняли графопостроители. В зарубежной практике они также известны как «left pen». Графопостроители, или плоттеры, делятся на две основные категории: планшетные и с перемещающимся носителем. В планшетных моделях носитель фиксируется на плоском столе, а рисующий блок перемещается по двум перпендикулярным направлениям, при этом размер носителя ограничивается размерами планшета.

В свою очередь, плоттеры с перемещающимся носителем могут быть как барабанного, так и рулонного типа. При этом, в плоттерах с перемещающимся носителем пишущий блок перемещается только в одном направлении, а процесс рисования обеспечивается одновременным перемещением пишущего блока и носителя в прямом и обратном направлениях.

В рисующем блоке плоттера могут использоваться различные пишущие приборы: перья с трубчатым пишущим узлом, заправляемые специальной тушью, грифельные карандаши или простые шариковые ручки, а также иные виды пишущих приборов. С помощью плоттера можно нарисовать любую кривую. Для того чтобы с помощью плоттера нарисовать компьютерную копию подлинной рукописной подписи, может использоваться следующая технология.

Первый этап - сканируется подпись, создается её электронное изображение. Второй - на экране монитора с использованием графического редактора определяются реперные точки, размер, направление и траектория движения пишущего блока, тем самым создается впечатление вариационности исполнения подписи лица, от имени которого она выполнена.

В дальнейшем эта подпись, в виде заданной кривой, с помощью плоттера с закрепленным в нём определенным пишущим прибором наносится на поддельный документ.

На практике, для установления данного способа выполнения требуемой подписи необходим комплексный подход при проведении экспертного исследования, требующий использования специальных знаний, как в области судебного почерковедения, так и в области технико-криминалистическому исследованию документов, а в отдельных случаях, для проведения экспертизы необходимо привлечение эксперта, аттестованного на право самостоятельного производства компьютерно-технических экспертиз.

Случай экспертного исследования документа, в котором «рукописный» текст и подпись были выполнены с помощью плоттера, описан в отечественной специальной литературе [1]. Фактически основным признаком, по которому эксперты пришли к такому выводу, стал равномерный нажим и равномерный темп выполнения письменных знаков и их элементов, отсутствие дифференцированного нажима при выполнении сгибательных и разгибательных движений свидетельствует о «механическом» выполнении подписи.

Анализируя опыт зарубежных стран, можно заметить, что применение плоттера в преступных целях встречается значительно реже, чем в России. В Канаде первый случай его использования для подписания документов был зафиксирован в 2004 году. Писательница М. Этвуддля, уставшая от ручной подписи экземпляров своих книг, решила воспользоваться дистанционным способом с помощью плоттера и обратилась к компании Quanser Consulting Inc. для решения этой задачи. Презентация данного устройства, представлявшего собой роботизированную руку, прошла в 2006 году[2].

Несколько известных мировых фирм в области робототехники занимаются разработкой и созданием устройств, которые способны копировать почерк, но, как это «неоднократно случалось со многими достижениями научно-технического прогресса,

[1] Панова Т. О., Карпухина Е. С., Миловидова О. Ю. Комплексное исследование имитации рукописных реквизитов (случай из экспертной практики) // Теория и практика судебной экспертизы. 2008. №. 3. С. 118-121.

[2] Kirby T. Electronic pen allows Atwood to reach the world from home. – 2006.

они начинают активно использоваться в противоправных целях. «Если сегодня злоумышленник воспользуется для выполнения почеркового объекта одним из вышеописанных устройств, которые, в некоторых случая, могут имитировать распределение нажима, то мы можем полагать, что эксперты, только исходя из своих навыков и предельной внимательности, смогут установить факт использования подобной технологии подделки, поскольку они в настоящее время не располагают методиками выявления ее в почерковых объектов» - отметил Н. А. Иванов[1].

Чтобы попытаться решить проблему использования плоттеров в преступлениях, уже сегодня необходимо обновлять методику проведения почерковедческих экспертиз в нашей стране. Проводя детальные исследования почерковедческих объектов, постоянно повышая квалификацию специалистов и анализируя новые схемы мошенничества с подделкой подписей, можно избежать одной из самых серьезных ошибок экспертов – установления неверных фактов. К сожалению, как это часто бывает, достижения научного и технического прогресса нередко применяются не только по назначению, но и в преступных целях.

Уже разрабатываются плоттеры, которые способны имитировать разные уровни давления пишущего прибора при создании подписи или текста. Поэтому для эффективного криминалистического обеспечения борьбы с преступностью важным остается вопрос разработки новых экспертных методик, позволяющих установить факт использования плоттера при технической подделке различных рукописных реквизитов документов, в том числе подписей.

РОЛЬ СЛЕДСТВЕННОГО КОМИТЕТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЗАКОННОСТИ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

А. Р. Ратькова,
студент Юридический факультета
Томского государственного университета
систем управления и радиоэлектроники, г. Томск.
Научный руководитель: старший преподаватель кафедры информационного,
гражданского права и правового обеспечения
инновационной деятельности К. В. Часовских.

Киберпространство стало неотъемлемой частью нашей жизни, открывая новые горизонты для бизнеса, общения и образования. Однако с ростом цифровых технологий увеличивается и количество преступлений, связанных с ними. В этой связи важную роль в обеспечении законности в киберпространстве играет Следственный комитет Российской Федерации. Цель данного исследования – проанализировать роль Следственного комитета РФ в поддержании правопорядка в цифровой среде.

Актуальность темы обусловлена стремительным развитием технологий и увеличением числа киберпреступлений. В 2024 году на территории Российской Федерации было зарегистрировано 765,4 тысячи киберпреступлений, что на 13,1% больше, чем за аналогичный период 2023 года[2].Следственный комитет РФ активно участвует в расследовании этих дел, и в 2024 году было раскрыто более 24 тыс. преступлений, со-

[1] Иванов Н.А. Компьютерные технологии подделки рукописных почерка и подписей // Нотариальный вестник. 2011. № 4. С. 45–48.

[2] Число киберпреступлений в России [Электронный ресурс]: сайт российского Интернет-портала и аналитического агентства TAdviser.ru. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Число_киберпреступлений_в_России?ysclid=m650azsi1884477933 (Дата обращения: 23.03.2025)

вершённых с применением современных цифровых средств, что на 10% превышает показатели предыдущего года[1].

Так, например, Председатель Следственного комитета Российской Федерации, генерал юстиции Российской Федерации – Бастрыкин А. И. в своей научной статье «Выявление и расследование преступлений, совершённых с использованием информационно-коммуникационных технологий» отметил, что «Работа по пресечению и предупреждению таких преступлений в Следственном комитете РФ носит системный, комплексный характер, а ее успех во многом определяется единством подходов в структурном взаимодействии как органов, осуществляющих предварительное расследование, так и государственных органов, обеспечивающих контроль за деятельностью в сфере информационных систем»[2].

Следственный комитет РФ осуществляет расследование преступлений, связанных с использованием информационных технологий, таких как хакерские атаки, кража данных и интернет-мошенничество. В процессе расследования СК РФ активно привлекает экспертов в области информационных технологий, что позволяет более эффективно выявлять и предотвращать преступные действия. Сбор и анализ доказательств являются важными аспектами его работы: комитет проводит комплексные экспертизы, включая компьютерные и цифровые, для получения необходимых улик для уголовного преследования.

Проанализировав информацию, представленную на сайте Следственного комитета РФ, можно сделать вывод, что ключевыми направлениями его работы в сфере кибербезопасности являются:

1. Эффективное выявление и раскрытие преступлений, связанных с использованием информационных технологий;
2. Проведение образовательных программ для граждан, направленных на повышение их осведомленности о киберугрозах и методах защиты;
3. Взаимодействие с другими правоохранительными органами и частным сектором для обмена информацией и координации действий.
4. Внедрение современных технологий для анализа данных и повышения эффективности расследований.

В расследовании преступлений, связанных с использованием ИКТ Следственный комитет РФ взаимодействует с другими правоохранительными органами. Он сотрудничает с МВД, ФСБ, ФСИН и другими структурами, что обеспечивает обмен информацией и координацию действий в борьбе с киберпреступностью[3].

Следственный комитет РФ активно работает и над сотрудничеством с частным сектором, включая компании, занимающиеся кибербезопасностью[4]. Это сотрудниче-

---

[1] Председатель СК России провел заседание коллегии по итогам работы ведомства в 2024 году [Электронный ресурс]: официальный сайт Следственного комитета Российской Федерации URL: https://sledcom.ru/news/item/1951309/ (Дата обращения: 23.03.2025)

[2] Бастрыкин А.И. Выявление и расследование преступлений, совершенных с использованием информационно-коммуникационных технологий // Вестник российской правовой академии. 2022. № 4. С. 88–94.

[3] СК: для решения проблемы «слива» баз данных в Сеть нужен новый законодательный подход [Электронный ресурс]: сайт государственного информационного агентства ТАСС. URL: https://tass.ru/interviews/10461383 (Дата обращения: 05.04.2025); Гайдин А.И. Особенности взаимодействия следователя с должностными лицами правоохранительных органов при расследовании преступлений в сфере информационно-телекоммуникационных технологий // Вестник Воронежского института МВД России. 2020. № 3. С. 177–183.

[4] Следственный комитет России откажется от зарубежных ИТ [Электронный ресурс]: интернет-издание CNews. URL: https://safe.cnews.ru/news/top/2022-12-26_sledkom_poshel_vojnoj_na_it-prestupnikov (Дата обращения: 05.04.2025); СКР планирует создать единую базу данных для борьбы с киберпреступлениями [Электронный ресурс]: сетевое издание «Информационное агентство «Финмаркет». URL: https://www.finmarket.ru/?ysclid=ma0k4tolh175223411 (Дата обращения: 05.04.2025)

ство становится особенно важным в условиях быстро меняющегося цифрового мира, где новые угрозы возникают практически ежедневно. Обмен информацией о последних киберугрозах, методах защиты и лучших практиках позволяет как правоохранительным органам, так и бизнесу более эффективно реагировать на потенциальные атаки. В рамках этого сотрудничества проводятся совместные тренинги и семинары, на которых специалисты из разных областей могут делиться опытом и знаниями. Такие мероприятия способствуют созданию единого информационного поля, где участники могут оперативно реагировать на новые вызовы. Например, при возникновении новых вредоносных программ или уязвимостей в системах, информация об этом может быть быстро распространена среди всех заинтересованных сторон, что позволяет минимизировать потенциальный ущерб.

Тем не менее, работа Следственного комитета РФ в киберпространстве сталкивается с рядом проблем и вызовов. Быстрое развитие технологий создает сложности в расследовании киберпреступлений, требуя от следователей постоянного обучения и адаптации.

Одной из ключевых задач СК РФ является не только расследование уже совершённых преступлений, но и профилактика киберпреступности. В этом контексте важно проводить образовательные программы для граждан, направленные на повышение их осведомлённости о киберугрозах и методах защиты личной информации. Следственный комитет РФ активно участвует в таких инициативах, организуя семинары, лекции и информационные кампании, которые помогают людям лучше понимать риски и способы защиты в цифровом пространстве[1].

Также стоит отметить, что Следственный комитет РФ работает над улучшением своих внутренних процессов, внедряя современные технологии и инструменты для анализа данных. Это включает использование искусственного интеллекта и машинного обучения для выявления аномалий и подозрительных действий в сети, что может значительно повысить эффективность расследований.

В борьбе с кибермошенничеством Следственный Комитет РФ руководствуется Уголовным кодексом Российской Федерации (раздел VIII УК РФ «Преступления в сфере экономики»), Федеральным законом от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», Федеральным законом от 26.07.2017 № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации». При расследовании таких преступлений также учитываются постановления Правительства РФ, например, от 27.08.2005 № 538, от 31.12.2021 № 2606 и № 2607.

В рамках исследования было проведено интервью с действующим работником Следственного комитета РФ, стаж которого составляет более 20 лет. Так, в ходе опроса удалось узнать, что самыми распространёнными статьями, совершёнными с помощью информационных технологий, являются 132, 205.2, 207, 242.2 и 282 УК РФ:

- Статья 132 УК РФ – насильственные действия сексуального характера, что также включает в себя распространение порнографических материалов среди несовершеннолетних.
- Статья 205.2 УК РФ – публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, которые могут распространяться через социальные сети и мессенджеры.
- Статья 207 УК РФ – заведомо ложное сообщение об акте терроризма, что также может быть связано с использованием интернет-платформ для дезинформации и паники.

[1] Интервью Председателя СК России «Российской газете» [Электронный ресурс]: платформа «Яндекс. Дзен». URL: https://dzen.ru/a/Y8EGEkCsFh11zTpo (Дата обращения: 07.04.2025)

- Статья 242 УК РФ – незаконный оборот порнографических материалов. Так, например, не редкими являются случаи, когда мужчины отправляют снимки порнографического материала несовершеннолетним детям.
- Статья 242.2 УК РФ – использование несовершеннолетнего в целях изготовления порнографических материалов или предметов, что является серьезной угрозой для общества.
- Статья 282 УК РФ – возбуждение ненависти либо вражды, что может происходить через различные онлайн-каналы.

Также одной из наиболее тревожных тенденций является использование информационно-телекоммуникационных сетей для распространения наркотиков[1]. Продавцы наркотиков активно используют мессенджеры для привлечения клиентов и организации продаж. Они создают закрытые группы и каналы, где рекламируют свои «услуги», часто прибегая к хитроумным схемам, чтобы скрыть свою деятельность от правоохранительных органов. Это создает дополнительные сложности для следственных органов, так как такие действия могут происходить анонимно и на больших расстояниях.

Кражи, осуществляемые через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, также занимают значительное место в статистике киберпреступлений[2]. Мошенники используют различные схемы, включая фишинг, где они обманывают пользователей, заставляя их раскрывать личные данные, и интернет-аукционы, где жертвы могут потерять свои деньги, не получив обещанный товар. В результате такие схемы становятся всё более изощрёнными, и злоумышленники находят новые способы обмана граждан.

Тем не менее, работники Следственного комитета РФ активно работают над противодействием этим угрозам. Как отметил один из следователей: «На каждое действие мошенников мы ищем противодействие». Это включает в себя постоянное обучение сотрудников, внедрение новых технологий и методов расследования. Например, использование программного обеспечения для анализа больших данных и выявления аномальных паттернов поведения в сети позволяет следователям быстрее реагировать на возникающие угрозы.

Проведя опрос среди граждан Томской и Кемеровской областей (в опросе приняло участие 30 респондентов в возрасте от 19 до 70 лет), можно прийти к выводу, что уровень осведомленности граждан о кибербезопасности достаточно высок.

На вопрос «Как Вы понимаете, что такое киберпреступление?» были получены следующие ответы: совершение преступления с помощью информационных технологий; незаконное использование персональных данных граждан с целью завладения их финансовыми или материальными ценностями; мошенничество в айти-сфере; кража разного рода информации посредством информационно-телекоммуникационной сети интернет.

На вопрос «Что вы знаете о киберпреступлениях, совершенных в Вашем регионе за последние три года от официальных властей?» респонденты из Кемеровской и Том-

[1] В России растет наркоторговля в интернете [Электронный ресурс]: официальное еженедельное издание Федерального Собрания «Парламентская газета». URL: https://www.pnp.ru/social/v-rossii-rastet-narkotorgovlya-v-internete.html?ysclid=m9u7zu2nk257517816 (Дата обращения: 07.04.2025); Голикова Л.Н. Проблема наркотизации общества посредством сети Интернет // Закон и право. 2021. № 11. С. 98–100. [Электронный ресурс]: научная электронная библиотека КиберЛенинка. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/problema-narkotizatsii-obschestva-posredstvom-seti-internet?ysclid=m9u80szraq743732733 (Дата обращения: 07.04.2025)

[2] ЦБ зафиксировал рекордную сумму хищений у банковских клиентов в 2024 году [Электронный ресурс]: официальный сайт информационного агентства «РБК». URL: https://www.rbc.ru/finances/18/02/2025/67b489749a794780d1527516?ysclid=m9u83wwfcf191430892 (Дата обращения: 07.04.2025)

ской областей дали следующие ответы: официальные власти в лице работников Следственного комитета регулярно предупреждают о мошенничестве в социальных сетях; достаточно много киберпреступлений было предотвращено правоохранительными органами; на регулярной основе в СМИ выступают представители правоохранительных органов с предупреждением, разъяснением, что является важным для понимания данного вида преступлений в целом.

Исходя из анализа полученных данных, можно отметить, что граждане имеют представление о киберпространстве и осознают его риски, что является не только результатом разносторонности человека, но и результатом просветительской работы сотрудников СК РФ. Важно отметить, что высокая осведомленность граждан о киберпреступлениях может значительно снизить вероятность того, что они станут жертвами мошенников.

Таким образом, Следственный комитет Российской Федерации играет важную роль в обеспечении безопасности в киберпространстве, сочетая расследование преступлений с профилактической работой и активным сотрудничеством с другими органами власти. Несмотря на существующие вызовы, работа СК РФ направлена на защиту граждан и укрепление правопорядка в условиях стремительного развития технологий.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ «ЭМОДЗИ» (ПО МАТЕРИАЛАМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ)

В. М. Черепанов,
студент Юридического института
Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.
Научный руководитель: старший преподаватель
кафедры уголовного процесса и криминалистики Р. Г. Драпезо.

Несмотря на то что «эмодзи» получили свое распространение уже в начале 2000-х, первая зарубежная судебная практика[1], касающаяся «эмодзи» появилась в американских судебных материалах в 2004 году по делу о преступлении сексуального характера. Отечественная судебная система столкнулась с данной практикой совсем недавно. На официальном портале «Судебные и нормативные акты РФ», первые судебные дела (если использовать контекст поиска: «уголовные дела», «эмодзи», «эмоджи», «эмотикон» «смайл»), появились примерно в 2016 году. В настоящий момент количество подобных дел насчитывается в районе 30-ти.

Правоохранительные органы также оказались не готовы к тому, что преступники в качестве средств конспирации своих действий начнут применять «эмодзи». Даже спустя 9-ть лет, с первого судебного дела, правовые и криминалистические средства интерпретации и способы документирования (в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий) «эмодзи» остаются по-прежнему малоизученными. Все это подводит научное сообщество к необходимости разработки новых методик лингвистического анализа, правовой интерпретации, криминалистической фиксации и оперативно-розыскного документирования «эмодзи» в информационно-телекоммуникационном пространстве.

Нами выдвинута гипотеза: «эмодзи», как графические языковые идеограммы, обладают значительным криминалистическим потенциалом и могут быть использованы правоохранительными органами в качестве сведений, которые впоследствии могут приобрести процессуальный статус доказательства по уголовному делу. Также по-

[1] Портал «Право RU». URL-адрес: https://pravo.ru/story/242042/ (дата обращения: 10.03.2025).

лагаем, что результаты изучения зарубежной судебной практики дополнят нашу гипотезу.

Немецкий правовед Маттиас Пендл – в своей книге «Эмодзи в (частном) праве» (Emojis im (Privat-)Recht), выделяет два этапа использования правовой герменевтики при толковании «эмодзи». Первый этап толкования связан с непосредственной идентификацией акта сообщения и соответствующего контекста. Второй этап завязан на интерпретаторе, который должен разобраться со значением соответствующего утверждения. В свою очередь второй этап может быть разбит на два подэтапа: а) установление общераспространенной интерпретации «эмодзи»; б) интерпретация «эмодзи» уже с учетом контекста предложения (сообщения), используя при этом специальные словари или бюллетени.

Технические нюансы, связанные с разницей в дизайне «эмодзи», приводят нас к двум тезисам: 1) специалистом должно быть установлено, какое изображение «эмодзи», используется на стороне отправителя, и какое на стороне получателя. Только так он может быть уверен, что у него есть правильный отправной пункт для процесса толкования; 2) суды, при рассмотрении уголовных дел, в которых в качестве доказательств присутствовала электронная переписка между отдельными лицами, должны иметь изображение того «эмодзи», которое использовались в электронных сообщениях[1]. То есть «эмодзи» без их дополнительных вариаций. С наших позиций, это позволит судам и другим субъектам доказывания устанавливать исходное (смысловое) значение отправляемого сообщения, без искажения первоначальной задумки отправителя.

При этом под дизайном (вариацией) «эмодзи» понимается то, что в зависимости от разных обстоятельств, одно и то же «эмодзи» у разных пользователей может внешне отличаться. На итоговый дизайн «эмодзи» влияет сразу несколько факторов. В первую очередь, «эмодзи» отличаются в зависимости от платформы (устройства, операционной системы, программного обеспечения). Одни и те же «эмодзи» могут внешне отличаться на различных устройствах с разными программными обеспечениями и в разных программах. Из-за чего контекст переписки или эмоциональный оттенок предложения может отличаться у отправителя и получателя сообщения.

Также некоторым «эмодзи» издатели программного обеспечения со временем обновляют внешний вид своих «эмодзи». Если устройство получателя устаревшее, то «новые» «эмодзи» могут им вообще не поддерживаться и вместо отправленного «эмодзи» получатель сообщения может увидеть: 1) набор символов; 2) символ в виде пустого квадрата «□» (либо такой же квадрат, но перечеркнутый внутри); 3) аналог «эмодзи» состоящий из нескольких других «эмодзи»; 4) пользователь вообще не увидит «эмодзи».

Стоит учитывать и социально-культурный фактор. В разных народах, странах и социальных группах смысловое содержание одного и того же «эмодзи» или их набора может кардинально отличаться.

Например, «эмодзи» «ОК» в России, Великобритании, Австралии, США и Канаде – это позитивный жест; В Тунисе и Франции выражает наоборот, неблагоприятный жест. В Японии это символ денег. В Бразилии этот жест означает часть тела, на котором мы сидим. В Сирии - это ругательство. В Турции, Венесуэле, Греции означает нетрадиционную сексуальную ориентацию человека.

В контексте интерпретации «эмодзи», на основе изученной отечественной судебной практики, можно заключить, что, как правило, «эмодзи» применяются преступниками как средство сокрытия криминального замысла по преступлениям: а) в сфере экономики (п. «в» ч. 7 ст. 204 УК РФ, ч. 3 ст. 159 УК РФ, ч. 4 ст. 159 УК РФ); б) связанных с незаконным оборотом наркотиков (ч. 1 ст. 228, п. «г» ч. 3 ст. 228.1, п. «а», «б» ч. 4 ст.

[1] Будылин С.Л. «Большой палец вверх» - акцепт или оскорбление? Эмодзи, семиотика и право // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 8. С. 68 - 97.

228.1 УК РФ) и, в) против половой неприкосновенности (ч. 1 и ч. 2 ст. 135 УК РФ). Это может свидетельствовать о том, что механизм реализации объективной стороны этих преступлений поддается конспирации по сравнению с другими преступления.

В зарубежной практике отдельный интерес представляет подготовленный в 2020 году американскими спецслужбами бюллетень «Использование «эмодзи» преступниками и экстремистами» («Criminal And Violent Extremist Use Of Emojis»)[1]. Он был предназначен для поддержки федеральных, государственных и местных правительственных учреждений и органов власти и других организаций в разработке и определении приоритетов защитных и вспомогательных мер, связанных с существующей или возникающей угрозой внутренней безопасности.

Из бюллетеня можно узнать, что в определенных кругах «эмодзи» в виде кленового листа – обозначает любой наркотик (в независимости от его типа). «Снежинками» или «снеговиком», как правило, обозначают кокаин, «эмодзи» в виде дерева или брокколи – марихуану, «ракетой» обозначают любой сильнодействующий препарат, тогда как «сердце с молнией» указывает на «экстази».

Данным вопросом также занимался и Программный офис УНП ООН в Восточной Европе, который провел совместный с Благотворительным фондом «Гуманитарное действие» семинар. Целью семинара стало обсуждение темы использования «эмодзи» в сети «Интернет» среди лиц, употребляющих наркотики[2].

В документах семинара было описано, что такое «эмодзи», где и как их можно использовать при распространении наркотиков. Было отмечено, что фактическое разнообразие «эмодзи» неизвестно поскольку разные регионы используют разные «эмодзи» на разных социальных платформах. В связи с этим крайне важно обмениваться данными, которые доступны в каждой стране, чтобы быть информированными и готовыми к решению инновационных вопросов коммуникации, связанных с употреблением и распространением наркотиков.

Интересно отметить, что в документах семинара «эмодзи» в виде ракеты означает «дилера», «эмодзи» брокколи обозначают бошки (цветы конопли), а кленовым листом обозначался «Spice» (курительная смесь). Ни российское научное сообщество, ни отечественные спецслужбы не касались данного вопроса. В этом контексте зарубежная литература более разнообразная и обширная, как и законодательство и судебная практика.

Таким образом, криминалистическое значение «эмодзи» по результатам проведенного нами исследования состоит в следующем: 1) «эмодзи» как графическая языковая идеограмма является важным элементом поликодового текста, то есть текста, в котором имеются несколько разных знаковых систем - в данном случае, слова и «картинки». При такой форме коммуникации каждый знак считывается, и интерпретируется получателем сообщения, так как за ним закреплено определенное содержание; 2) «эмодзи» выступают в качестве объекта экспертного исследования на стадии предварительного расследования и в суде. При этом в зависимости от графической и лингвистической сложности электронного сообщения, субъектами доказывания могут быть назначены и комплексные экспертизы; 3) в суде «эмодзи» используются в качестве сведений, которые наравне с другими сведениями, подтверждают факт переписки между отдельными лицами. При соблюдении уголовно-процессуальной формы, «эмодзи» также могут иметь доказательственное значение по уголовному делу. К примеру, 17 апреля 2019 г. Петроградским районным судом г. Санкт-Петербург по делу №

[1] Criminal And Violent Extremist Use Of Emojis. 2020. https://archive.org/details/cfix-sdlecc-siac-jib-criminal-and-violent-extremist-use-of-emojis/mode/2up.

[2] Портал Программного офиса УНП ООН. URL-адрес: https://www.unodc.org/unodc/en/hiv-aids/new/stories/emoji-workshop--online communication-among-people-who-use-drugs.html

1-86/2019[1] был вынесен приговор, в котором электронная переписка приложения «WhatsApp», содержащая исходное сообщение в виде «эмодзи» «Нос» с ответным сообщением от другого отправителя в виде «эмотикона» - «)» была приобщена к качестве доказательства вины подсудимого Ф. в совершении им преступления, предусмотренного ч.1 ст. 228 УК РФ; 4) обязательное участие специалистов-лингвистов, психологов и т.п. для процедуры интерпретирования «эмодзи» в контексте предложения.

Все это в итоге должно привести к созданию словаря правовых значений «эмодзи» в формате единой централизованной электронной базы данных. Создание такого словаря, с наших позиций, должно проводиться (с учетом зарубежной практики) по трем направлениям: 1) создание отдельного словарь для следователей; 2) создание отдельного словаря для оперативных сотрудников и, 3) для экспертов. Формат электронной автоматизированной базы данных позволит правоохранительным органам оперативно корректировать, и дополнять смысловое содержание «эмодзи», а также вводить новые «эмодзи» и их сочетание.

Такие словари (бюллетени) для следователей, оперативных сотрудников, экспертов, с наших позиций, должны содержать:

1) само изображение «эмодзи» и его официальное название;

2) изображение «эмодзи» на других платформах и программных средствах;

3) наиболее популярные интерпретации «эмодзи», используемые в обычной жизни;

4) интерпретации «эмодзи», используемые в преступном мире, которые были зафиксированы сотрудниками правоохранительных органов.

МЕТОДЫ УСТАНОВЛЕНИЯ ПОДЛИННОСТИ ДОКУМЕНТОВ В КРИМИНАЛИСТИКЕ: ОТ ТРАДИЦИОННЫХ ДО СОВРЕМЕННЫХ

А. В. Шкаликова, М. Д. Митрофанов,
студенты Юридического института
Иркутского государственного университета, г. Иркутск.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент,
доцент кафедры судебного права Е. В. Шишмарёва.

Методы установления подлинности документов в криминалистике имеют глубокую историческую основу. В период древнего мира существовали способы защиты документов от подделки, которые в модифицированном и более усовершенствованном виде используются в современности.

В Древнем Египте применялись каменные и металлические печати с уникальными резными изображениями. Они прикладывались к свиткам из папируса, при этом использовалась глина или воск, любая попытка вскрыть такой оттиск оставляла заметные повреждения. Подобную меру можно считать прообразом современных методов и способов выявления признаков вмешательства в документ[2].

Месопотамская цивилизация разработала систему защиты клинописных табличек путем помещения их в глиняные конверты с дублированием текста на внешней

[1] Приговор Петроградского районного суда (г. Санкт-Петербург) № 1-86/2019 от 17 апреля 2019 г. по делу № 1-86/2019. Официальный портал «Судебные и нормативные акты РФ». URL-адрес: https://sudact.ru/regular/doc/3tvspcJBylmL/ (дата обращения: 25.04.2025).

[2] Струве В.В. История Древнего Востока. - Л.: ОГИЗ, 1941. С. 89-92.

поверхности[1]. При возникновении споров это позволяло сравнивать внутренний и внешний тексты на табличке, выявляя возможные расхождения.

В период античности методы защиты документов значительно усложнились – в государствах Древней Греции и в древнем Риме широко применялись свинцовые и восковые печати, а также специальные техники нанесения текста, затруднявшие подделку. Например, римские нотариусы использовали так называемые «табулы» – деревянные дощечки, покрытые воском[2]. На них текст процарапывался стилусом, после чего дощечки складывались пополам и связывались шнуром, который в дальнейшем закреплялся специальной свидетельской печатью. При этом любая попытка осуществить вскрытие подобного документа разрушала печати, что сразу указывало на факт вмешательства.

В Византии для защиты важных императорских указов и эдиктов применялись пурпурные чернила и золотые печати (буллы). Доступ к ним имел лишь ограниченный круг лиц, что обеспечивало дополнительный уровень защиты[3].

В Средние века в Европе подлинность документов обеспечивалась сложной системой гербов, печатей и подписей. Королевские указы и грамоты заверялись свинцовыми или восковыми печатями с изображением герба, а текст указов, в свою очередь, писался на пергаменте – специально, дорогом и сложно создаваемом материале, который было крайне трудно незаметно изменить из-за его прочности и структуры. Также для предотвращения подделки использовались специальные знаки – «сигнатуры», которые наносились особым способом и служили аналогом современных защитных элементов. В монастырях, где велись хроники, применялись «хризографы» – документы, написанные при помощи золотых или серебряных чернилами, что делало их подделку экономически невыгодной[4].

На Руси методы защиты документов также имели свои особенности. Важнейшие государственные акты - княжеские грамоты, писались на пергаменте и заверялись специальными металлическими печатями (например, вислыми печатями, прикрепленными к документу на шнуре)[5]. В XV-XVII веках появились «скрепы» – подписи дьяков и подьячих, служившие в качестве специального индикатора подлинности документа. Текст мог содержать «тайные пометы» – скрытые метки, известные только ограниченному кругу лиц, а при императоре Петре I в России начала активно использоваться и применяться гербовая бумага с водяными знаками – это стало прообразом современных способов защиты документов от подделки[6].

С развитием промышленных технологий и распространением бумажных денег в XVIII-XIX веках методы подделки стали усложняться, что потребовало новых подходов к проведению экспертизы. В это время появились первые научные труды по криминалистическому исследованию документов, а в судебной практике стали применяться химические и микроскопические методы анализа.

В XX веке с появлением новых технологий, таких, например, как ксерокопирование, и цифровая обработка изображений компьютерная печать, методы подделки документов достигли высокого уровня, что потребовало ответного развития криминалистических методик. Сегодня, наряду с традиционными способами и методами (анализом бумаги, чернил и печатей), используются спектроскопия, ультрафиолетовое и инфракрасное сканирование, цифровая экспертиза. В последнее время широкие возмож-

[1] Дьяконов И.М. Общественный и государственный строй Древнего Двуречья. - М.: Изд-во восточной литературы, 1959. С. 67-71.

[2] Ковалев С.И. История Рима. - Л.: Изд-во ЛГУ, 1986. С. 234-237.

[3] Липшиц Е.Э. Очерки истории византийского общества. - Л.: Изд-во АН СССР, 1961. С. 56-58.

[4] Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. - М.: Прогресс, 1992. С. 134-136.

[5] Янин В.Л. Актовые печати Древней Руси X-XV вв. Т. 1-2. - М.: Наука, 1970. Т. 1. С. 45-48.

[6] Каштанов С.М. Русская дипломатика. - М.: Высшая школа, 1988. С. 112-115.

ности и перспективы в распознавании малейших признаков фальсификации открывается благодаря искусственному интеллекту.

В современной криминалистике установление подлинности документов играет одну из ключевых ролей в раскрытии и расследовании преступлений, поскольку документы зачастую выступают в качестве вещественных доказательств, которые способны подтвердить или опровергнуть факты, которые имеют ключевое значение для уголовного дела. Подлинность документа означает его соответствие существующему в реальности состоянию, отсутствие признаков подделки или искажения информации, что регламентируется статьями УПК РФ. Так доказательства подлежат оценке с точки зрения их относимости, допустимости, достоверности и достаточности.

В системе уголовного судопроизводства Российской Федерации документы занимают особое положение в качестве доказательства, что закреплено в статье 74 УПК РФ, где они указаны в числе допустимых средств осуществления доказывания наряду со свидетельскими, вещественными доказательствами и заключениями экспертов.

Подлинность документа является обязательным условием для приобщения к материалам уголовного дела в соответствии с требованиями статьи 84 УПК РФ, которая специально создана для регулирования вопросов использования и применения документов в качестве доказательств.

Процесс установления подлинности документов в криминалистике представляет собой сложный поэтапный механизм, сочетающий традиционные методы экспертного исследования с современными технологическими подходами и методами. Особое значение имеет соблюдение процессуальной формы проведения таких исследований, что регламентируется главой 27 УПК РФ, определяющей порядок назначения и производства судебной экспертизы.

Традиционные методы криминалистического исследования документов, применяемые в современной следственной и экспертной практике на протяжении десятилетий, остаются фундаментальной основой для выявления подделок и составляют основу методики работы экспертно-криминалистических подразделений МВД России. Данные методы установления подлинности документов основаны на физическом и химическом анализе соответствующих документов.

Одним из основных способов выявления является визуальный осмотр, который позволяет установить явные признаки подделки, такие как следы подчистки, травления, дописки, или замены элементов текста. Визуальный осмотр часто дополняется использованием увеличительных приборов (лупы и микроскопы), что позволяет детально изучить структуру краски, бумаги, штрихов и печатных элементов. Например, при исследовании подписи эксперт обращает внимание на плавность линий, равномерность нажима, и наличие признаков копирования, что может свидетельствовать о фальсификации. Визуальный осмотр документа, который является первичным и обязательным этапом исследования, проводится с соблюдением правил и требований, установленных в статье 176 УПК РФ о порядке производства следственных действий. Особое внимание уделяется обеспечению сохранности документа как вещественного доказательства.

Важным аспектом традиционного анализа является изучение материалов документа, включающего изучение чернил, бумаги, применяемых красителей и защитных элементов. Бумага может быть исследована на предмет соответствия заявленному времени изготовления, поскольку её состав, плотность и наличие водяных знаков могут указывать на подлинность или же на поддельность. Химические методы, такие как тонкослойная спектрофотометрия или хроматография, позволяют определить состав чернил и выявить различия между оригинальными и фрагментами текста, которые были включены в текст.

Следователь или эксперт производит анализ общего вида документа, обращая внимание на признаки возможной подделки: следы механического воздействия (подчистки, травления, дописки), которые могут быть выявлены при осмотре с использованием лупы с различным увеличением несоответствие серийных номеров установленным стандартам, нарушение целостности защитных элементов (голограмм, микропечати, защитных нитей). Особое значение имеет проверка реквизитов документа на соответствие требованиям нормативных актов, например, проверка подлинности печатей и штампов осуществляется с учетом правил, установленных в Приказе Министерства Внутренних Дел России № 776 от 10.11.2017 «Об утверждении Правил изготовления, учета, хранения и уничтожения печатей и штампов», который устанавливает единые требования к их производству и использованию[1].

Помимо визуальных и химических методов, в криминалистике широко применяются технико-криминалистические исследования, которые включает анализ печатных устройств и средств нанесения информации. Так, например, при экспертизе документов, созданных с помощью принтеров или копировальных аппаратов, исследуются индивидуальные особенности печати: неравномерность подачи красителя, дефекты печатающих головок или специфические артефакты, которые возникают или могут возникнуть при копировании.

Физико-химические методы исследования документов, проводимые в рамках судебной экспертизы согласно статье 283 УПК РФ, включают применение специальных технических средств, имеющих различный уровень сложности. Ультрафиолетовые и инфракрасные излучатели позволяют выявить различия в составе красителей, невидимые при обычном освещении, что крайне важно при исследовании документов, которые подверглись частичному изменению содержательной части[2].

В случае с рукописными документами важную роль играет почерковедческая экспертиза, регламентируемая в соответствии с множеством нормативных актов, однако наиболее важные аспекты данной экспертизы регулируются правилами и требованиями Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ. Правила данного закона позволяют установить исполнителя рукописного текста или подписи, выявить факты намеренного подражания чужому стилю письма или искажения почерка[3].

Электронные микроскопы с различной степенью увеличения (от 50 до 10000 крат) используются для обнаружения микрочастиц, которые были оставлены инструментами при подделке, а также для анализа структуры бумажного волокна и особенностей нанесения печатных элементов[4].

Лабораторный анализ бумажной основы с применением химических реактивов позволяет установить факт замены листов или при осуществлении реставрации документа по различиям в плотности, составе волокон, реакции на химические вещества, при всём этом особое внимание уделяется сохранению объекта исследования в соответствии с требованиями статьи 82 УПК РФ о порядке хранения вещественных доказательств.

Подчерковедческая экспертиза, назначаемая в соответствии с требованиями и правилами статьи 195 УПК РФ, представляет собой комплексное исследование руко-

[1] Приказ МВД России от 10.11.2017 № 776 «Об утверждении Правил изготовления, учета, хранения и уничтожения печатей и штампов» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2017. № 48.

[2] Алексеев В.А., Бахтадзе Г.Э., Юран С.И., Усольцев В.П., Перминов А.С. Возможности применения лазеров в криминалистике // Эксперткриминалист. 2019. №3(24).

[3] Федеральный закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.

[4] Коновалов Г. Г., Прокофьева Е. В. Основные вехи формирования и развития микроскопии и её значение в криминалистике // Волгоградская академия МВД Росси. 2018. №2(15).

писных записей и подписей с применением как традиционных методик сравнения, так и использования современных компьютерных технологий[1].

Эксперт анализирует индивидуальные особенности почерка по системе признаков, которая включает в себя: топографию письма (расположение текста на листе, поля, абзацы, интервалы), конструкцию букв (пропорции, наклон, соединения), степень выработанности почерка (автоматизированность движений при письме), характер нажима (сила давления, распределение), что особенно важно при расследовании преступлений, которая связанна с подделкой финансовой документации в соответствие с правилами, установленными в статье 327 УК РФ.

При этом учитываются положения, которые были установлены в Методических рекомендациях по проведению почерковедческих экспертиз, утвержденных Экспертно-криминалистическим центром МВД РФ, которые содержат детальные указания по методике сравнительного исследования[2]. Важным аспектом является установление давности создания документа, для чего применяются методы хроматографического анализа (в частности, применяются такие способы как газовая хроматография, высокоэффективная жидкостная хроматография), позволяющие определить возраст чернил по степени их проникновения в бумажную основу и химическому распаду компонентов. Это имеет решающее значение при расследовании преступлений, связанных с оформлением различного рода документов.[3]

Современные цифровые технологии в значительной мере расширили возможности криминалистического исследования документов, создав новые направления экспертной практики. Спектральный анализ, проводимый с использованием рентгенофлуоресцентных спектрометров последнего поколения, позволяет без разрушения образца определить элементный состав материалов документа с точностью до 0,001%. Этот способ крайне востребован при исследовании многослойных полиграфических изделий (например, банкнот, паспортов или ценных бумаг).

Трехмерное сканирование поверхности документа с разрешением до 1 микрона с последующей компьютерной обработкой данных, включающей в себя, в частности, построение 3D-моделей, анализ профилограмм, выявление микрорельефных изменений, невидимых невооруженным глазом соответствует требованиям статьи 164 УПК РФ о применении технических средств при производстве следственных действий, что позволяет документально фиксировать результаты исследования.

Автоматизированные системы сравнения шрифтов и полиграфических элементов, базирующиеся на нейросетевых алгоритмах глубокого обучения (такие как системы CEDAR-FOX, SAFIS), позволяют с точностью до 99,7% идентифицировать источник печати при расследовании преступлений, связанных с изготовлением поддельных бланков строгой отчетности, что в значительной степени сокращает время проведения экспертизы по сравнению с традиционными методами.

Особую сложность в современной экспертной практике представляет исследование электронных документов, процессуальный статус которых определен и закреплен в статье 84 УПК РФ, устанавливающий равную юридическую силу электронных и бумажных документов при соблюдении определенных условий. Криминалистический анализ подобных документов включает в себя проверку подлинности электронной подписи с использованием специализированного программного обеспечения (например, КриптоПро CSP).

---

[1] Салькова Н.С. Графология как метод исследования почерка // Вестник криминалистики. 2020. № 1 (37).

[2] Методические рекомендации по проведению почерковедческих экспертиз» / Утв. Экспертно-криминалистическим центром МВД России. - М., 2018. 45 с.

[3] Шаповалова Е.Н., Пирогов А.В. Хроматографические методы анализа: учебное пособие. - М.: Издательство МГУ, 2017. 120 с.

В соответствии с требованиями, установленными в Федеральном законе «Об электронной подписи» от 06.04.2011 № 63-ФЗ, электронные документы, подписанные квалифицированной электронной подписью, приравниваются к бумажным аналогам и могут использоваться в качестве доказательств в суде[1]. Исследование метаданных файлов (дата создания, изменения, авторство, история редакций) с применением методов компьютерной криминалистики, анализ содержимого на предмет признаков модификации с использованием hex-редакторов и специализированного ПО для восстановления удаленных данных.[2]

При назначении такой экспертизы важно соблюдать требования статье 283 УПК РФ о праве привлечения следователем специалистов с соответствующими познаниями, а также положения Приказа Следственного комитета РФ № 111 от 29.12.2016 «Об утверждении Порядка организации производства судебных экспертиз», который специально регулирует вопросы проведения компьютерно-технических экспертиз[3].

Современные методы исследования документов также включают использование спектрального и рентгеновского анализа, позволяющие изучить состав материалов без их разрушения. Так, например, инфракрасная и ультрафиолетовая спектроскопия помогают выявить скрытые элементы текста, различия в составе чернил следов химического воздействия, а рентгенофлуоресцентный анализ применяется для определения состава элементов, из которых состоит бумага и красители, что особенно актуально при исследовании древних документов или банкнот[4].

Ещё одним перспективным направлением является применение искусственного интеллекта и машинного обучения для автоматизированного анализа документов, позволяющие быстро обрабатывать большие объёмы данных и выявлять аномалии, которые могли бы остаться незамеченными при традиционных методах исследования.

Заключительным этапом установления подлинности документа является оформление экспертного заключения, которое должно соответствовать требованиям статьи 25 Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» от 31.05.2001 № 73-ФЗ. В заключении эксперт обязан указать применяемые методики, полученные результаты и выводы, которые должны быть обоснованы и соответствовать поставленным вопросам.

Процессуальные аспекты использования результатов исследования документов в доказывании регламентированы ст. 88 УПК РФ, устанавливающей правила оценки доказательств, по внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся доказательств.

Судья, прокурор, следователь обязаны учитывать не только заключение эксперта, но и условия, при которых хранился документ (ст. 82 УПК РФ), соблюдение правил его изъятия (ст. 177 УПК РФ), соответствие методики исследования современным научным стандартам, что особенно важно при оценке результатов применения новых технологий исследования.

В судебной практике часто возникают ситуации, когда требуется комплексная экспертиза, сочетающая традиционные и современные методы, что предусмотрено ст. 201 УПК РФ о назначении комиссионных экспертиз с участием специалистов разных профилей.

---

[1] Федеральный закон от 06.04.2011 № 63-ФЗ «Об электронной подписи» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 15. Ст. 2036.

[2] Шевченко Д.Н. Методы цифровой криминалистики и компьютерной форензики для расследования инцидентов информационной безопасности: обзор // Информационная безопасность. 2021. №2(12).

[3] Приказ Следственного комитета РФ от 29.12.2016 № 111 «Об утверждении Порядка организации производства судебных экспертиз» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2017. № 2.

[4] Сирро С.В. Рентгенофлуоресцентный анализ бумаги в экспертном исследовании русского рисунка // Искусствоведение и экспертиза. 2011. №1(18).

Важно отметить, что даже при использовании самых современных методов решающее значение имеет профессионализм и опыт эксперта, поскольку интерпретация данных требует глубоких знаний в области криминалистики, химии, физики и информационных технологий.

Эволюция методов установления подлинности документов в криминалистике отражает общую тенденцию технологического развития судебно-экспертной деятельности, где традиционные методики не заменяются, а дополняются и совершенствуются новыми технологическими решениями. При этом сохраняется значение процессуальных гарантий достоверности экспертных исследований, закрепленных в УПК РФ, включая право сторон на заявление отвода эксперту (статья 70 УПК РФ), назначение повторной экспертизы (статья 207 УПК РФ) и привлечение специалиста (статья 168 УПК РФ).

Совершенствование методик анализа документов способствует повышению эффективности раскрытия преступлений, связанных с подлогом официальных бумаг (статья 292 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ)), фальсификацией доказательств (статья 303 УК РФ) и мошенничеством с использованием поддельных документов (статья 159 УК РФ), что имеет особую актуальность в условиях цифровизации документооборота и расширения сферы применения электронных документов в правоприменительной практике.

Таким образом, методы установления подлинности документов в криминалистике представляют собой комплекс традиционных и современных подходов, направленных на всестороннее исследование документа как вещественного доказательства.

Каждый метод имеет свои преимущества и ограничения, а его применение зависит от конкретных обстоятельств дела. Законодательная база, включающая УПК РФ и федеральные законы, регулирующие судебно-экспертную деятельность, обеспечивает правовую основу для проведения таких исследований и использования их результатов в уголовном судопроизводстве. При этом в условиях роста высокотехнологичных способов подделки документов дальнейшее развитие криминалистических методов остаётся актуальной задачей, требующей внедрения инновационных технологий и постоянного повышения квалификации экспертов.

Перспективы развития криминалистического исследования документов связаны с внедрением технологий искусственного интеллекта для автоматизации процессов анализа, созданием единых федеральных баз данных защитных элементов документов, разработкой новых методов неразрушающего анализа. Это потребует соответствующего совершенствования нормативной базы, включая внесение изменений в УПК РФ и ведомственные нормативные акты, регулирующие производство судебных экспертиз либо же создания нового специализированного законодательства, которое будет еще более детально регулировать множество аспектов применения данных технологий в современной криминалистической практике.

Особое значение также приобретает международное сотрудничество в области стандартизации методов исследования документов, учитывая тенденцию к приобретению транснационального характера многими преступлениями, связанными с подделкой различного рода документации.

ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СОВЕРШАЕМЫЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА: КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Д. С. Шпак,
студент Юридического института
Кемеровского государственного университета, г. Кемерово.
Научный руководитель: к.ю.н., доцент,
заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Ю. Г. Волгин.

Развитие техники, включая цифровую компьютерную наряду с позитивными, к сожалению, имеет и негативные последствия, связанные с использованием научных достижений миром криминала. Уже сегодня преступники могут без каких-либо проблем и препятствий приобрести как программные, так и аппаратные компоненты самых мощных систем искусственного интеллекта, об этом свидетельствует статистика, научные статьи различных ученых и публикации в СМИ (средства массовой информации).

Косвенной характеристикой указывающей на степень распространенности преступлений совершаемых с использованием информационных технологий, в том числе и ИИ, являются следующие статистические данные, так за 2024 год число преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий в сфере компьютерной информации составляет 765 365[1]. Таким образом, свыше 40 % зарегистрированных преступлений совершаются с использованием компьютерной технике или средств, которые оставляют цифровой (компьютерный) след.

К сожалению, в настоящее время мы оперируем только косвенными данными. Для получения объективной информации нам необходима база исследования. Мы считаем необходимым для формирования такой базы ввести обязательный учет преступлений, в которых для реализации своих намерений виновные использовали средства искусственного интеллекта.

Для чего дополнить соответствующие положения Приказа от 29 декабря 2005 года «О едином учете преступлений». В частности, в формах № 1 (реквизит 28) и № 1.1 (реквизит 30) отмечать с использованием специальных кодов факт совершения преступления с использованием систем искусственного интеллекта.

Такой подход позволит иметь представление о степени распространенности данного вида преступлений, и послужит основой их изучения в интересах криминалистики.

Вместе с тем, основываясь на той информации, которая имеется в открытом доступе, а именно:

- публикации в средствах массовой информации;
- научных публикаций;
- имеющихся в открытом доступе материалов судебной практики;

полагаем необходимым указать следующее:

Вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям и благам может причинен:

Во-первых, в случаях, когда лица, совершающие преступления, выступают в роли оператора, целенаправленно использующего искусственный интеллект в качестве орудия для его совершения.

[1] Состояние преступности в России за январь – декабрь 2024 года. – М.: Министерство внутренних дел ФКУ «Главный информационно-аналитический центр», 2025. – С. 7.

Во-вторых, в случаях, когда наступают последствия, определяемые законом как преступные из-за технических ошибок в программно-технических средствах, использующих средства искусственный интеллект.

Более подробно следует остановиться именно на первой группе случаев, когда для совершения преступлений, квалифицируемых по уже включенным в Уголовный кодекс составам (например, мошенничество, клевета, нарушение неприкосновенности жилища, публичное распространение заведомо ложной информации о Вооруженных силах России и других), лицом используются средства искусственного интеллекта.

В публикациях в качестве наиболее распространенных групп преступлений, совершаемых с использованием искусственного интеллекта, указываются следующие:

1. Финансовое мошенничество.
2. Преступления против частной жизни и так называемый кибербуллинг.
3. Дезинформация и пропаганда.
4. Технологический терроризм и экстремизм.
5. Фишинг и спам[1].

Выделяют следующие способы совершения преступления:

1. Кибератаки, которые представляют собой несанкционированный доступ к компьютерной системе с целью кражи, повреждения или уничтожения данных. Злоумышленники используют технологии искусственного интеллекта для усиления и автоматизации кибератак на компьютерные сети, включая взлом систем, распространение вредоносных программ и кражу данных пользователей.

2. Социальная инженерия, включающая:

А) Создание «фейковых новостей». Технологии искусственного интеллекта используются для создания поддельных электронных писем и сайтов, которые выглядят как у настоящих компаний. Преступники используют этот метод для выполнения подготовительных действий к последующему мошенничеству, с целью получения финансовых или личных данных от жертв.

Б) «Deep Fake», представляющие собой изменение лиц с помощью искусственного интеллекта. С использованием доступных практически любому человеку средств возможно поменять лицо на лицо известной личности или на знакомых людей, а также проанализировать видеофрагменты с участием человека и создать поддельное видео, изображение, звуковую дорожку, для шантажирования человека.

Так, к примеру, в период пандемии COVID-19, стало распространено использование «Deep Fake» в преступных целях. Злоумышленники стали использовать данную программу для обмана банковских приложений или взлома смартфонов с установленной защитой Face ID для использования чужой информации в своих целях, а также при взломе мессенджеров «ВКонтакте» или «Телеграмм», преступники отправляют, так называемы кружочки с лицами владельцев данных сетей, с просьбой занять денежные средства[2].

В) Создание вредоносных программ, которые преступниками используют их для кражи личных данных, вымогательства, шантажа, а также для получения доступа к банковским счетам и другой конфиденциальной информации

3. Преступления с использованием беспилотных средств, «домашних» роботов. Так, к примеру, в 2022 году в Москве был зафиксирован случай, когда группа злоумышленников использовала дрон для доставки наркотиков в заранее оговоренное

[1] Темная сторона искусственного интеллекта. – URL: https://blog.elcomsoft.ru/2024/11/tyomnaya-storona-iskusstvennogo-intellekta\ (дата обращения 10.04.2025).

[2] Микулич Д. И. Преступления, совершение которых возможно с использованием технологий ИИ // Law afterknown: право за грань обыденного: материалы III Международного молодежного юридического форума. Тюмень, 2024. – С. 313.

место. По данным МВД России, это стало первой зарегистрированной попыткой использования дронов в таких целях на территории страны.[1]

Также, как было отмечено ранее, возникновения технических ошибок, допущенных создателем технологии искусственного интеллекта, могут привести к негативным последствиям. Можно выделить следующие ситуации, возникновения таких ошибок:

при создании технологий искусственного интеллекта может быть допущена ошибка, приведшая к наступлению преступных последствий;

в систему искусственного интеллекта был осуществлен неправомерный доступ, повлекший повреждение или модификацию его функций, вследствие чего наступают преступные последствия;

система искусственного интеллекта, обладающая способностью к самообучению, приняла решение о совершении действий или бездействия, повлекшее наступление преступных последствий.

Далее уделим внимание технологии «Deep Fake», поскольку они являются становятся в настоящее время достаточно распространенными.

По мнению, специалистов, занимающихся исследованием видео материалов при невозможности распознавания технического вмешательства и монтажа, которые имеют явно выраженные признаки, целесообразно покадрово анализировать подобного рода материалы.

При таком анализе необходимо обращать внимание на следующие признаки «Deep Fake»:

1. Отражения в глазах. В глазах обычно отражаются источники света, который был при съемке. На поддельных фото и видео они могут быть неодинаковы, как будто каждый глаз смотрит на что-то свое.
2. Артикуляция. Рассинхронизация видео со звуком характерна для «Deep Fake». Другая особенность «фальшивок» – лицо в целом малоподвижно, шевелятся только губы.
3. Дыхание. В звукозаписях без видео и при аудио звонках стоит обратить внимание, делает ли собеседник нормальные паузы, чтобы вдохнуть. Если он говорит без этих коротких перерывов – скорее всего, запись поддельная.
4. Сильные различия в резкости изображения. Например, если изображение в целом достаточно резкое, но лицо или некоторые части лица кажутся более размытыми, вероятно это «Deep Fake».
5. Перепады освещенности или тона кожи от кадра к кадру, так называемые «цифровые артефакты» (квадратики (пиксели) или размытость) на границе между лицом человека и остальным кадром[2].

В необходимых случаях для распознания лица, следует использовать приведенный набор характерных признаков, отличающих «Deep Fake» от реальной записи.

Чтобы определить видео, которое было синтезировано, а не снято, необходимо анализировать каждый кард, обращая внимание на неестественные блики объектива, издаваемые звуки не соответствуют движению губ и даже отражения в глазах, поскольку, нейросети не всегда сохраняют картинку на радужной оболочке человека.

[1] Роботы-нарушители: как ИИ оказался на грани преступления. – URL: https://dzen.ru/a/Z66-0janbRLqcxrS (дата обращения 10.04.2025).

[2] Дипфейки. Ужасы искусственного интеллекта. – URL: https://www.secuteck.ru/articles/dipfejki-uzhasy-iskusstvennogo-intellekta (дата обращения 10.04.2025).

Содержание

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА, МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО 3

Головнина В. М. Проблемы реализации взаимной ответственности государства и гражданина 4

Пронина М. А. Дискуссионные вопросы структуры нормы права 8

Сизикова М. А. Формирование правосознания несовершеннолетних в условиях цифровизации 13

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО 16

Ильиных А. С. Право на жизнь в системе конституционных прав человека 16

Полянцев В. А. Модели и правовые средства конституционного контроля: краткий сравнительный обзор 20

Рязанова Н. А. Право на общее образование и проблемы его реализации в Кузбассе на современном этапе 24

Якимова П. А. Конституционные поправки 2020 года в вопросе закрепления общенациональных духовных, нравственных, исторических и культурных ценностей 30

АДМИНИСТРАТИВНОЕ И ФИНАНСОВОЕ ПРАВО 34

Андреев С. А., Ларионов М. Н. Проверка контрагента в налоговом праве 34

Берглезов А. Н. Новеллы проекта Кодекса Российской Федерации об административной ответственности 38

Гончаров И. А., Попов Н. Д. Курортный сбор: российский и международный опыт 41

Дагбаева Д. А. Перспективы налога на профессиональный доход 46

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО 50

Бахаева М. О. Правовые аспекты государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в России 50

Буинова В. П. Проблемы наследования доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью 53

Ипатьев М. А. Реклама: историческое развитие, дефиниция, сравнительные аспекты правовой регламентации рекламы. Перспективы законодательного усовершенствования 57

Климова А. Н. Гражданско-правовая ответственность сторон за неисполнение обязательств по государственным и муниципальным контрактам 60
Лимбах И. В. Гарантии прав потребителей при дистанционном способе продажи 64
Мардоян К. А. Проблемы правового регулирования коттеджных поселков 67
Матыцына С. Н. Особенности проведения закупки в соответствии с ч. 12 ст. 93 Федерального закона «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспеченья государственных и муниципальных нужд» 73
Морозова В. А. Проблема интерпретации судами понятия законного владения источником повышенной опасности 77
Надькина С. А. Обоюдное отступление от условий договора: определение правовой природы 81
Подгорная О. А. Правовая природа договора на выполнение технического обслуживания инженерных систем жизнеобеспечения зданий и сооружений 84
Соловьев Н. А. Действия в обход закона в системе недобросовестного поведения 92
Турова А. Ю. «Contra proferentem» как метод толкования договора 99
Черепанов В. М. Проблемы законодательного определения понятия «семья» 102
Шевченко А. А. Приобретение права собственности после полной выплаты паевого взноса членом потребительского кооператива 105

ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС 108
Жога М. А. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском процессе 108
Задерейчук П. А. Отдельные проблемы применения обеспечительных арбитражном процессе Российской Федерации 114

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО 118
Бицура М. М. Государственное регулирование в сфере охраны окружающей среды 118
Варамеев Н. В. Современное состояние института территориального планирования в контексте Стратегии пространственного развития Российской Федерации 120
Коржов Е. Р., Новгородцев К. В. Изъятие земельных участков для государственных и муниципальных нужд: анализ правовых процедур и проблем 124
Леонова С. С. Восстановление редких видов животных после сокращения из-за браконьерства: способы защиты и развития численности (на примере Приморского края) 127

Локтионов А. А. Экологические права коренных народов в условиях промышленного освоения территорий 130

УГОЛОВНОЕ, УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ 135

Андреев С. А. К вопросу о субъекте и субъективной стороне буллинга как способа доведения лица до самоубийства 135

Берданосова А. А. Незаконная рубка лесных насаждений: проблемы дифференциации уголовной и административной ответственности 138

Гамалей А. Е. Проблемы квалификации деяний, связанных с обращением огнестрельного оружия, его основных частей и боеприпасов к нему 141

Гуммер Р. О. Особенности противодействия преступлениям террористической направленности 145

Даншаев Б. А. Некоторые вопросы законодательного определения пыток в уголовном законе Российской Федерации 148

Иванов М. Д. Организованная группа как квалифицирующий признак угона транспортного средства: проблемы квалификации 152

Ильиных А. С. Ошибки при квалификации преступлений на примере конфликта пунктов «з» и «к» части 2 статьи 105 Уголовного кодекса Российской Федерации 154

Карнаух Д. В. Отграничение ст. 200.3 УК РФ от смежных составов преступлений 161

Куликова А. С. Проблемы квалификации умышленного причинения тяжкого вреда здоровью 164

Останина Т. В. Убийство, сопряженное с другими преступлениями: актуальные вопросы квалификации 168

Селюкова А. А. Криминологический анализ состояния нарушения требований пожарной безопасности 172

Устинова С. Д. К вопросу о возрасте уголовной ответственности несовершеннолетних лиц 176

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС 179

Баитов Р. В. Внедрение блокчейн-технологий в систему уголовного судопроизводства 179

Крапивницкая К. Е. Проблемы реализации статей 185, 186 УПК РФ в условиях современной торговли 183

Ощепков А. В. Целесообразность выбора обвиняемым судебного состава с участием коллегии присяжных заседателей 187
Порфиненко А. С. Заключение под стражу – нарушение презумпции невиновности? 191
Синчук А. Е. Проблемы толкования правила персональной подследственности (п. «в» п. 1 ч. 2 ст. 151 УПК РФ)....195
Щекаева В. А., Павлова С. Э. Институт понятых в условиях цифровизации: вызовы и пути адаптации....200

КРИМИНАЛИСТИКА, ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ПРОКУРОРСКИЙ НАДЗОР И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ.... 205
Аболешева В. В., Рожнева Д. А., Якимова П. А. Рафаил Самуилович Белкин – великий ученый-криминалист 205
Бобкова А. Н. Проблема правовой защиты лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность....207
Лебедев П. А. Некоторые особенности производства по делам о грубых дисциплинарных проступках военнослужащих в современных условиях....211
Мальцева Ю. И., Скребкова В. С. Прокурорский надзор за противодействием киберпреступности в информационно-телекоммуникационной сети Интернет....218
Нецветаева Ю. С. Актуальные тактические проблемы осмотра места происшествия в условиях современности 221
Никонорова С. К. Использование криминалистических методов в гражданском и арбитражном процессе 226
Полежаева С. С., Рошка А. В. Актуальные вопросы криминалистического исследования подписей....229
Ратькова А. Р. Роль Следственного комитета Российской Федерации в обеспечении законности в киберпространстве 232
Черепанов В. М. Криминалистическое значение «эмодзи» (по материалам отечественной и зарубежной судебной практики) 236
Шкаликова А. В., Митрофанов М. Д. Методы установления подлинности документов в криминалистике: от традиционных до современных 239
Шпак Д. С. Преступления, совершаемые с использованием искусственного интеллекта: криминалистические аспекты....246

Научное издание

ПРАВОВОЕ ОБРАЗОВАНИЕ. ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО. СПРАВЕДЛИВОЕ ГОСУДАРСТВО.

XVII (XXIV) Международная научная конференция
студентов и молодых ученых
(26 апреля 2025 года)

Материалы конференции

16 +

Ответственный редактор Е. С. Трезубов

Материалы опубликованы в авторской редакции в соответствии с информационным письмом о конференции.

Подписано к использованию 02.07.2025. Заказ № 85.
Объем 2,65 Мб. Тираж 10 экз.
КемГУ, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6.